

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://solzhenitsynaalexander.ru/> приятного чтения!

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын

«Под моими подошвами всю мою жизнь – земля отечества, только её боль я слышу, только о ней пишу». Солженицын был патриотом подлинным, любовь к России – сквозная любовь его жизни. И когда гонители лишили его родины, швырнули в изгнание – это добавило боли, но не убавило преданности русской судьбе и жажды послужить русскому будущему.

Об этом свободном будущем он не только мечтал, но думал настойчиво, упорно, напряженно, впитывал опыт сокамерников, изучал мысли предшественников, взвешивал достижения иных народов и земель, где пришлось жить. Все его творчество, и уж несомненно вся публицистика так или иначе направлена к этому будущему.

Предлагаемую книгу составляют четыре большие работы Солженицына, пронизанные страстным желанием помочь родине ступить на путь обновления.

«Письмо вождям Советского Союза» (1973) он писал ещё до изгнания, в слабой надежде повлиять на оздоровительный ход на родине, что если отцы этих вождей «были простые русские люди, многие – мужики, то не могут же детки ну совсем, совсем, совсем быть откидывающими? ничего, кроме рвачества, только – себе, а страна – пропади?». – Надежда не оправдалась.

Статья «Как нам обустроить Россию?» (1990) родилась, когда началась Перестройка и остро стоял вопрос: куда и как двигаться? как обустраиваться России после коммунизма? В статье две части, одна написана на горячей кромке момента, другая – спокойный разбор задач предстоящих, «вдвинуть охлаждающие и озадачивающие идеи». Вопросительный знак в названии и огромный даже по тем временам тираж (27 млн!) приглашали, казалось бы, ко всенародному обсуждению путей нашего будущего – и оно началось, но было властно оборвано сверху.

В последнюю зиму перед возвратом на родину Солженицын написал «Русский вопрос...» (1994), где свёл воедино накопленное при долгом изучении русской истории XVII–XIX веков. «Многих горячих патриотов огорчит – а ведь так, было – так», записывает он. Окончание статьи – уже в последней современности («...к концу XX века»).

Вернувшись в Россию в 1994, писатель исколесил 26 губерний, повстречался с тысячами людей, получил сотни писем-стонов, и все собранные впечатления и мысли выстроил в книгу «Россия в обвале» (1998). В ней впервые за долгую жизнь борца можно уловить ноты усталости, горечи и тревоги: «Я не надеюсь, что мои соображения могут в близости помочь выходу из болезненного размыва нашей жизни. Эту книгу я пишу лишь как один из свидетелей и страдателей бесконечно жестокого века России».

В грохоте бурных перемен эти выстраданные работы прочитаны были небрежно, истолкованы поверхностно. Но вот спустя 15, 25, 40 лет их перечитывают, открывают заново, расслышали их удивительную своевременность и современность. И ведь автор это предвидел: «А книги мои, в правильно понятых интересах России, могут понадобиться и много позже, при более глубокой проработке исторического процесса. Проявится какое-то позднее долгодействие, уже после меня».

Наталия Солженицына

Письмо вождям Советского Союза
Написанное ещё до взятия «Архипелага» в КГБ письмо со всеми этими предложениями я отправил по адресу полгода назад. С тех пор на него не было никакого отклика, ответа или движения к ним. В закрытом аппаратном разбирательстве погибло у нас много идей и несомненное этих. Мне ничего не остаётся теперь, как сделать письмо открытым. Газетная кампания против «Архипелага», нежелание признать неопровержимое прошлое могли бы считаться окончательным отказом. Но я и сегодня не могу счесть его бесповоротным. Для раскаяния никогда не бывает слишком поздно, этот путь открыт всему живущему на Земле, всему способному жить.

Это письмо родилось, развилось из единственной мысли: как избежать грозящей нам

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru национальной катастрофы? Могут удивить некоторые практические предложения его. Я готов тотчас и снять их, если кем-нибудь будет выдвинута не критика остроумная, но путь конструктивный, выход лучший и, главное, вполне реальный, с ясными путями. Наша интеллигенция единодушна в представлении о желанном будущем нашей страны (самые широкие свободы), но так же единодушна она и в полном бездействии для этого будущего. Все замороженно ждут, не случится ли что само. Нет, не случится.

Мои предложения были выдвинуты, разумеется, с весьма-весьма малою надеждой, однако же не нолевой. Основание для надежды подаёт хотя бы «хрущёвское чудо» 1955–1956 годов – непредсказанное невероятное чудо роспуска миллионов невинных заключённых, соединённое с оборванными начатками человеческого законодательства (впрочем, в других областях, другою рукой, тут же громоздилось и противоположное). Этот порыв деятельности Хрущёва перехлестнул необходимые ему политические шаги, был несомненным сердечным движением, по сути своей – враждебен коммунистической идеологии, несовместим с нею (отчего так поспешно от него отшатнулись и методически отошли). Запретить себе допущение, что нечто подобное может и повториться, значит полностью захлопнуть надежду на мирную эволюцию нашей страны.

Январь 1974

* * *

Не обнадёжен я, что вы захотите благожелательно вникнуть в соображения, не запрошенные вами по службе, хотя и довольно редкого соотечественника, который не стоит на подчинённой вам лестнице, не может быть вами ни уволен с поста, ни понижен, ни повышен, ни награждён, и, таким образом, весьма вероятно услышать от него мнение искреннее, безо всяких служебных расчётов, – как не бывает даже у лучших экспертов в вашем аппарате. Не обнадёжен, но пытаюсь сказать тут кратко главное: что я считаю спасением и добром для нашего народа, к которому по рождению принадлежите все вы – и я.

Это не оговорка. Я желаю добра всем народам, и чем ближе к нам живут, чем в большей зависимости от нас – тем более горячо. Но преимущественно озабочен я судьбой именно русского и украинского народов, по пословице – где уродился, там и пригодился, а глубже – из-за несравненных страданий, перенесенных нами.

И это письмо я пишу в предположении, что такой же преимущественной заботе подчинены и вы, что вы не чужды своему происхождению, отцам, дедам, прадедам и родным просторам, что вы – не безнациональны. Если я ошибаюсь, то дальнейшее чтение этого письма бесполезно.

Я не стану здесь окунаюсь в тягчайшие подробности последних 60 лет. Как тянется наша история и что́ была она, я пытаюсь выяснить в книгах, о которых не думаю, чтобы вы читали их, может быть никогда и не прочтёте. Но это письмо я обращаю именно к вам: высказать вам моё понимание будущего, которое мне кажется верным, и, может быть, всё-таки, вас убедить. Предложить вам ещё пока своевременный выход из главных опасностей, ждущих нашу страну в ближайшие 10–30 лет.

Эти опасности: война с Китаем и общая с Западной цивилизацией гибель в тесноте и смраде изгаженной Земли.

Запад на коленях

Никакой самый оголтелый патриотический предсказатель не осмелился бы ни после Крымской войны, ни, ближе того, после японской, ни в 1916, ни в 21-м, ни в 31-м, ни в 41-м годах даже заикнуться выстроить такую заносчивую перспективу: что вот уже близится и совсем недалеко время, когда все вместе великие европейские державы перестанут существовать как серьёзная физическая сила; что их руководители будут идти на любые уступки за одну лишь благосклонность руководителей будущей России и даже соревноваться за эту благосклонность, лишь бы только российская пресса перестала их бранить; и что они ослабнут так, не проиграв ни единой войны, что страны, объявившие себя «нейтральными», будут искать всякую возможность угодить и подыграть нам; что вечная грёза о проливах, не осуществляясь, станет, однако, и не нужна – так далеко шагнёт Россия в Средиземное море и в океаны; что только боязнь экономических убытков и лишних административных хлопот будет аргументом против российского распространения на Запад; и даже величайшая заокеанская держава, вышедшая из двух мировых войн

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsyna@alexander.ru могучим победителем, лидером человечества и кормильцем его, вдруг проиграет войну с отдалённой маленькой азиатской страной, проявит внутреннее несогласие и духовную слабость.

Действительно, внешняя политика царской России никогда не имела успехов сколько-нибудь сравнимых. Даже выиграв большую европейскую войну против Наполеона, она никак не расширила своей власти на Восточную Европу. Она бралась подавлять венгерскую революцию – в пользу Габсбургов, обеспечивала прусский тыл в 1866 и 1870, ничего за то не взяв, то есть бескорыстно возвышала германские державы. Напротив, сама спутывалась ими же в балканских и турецких войнах, проигрывала, и при огромных ресурсах и замахах так никогда и не исполнила мечты своих руководящих кругов о проливах, хотя и в последнюю, гибельную для себя войну вступила с этой главной целью. Россия часто оказывалась исполнителем чужих задач, вовсе не своих. Множество промахов её внешней политики происходило от недостатка практического расчёта на верхах, от бюрократической неповоротливой дипломатии, – но отчасти, очевидно, и от некоторой доли идеализма в представлениях руководителей, что мешало им последовательно проводить в жизнь национальный эгоизм.

От всех этих слабостей с начала и до конца освобождена советская дипломатия. Она умеет требовать, добиваться и брать, как никогда не умел царизм. По своим реальным достижениям она могла бы считаться даже блистательной: за 50 лет, при всего одной большой войне, выигранной не с лучшими позициями, чем у других, – возвыситься от разорённой гражданской смуты страны до сверхдержавы, перед которой трепещет мир. Некоторые моменты особенно поражают сгромаждением успехов. Например, конец Второй Мировой войны, когда Сталин, без затруднений всегда переигрывавший Рузвельта, переиграл и Черчилля, взял не только всё, что хотел в Европе и Азии, но даже, вероятно сверх своих ожиданий, легко получил ещё и более миллиона советских граждан, отбивавшихся от возвращения на родину, но преданных западными союзниками обманом и силой. Нисколько не меньше сталинских успехов надо признать успехи советской дипломатии последних лет: Западный мир как единая весомая сила перестал противостоять Советскому Союзу, да даже почти перестает и существовать. Найдя в себе единство, стойкость и мужество для Второй Мировой войны и ещё силы найдя выйти из послевоенной разрухи, Европа, видимо, на том и исчерпалась надолго. Державы-победительницы без всяких внешних причин ослабли и одряхли.

На такой вершине ошеломляющих успехов неохотнее всего воспринимаются чьи-то мнения или сомнения. Сейчас, конечно, самый неудачный момент приступить к вам с советом или увещанием. В момент внешних успехов труднее всего бывает отказаться от дальнейшей накатки их, самоограничиться, перестроиться.

Но тем и отличаются мудрые от немудрых, что они принимают советы и опасливые соображения много ранее крайней необходимости.

Да и в этих успехах далеко не всё есть повод для самовосхищения. Катастрофическое ослабление Западного мира и всей западной цивилизации далеко-далеко не только успех неуклонимой настойчивой советской дипломатии, это главным образом результат исторического, психологического и нравственного кризиса всей той культуры и системы мировоззрения, которая зачалась в эпоху Возрождения и получила высшие формулировки у просветителей XVIII века. Анализ того кризиса – за пределами этого письма.

А ещё в наших успехах можно увидеть – нельзя не увидеть! – два удивительных провала: среди всех успехов мы сами вырастили себе двух лютых врагов, прошлой войны и будущей войны, – германский вермахт и теперь маоцзедуновский Китай. Германскому вермахту в обход Версальского договора мы помогли получить на советских полигонах первые офицерские кадры, первые навыки и теорию современной войны, танковых прорывов и воздушных десантов, что очень пригодилось потом в гитлеровской армии при её сжатых сроках подготовки. А как мы вырастили Мао Цзэ-дуна вместо миролюбивого соседа Чан Кай-ши и помогли ему в атомной гонке – эта история ближе, известнее. (Ещё не так ли и с арабами провалимся?)

И вот что заметим здесь главное, для дальнейшего: провалы эти истекли не из ошибок наших дипломатов, не из просчётов наших генералов, а из точного следования указаниям марксизма-ленинизма: в первом случае – повредить мировому империализму, во втором – поддерживать зарубежное коммунистическое движение. Соображения национальные в обоих случаях отсутствовали.

Я знаю прекрасно, что говорю с крайними реалистами, и не стану пусто взывать: о, призаём хоть немного неудачливого идеализма от старой русской дипломатии! Или: облагодетельствуем мир тем, что перестанем вмешиваться в его жизнь. Или: проверим нравственные основания нашей победной дипломатии – она приносит Советскому Союзу внешнюю мощь, но приносит ли истинное добро его народам?

Я говорю с крайними реалистами, и проще всего назвать ту опасность, которую вы знаете детальнее меня, и давно уже смотрите туда тревожно, и правильно, что тревожно: Китай.

Как бы вы ни торжествовали сейчас, как бы ни возносились, – но приходится помнить и учиться, что во всей мировой истории ещё не бывало (и не будет никогда) такой силы, на которую не нашлось бы противосилы.

По нашей пословице: вырос лес, так выросло и топище.

В данном случае – 900 миллионов топищ.

Война с Китаем

Я надеюсь, вы не повторяете ошибки многих мировых правителей до вас: вы не строите расчётов на победоносный блицкриг. Против нас – почти миллиардная страна, какая не выступала ни в одной войне мировой истории. Её население, очевидно, ещё не успело с 1949 года утратить своего исконного высочайшего трудолюбия – выше нашего сегодняшнего, – своего упорства, покорности и находится в верном захвате тоталитарной системы, нисколько не упустительнее нашей. Её армия и её население не будут с западным благоразумием сдаваться массами ни окружёнными, ни покорёнными. Каждый солдат и каждый гражданский будет сражаться до последней пули и последнего вздоха. Союзника – в той войне не будет у нас, во всяком случае – размера Индии. Оружия ядерного вы, конечно, не примените первые – это было бы совершенно непоправимо со стороны репутации, которой вы не можете пренебречь, да и с практической стороны всё равно не принесло бы быстрой победы. Тем более не применит его противная сторона, более слабая в нём. (Да вообще, к счастью для человечества, оно из простого самосохранения умеет удерживаться на самой последней грани гибели. Так после Первой Мировой войны никто не посмел применить химического оружия, так после Второй, я верю, никто не применит ядерного. Таким образом, всё нынешнее разорительное его сверхнакопление бессмысленно, лишь тешит изобретателей и генералов, оно есть тяжкий жребий тех, кто взялся быть в переднем ряду ядерных держав. Накопление это никогда не пригодится, а к началу конфликта ещё и устареет.)

Война же обыкновенная будет самой длительной и самой кровавой из всех войн человечества. Уж по крайней мере, подобно вьетнамской (с которой будет схожа во многом), она никак не будет короче 10–15 лет и разыграется, кстати, почти по тем нотам, которые написал Амальрик, посланный за это на уничтожение, вместо того чтобы пригласить его в близкие эксперты. Если в Первой Мировой войне Россия потеряла до полутора миллионов человек, а во Второй (по данным Хрущёва) – 20 миллионов, то война с Китаем никак не обойдётся нам дешевле 60 миллионов голов, – и, как всегда в войнах, лучших голов, все лучшие, нравственно высшие, обязательно погибают там. Если говорить о русском народе – будет истреблён последний наш корень, произведётся последнее из истреблений его, начатых в XVII веке уничтожением старообрядцев, потом – Петром, потом – неоднократно, о чём тоже не буду в этом письме, а теперь – уже окончательное. После этой войны русский народ практически перестанет существовать на планете. И уже только это одно будет означать полный проигрыш той войны, независимо от всех остальных её исходов (во многом безрадостных, в том числе и для вашей власти, как вы понимаете). Разрывается сердце: представить, как наша молодёжь и средний возраст пошагает и поколесит погибать в войне, да какой? – идеологической, за что? – главным образом, за мёртвую идеологию. Я думаю, даже и вы не способны взять на себя такую ужасную ответственность!

Щемящее сочувствие вызывают и рядовые китайцы – потому что они будут самыми беспомощными жертвами той войны, они находятся в столь зажатом положении, что не только не могут изменить своей судьбы, не только обсудить её, но даже ушками пошевелить.

Вот это гибельное будущее, по темпам приближения совсем уже недалёкое, ложится бременем на нас сегодняшних, – и на тех, кто имеет власть, и кто силу имеет

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru повлиять, или кто только голос имеет, чтобы произнести: этой войны не должно быть вообще, эта война вообще не должна состояться! Не ставить задачу выиграть ту войну, ибо выиграть её никому не возможно, но – избежать её!

Мне кажется, я такой путь вижу. И потому взялся за это письмо сегодня.

Какие причины клонят к этой войне? Вторая – это динамическое давление миллиардного Китая на до сих пор не освоенные наши сибирские земли – не на ту полосу, о кой идёт спор по старым договорам, но на всю Сибирь, до которой у нас впопыхах великих социальных и даже космических преобразований не дошли руки, – и это давление будет возрастать с ростом общей перенаселённости Земли. Однако первая причина нависающей войны, причина гораздо более острая, главная и безвыходная, – идеологическая. Не удивимся: во всей истории не было войн и междоусобиц лютее, чем вызванные идеологическими (в том числе, увы, и религиозными) разногласиями. Вот уже 15 лет между вами и вождями Китая идёт спор о том, кто вернее понимает, толкует и продолжает Отцов Передового Мировоззрения. И помимо и острее государственного столкновения между нами вырастает это глобальное соперничество, претензия единственно толковать коммунистическое учение и в нём вести именно за собою все народы мира.

И как же вы представляете? – возникнет война, и обе воюющие стороны так и понесут на знамёнах чистоту своей идеологии? И 60 миллионов наших соотечественников дадут себя убить за то, что именно на 533-й странице ленинского тома написана заветная истина, а не на 335-й, как утверждает наш противник? Разве только самые-самые первые лягут так...

Когда началась война с Гитлером, Сталин, так многое пропустивший и погубивший в военной подготовке, этой стороны, идеологической, не упустил. И хотя идеологические основания для той войны казались несомненнее, чем ожидающие вас, – война велась против идеологии, по внешности диаметрально противоположной, – Сталин от первых же дней войны не понадеялся на гниловатую порченную подпорку идеологии, а разумно отбросил её, почти перестал её поминать, развернул же старое русское знамя, отчасти даже православную хоругвь, – и мы победили! (Лишь к концу войны и после победы снова вытащили Передовое Учение из нафталина.)

Так неужели вы думаете, что при столкновении идеологий близких, смежных, расходящихся лишь в оттенках, вам не придётся совершать ту же переориентировку? Но будет – поздно, в военном напряжении – уже очень тяжело.

Насколько же разумнее этот самый предохранительный поворот сделать уже сегодня! Если всё равно для войны его сделать неизбежно, то не разумнее ли сделать его много заблаговременней – чтобы не воевать вообще?!

Отдайте им эту идеологию! Пусть китайские вожди погордятся этим короткое время. И за то взвалют на себя весь мешок неисполнимых международных обязательств, и кряхтят, и тащат, и воспитывают человечество, и оплачивают все несуразные экономики, по миллиону в день одной Кубе, и содержат террористов и партизан южных континентов.

Отпадёт главная лютая рознь между нами и ими, отпадёт множество пунктов нынешнего состязания и столкновения во всём мире, – и военный конфликт отодвинется намного, а может быть – и не состоится вовсе никогда.

Посмотрим непредубеждённо: тёмный вихрь «передовой идеологии» налетел на нас с Запада в конце прошлого века, достаточно потерзал и разорил нашу душу, – и если теперь сам утягивается дальше на Восток – так пусть утягивается, не мешайте! (Не значит, что я хочу духовной гибели Китаю. Я верю, что и наш народ скоро излечится от этой болезни и китайский со временем тоже, – надеюсь, не слишком поздно, чтоб успеть спасти свою страну и оберечь человечество. Но с нас после всего перенесенного хватит пока заботы – как спасти наш народ.)

Отпадёт идеологическая рознь – и советско-китайской войны скорее всего не будет вовсе. А если в отдалённом будущем и будет, то уж действительно оборонительная, действительно отечественная. В конце XX века отдавать сибирскую территорию мы не можем, это несомненно. Но отдать идеологию – только к нашему облегчению и выздоровлению!

Тупик цивилизации

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru
Вторая опасность – многосторонний тупик западной цивилизации, к которой и Россия давно избрала честь принадлежать, – не так близка, ещё в запасе есть два-три десятилетия, и тупик этот мы разделяем со всеми передовыми странами, даже у них заклинено грозней и хуже, чем у нас; и сохраняются надежды на новые научные лазейки и изобретения, оттягивающие расплату. И я не касался бы той опасности в этом письме, если бы решение обеих задач не совпадало бы во многом, если бы один и тот же поворот, единое решение не избавляло бы нас от обеих опасностей! Так благоприятно редко сходится в истории. Эти дары её надо ценить, эти возможности не упускать.

И как это «внезапно» вывалилось перед человечеством и перед Россией!! Наши передовые публицисты и до революции и после – как излюбили высмеивать тех ретроградов (именно в России их было много всегда), кто звал беречь и жалеть нашу старину, даже самые глухие деревушки в три избы, даже просёлочные дороги рядом с железной колеёй, сохранять лошадей уже при автомобилях, не забрасывать малых производств для огромных заводов и комбинатов, не пренебрегать навозными удобрениями для химических, не скопляться миллионами в городах, не карабкаться друг другу на голову в многоэтажных зданиях. И как смеялись, как затравили реакционными «славянофилами» (из посмешища это стало термином, простачки и не придумали себе названия другого), затравили тех, кто говорил, что такой колосс, как Россия, да со многими душевными особенностями и бытовыми традициями, вполне может поискать и свой особый путь в человечестве; и не может быть, чтобы путь развития у всего человечества был только и непременно один.

Нет, мы должны были протаститься всем западным буржуазно-промышленным и марксистским путём, чтобы к концу XX века узнать, опять-таки от передовых западных учёных, то, что искони понимал любой деревенский дед на Украине или в России и мог бы давно-давно растолковать передовым публицистам, если б те в своём запале нашли бы время поконсультироваться с ним: что не может дюжина червей бесконечно изгрызть одно и то же яблоко; что если земной шар ограничен, то ограничены и его пространства и его ресурсы, и не может на нём осуществляться бесконечный, безграничный прогресс, вдолбленный нам в голову мечтателями Просвещения. Нет, мы должны были брести и брести за чьими-то спинами, не зная передела дороги, пока не услышали теперь, как головные перекликаются: забрели в тупик, надо заворачивать. Весь «бесконечный прогресс» оказался безумным напряжённым, нерассчитанным рывком человечества в тупик. Жадная цивилизация «вечного прогресса» захлебнулась и находится при конце.

И не «конвергенция» ждёт нас с западным миром, но – полное обновление и перестройка и Запада, и Востока, потому что оба в тупике.

Всё это сейчас широко опубликовано и разъяснено на Западе трудами «Общества Тейяра де Шардена» и «Римского Клуба». Вот их выводы в самом сжатом виде.

«Прогресс» должен перестать считаться желанной характеристикой общества. «Бесконечность прогресса» есть бредовая мифология. Должна осуществляться не «экономика постоянного развития», но экономика постоянного уровня, стабильная. Экономический рост не только не нужен, но губителен. Надо ставить задачу не увеличения народных богатств, а лишь сохранения их. Надо срочно отказаться от современной технологии гигантизма – и в промышленности, и в сельском хозяйстве, и в расселении (нынешние города – раковые опухоли). Главная цель техники становится сейчас: устранить плачевные результаты предшествующей техники. «Третий мир», ещё не ставший на гибельный путь западной цивилизации, может быть спасён лишь «раздробленной технологией», требующей не сокращения ручного труда, но увеличения его, техники самой простой и основанной только на местных материалах.

Вся безудержность промышленного развития осуществилась не за тысячелетия, не за столетия («от Адама до 1945 года»), а только за последние 28 лет (после 1945). Эта бурность темпа последних лет и является самой опасной для человечества. Указанные группы учёных провели компьютерные расчёты по разным вариантам экономического развития – и все варианты оказались безнадёжны, предвещая катастрофическую гибель человечества между 2020-м и 2070 годами, если оно не откажется от экономического прогресса. В этих расчётах рассматривались 5 главных факторов: население, природные ресурсы, сельскохозяйственное производство, промышленность и загрязнение среды. Если верить существующим сведениям о ресурсах Земли, некоторые из них идут к быстрому концу: через 20 лет окончится вся нефть, через 19 вся медь, через 12 – ртуть, и многие другие близки к концу,

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru очень ограничены энергетические ресурсы и пресная вода. Но даже если последующими разведками запасы окажутся и вдвое, и втрое больше известных ныне, и если вдвое увеличится производительность сельского хозяйства, и подчинена будет человеку ядерная энергия, – во всех случаях в первых десятилетиях XXI века должна наступить массовая гибель населения: если не от остановки производства (конец ресурсов), то от избытка производства (гибель среды), – во всех случаях... Совместно все пять вышеназванных факторов решить оптимально при нынешней ставке на «прогресс» невозможно. Если человечество не откажется от экономического прогресса – биосфера станет непригодной для жизни практически уже при ныне живущих. А чтобы человечество спасти – технология должна быть перестроена к стабильной в ближайшие 20–30 лет, для этого перестройка должна начаться немедленно, сейчас.

Впрочем, наиболее вероятно всё же, что западная цивилизация не погибнет. Она столь динамична, столь изобретательна, что изживёт и этот нависающий кризис, переломает вековые ложные представления и в несколько лет приступит к необходимой перестройке. А «Третий мир» заблаговременно внимет предупреждениям и вообще не пойдёт по западному пути, это ещё очень доступно для большинства африканских, для многих азиатских стран (и никто их не будет за это дразнить «негрофилами»).

Но – мы?? С нашей неповоротливостью, косностью, с нашей неспособностью и робостью менять хоть единую букву, хоть штрих один в том, что сказал Маркс о промышленном развитии к 1848 году. Экономически, физически – мы вполне можем спастись. Но на пути нашего спасения стоит, перегораживает – Единственно Передовое Мировоззрение: если отказаться от промышленного развития, то как же тогда рабочий класс, социализм, коммунизм, безграничный рост производительности труда и т. д.?.. Исправлять Маркса нельзя, это ревизионизм..

Но «ревизионистами» вас всё равно уже кличут, что бы вы впредь ни делали. Так не верней ли – трезво, ответственно и решительно выполнить свой долг – отказаться от мёртвой буквы ради живого народа, целиком зависящего от вашей власти, от ваших решений? И – не промедлять. Зачем нам тянуть, если всё равно потом придётся очнуться? Зачем доделывать, повторять за другими мучительную петлю до конца, пока мы ещё недостаточно в неё впоролись? Если в черед идущих кричит передний «я заблудился!» – надо ли нам непременно дотопывать до того места, где он осознался, и лишь потом заворачивать? А почему бы нам не свернуть на верную дорогу – сразу, от того места, где мы есть?

Мы и так слишком долго и слишком верно шли за западной технологией. Казалось бы, «первая в мире социалистическая страна», которая показывает образец другим народам Запада и Востока, и такая «оригинальная» в следовании некоторым уродливым доктринам – о крестьянстве, о мелком ремесле, – почему же были мы так уныло неоригинальны в технологии, так безмысленно и слепо шли за западной цивилизацией? (А – от военной спешки, а спешка – от необъятных «интернациональных задач», и всё опять – от марксизма...) При центральном плане, которым мы гордимся, уж у нас-то была, кажется, возможность не испортить русской природы, не создавать противочеловеческих многомиллионных скоплений. Мы же сделали всё наоборот: измерзопачостили широкие русские пространства и обезобразили сердце России, дорожку нашу Москву, – какая ошалелая несыновья рука разорвала бульвары, так что нельзя уже ими пройти, не ныряя в унизительные каменные тоннели? какой злой чужой топор вырубил Садовое кольцо, заменил его бензинно-асфальтной отравленной зоной? Изничтожен неповторимый облик города, вся старая планировка, наляпаны подражания Западу вроде Нового Арбата, стиснут, раскинут и возвышен город, в котором жить стало невыносимо, – и что теперь делать? Воссоздать прежнюю Москву на новом месте? – вероятно, невозможно. Значит, примириться с полной утратой её?

Мы бестолково–неоглядно тратили наши ресурсы, истощали нашу почву, безобразили наши просторы то глупейшими «сухопутными морями», то заражёнными околупромышленными пустырями, – но пока ещё гораздо больше сохранилось не испорченного нами, где мы не успели. Так очнёмся вовремя, так повернём с места!

Русский Северо-Восток

И тут есть дополнительная надежда для нас – одна особенность, одна оговорка в рассуждениях вышеназванных учёных. Оговорка эта: высшее богатство народов сейчас составляет земля. Земля как простор для расселения. Земля как объём биосферы. Земля как покров глубинных ресурсов. Земля как почва для плодородия. И хотя о

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsyna@alexander.ru плодородии тоже прогнозы мрачные: земельные пространства в среднем по планете и рост плодородия будут исчерпаны к 2000 году, а если удастся с/х производство удвоить (не колхозам, конечно, не нам), – то к 2030 году всё равно плодородие исчерпается, – это в среднем по планете. Однако есть четыре счастливые страны, обильно богатые неосвоенной землёй ещё и сегодня. Это – Россия (я не оговариваюсь, именно – РСФСР), Австралия, Канада и Бразилия.

И в том – русская надежда на выигрыш времени и выигрыш спасения: на наших широченных северо-восточных земельных просторах, по нашей же неповоротливости четырёх веков ещё не обезображенных нашими ошибками, мы можем заново строить не безумную пожирающую цивилизацию «прогресса», нет, – безболезненно ставить сразу стабильную экономику и соответственно её требованиям и принципам селить там впервые людей. Эти пространства дают нам надежду не погубить Россию в кризисе западной цивилизации. (А по колхозному забросу много потерянных земель и ближе есть.)

Без догматической предвзятости вспомним Столыпина и отдадим ему должное. В 1908 году в Государственной Думе он пророчески сказал: «Земля – это залог нашей силы в будущем, земля – это Россия». И по поводу Амурской железной дороги: «Если мы будем продолжать спать летаргическим сном, то край этот будет пропитан чужими соками, а когда мы проснёмся, может быть, он окажется русским только по названию».

Сегодня, в противостоянии Китаю, эта опасность распространяется едва ли не на всю нашу Сибирь. Две опасности смыкаются, – но от обеих счастливым образом рисуется единый выход: отбросить мёртвую идеологию, которая грозит нам гибелью и на путях войны и на путях экономики, отбросить все её чуждые мировые фантастические задачи, а сосредоточиться на освоении (в принципах стабильной, непрогрессирующей экономики) русского Северо-Востока – северо-востока Европейской нашей части, севера Азиатской и главного массива Сибири.

Не будем греть надежд и не будем подгонять того сотрясения, которое может быть и зреет, может быть и произойдёт в западных странах. Эти надежды могут так же обмануть, как и надежды на Китай в 40-х годах: если на Западе создадутся новые общественные системы, они могут оказаться к нам и жёстче и недружелюбнее нынешних. И оставим арабов их судьбе, у них есть ислам, они разберутся сами. И оставим самой себе Южную Америку, ей никто не грозит внешним завоеванием. И оставим Африку самой узнать, каково начинать самостоятельный путь государственности и цивилизации, лишь пожелаем ей не повторить ошибок «непрерывного прогресса». Полвека мы занимались: мировой революцией; расширением нашего влияния на Восточную Европу; на другие материки; преобразованием сельского хозяйства по идеологическим принципам; уничтожением помешных классов; искоренением христианской религии и нравственности; эффектной бесполезной космической гонкой; само собой – вооружением, себя и других, кто просит оружия; чем угодно, кроме развития и благовождения главного богатства нашей страны – Северо-Востока. Но не предстоит нашему народу жить ни в Космосе, ни в Юго-Восточной Азии, ни в Латинской Америке, а Сибирь и Север – наша надежда и отстойник наш.

Скажут, что мы и там много делали, строили, – но не столько строили, сколько людей губили, как на «мёртвой дороге» Салехард – Игарка, да уж не будем тут все лагерные истории перебирать. Так строить, чтоб затоплять Кругобайкальскую железную дорогу, а обходную бессмысленно гнать горами, сжигая тормоза; так строить, как целлюлозные комбинаты на Байкале и Селенге, поскорей к поживе и к отраве, – так лучше бы и повременить. По темпам века мы сделали на Северо-Востоке очень мало. Но сегодня можно сказать – и к счастью, что так мало: зато теперь можем делать всё разумно с самого начала, по принципам стабильной экономики. Ещё сегодня – к счастью, а в близком завтра уже будет к беде.

И какая ирония: с 1920 года, полвека, мы гордо (и справедливо) отказывались доверить иностранцам разработку наших природных богатств – и это могло выглядеть обещающими национальными чаяниями. Но мы тянули, тянули, но мы теряли, теряли время, и вдруг именно теперь, когда обнажилось истощение мировых энергетических ресурсов, мы, великая промышленная сверхдержава, подобно последней отсталой стране приглашаем иностранцев разрабатывать наши недра и предлагаем им в расплату забирать бесценное наше сокровище – сибирский природный газ, за что через поколения наши дети будут нас проклинать как безответственных мотов. (У нас было бы много других хороших товаров для расплаты, если бы наша

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsyna@alexander.ru
промышленность тоже не была бы построена главным образом на... идеологии. И тут поперёк дороги нашему народу – идеология!)

Я не счёл бы нравственным советовать политику обособленного спасения среди всеобщих затруднений, если бы наш народ в XX веке не пострадал бы, я думаю, больше всех народов мира: помимо двух мировых войн мы потеряли от одних гражданских раздоров и неурядиц, от одного внутреннего «классового», политического и экономического, уничтожения – 66 (шестьдесят шесть) миллионов человек!!! Такой подсчёт произвёл бывший ленинградский профессор статистики И.А. Курганов, вам принесут в любую минуту. Я не ученый статистик, не берусь проверять, да и вся же статистика скрыта у нас, тут расчёт косвенный, но действительно: нет ста миллионов (именно ста, как и предсказывал Достоевский!), на войнах и без войн мы потеряли треть того населения, какое могли бы иметь сейчас, почти половину того, которое имеем! Кто ещё из народов расплачивался такую ценой? После таких потерь мы можем допустить себе и небольшую льготу, как дают больному отдых после тяжкой болезни. Нам надо излечить свои раны, спасти своё национальное тело и свой национальный дух. Достало бы нам наших сил, ума и сердца на устройство нашего собственного дома, где уж нам заниматься всею планетой.

И опять-таки, по счастливому совпадению, весь мир от этого – только выиграет.

Другое нравственное возражение могут выставить – что наш Северо-Восток не вовсе-то русский, что при овладении им был совершён и исторический грех: было уничтожено немало местных жителей (ну да несравненно с нашим недавним самоуничтожением) и потеснены другие. Да, это было, было в XVI веке, но этого исправить уже никаким образом нельзя. С тех пор малолюдными, даже безлюдными, лежат эти раскинутые просторы. По переписи всех народностей Севера – 128 тысяч, они редкой цепочкой разбросаны по огромным пространствам, освоением Севера мы нисколько их не тесним. Напротив, сегодня мы естественно поддерживаем их быт и существование, они не ищут себе обособленной судьбы и не могли бы найти её. Из всех национальных проблем, стоящих перед нашей страной, эта – самая мягкая, её и нет почти.

Итак, наш выход один: чем быстрее, тем спасительнее – перенести центр государственного внимания и центр национальной деятельности (центр расселения, центр поисков молодёжи) с далёких континентов, и даже из Европы, и даже с юга нашей страны – на её Северо-Восток[1].

Развитие внутреннее, а не внешнее

Это перенесение центра внимания и центра усилий конечно не будет иметь только один географический смысл: не только с внешних пространств на внутренние, но и с внешних задач на внутренние. Во всех смыслах: с внешнего на внутреннее. Этого требует от вас истинное, не показное состояние наших людей, наших семей, наших школ, нашего народа, нашего духа, нашего быта, нашего хозяйства.

С конца, с хозяйства. Парадоксально, поверить нельзя: но при таких блестящих успехах во внешней политике, у такой военной-могучей великой державы – такой тупик и даже безнадежность в экономике. Всё, чего мы тут достигли, получено не уменьем, а числом, то есть непомерными затратами людских сил и материалов. Всё создаваемое обходится много дороже, чем оно стоит, но государство разрешает себе не считать расходов. Наше «идеологическое сельское хозяйство» уже стало посмешищем для всего мира, а скоро – при всемирной нехватке продуктов – станет и обузой для него. Во многих местах мира вспыхивает и ещё гуще будет вспыхивать голод из-за перенаселённости, земельной скудости, первичного выхода из колониального состояния, – то есть люди не могут произвести зерна. Мы же не производим достаточно или сотрясаемся от одного засушливого года (а ведь знает история земледелия и по семи подряд?) – всё потому, что не хотим признать свою колхозную ошибку. Веками Россия вывозила хлеб, перед Первой Мировой войной – по 10–12 миллионов тонн ежегодно, и вот 55 лет нового строя и 40 лет прославленной колхозной системы – и мы вынуждены 20 миллионов тонн ввозить! Ведь стыдно, ведь пора же очнуться! Деревня, на которой веками стояла Россия, стала главной слабостью её! Долгие десятилетия мы истощали колхозную деревню до полного отобрания сил её, до полного отчаяния, – наконец стали ей возвращать ценности, стали ей и платить – но поздно. Истощены её вера в дело, её интерес. По старой пословице: отбей охоту – рублём не возьмёшь. При угрожающей в мире нехватке зерна один выход у нас быть сытою страной: отказаться от принудительных колхозов, оставить только добровольные. На пространствах Северо-Востока ставить

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru (с большими затратами, конечно) такое сельское хозяйство, которое будет кормить своим естественным экономическим ходом, а не наплывами агитаторов и мобилизованных горожан.

Предполагаю, знаете вы (это видно по вашим указам), что и во всём народном хозяйстве, во всей государственной служебной громаде так: люди не кладут сил на казённой работе и не рвутся к ней, но сколько могут – обманывают (а то и воруют), служебные часы тратят на личные дела (вынуждены так! – ибо при нынешних заработках не хватит никаких сил и никакой жизни), все стараются получить денег больше, а работать меньше, – и с таковым народным настроением какими же сроками можно располагать для спасения страны?

Но ещё разрушительнее – водка. Тоже знаете вы хорошо, вот и указ ваш был, – а что он изменил? Пока водка – важная статья государственного дохода, ничего не изменится, так и будем ради барыша прожигать народную внутренность. (Я когда-то в ссылке работал в потребкооперации и чётко помню, что водка составляла 60–70 % нашего оборота.)

По сравнению с нравами людей, их душевным состоянием, их отношением друг ко другу и к обществу – мелки и ничтожны все те материальные достижения, которыми у нас так трубно гордятся.

То, что географически будет называться освоением Северо-Востока, хозяйственно – построением стабильной экономики, во всех своих решаемых задачах – градостроительных, транспортных, социальных – должно углубиться в задачи нравственные. Физическое и духовное здоровье народа должно стать целью и всего этого движения, и каждого его этапа, и каждой его стороны.

Построение более чем половины государства на новом, свежем месте позволяет не повторить губительных ошибок XX века – с промышленностью, с дорогами, с городами. Если не чечься куцыми экономическими потребностями дня, а создавать для наших детей страну с чистым воздухом и чистыми водами, придётся отказаться от многих видов промышленного производства с ядовитыми отходами. Скажут – военная необходимость диктует? Но военных необходимостей у нас вдесятеро меньше, чем мы делаем вид, чем мы напряжённо и суетливо создаём сами себе, изобретая интересы в Атлантическом или Индийском океанах. На ближайшие полвека у нас единственная истинная военная необходимость – оборониться от Китая, а лучше вовсе с ним не воевать. Хорошо устроенный Северо-Восток есть и лучшая защита от Китая. Больше никто на Земле нам не угрожает, никто на нас не нападёт. Мы вооружены для мирного времени многократно избыточно, мы производим массу оружия, которое потом будем менять и менять на свежее, в избытке тренируем личный состав, который и из возраста выйдет к моменту военной необходимости.

Со всех сторон, кроме Китая, мы имеем большой запас безопасности по срокам, и это даёт нам возможность на многие годы сильно сократить военную подготовку и освободившееся бросить на экономику и устройство жизни. Технологическая гибель – не меньшая опасность, чем война.

Пришла пора и освободить русскую юность от обязательной всеобщей воинской повинности, которой нет ни в Китае, ни в Соединённых Штатах, ни в одной большой стране мира. Мы эту армию держим всё из той же генеральской и дипломатической суеты – для престижа, из чванства; для внешнего расширения, от которого надо отказаться, физически и душевно спасая самих же себя; и ещё – от ложного представления, что мужскую молодёжь нельзя воспитать государственно полезной иначе как пропуская её через армейский котёл долгими годами. Если и будет признано, что мы не можем обеспечить оборону иначе как проводя через армию всех, то на много может быть сокращён срок службы и очеловечено «воспитание» в армии. При нынешнем мы как народ теряем внутренне гораздо больше, чем нашагивают наши парады.

Резко уменьшая вооружение, мы освободим и наше небо от надоевших грохочущих самолётных армад, – над нашими обширными пространствами днём и ночью, без поры и времени, они производят свои нескончаемые полёты и учения! – с переходами звукового порога, с гулом и рёвом, нарушающим быт, отдых, сон и нервы сотен тысяч людей, эффективно оглупляя их под своим гулом (все видные начальники над своими дачными местностями полёты запрещают), – и всё это десятилетиями, ни для какого спасения страны, а – никчемушняя суета. Верните стране здоровую тишину, без которой и не может быть здорового народа.

Нынешняя городская жизнь, которой обречена уже половина нашего населения, совершенно противоестественна, и все вы единодушно с этим согласны, ибо единодушно ежевечерне спасаетесь из города на загородные дачи. И все вы по вашему возрасту хорошо помните прежние до-автомобильные города – города для людей, лошадей, собак, ещё – трамваев, человеческие, приветливые, уютные, всегда с чистым воздухом, зимой многоснежные, весной через заборы на улицы льются запахи из садов; сады чуть не при каждом доме, и редко какой дом выше двух этажей – приятнейшая высота человеческого жилища; жители тех городов были не кочевники, не кочевали дважды в год, спасая детей от пылающего ада. Экономика не-гигантизма, с дробной, хотя и высокой технологией, не только позволит, но даже потребует построения рассредоточенных городов, мягких для человека. И вполне можно поставить на всех въездах шлагбаумы, пропуская лошадей и электрические аккумуляторные двигатели, но не ядовитые двигатели внутреннего сгорания, и в самом городе на перекрестках если нужно кому нырять под землю, – то двигателям, а не старым, малым и большим людям.

Вот такими городами пусть украсится наш растепленный, отмороженный Северо-Восток, и на то растепление пусть грохаются дурные космические деньги.

Правда, в прежних русских городах была ещё одна особенность, уже духовная, позволявшая самым образованным людям с наслаждением жить там и не сгущаться всем в одну семимиллионную столицу: многие провинциальные города, не только Иркутск, Томск, Саратов, Ярославль, Казань, многие были значительными и самостоятельными культурными центрами. А у нас сейчас разве допустим какой-нибудь самостоятельный, самодельный центр, кроме Москвы? Даже и Питер затускнел совсем. Бывало, в каком-нибудь Вышнем Волочке могло появиться уникальное книжное издание большой ценности, – а разве сейчас это допустит наша идеология? Нынешняя централизация всех видов духовной жизни – уродство, духовное убийство. Без таких 40–80 городов нет России как страны, лишь какой-то безгласный придаток. Вот и тут, как на каждом месте, на каждой линии, построить Россию здоровую нам мешает – идеология.

Так каждая сторона быта неразрывно связана с душевным состоянием людей. Тот, кто вынужденно калечит гусеницами тракторов или колёсами огромных грузовиков не приспособленные к ним, не ожидавшие их травяные и просёлочные дороги, или остервенелым «неподвижным мотоциклом» бензопилы на рассвете от жадности перебуживает целый посёлок, – становится жесток и циничен. Не случайны и эти бесчисленные пьяные и хулиганы, не дающие женщинам проходу в вечерние и праздничные часы, – никакой милиции на них не хватит, тем более не удержит их идеология, претендующая, что она заменила нравственность.

Достаточно поработав в школах – и городских, и сельских, могу утверждать, что школа наша плохо учит и дурно воспитывает, а лишь разменивает и мельчит юные годы и души. Всё поставлено так, что ученикам не за что уважать свой педсовет. Школа будет истинной тогда, когда в учителя пойдут люди отборные и к тому призванные. Но для этого – сколько средств и усилий надо потратить! – не так оплачивать их труд и не так унижительно держать их. А сейчас пединститут – в ряду институтов последний по своему авторитету, и взрослый мужчина стыдится быть школьным учителем. Абитуриенты как мухи на мёд летят на военную электронику – неужели для таких бесплодностей мы развивались тысячу сто лет?

Не получая нужного в школе, наши будущие граждане не много получают и в семье. Мы много хвастаем достигнутым женским равноправием и детскими садами и скрываем, что это всё – взамен подорванной семьи. А равноправие женщин не в том, чтобы занимать столько же рабочих мест и служебных постов, сколько мужчины, но лишь – принципиальная незакрытость всех этих постов для женщины. Реально же состояние мужского заработка должно быть таково, чтобы в семье с двумя ли, с четырьмя ли детьми женщина не нуждалась бы в отдельном заработке, не нуждалась бы поддерживать семью ещё и деньгами сверх своих трудов и забот. В погоне за пятилетками, за лишними руками, мы никогда не давали мужчинам такого заработка, и подрыв и разорение семей – одна из наших страшных плат за пятилетки. И как не сжаться сердцу стыдом и жалостью, когда мы видим наших женщин с тяжёлыми носилками на мощении мостовых, на подстилке железнодорожных путей? Видя такую картину – о чём ещё можно говорить? В чём ещё сомневаться? Чтоб освободить их от такого унижения – как не отказаться от финансирования южноамериканских революционеров?

Так почти каждое направление народной деятельности мы видим запущенным,

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru требующим средств, труда и терпения. Но не выше того и досуг, сведенный к телевизору, картам, домино и всё той же водке, а кто читает – так или спорт, или шпионские детективы, или всё ту же Идеологию в виде газет. Неужели это и есть тот манящий социализм-коммунизм, для которого и клались все жертвы и гибли 60–90 миллионов?

Потребности внутреннего развития несравненно важнее для нас как народа, чем потребности внешнего расширения силы. Вся мировая история показывает, что народы, создавшие империи, всегда несли духовный ущерб. Цели великой империи и нравственное здоровье народа несовместимы. И мы не смеем изобретать интернациональных задач и платить по ним, пока наш народ в таком нравственном разорении и пока мы считаем себя его сыновьями.

Ещё ли нам не отказаться от Средиземного моря?

А для этого прежде всего – от идеологии.

Идеология

Эта идеология, доставшаяся нам по наследству, не только дряхла, не только безнадежно устарела, но и в свои лучшие десятилетия она ошиблась во всех своих предсказаниях, она никогда не была наукой.

Примитивная верхоглядная экономическая теория, которая объявила, что только рабочий рождает ценности, и не увидела вклада ни организаторов, ни инженеров, ни транспорта, ни аппарата сбыта. Она ошиблась, предсказывая, что пролетариат будет безгранично захват, что он никогда ничего не добьётся при буржуазной демократии, – нам бы сейчас так накормить его, одеть и осыпать досугом, как он получил всё это при капитализме! Она дала маху, что благополучие европейских стран держится на колониях, – а они только освободясь от колоний и стали совершать свои «экономические чудеса». Она прошиблась, что социалисты никогда не сумеют придти к власти иначе как вооружённым переворотом. Она просчиталась, будто эти перевороты начнутся с передовых промышленных стран, – как раз всё наоборот. И как революции быстро охватят весь мир, и как будут быстро отмирать государства – всё сплошь заблуждения, всё сплошь незнание человеческой природы. И что войны присущи только капитализму и кончатся с ним, – мы уже видели самую пока долгую войну XX века, 15 и 20 лет не капитализм отвергал переговоры и перемирие, – и не дай нам Бог увидеть самую жестокую и самую кровавую из всех войн человечества – войну между двумя коммунистическими сверхдержавами. Так и национализм был этой теорией в 1848 году погребён как уже «пережиток» – а найдите сегодня в мире силу большую! И со многим так, перечислять устанешь.

Марксизм не только не точен, не только не наука, не только не предсказал ни единого события в цифрах, количествах, темпах или местах, что сегодня шутя делают электронные машины при социальных прогнозах, да только не марксизмом руководясь, но поражает марксизм своей экономико-механистической грубостью в попытках объяснить тончайшее человеческое существо и ещё более сложное миллионное сочетание людей – общество. Лишь корыстью одних, ослеплением других и жадной верой у третьих можно истолковать этот жуткий юмор XX века: каким образом столь опороченное, столь провалившееся учение ещё имеет на Западе столько последователей! У нас-то их меньше всего осталось! Мы-то, отведавшие, только притворяемся поневоле...

Мы видели выше, что всеми жерновами, которые топят вас, наградили вас не ваш здравый смысл, а именно наследное дряхлое Передовое Учение. И коллективизацией. И национализацией мелких ремёсел и услуг (что сделало невыносимой жизнь рядовых граждан, но вы этого не ощущаете; что нагромоздило воровство и ложь даже в повседневной экономике – и вы бессильны). И необходимостью для великого интернационального замаха так раздуть военное развитие, что пущена в прорыв вся внутренняя жизнь, и даже вот Сибирь освоить за 55 лет не нашлось времени. И помехами в промышленном развитии и перестройке технологии. И преследованием религии, очень важным для марксизма[2], но бессмысленным и невыгодным для практических государственных руководителей: с помощью бездельников травить своих самых добросовестных работников, чуждых обману и воровству, – и страдать потом от всеобщего обмана и воровства. Для верующего его вера есть высшая ценность, выше той еды, которую он кладёт в желудок. Задумались ли вы: зачем же эти лучшие миллионы подданных вы отрешаете от родины? Вам как государственным руководителям это только вредно, а делаете вы это автоматически, механически, потому что марксизм навязывает вам так. Как навязывает он вам, руководителям сверхдержавы,

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru
давать отчёты о своих действиях каким-то далёким приезжим гостям – с другого
полушария вождям невлиятельных, незначительных компартий, меньше всего
озабоченных русской судьбой.

Воспитанным в марксизме кажется страшным такой шаг: вдруг начать жить без этой
привычной идеологии. Но тут, по сути, выбора не осталось, сами обстоятельства
заставят сделать его, да может оказаться поздно. Национальным руководителям
России в предвидении грозящей войны с Китаем всё равно придётся опираться на
патриотизм, и только на него. Когда Сталин начинал такой поворот во время войны,
вспомните! – никто даже не удивился, никто не зарыдал по марксизму, все приняли
как самое естественное, наше, русское! Разумно же совершить перегруппировку сил
перед великой опасностью – раньше, а не позже. Да этот отказ, только
нерешительный, уже и начат у нас давно, ибо что такое «совмещение» марксизма с
патриотизмом? – бессмыслица. Эти точки зрения можно «слить» только в общих
заклинаниях, на любом же конкретном историческом вопросе эти точки зрения всегда
противоположны. Это так явно, что Ленин в 1915 году даже декларировал: «мы –
антипатриоты». И то было истинно, искренно. И все 20-е годы слово «патриот» у
нас значило абсолютно то же самое, что «белогвардеец». И всё это письмо, которое
я сейчас кладу перед вами, есть патриотизм – и значит отрицание марксизма.
Марксизм, напротив, велит не осваивать Северо-Востока и оставить наших женщин с
ломами и лопатами, но торопить и финансировать мировую революцию.

В ту минуту, когда уже будут стрелять первые пушки на советско-китайской
границе, бойтесь оказаться в этой двойственной шаткости с недостатком и
нечёткостью национального самосознания в нашей стране, – вы видите, как могучая
Америка проиграла маленькому Северному Вьетнаму, как легко сдали нервы
американского общества и молодёжи – именно потому, что в Соединённых Штатах
очень слабое, невыявленное национальное самосознание. Не пропустите момент!

Шаг поначалу кажется трудным, а на самом деле вы очень скоро испытаете большое
облегчение, отбросив эту никчемную ношу, облегчение всего государственного
устройства, всех движений в руководстве. Ведь эта идеология, доводя до
острейшего конфликта наше внешнее положение, давно уже перестала помогать нам во
внутреннем, как помогала в 20-е и 30-е годы. Всё в стране давно держится лишь на
материальном расчёте и подчинении подданных, ни на каком идейном порыве, вы
отлично знаете это. Сегодня эта идеология уже только ослабляет и связывает вас.
Она захламывает всю жизнь общества, мозги, речи радио, печать – ложью, ложью,
ложью. Ибо как же ещё мёртвому делать вид, что оно продолжает жить, если не
пристройками лжи? Всё погрязло во лжи, и все это знают и в частных разговорах
открыто об этом говорят, и смеются, и нудятся, а в официальных выступлениях
лицемерно твердят то, «что положено», и так же лицемерно, со скукой читают и
слушают выступления других, – сколько же уходит на это впустую энергии общества!
И вы – открывая газеты или включая телевизор, – вы сами разве верите
сколько-нибудь в искренность этих выступлений? Да давно уже нет, я уверен. А
иначе – глухо ж вас отъединили от внутренней жизни страны.

Эта всеобщая обязательная, принудительная к употреблению ложь стала самой
мучительной стороной существования людей в нашей стране – хуже всех материальных
невзгод, хуже всякой гражданской несвободы.

И все эти арсеналы лжи, совсем и не нужные для нашей государственной
устойчивости, привлекаются как налог в пользу Идеологии: связать, увязать
происходящее, как оно течёт, и цепкую когтистую умершую Идеологию. Именно
оттого, что наше государство по привычке, по традиции, по инерции всё ещё
держится за эту ложную доктрину, за её ответвлённые заблуждения, – оно и
нуждается сажать за решётку инакомыслящего. Потому что именно ложной идеологии
нечем ответить на возражения, на протесты, кроме оружия и решётки.

Отпустите же эту битую идеологию от себя! Отдайте её вашим соперникам или куда
она там тянется, пусть она минует нашу страну как туча, как эпидемия, и пусть о
ней заботятся и в ней разбираются другие, только не мы! И вместе с ней мы
освободимся от необходимости наполнять всю жизнь ложью. Стяните, стряхните со
всех нас эту потную грязную рубашку, на которой уже столько крови, что она не
даёт дышать живому телу нации, крови тех 66 миллионов. На ней – вся
ответственность за всё пролитое, убеждать ли мне вас, что надо поскорее скинуть
её – и пусть подбирает, кто хочет.

Я вовсе не предлагаю вам принять другую крайность – преследовать или запрещать

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru марксизм, даже спорить против него (с ним спорить скоро никто уже и не будет, из лени одной). Я только предлагаю вам – спастись от него самим, и спасти от него своё государственное устройство, и свой народ. А для этого только: лишить марксизм мощной государственной поддержки, и пусть он существует сам по себе, на своих ногах. И пусть его пропагандируют, защищают и внедряют беспрепятственно все желающие – но в свободное от работы время и не на государственной зарплате. То есть вся система агитпропа должна перестать оплачиваться из народных средств. У многочисленных работников агитпропа это ведь не может вызвать негодования или сопротивления? – новое положение освободит их от всяких обидных упреков в возможной корысти, оно впервые даст им возможность по-настоящему доказать свою идейную убежденность, свою искренность. И им должна быть только радостна эта двойная нагрузка? – в будни, в дневное время, принять на себя продуктивный труд для страны, производить реальные ценности (любой труд, какой бы они ни избрали взамен нынешнего, будет много продуктивнее, ибо их нынешний – нолевой, если не отрицательный), а по вечерам, по свободным дням и в отпусках посвятить свой досуг пропаганде любимого учения, бескорыстно наслаждаясь истиной. Ведь именно так поступают, например, верующие, да ещё под преследованием, – и считают себя духовно удовлетворёнными. Какой будет замечательный случай – не говорю проверить, но – доказать искренность всех тех, кто десятилетиями агитировал всех нас.

А как это могло бы уложиться?

Сказавши всё это, я не забыл ни на минуту, что вы – крайние реалисты, на том и начат разговор. Вы – исключительные реалисты и не допустите, чтобы власть ушла из ваших рук. Оттого вы не допустите доброю волей двух- или многопартийную парламентскую систему у нас, вы не допустите реальных выборов – при которых вас могли бы не выбрать. И на основании реализма приходится признать, что это ещё долго будет в ваших силах.

Долго, но – не вечно.

Предложив диалог на основании реализма, должен и я сознаться, что из русской истории стал я противником всяких вообще революций и вооружённых потрясений, значит, и в будущем тоже: и тех, которых вы жаждете (не у нас), и тех, которых вы опасаетесь (у нас). Изучением я убедился, что массовые кровавые революции всегда губительны для народов, среди которых они происходят. И среди нашего нынешнего общества я совсем не одинок в этом убеждении. Всяким успешным потрясением смена нынешнего руководства (всей пирамиды) на других персон могла бы вызвать лишь новую уничтожающую борьбу и наверняка очень сомнительный выигрыш в качестве руководства.

В таком положении что ж остаётся нам? Приводить утешительные соображения о зелени винограда. Аргументировать довольно искренно, что мы – не поклонники того буйного «разгула демократии», когда каждый четвёртый год политических деятелей и даже всей страны чуть не полностью ухлопывается на избирательную кампанию, на угождение массе, и на этом многократно играют не только внутренние группировки, но и иностранные правительства; когда суд, пренебрегая обеспеченной ему независимостью, в угождение страстям общества объявляет невиновным человека, во время изнурительной войны выкравшего и опубликовавшего документы военного министерства. Что даже и в демократии устоявшейся видим мы немало примеров, когда её роковые пути избраны в результате эмоционального самообмана или случайного перевеса, даваемого крохотной непопулярной партией между двух больших, – и от этого ничтожного перевеса, никак не выражающего волю большинства (а и воля большинства не защищена от ложного направления), решаются важнейшие вопросы государственной, а то и мировой политики. Да ещё эти частые теперь примеры, когда любая профессиональная группа научилась вырывать себе лучший кусок в любой тяжёлый момент для своей нации, хоть вся она пропади. И уж вовсе оказались беспомощными самые уважаемые демократии перед кучкою сопливых террористов.

Да, конечно: свобода – нравственна. Но только до известного предела, пока она не переходит в самодовольство и разнузданность.

Так ведь и порядок – не безнравственен, устойчивый и покойный строй. Тоже – до своего предела, пока он не переходит в произвол и тиранию.

У нас в России, по полной непривычке, демократия просуществовала всего 8 месяцев – с февраля по октябрь 1917 года. Эмигрантские группы к-д и с-д, кто ещё жив, до

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsyna@alexander.ru с тех пор гордятся ею, говорят, что им её загубили посторонние силы. На самом деле та демократия была именно их позором: они так амбициозно кликали и обещали её, а осуществили сумбурную и даже карикатурную, оказались не подготовлены к ней прежде всего сами, тем более была не подготовлена к ней Россия. А за последние полвека подготовленность России к демократии, к многопартийной парламентской системе, могла ещё только снизиться. Пожалуй, внезапное введение её сейчас было бы лишь новым горевым повторением 1917 года.

Записывать ли нам себе в демократическую традицию – соборы Московской Руси, Новгород, ранее – казачество, сельский мир? Или утешиться, что и тысячу лет жила Россия с авторитарным строем – и к началу XX века ещё весьма сохраняла и физическое и духовное здоровье народа?

Однако выполнялось там важное условие: тот авторитарный строй имел, пусть исходно, первоначально, сильное нравственное основание – не идеологию всеобщего насилия, а православие, да древнее, семивековое православие Сергия Радонежского и Нила Сорского, ещё не издёрганное Никоном, не оказённое Петром. С конца московского и весь петербургский период, когда то начало исказилось и ослабло, – при внешних кажущихся успехах государства авторитарный строй стал клониться к упадку и гибели.

Но и русская интеллигенция, больше столетия все силы клавшая на борьбу с авторитарным строем, – чего же добилась с огромными потерями и для себя и для простого народа? Обратного конечного результата. Так, может быть, следует признать, что для России этот путь был неверен или преждевременен? Может быть, на обозримое будущее, хотим мы этого или не хотим, назначим так или не назначим, России всё равно суждён авторитарный строй? Может быть, только к нему она сегодня созрела?..

Всё зависит от того, какой авторитарный строй ожидает нас и дальше. Невыносима не сама авторитарность, но – навязываемая повседневная идеологическая ложь. Невыносима не столько авторитарность – невыносимы произвол и беззаконие, непроходимое беззаконие, когда в каждом районе, области или отрасли – один властитель и всё вершится по его единой воле, часто безграмотно и жестоко. Авторитарный строй совсем не означает, что законы не нужны или что они бумажны, что они не должны отражать понятия и волю населения. Авторитарный строй – не значит ещё, что законодательная, исполнительная и судебная власти не самостоятельны ни одна и даже вообще не власти, но все подчиняются телефонному звонку от единственной власти, утвердившей сама себя. Я напому, что советы, давшие название нашему строю и просуществовавшие до 6 июля 1918 года, никак не зависели от Идеологии – будет она или не будет, но обязательно предполагали широчайший совет всех, кто трудится.

Остаёмся ли мы на почве реализма или переходим в мечтания, если предложим восстановить хотя бы реальную власть советов? Не знаю, что сказать о нашей конституции, с 1936 года она не выполнялась ни одного дня и потому не кажется способной жить. Но может быть – и она не безнадежна?

Оставаясь в рамках жестокого реализма, я не предлагаю вам менять удобного для вас размещения руководства. Совокупность всех тех, от верху до низу, кого вы считаете действующим и желательным руководством, переведите, однако, в систему советскую. А впредь от того любой государственный пост пусть не будет прямым следствием партийной принадлежности, как сейчас. Освободите и свою партию от упреков, что люди получают партийные билеты для карьеры. Дайте возможность некоторым работающим соотечественникам тоже продвигаться по государственным ступеням и без партийного билета – вы и работников получите хороших и в партии останутся лишь бескорыстные люди. Вы, конечно, не упустите сохранить свою партию как крепкую организацию единопособников и конспиративные от масс («закрытые») свои отдельные совещания. Но, расставшись с Идеологией, лишь бы отказалась ваша партия от невыполнимых и ненужных нам задач мирового господства, а исполнила бы национальные задачи: спасла бы нас от войны с Китаем и от технологической гибели. Эти задачи и благородны и выполнимы.

Не должны мы руководиться соображениями политического гигантизма, не должны замышлять о судьбах других полушарий, от этого надо отказаться навек, это наверняка всё лопнет, другие полушария и тёплые океаны будут развиваться всё равно без нас, по-своему, и тем никто из Москвы не управит, и того никто не предскажет даже в 1973 году, а тем более Маркс из 1848-го. Руководить нашей

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsyna@alexander.ru страной должны соображения внутреннего, нравственного, здорового развития народа, освобождения женщины от каторги заработков, особенно от лома и лопаты, исправления школы, детского воспитания, спасения почвы, вод, всей русской природы, восстановления здоровых городов, освоения Северо-Востока – и никакого Космоса, и никаких всемирно-исторических завоеваний и придуманных интернациональных задач: другие народы ничуть не глупее нас, а есть у Китая лишние деньги и дивизии – пусть пробует.

Учил нас Сталин – и вас и всех нас, что благодушие есть «величайшая опасность», то есть добрая душа правителей – величайшая опасность! Это нужно было ему так для его замысла – уничтожить миллионы подданных. Но если у вас нет этой цели – так отречёмся от его проклятой заповеди! Пусть авторитарный строй, – но основанный не на «классовой ненависти» неисчерпаемой, а на человеколюбии – и не к близкому своему окружению, но искренне – ко всему своему народу. И самый первый признак, отличающий этот путь, – великодушие, милосердие к узникам. Оглянитесь и ужаснитесь: с 1918 по 1954 год и с 1958 по сегодня ни один человек не был у нас освобождён из заключения движением доброй души! Если кого и выпускали изредка, то по голому политическому расчёту: насколько уже сломлен духом или насколько нестерпимо давит мировая общественность. Уж конечно придётся отказать навеки от психиатрического насилия, и от негласных судов, и от того жестокого безнравственного мешка лагерей, где провинившихся и оступившихся калечат дальше и уничтожают.

Чтобы не задохнулись страна и народ, чтобы они имели возможность развиваться и обогащать вас же идеями, свободно допустите к честному соревнованию – не за власть! за истину! – все идеологические и все нравственные течения, в частности все религии, – их некому будет преследовать, если их гонитель марксизм лишится государственных привилегий. Но допустите честно, не так, как сейчас, не подавляя в немоте, допустите их с молодёжными духовными организациями (не политическими совсем), допустите их с правом воспитывать и учить детей, с правом свободной приходской деятельности. (Сам я не вижу сегодня никакой живой духовной силы, кроме христианской, которая могла бы взяться за духовное исцеление России. Но я не прошу и не предлагаю ей льгот, а только: честно – не подавлять.) Допустите свободное искусство, литературу, свободное книгопечатание – не политических книг, Боже упаси! не воззваний! не предвыборных листовок – но философских, нравственных, экономических и социальных исследований, ведь это всё будет давать богатый урожай, плодоносить – в пользу России. Такая свободная колосья мысли быстро избавит вас от необходимости все новые идеи с запозданием переводить с западных языков, как это происходит все полвека, вы же знаете.

Чего вам опасаться? Неужели это так страшно? Неужели вы так не уверены в себе? У вас остаётся вся неколебимая власть, отдельная сильная замкнутая партия, армия, милиция, промышленность, транспорт, связь, недра, монополия внешней торговли, принудительный курс рубля, – но дайте же народу дышать, думать и развиваться! Если вы сердцем принадлежите к нему – для вас и колебания не должно быть!

А ещё ведь и такая потребность бывает в человеческой душе – искупление прошлого?..

Покажется, что я уклонился с первоначальной платформы реализма? Но я напому исходное предположение: что вы не чужды отцам, дедам и русским просторам. Но я повторяю вышесказанное: мудро прислушаться к советам раньше крайней необходимости.

Вы можете с негодованием или смехом отбросить соображения какого-то одиночки, писателя. Но с каждым годом то же самое будет настойчиво предлагать вам жизнь – по разным поводам, в разное время, с разными формулировками, – но именно это. Потому что это осуществимый плавный путь спасения нашей страны, нашего народа.

И – вас самих, кстати. Ведь наступит грозный час – и вы опять воззовёте к этому народу, не к мировому коммунизму. И даже ваша судьба – даже ваша! – будет зависеть от нас.

Конечно, такие решения не принимаются в неделю. Но сейчас вы имеете возможность совершить этот переход спокойно – хоть в три года, хоть в пять, хоть, со всем процессом, и в десять. Лишь бы начать – уже сейчас, лишь бы решиться – уже сейчас. Потом жизнь выставит требования и неотложней, и резче.

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru
Ваше заветное желание – чтобы наш государственный строй и идеологическая система не менялись и стояли вот так веками. Но так в истории не бывает. Каждая система или находит путь развития или падает.

Невозможно вести такую страну, исходя из злободневных нужд: в 1942 году осуждать Неру как клику за его национально-освободительное движение (подрывал военные усилия наших союзников англичан), в 1956 году лобызаться с ним. И то же с Тито, и со многими, многими. Вести такую страну – нужно иметь национальную линию и постоянно ощущать за своими плечами все 1100 лет её истории, а не только 55 лет, 5 % её.

Вы заметите, конечно, что это письмо не преследует никаких личных целей. Я из вашей скорлупы вырос уже всё равно, написанные мною вещи будут всё равно напечатаны, помимо вашего дозволения или запрета. Всё, что я сказал, – я уже сказал. Мне – тоже 55 лет, и я, кажется, доказал многими своими шагами, что не дорожу материальными благами и готов пожертвовать жизнью. Для вас такой тип жизнеощущения необычен – но вот вы наблюдаете его.

Этим письмом я тоже беру на себя тяжёлую ответственность перед русской историей. Но не взять на себя поиска выхода, но ничего не предпринять – ответственность ещё большая.

А. Солженицын

5 сентября 1973

Москва

Как нам обустроить Россию?
Посильные соображения
Ближайшее
Часы коммунизма – своё отбили.

Но бетонная постройка его ещё не рухнула.

И как бы нам, вместо освобождения, не расплющиться под его развалинами.

Мы – на последнем докате
Кто из нас теперь не знает наших бед, хотя и покрытых лживой статистикой?
Семьдесят лет влачась за слепородной и злокачественной марксо-ленинской утопией, мы положили на плахи или спустили под откос бездарно проведенной, даже самоистребительной, «Отечественной» войны – треть своего населения. Мы лишились своего былого изобилия, уничтожили класс крестьянства и его селения, мы отшибли самый смысл выращивать хлеб, а землю отучили давать урожаи, да ещё заливали её морями-болотами. Отходами первобытной промышленности мы испакостили окрестности городов, отравили реки, озёра, рыбу, сегодня уже доконечно губим последнюю воду, воздух и землю, ещё и с добавкой атомной смерти, ещё и прикупая на хранение радиоактивные отходы с Запада. Разоряя себя для будущих великих захватов под обезумелым руководством, мы вырубали свои богатые леса, выграбили свои несравненные недра, невозполнимое достояние наших правнуков, безжалостно распродали их за границу. Изнурили наших женщин на ломовых неподымных работах, оторвали их от детей, самих детей пустили в болезни, в дикость и в подделку образования. В полной запущенности у нас здоровье, и нет лекарств, да даже еду здоровую мы уже забыли, и миллионы без жилья, и беспомощное личное бесправие разлито по всем глубинам страны, – а мы за одно только держимся: чтоб не лишили нас безумного пьянства.

Но так устроен человек, что всю эту бессмыслицу и губление нам посильно сносить, хоть и всю нашу жизнь насквозь – а только бы кто не посягнул обидеть, затронуть нашу нацию! Тут – уже нас ничто не удержит в извечном смирении, тут мы с гневной смелостью хватаем камни, палки, пики, ружья и кидаемся на соседей поджигать их дома и убивать. Таков человек: ничто нас не убедит, что наш голод, нищета, ранние смерти, вырождение детей – что какая-то из этих бед первой нашей национальной гордости!

И вот почему, берясь предположить какие-то шаги по нашему выздоровлению и устройству, мы вынуждены начинать не со сверлящих язв, не с изводящих страданий

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru – но с ответа: а как будет с нациями? в каких географических границах мы будем лечиться или умирать? А уже потом – о лечении.

А что́ есть Россия?

Эту «Россию» уже затрепали-затрепали, всякий её прикликает ни к ляду, ни к месту. И когда чудовище СССР лез захватывать куски Азии или Африки – тоже во всём мире твердили: «Россия, русские...»

А что же именно есть Россия? Сегодня. И – завтра (ещё важней). Кто сегодня относит себя к будущей России? И где видят границы России сами русские?

За три четверти века – при вдолбляемой нам и прогрохоченной «социалистической дружбе народов» – коммунистическая власть столько запустила, запутала и намерзла в отношениях между этими народами, что уже и путей не видно, как нам бы вернуться к тому, с прискорбным исключением, спокойному сожитию наций, тому даже дремотному неразличению наций, какое было почти достигнуто в последние десятилетия предреволюционной России. Ещё б, может, и не упущено разобраться и уладить – да не в той лихой беде, как буре, завертевшей нас теперь. Сегодня видится так, что мирней и открытой для будущего: кому надо бы разойтись на отдельную жизнь, так и разойтись. И именно при этом всеместном национальном изводе, заслоняющем нам остальную жизнь, хоть пропади она, при этой страсти, от которой сегодня мало кто в нашей стране свободен.

Увы, многие мы знаем, что в коммунальной квартире порой и жить не хочется. Вот – так сейчас у нас накалено и с нациями.

Да уже во многих окраинных республиках центробежные силы так разогнаны, что не остановить их без насилия и крови – да и не надо удерживать такой ценой! Как у нас всё теперь поколесилось – так всё равно «Советский Социалистический» развалится, всё равно! – и выбора настоящего у нас нет, и размышлять-то не над чем, а только – поворачиваться проворней, чтоб упредить беды, чтобы раскол прошёл без лишних страданий людских, и только тот, который уже действительно неизбежен.

И так я вижу: надо безотложно, громко, чётко объявить: три прибалтийских республики, три закавказских республики, четыре среднеазиатских, да и Молдавия, если её к Румынии больше тянет, эти одиннадцать – да! – непременно и бесповоротно будут отделены. (А о процессе отделения – страницами ниже.)

О Казахстане. Сегодняшняя огромная его территория нарезана была коммунистами без разума, как попадя: если где кочевые стада раз в год проходят – то и Казахстан. Да ведь в те годы считалось: это совсем неважно, где границы проводить, – ещё немножко, вот-вот, и все нации сольются в одну. Проницательный Ильич-первый называл вопрос границ «даже десятистепенным». (Так – и Карабах отрезали к Азербайджану, какая разница – куда, в тот момент надо было угодить сердечному другу Советов – Турции.) Да до 1936 года Казахстан ещё считался автономной республикой в РСФСР, потом возвели его в союзную. А составлен-то он – из южной Сибири, южного Приуралья да пустынных центральных просторов, с тех пор преобразённых и восстроённых – русскими, зэками да ссыльными народами. И сегодня во всём раздутом Казахстане казахов – заметно меньше половины. Их сплотка, их устойчивая отечественная часть – это большая южная дуга областей, охватывающая с крайнего востока на запад почти до Каспия, действительно населённая преимущественно казахами. И коли в этом охвате они захотят отделиться – то и с Богом.

И вот за вычетом этих двенадцати – только и останется то, что можно назвать Русь, как называли издавна (слово «русский» веками обнимало малороссов, великороссов и белорусов), или – Россия (название с XVIII века), или, по верному смыслу теперь: Российский Союз.

И всё равно – ещё останется в нем сто народов и народностей, от вовсе немалых до вовсе малых. И вот тут-то, с этого порога – можно и надо проявить нам всем великую мудрость и доброту, только от этого момента можно и надо приложить все силы разумности и сердечности, чтоб утвердить плодотворную содружность наций, и цельность каждой в ней культуры, и сохранность каждого в ней языка.

Слово к великороссам

Ещё в начале века наш крупный государственный ум СЕ. Крыжановский предвидел:

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsyna@alexander.ru
«Коренная Россия не располагает запасом культурных и нравственных сил для ассимиляции всех окраин. Это истощает русское национальное ядро».

А ведь то сказано было – в богатой, цветущей стране, и прежде всех миллионных истреблений нашего народа, да не слепо подряд, а уцеленно выбивавших самый русский отбор.

А уж сегодня это звучит с тысячекратным смыслом: нет у нас сил на окраины, ни хозяйственных сил, ни духовных. Нет у нас сил на Империю! – и не надо, и свались она с наших плеч: она размозжает нас, и высасывает, и ускоряет нашу гибель.

Я с тревогой вижу, что пробуждающееся русское национальное самосознание во многих доле своей никак не может освободиться от пространнодержавного мышления, от имперского дурмана, переняло от коммунистов никогда не существовавший дутый «советский патриотизм» и гордится той «великой советской державой», которая в эпоху чушки Ильича-второго только изглодала последнюю производительность наших десятилетий на бескрайние и никому не нужные (и теперь вхолостую уничтожаемые) вооружения, опозорила нас, представила всей планете как лютого, жадного, безмерного захватчика – когда наши колени уже дрожат, вот-вот мы свалимся от бессилия. Это вреднейшее искривление нашего сознания: «зато большая страна, с нами везде считаются», – это и есть, уже при нашем умирании, беззаветная поддержка коммунизма. Могла же Япония примириться, отказаться и от международной миссии и от заманчивых политических авантур – и сразу расцвела.

Надо теперь жёстко выбрать: между Империей, губящей прежде всего нас самих, – и духовным и телесным спасением нашего же народа. Все знают: растёт наша смертность, и превышает рождения, – мы так исчезнем с Земли! Держать великую Империю – значит вымертвлять свой собственный народ. Зачем этот разнопёстрый сплав? – чтобы русским потерять своё неповторимое лицо? Не к широте Державы мы должны стремиться, а к ясности нашего духа в остатке её. Отделением двенадцати республик, этой кажущейся жертвой, – Россия, напротив, освободит сама себя для драгоценного внутреннего развития, наконец обратит внимание и прилежание на саму себя. Да в нынешнем смешении – какая надежда и на сохранение, развитие русской культуры? всё меньшая, всё идёт – в перемес и в перемол.

К сожалению, этот мираж «единонеделимства» 70 лет несла через свою нищету и беды и наша стойкая, достойная русская эмиграция. Да ведь для «единонеделимца» 1914 года – и Польша «наша» (взбалмошная фантазия Александра I «осчастливить» её своим попечительством), и никак «отдать» её нельзя. Но кто возьмётся настаивать на этом сегодня? Неужели Россия обеднела от отделения Польши и Финляндии? Да только распрямилась. И так – ещё больше распрямимся от давящего груза «среднеазиатского подбрюшья», столь же необдуманного завоевания Александра II, – лучше б эти силы он потратил на недостроенное здание своих реформ, на рождение подлинно народного земства.

Наш философ этого века Ив. А. Ильин писал, что духовная жизнь народа важнее охвата его территории или даже хозяйственного богатства; выздоровление и благоденствие народа несравненно дороже всяких внешних престижных целей.

Да окраины уже реально отпадают. Не ждать же нам, когда наши беженцы беспорядочно хлынут оттуда уже миллионами.

Надо перестать попугайски повторять: «мы гордимся, что мы русские», «мы гордимся своей необъятной родиной», «мы гордимся...». Надо понять, что после всего того, чем мы заслуженно гордились, наш народ отдался духовной катастрофе Семнадцатого года (шире: 1915–1932), и с тех пор мы – до жалкости не прежние, и уже нельзя в наших планах на будущее заноситься: как бы восстановить государственную мощь и внешнее величие прежней России. Наши деды и отцы, «втыкая штык в землю» во время смертной войны, дезертируя, чтобы пограбить соседей у себя дома, – уже тогда сделали выбор за нас – пока на одно столетие, а то, смотри, и на два. Не гордиться нам и советско-германской войной, на которой мы уложили за 30 миллионов, вдесятеро гуще, чем враг, и только утвердили над собой деспотию. Не «гордиться» нам, не протягивать лапы к чужим жизням – а осознать свой народ в провале измощающей болезни, и молиться, чтобы послал нам Бог выздороветь, и разум действий для того.

А если верно, что Россия эти десятилетия отдавала свои жизненные соки республикам, – так и хозяйственных потерь мы от этого не понесём, только

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsyna@alexander.ru
экономика физических сил.

Слово к украинцам и белорусам

Сам я – едва не на половину украинец, и в ранние годы рос при звуках украинской речи. А в скорбной Белоруссии я провёл большую часть своих фронтовых лет, и до пронзительности полюбил её печальную скудость и её кроткий народ.

К тем и другим я обращаюсь не извне, а как свой.

Да народ наш и разделялся на три ветви лишь по грозной беде монгольского нашествия да польской колонизации. Это всё – придуманная невдалеке фальшь, что чуть не с IX века существовал особый украинский народ с особым не-русским языком. Мы все вместе истекли из драгоценного Киева, «откуда русская земля стала есть», по летописи Нестора, откуда и засветило нам христианство. Одни и те же князья правили нами: Ярослав Мудрый разделял между сыновьями Киев, Новгород и всё протяжение от Чернигова до Рязани, Муром и Белоозера; Владимир Мономах был одновременно и киевский князь и ростово-суздальский; и такое же единство в служении митрополитов. Народ киевской Руси и создал Московское государство. В Литве и Польше белорусы и малороссы сознавали себя русскими и боролись против ополячения и окатоличения. Возврат этих земель в Россию был всеми тогда осознаваем как воссоединение.

Да, больно и позорно вспомнить указы времён Александра II (1863, 1876) о запрете украинского языка в публицистике, а затем и в литературе, – но это не продержалось долго, и это было из тех умопомрачных окостенений и в управительной, и в церковной политике, которые подготавливали падение российского государственного строя.

Однако и суетно-социалистическая Рада 1917 года составила соглашение политиков, а не была народно избрана. И когда, переступив от федерации, объявила выход Украины из России – она не опрашивала всенародного мнения.

Мне уже пришлось отвечать эмигрантским украинским националистам, которые втверждают Америке, что «коммунизм – это миф, весь мир хотят захватить не коммунисты, а русские» (и вот – «русские» уже захватили Китай и Тибет, так и стоит уже 30 лет в законе американского Сената). Коммунизм – это такой миф, который и русские, и украинцы испытали на своей шее в застенках ЧК с 1918 года. Такой миф, что выгреб в Поволжье даже семенное зерно, и отдал 29 русских губерний засухе и вымирательному голоду 1921–22 года. И тот же самый миф предательски затолкал Украину в такой же беспощадный голод 1932–33. И вместе перенёс от коммунистов общую кнуто-расстрельную коллективизацию, – неужели мы этими кровными страданиями не соединены?

В Австрии и в 1848 галичане ещё называли свой национальный совет – «Головна Русска Рада». Но затем в отторгнутой Галиции, при австрийской подтравке, были выращены искажённый украинский ненародный язык, нашпигованный немецкими и польскими словами, и соблазн отучить карпатороссов от русской речи, и соблазн полного всеукраинского сепаратизма, который у вождей нынешней эмиграции прорывается то лубочным невежеством, что Владимир Святой «был украинец», то уже невменяемым накалом: нехай живе коммунизм, абы сгубились москали!

Ещё бы нам не разделить боль за смертные муки Украины в советское время. Но откуда этот замах: по живому отрубить Украину (и ту, где сроду старой Украины не было, как «Дикое Поле» кочевников – Новороссия, или Крым, Донбасс и чуть не до Каспийского моря). И если «самоопределение нации» – так нация и должна свою судьбу определять сама. Без всенародного голосования – этого не решить.

Сегодня отделять Украину – значит резать через миллионы семей и людей: какая перемесь населения; целые области с русским перевесом; сколько людей, затрудняющихся выбрать себе национальность из двух; сколько смешанных происхождений; сколько смешанных браков – да их никто «смешанными» до сих пор не считал. В толще основного населения нет и тени нетерпимости между украинцами и русскими.

Братья! Не надо этого жестокого раздела! – это помрачение коммунистических лет. Мы вместе перестрадали советское время, вместе попали в этот котлован – вместе и выберемся.

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsyna@alexander.ru
И за два века – какое множество выдающихся имён на пересечении наших двух культур. Как формулировал М.П. Драгоманов: «Неразделимо, но и не смесимо». С дружелюбием и радостью должен быть распахнут путь украинской и белорусской культуре не только на территории Украины и Белоруссии, но и Восточной России. Никакой насильственной русификации (но и никакой насильственной украинизации, как с конца 20-х годов), ничем не стеснённое развитие параллельных культур, и школьные классы на обоих языках, по выбору родителей.

Конечно, если б украинский народ действительно пожелал отделиться – никто не посмеет удерживать его силой. Но – разнообразна эта обширность, и только местное население может решать судьбу своей местности, своей области, – а каждое новообразуемое при том национальное меньшинство в этой местности – должно встретить такое же ненасилие к себе.

Всё сказанное полностью относится и к Белоруссии, кроме того, что там не распаляли безоглядного сепаратизма.

И ещё: поклониться Белоруссии и Украине мы должны за чернобыльское бедовище, учинённое карьеристами и дураками советской системы, – и исправлять его, чем сможем.

Слово к малым народам и народностям

И после всех отделений наше государство всё равно, неизбежно, останется многонациональным, хотя мы не гонимся за тем.

Для некоторых, даже и крупных, наций, как татары, башкиры, удмурты, коми, чуваша, мордва, марийцы, якуты, – почти что и выбора нет: непрактично существовать государству, в круговую охваченному другим. У иных национальных областей – будет внешняя граница, и если они захотят отделяться – запрета не может быть и здесь. (Да ещё и не во всех автономных республиках коренная народность составляет большинство.) Но при сохранении всей их национальной самобытности в культуре, религии, экономике – есть им смысл и остаться в Союзе.

Как показало в XX веке создание многих малых государственных образований – это непосильно обременяет их избытком учреждений, представительства, армией, отсекает от пространств территорий разворота торговли и общественной деятельности. Так и горские кавказские народы, пред революцией столь отличавшиеся в верности российскому трону, вероятно ещё поразмыслят, есть ли расчет им отделяться. Не крупный Российский Союз нуждается в примыкании малых окраинных народов, но они нуждаются в том больше. И – исполать им, если хотят с нами.

В советской показной и лживой государственной системе присутствуют, однако, и верные, если честно их исполнять, элементы. Таков – Совет Национальностей, палата, где должен быть услышан, не потеряв голос и самой наималейшей народности. И вместе с тем справедлива нынешняя иерархия: «союзных республик» – автономных республик – автономных областей – и национальных округов. Численный вес народа не должен быть в пренебрежении, отказываться от этой пропорциональности – путь к хаосу; так может прозябать ООН, но не жизнеспособное государство.

Крымским татарам, разумеется, надо открыть полный возврат в Крым. Но при плотности населения XXI века Крым вместителен для 8–10 миллионов населения – и стотысячный татарский народ не может себе требовать владения им.

И наконец – наималейшие народности: ненцы, пермяки, эвенки, манси, хакасы, чукчи, коряки... и не перечислить всю дробность. Все они благополучно жили в царской «тюрьме народов», а к вымиранию поволокли их мы, коммунистический Советский Союз. Сколько зла причинила им окаянщина нашей администрации и наша хищная и безмозглая индустрия, неся гибель и отраву их краям, выбивая из-под этих народностей последнюю жизненную основу, особенно тех, чей объём так угрожающе мал, что не даёт им бороться за выживание. Надо успеть – подкрепить, оживить и спасти их! Ещё не вовсе поздно.

Каждый, и самый малый, народ – есть неповторимая грань Божьего замысла. Перелагая христианский завет, Владимир Соловьёв написал: «Люби все другие народы, как свой собственный».

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsyna@alexander.ru
XX век содрогается, разворачивается от политики, освободившей себя от всякой нравственности. Что требуется от любого порядочного человека, от того освобождены государства и государственные мужи. Пришёл крайний час искать более высокие формы государственности, основанные не только на эгоизме, но и на сочувствии.

Процесс разделения

Итак, объявить о несомненном праве на полное отделение тех двенадцати республик – надо безотлагательно и твёрдо. А если какие-то из них заколеблются, отделяться ли им? С той же несомненностью вынуждены объявить о нашем отделении от них – мы, оставшиеся. Это – уже слишком назрело, это необратимо, будет взрываться то там, то сям; все уже видят, что вместе нам не жить. Так не длить взаимное обременение.

Ещё этот мучительный и затратный процесс разделения отяжелит первый переходный период для всех нас, первую пору нового развития: сколько ещё нужно средств, средств, когда их и так нет. Однако лишь это разделение прояснит нам прозор будущего.

Но самого реального отделения нельзя произвести никакой одноминутной декларацией. Всякое одностороннее резкое действие – это повреждение множества человеческих судеб и взаимный развал хозяйства. И это не должно быть похоже, как бежали португальцы из Анголы, отдав её беспорядку и многолетней гражданской войне. С этого момента должны засесть за работу комиссии экспертов всех сторон. Не забудем и: как безответственно-небрежна была советская прометка границ. В каких-то местах может понадобиться уточнённая, по истинному расселению, в каких-то – и местные плебисциты под беспристрастным контролем.

Конечно, вся эта разборка может занять несколько лет.

Перед миллионами людей встанет тяжёлый вопрос: оставаться, где они живут, или уезжать? – а это связано с разорением всей их жизни, быта и нуждой в значительной помощи. (И не только для русских с окраин, но и окраинных уроженцев, живущих ныне в России.) Куда ехать? где новый кров? как дожить до новой работы? Это должно стать не личной бедой, а заботой вот этих комиссий экспертов и государственных компенсаций. И каждое новосозданное государство должно дать чёткие гарантии прав меньшинств.

И ещё сложнее: как наладится безболезненная разъёмка народных хозяйств или установление торгового обмена и промышленного сотрудничества на независимой основе.

И вот только в ходе этой работы и даже лишь по окончании её перед каждым государственным образованием подымутся его подлинные Проблемы, а не тот заядлый «национальный вопрос», который так натёр шею нам теперь, что перекошил все чувства и всю действительность.

Из того будущего разительные неожиданности проступают нам и сейчас. Так нетерпеливо жаждет национальной независимости Грузия! (Впрочем, Россия не завоевывала её насильственно, а только Ленин в 1921.) А вот уже сегодня: притеснение абхазцев, притеснение осетин и недопуск на исконную родину высланных Сталиным месхов, – неужели это и есть желанная национальная свобода?

За что б мы ни взялись, над чем бы ни задумались в современной политической жизни – никому из нас не ждать добра, пока наша жестокая воля гонится лишь за нашими интересами, упуская не то что Божью справедливость, но самую умеренную нравственность.

Неотложные меры Российского союза

За три четверти века так выбедняли мы, засквернели, так устали, так отчаялись, что у многих опускаются руки, и уже кажется: только вмешательство Неба может нас спасти.

Но не посылается Чудо тем, кто не силится ему навстречу.

И судьба наших детей, и наша воля к жизни, и наше тысячелетнее прошлое, и дух наших предков, перелившийся же как-то в нас, – помогут найти силы преодолеть и это, и это всё.

И хоть не отпущено нам времени размышлять о лучших путях развития и составлять размеренную программу, и обречены мы колотиться, метаться, затыкать пробоины, обтесняют нас первосущные нужды, вопиющие каждая о своём, о своём, – не должны мы терять хладнокровия и предусмотрительной мудрости в выборе первых мер.

Я не берусь в одиночку перечислять их: должны сойтись на совет здравые практические умы, на сотрудничество – лучшие энергии. Рыдает всё в нашем сегодняшнем хозяйстве, и надо искать ему путь, без этого жить нельзя. И надо же скорей открыть людям трудовой смысл, ведь уже полвека никому нет никакого расчёта работать! и некому хлеб выращивать, и некому за скотом ходить. И миллионы обитают так, что и жилищами назвать нельзя, или по двадцать лет в гнойных общежитиях. И нищенствуют все старики и инвалиды. И загажены наши дивные когда-то просторы промышленными свалками, изрыты чудовищным бездорожьём. И мстит природа, неблагодарно презренная нами, и расползаются радиоактивные пятна Чернобыля, да не только его.

И ко всему теперь вот – готовить переселение соотечественникам, теряющим жительство? Да, неизбежно.

И – откуда же набрать средств?

А: до каких же пор мы будем снабжать и крепить – неспособные держаться тиранические режимы, насаженные нами в разных концах Земли, – этих бездонных расхитчиков нашего достояния? – Кубу, Вьетнам, Эфиопию, Анголу, Северную Корею, нам же – до всего дело! и это ещё не все названы, ещё тысячами околачиваются наши «советники», где ни попало. И столько крови пролито в Афганистане – жалко и его упустить? гони деньги и туда?.. Это всё – десятки миллиардов в год.

Вот кто на это даст отрубный единомоментный отказ – вот это будет государственный муж и патриот.

А до каких пор и зачем нам выдувать всё новые, новые виды наступательного оружия? да всеокеанский военный флот? Планету захватывать? А это всё – уже сотни миллиардов в год. И это тоже надо отрубить – в одночас. Может подождать – и Космос.

А ещё – льготное снабжение Восточной Европы нашим на всё страдательным сырьём. Пожили «социалистическим лагерем» – и хватит. За страны Восточной Европы – радуемся, и пусть живут и цветут свободно, – а платят за всё по мировым ценам.

И этого мало? Так пресечь безоглядные капитальные вложения в промышленность, не успевающие ожить.

Наконец – необозримое имущество КПСС, об этом уже все говорят. Награбили народного добра за 70 лет, попользовались. Конечно, уже не вернут ничего растраченного, разбросанного, расхищенного, – но отдайте хоть что осталось: здания, и санатории, и специальные фермы, и издательства, – и живите на свои членские взносы. (И за чисто партийный стаж – платите и пенсии сами, не от государства.)

И всю номенклатурную бюрократию, многомиллионный тунейный управительный аппарат, костенящий всю народную жизнь, – с их высокими зарплатами, поблажками да специальными магазинами, – кончаем кормить? Пусть идут на полезный труд, и сколько выручат. При новом порядке жизни четыре пятых министерств и комитетов тоже не станут нужны.

Вот отовсюду от этого – и деньги.

А на что ушло пять, скоро шесть лет многошумной «перестройки»? На жалкие внутрикашные перестановки. На склёпку уродливой, искусственной избирательной системы, чтобы только компартии не упустить власть. На оплошные, путанные и нерешительные законы.

Нет, не откроется народного пути даже к самому неотложному, и ничего дельного мы не достигнем, пока коммунистическая ленинская партия не просто уступит пункт конституции – но полностью устранится от всякого влияния на экономическую и государственную жизнь, полностью уйдёт от управления нами, даже какой-то

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru отраслю нашей жизни или местностью. Хотелось бы, чтоб это произошло не силовым выжиманием и вышиванием её – но её собственным публичным раскаянием: что цепью преступлений, жестокостей и бессмыслия она завела страну в пропасть и не знает путей выхода. Вот чему пора, а не состраивать теперь для позорной преемственности новую РКП, принимать всю кровь и грязь на русское имя и волочиться против хода истории. Такое публичное признание партией своей вины, преступности и беспомощности стало бы хоть первым разрежением нашей густогнетущей моральной атмосферы.

А ещё высится над нами – гранитная громада КГБ, и тоже не пускает нас в будущее. Прозрачны их уловки, что именно сейчас они особенно нужны – для международной разведки. Все видят, что как раз наоборот. Вся цель их – существовать для себя, и подавлять всякое движение в народе. Этому ЧКГБ с его кровавой 70-летней злодейской историей – нет уже ни оправдания, ни права на существование.

Земля

Для чего-то же дано земле – чудесное, благословенное свойство плодоносить. И – потеряны те скопления людей, кто не способен взять от неё это свойство.

Земля для человека содержит в себе не только хозяйственное значение, но и нравственное. Об этом убедительно писали у нас Глеб Успенский, Достоевский, да не только они.

Ослабление тяги к земле – большая опасность для народного характера. А ныне крестьянское чувство так забито и вытравлено в нашем народе, что, может быть, его уже и не воскресить, опоздано-переопоздано.

Как вводится сегодняшняя аренда – больше обман и издевательство, ни толку ни ряду, только хуже погубят охоту у людей, потянувшихся к земле. Арендаторы остаются в гнущей зависимости от колхозно-совхозных властей, и те могут вволю беззаконствовать. Под аренду выделяются часто худшие, заброшенные земли, и подороже берут за них, и инвентарь по завышенной цене, а продукцию вынуждают сдавать подешевле; то не дают обещанных кормов, то отбирают взятых на откорм животных, пропали и труд, и деньги; и «сельхозтехника» может внезапно нарушить договор. Да участок земли – это ещё не свобода крестьянина, нужен же и свободный рынок, и доступный транспорт, и кредит, и ремонт техники, и строительный материал.

За все реформы мы берёмся как похуже – так и тут. Только губят дело и отбивают у людей последнюю веру в обещания власти.

Вообще по сравнению с колхозами – личная аренда (и не от колхозов, а от местного самоуправления) несомненный шаг к улучшению нашего сельского хозяйства. В норме, установленной для данной местности (в соответствии с кадастром), – аренда пожизненная и с неограниченной передачей по наследству; с отобранием участка лишь в случае небрежного землеустройства, но не от болезни семьи арендатора; с правом добровольного отказа от участка – и в этом случае оплатой арендатору того, что он вложил в землю и возвёл на ней. (И для всего этого совсем не нужен специальный административный аппарат над арендаторами: подобные случаи не будут многочисленны, и с ними управится местное земство.)

Однако при нынешней нашей отвычке от земли (и оправданном недоверии к властям, уже столько раз обманывавшим) – арендой, может быть, уже людей и не привлечь. К тому ж земельная аренда и не выдерживает экономической конкуренции с частной собственностью на землю, при которой и гарантировано длительное улучшение земли, а не истощение, и только при ней мы можем рассчитывать, что наше сельское хозяйство не будет уступать западному. И предвидя и требуя самостоятельности во всех областях жизни – как же не допустить её с землёй? Отказать деревне в частной собственности – значит закрыть её уже навсегда.

Но введение её должно идти с осторожностью. Уже при Столыпине были строгие ограничения, чтобы земля попадала именно в руки крестьян-земледельцев, а не крупных спекулянтов или на подставные имена, через «акционерные общества». А сегодня искоренено наше крестьянское сословие, вымерло; и больше развязанной ловкости у анонимных спекулянтов из теневой экономики, уже накопивших первичные капиталы; и нынешняя подкупная администрация не способна на чёткий контроль, – сегодня, под маркой же «акционерных обществ», «организаций», «кооперативов», могли бы скупать едва ли не латифундии и затем сажать арендаторов уже от себя.

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru (Не говоря уже о покупке земли иностранцами.) Такие покупки во всяком случае не должны быть допущены. Если земля окажется расхватаана крупными владельцами – это сильно стеснит жизнь остальных. (Да и не можем мы такое допустить в предвидении близкого перенаселения всей планеты, тогда и нашей страны.)

Покупка земли должна производиться со льготами многолетней рассрочки, и в налогах тоже. Ограничение земельного участка предельными (для данной местности) размерами – само по себе никак не стесняет трудового смысла и трудовой свободы. Напротив: усилия каждого хозяина будут направлены не на широту владения, а на улучшение обработки, интенсивность методов. Что наши люди могут при этом – и в самых изнудительно-враждебных стеснениях от власти – творить чудеса, уже показано на крохотных приусадебных клочках, кормивших страну при дутой колхозной системе.

Ограничение размеров оставляет земельные резервы для раздачи малых участков земли – и рабочим, желающим иметь свой огородный урожай, и горожанам, ищущим отдушину от закупоренной жизни. И эта раздача – должна быть бесплатной (только бы обрабатывали!); этот же размер входил бы бесплатной частью и земледельцам, покупающим землю.

И для всех них – земля должна найтись.

Хозяйство

Столыпин говорил: нельзя создать правового государства, не имея прежде независимого гражданина: социальный порядок первичней и раньше всяких политических программ.

А – независимого гражданина не может быть без частной собственности.

За 70 лет в наши мозги втравили бояться собственности и чураться наёмного труда как нечистой силы – это большая победа Идеологии над нашей человеческой сущностью. (Как и весь облик западной экономики внедряли в наши мозги карикатурно.)

Но обладание умеренной собственностью, не подавляющей других, – входит в понятие личности, дает ей устояние. А добросовестно выполненный и справедливо оплаченный наёмный труд – есть форма взаимопомощи людей и ведет к доброжелательности между ними.

И зачем нам ещё цепляться за централизованную холостую, идеологически «регулируемую» экономику, приведшую всю страну к нищете? – только чтобы содержать паразитический аппарат, иначе ему не останется и последнего оправдания?

Конечно, тот удар, который испытают миллионы неготовых непривычных людей от перехода к рыночной экономике, должен быть предельно смягчён. К счастью (к несчастью!), у нас есть для этого тот многомиллиардный валютный отток бюджета, только что перечислено, на что мы его распропащаем.

Скоро шесть лет – а шумливая «перестройка» ещё ведь и не коснулась целебным движением ни сельского хозяйства, ни промышленности. А ведь эта растяжка – это годы страдания людей, вычеркиваемые из жизни.

Но и перенимать бездумным перехватом чужой тип экономики, складывавшийся там веками и по стадиям, – тоже разрушительно. Я не имею экономических знаний и менее всего отваживаюсь тут на точные предложения. Какой именно процедурой возможен переход от сплошь государственных предприятий к частным и кооперативным; какие тут финансовые условия должны быть предусмотрены; что именно из нынешнего государственного имущества останется в руках государства, в том числе из транспорта, флота, лесов, вод, земель, недр, а в какой доле они должны быть уступлены ведению областному и местному; на чьём бюджете будет социальное обеспечение, образование, жилищное строительство; какие потребуются новые трудовые законы, – о том есть уже много конкретных разработок у экономистов, хотя друг с другом и сильно несогласных.

Но в общем виде мне кажется ясным, что надо дать простор здоровой частной инициативе и поддерживать и защищать все виды мелких предприятий, на них-то скорей всего и расцветут местности, – однако твёрдо ограничить законами

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsyna@alexander.ru
возможность безудержной концентрации капитала, ни в какой отрасли не дать создаваться монополиям, контролю одних предприятий над другими. Монополизация грозит ухудшением товаров: фирма может позволить себе, чтобы спрос не угасал, выпускать изделия недолговечные. Веками гордость фирм и владельцев вещей была неизносность товаров, ныне (на Западе) – оглушающая вереница всё новых, новых кричащих моделей, а здоровое понятие ремонта – исчезает: едва подпорченная вещь вынужденно выбрасывается и покупается новая, – прямо напротив человеческому чувству самоограничения, прямой разврат.

К этому надо добавить ещё и психологическую чуму роста цен – это в развитых-то странах: при росте производительности труда – цены не падают, а растут! пожирающее экономическое пламя, а не прогресс. (Старая Россия по веку жила с неизменными ценами.)

Нельзя допустить напор собственности и корысти – до социального зла, разрушающего здоровье общества. Противомонопольным законодательством необходимо в пределах любого вида производства регулировать непомерный рост сильно укрупнёнными налогами. Банки – нужны как оперативные центры финансовой жизни, но – не дать им превратиться в ростовщические наросты и стать негласными хозяевами всей жизни.

Так же в общем виде кажется ясным, что ценою нашего выхода из коммунизма не должна быть кабальная раздача иностранным капиталистам ни наших недр, ни поверхности нашей земли, ни, особенно, – лесов. Это опаснейшая идея: что загублено нашим внутренним беспорядком – теперь пытаться спастись через иностранный капитал. Он будет литься к нам тогда, когда обнаружит у нас для себя высокую прибыльность. Но не заманивать к нам западный капитал на условиях, льготных для него и унижительных для нас, только придите и владейте нами, – этой расторговли потом не исправить, обратимся в колонию. (Хотя: за советские три четверти века мы и скатились на уровень колонии, а какой же иной?..) Допускать его – в твёрдом русле: чтобы вносимое им экономическое оживление не превышало ни уносимой прибылью, ни разорением нашей природной среды. Тогда и мы ускорим наше качественное выравнивание с развитыми странами.

Но – не окончательно же забиты и забыты трудовые свойства нашего народа. Видим мы, как японцы вышли из падения и даже взнеслись не иностранными вливаниями, а своей высокой трудовой моралью. Как только снимется государственный гнёт над каждым нашим действием и оплата станет справедливой – сразу поднимется качество труда и повсюду засверкают наши умельцы. Если и нескоро мы достигнем такого уровня, чтоб наши товары имели международный спрос, – то для страны нашего размера и богатства возможно немалое время обходиться и внутренним рынком.

Однако никакая нормальная хозяйственная жизнь, разумеется, несовместима с нынешней рабской милицейской «пропиской».

Надо нам научиться уважать (и отличать от хищничества, на взятках, в обокрад управленческой рухляди) – здоровую, честную, умную частную торговлю: она – живит и скрепляет общество, она нужна нам из первых.

Я вовсе не берусь высказывать предположений по вопросам финансовым, бюджетным и налоговым. Но ясно, что наряду со строгим природоохранным надзором и ощутимыми штрафами за порчу окружающей среды – должны финансово поощряться все природоустроительные усилия и восстановление традиционных производственных ремёсел.

Провинция

Станет или не станет когда-нибудь наша страна цветущей – решительно зависит не от Москвы, Петрограда, Киева, Минска, – а от провинции. Ключ к жизнеспособности страны и к живости её культуры – в том, чтоб освободить провинцию от давления столиц, и сами столицы, эти болезненные гиганты, освободились бы от искуственного переотягощения своим объёмом и необозримостью своих функций, что лишает и их нормальной жизни. Да они не сохранили и нравственных оснований подменять собой возрожденье страны, после того как провинция на 60 лет была отдана голоду, унижениям и ничтожности.

Вся провинция, все просторы Российского Союза вдобавок к сильному (и всё растущему по весу) самоуправлению должны получить полную свободу хозяйственного и культурного дыхания. Наша родина не может жить самоценно иначе, как если

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru укрепятся, скажем, сорок таких рассеянных по её раскинутости жизненных и световых центров для своих краёв, каждый из них – средоточие экономической деятельности и культуры, образования, самодостаточных библиотек, издательств, – так чтобы всё окружное население могло бы получать полноценное культурное питание, и окружная молодёжь для своего обучения и роста – всё не ниже качеством, чем в столицах. Только так может соразмерно развиваться большая страна.

Вокруг каждого из таких сорока городов – возникнет из обморока и самобытность окружного края. Только при таком рассредоточении жизни начнут повсюду восстанавливаться загубленные и строиться новые местные дороги, и городки, и сёла вокруг.

И это особенно важно – для необъятной Великой Сибири, которую мы с первых же пятилеток ослеплённо безумно калечили вместо благоденственного развития.

И здесь, как и во многом, наш путь выздоровления – с низов.

Семья и школа

Хотя неотложно всё, откуда гибель сегодня, – а ещё неотложней закладка долгорастущего: за эти годы нашего кругового навёрстывания – что будет тем временем созревать в наших детях? от детской медицины, раннего выращивания детей – и до образования? Ведь если этого не поправить сейчас же, то и никакого будущего у нас не будет.

О многобедственном положении женщины у нас – знают все, и все уже говорят, тут нет разнотолковщины, и нечего доказывать. И о падении рождаемости, о детской смертности, и о болезненности рождённых, об ужасающем состоянии родильных домов, ясель и детских садов.

Нормальная семья – у нас почти перестаёт существовать. А болезнь семьи – это становая болезнь и для государства. Сегодня семья – основное звено спасения нашего будущего. Женщина – должна иметь возможность вернуться в семью для воспитания детей, таков должен быть мужской заработок. (Хотя при ожидаемой безработице первого времени это не удастся так прямо: иная семья и рада будет, что хоть женщина сохранила пока работу.)

И такая ж неотсрочная наша забота – школа. Сколько мы выдуривались над ней за 70 лет! – но редко в какие годы она выпускала у нас знающих, и то лишь по доле предметов, да и таких-то – только в отобранных школах крупных городов, а Ломоносову провинциальному, а тем более деревенскому – сегодня никак бы не появиться, не пробиться, такому – нет путей (да прежде всего – «прописка»). Подъятие школ должно произойти не только в лучших столичных, но – упорным движением от низайшего уровня и на всех просторах родины. Эта задача – никак не отложнее всех наших экономических. Школа наша давно плохо учит и дурно воспитывает. И недопустимо, чтобы должность классного воспитателя была почти не оплаченным добавочным бременем: она должна быть возмещена уменьшением требуемой с него учебной нагрузки. Нынешние программы и учебники по гуманитарным наукам все обречены если не на выброс, то на полнейшую переработку. И атеистическое вдалбливание должно быть прекращено немедленно.

А начинать-то надо ещё и не с детей – а с учителей, ведь мы их-то всех забросили за край прозябания, в нищету; из мужчин, кто мог, ушли с учительства на лучшие заработки. А ведь школьные учителя должны быть отборной частью нации, призванные к тому: им вручается всё наше будущее. (А – в каких институтах мы учили нынешних, и какой идеологической дребедени? Начинать менять, спасать истинные знания – надо с программ институтских.)

В скором будущем надо ждать, очевидно, и частных платных школ, обгоняющих общий подъём всей школы, – для усиления отдельных предметов и сторон образования. Но в тех школах не должно быть безответственного самовольства программ, они должны находиться под наблюдением и контролем земских органов образования.

Упущенная и семьёй и школой, наша молодёжь растёт если не в сторону преступности, то в сторону неосмысленного варварского подражания чему-то заманчивому исхужа. Исторический железный занавес отлично защищал нашу страну ото всего хорошего, что есть на Западе: от гражданской нестеснённости, уважения к личности, разнообразия личной деятельности, от всеобщего благосостояния, от

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru благотворительных движений, – но тот Занавес не доходил до самого-самого низу, и туда подтекала навозная жижа распушенной опустившейся «поп-масс-культуры», вульгарнейших мод и издержек публичности, – и вот эти отбросы жадно впитывала наша обделённая молодежь: западная – дурит от сытости, а наша в нищете бездумно перехватывает их забавы. И наше нынешнее телевидение услужливо разносит те нечистые потоки по всей стране. (Возражения против всего этого считаются у нас дремучим консерватизмом. Но поучительно заметить, как о сходном явлении звучат тревожные голоса в Израиле: «Ивритская культурная революция была совершена не для того, чтобы наша страна капитулировала перед американским культурным империализмом и его побочными продуктами», «западным интеллектуальным мусором».)

Уже всё известно, писалось не раз: что гибнут книжные богатства наших библиотек, полупустуют читальни, в забросе музеи. Они-то все нуждаются в государственной помощи, они не могут жить за счёт кассовых сборов, как театры, кино и художественные выставки. (А вот спорт, да в расчёте на всемирную славу, никак не должен финансироваться государством, но – сколько сами соберут; а рядовое гимнастико-атлетическое развитие даётся в школе.)

Всё ли дело в государственном строе
Приходится признать: весь XX век жестоко проигран нашей страной; достижения, о которых трубили, все – мнимые. Из цветущего состояния мы отброшены в полудикарство. Мы сидим на разорище.

Сегодня у нас горячо обсуждается: какое государственное устройство нам отныне подходит, а какое нет, – а этим, мол, всё и решится. И ещё: какая б новая хлёткая партия или «фронт» нас бы теперь повели к успехам.

Но сегодня воспрять – это не просто найти удобнейшую форму государственного строя и скороспешно сочинить к нему замечательную конституцию, параграф 1-й, параграф 45-й. Надо оказаться предусмотрительней наших незадачливых дедов-отцов Семнадцатого года, не повторить хаос исторического Февраля, не оказаться снова игрушкой заманных лозунгов и захлэбчивых ораторов, не отдаться ещё раз добровольно на посрамление.

Решительная смена властей требует ответственности и обдуманья. Не всякая новозатейщина обязательно ведёт прямо к добру. Наши несравненные в 1916 году критики государственной системы – через несколько месяцев, в 1917, получив власть, оказались совсем не готовы к ней и всё загубили. Ни из чего не следует, что новоприходящие теперь руководители окажутся сразу трезвы и прозорливы.

Вот, в кипении митингов и нарождающихся партиек, мы не замечаем, как натянули на себя балаганные одежды Февраля – тех злословных восьми месяцев Семнадцатого года. А иные как раз заметили и с незрячим упоением восклицают: «Новая февральская революция!» (Для точности совпадения высунулись уже и чёрные знамена анархистов.)

После людоежорской полосы в три четверти века, если мы уже так дорого заплатили, если уж так сложилось, что мы оказались на том краю государственного спектра, где столь сильна центральная власть, – не следует нам спешить опрометчиво сдвигаться в хаос: анархия – это первая гибель, как нас научил 1917 год.

Государству, если мы не жаждем революции, неизбежно быть плавно-преемственным и устойчивым. И вот уже созданный статут потенциально сильной президентской власти нам ещё на немалые годы окажется полезным. При нынешнем скоплении наших бед, ещё так осложнённом и неизбежным разделением с окраинными республиками, – невозможно нам сразу браться решать вместе с землёй, питанием, жильём, собственностью, финансами, армией – ещё и государственное устройство тут же. Что-то в нынешнем государственном строе приходится пока принять просто потому, что оно уже существует.

Конечно, постепенно мы будем пересоставлять государственный организм. Это надо начинать не всё сразу, а с какого-то края. И ясно, что: снизу, с мест. При сильной центральной власти терпеливо и настойчиво расширять права местной жизни.

Конечно, какая-то определённая политическая форма постепенно будет нами принята, – по нашей полной политической неопытности скорей всего не сразу удачная, не сразу наиболее приспособленная к потребностям именно нашей страны. Надо искать свой путь. Сейчас у нас самовнушение, что нам никакого собственного пути искать

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru не надо, ни над чем задумываться, – а только поскорей перенять, «как делается на Западе».

Но на Западе делается – ещё ой как по-разному! у каждой страны своя традиция. Только нам одним – не нужно ни оглядываться, ни прислушиваться, что говорили у нас умные люди ещё до нашего рождения.

А скажем и так: государственное устройство – второстепенное самого воздуха человеческих отношений. При людском благородстве – допустим любой добропорядочный строй, при людском озлоблении и шкурничестве – невыносима и самая разливистая демократия. Если в самих людях нет справедливости и честности – то это проявится при любом строе.

Политическая жизнь – совсем не главный вид жизни человека, политика – совсем не желанное занятие для большинства. Чем размахистей идёт в стране политическая жизнь – тем более утрачивается душевная. Политика не должна поглощать духовные силы и творческий досуг народа. Кроме прав человек нуждается отстоять и душу, освободить её для жизни ума и чувств.

А сами-то мы – каковы?

Источник силы или бессилия общества – духовный уровень жизни, а уже потом – уровень промышленности. Одна рыночная экономика и даже всеобщее изобилие – не могут быть венцом человечества. Чистота общественных отношений – основной, чем уровень изобилия. Если в нации иссякли духовные силы – никакое наилучшее государственное устройство и никакое промышленное развитие не спасёт её от смерти, с гнилым дуплом дерево не стоит. Среди всех возможных свобод – на первое место всё равно выйдет свобода бессовестности: её-то не запретишь, не предусмотреть никакими законами. Чистая атмосфера общества, увы, не может быть создана юридическими законами.

Разрушение наших душ за три четверти столетия – вот что самое страшное.

Страшно то, что развращённый правящий класс – многомиллионная партийно-государственная номенклатура ведь не способна добровольно отказаться ни от какой из захваченных привилегий. Десятилетиями она бессовестно жила за счёт народа – и хотела б и дальше так.

А из бывших палачей и гонителей – кто хоть потеснён с должностей? с неза заслуженного пенсионного достатка? До смерти кохали мы Молотова, ещё и теперь Кагановича, и сколько неназванных. В Германии – всех таких, и куда мельче, судили, – у нас, напротив, они же сегодня грозят судами, а иным – сегодня! – ставят памятники, как злодею-чекисту Берзину. Да где уж нам наказывать государственных преступников? да не дожидаться от них и самого малого раскаяния. Да хоть бы они прошли через публичный моральный суд. Нет, видно поползём и так...

А – славные движущие силы гласности и перестройки? В ряду этих модных слов – нет слова очищение. И вот в новую гласность кинулись и все грязные уста, которые десятилетиями обслуживали тоталитаризм. Из каждых четырёх трубадуров сегодняшней гласности – трое недавних угодников брежневщины, – и кто из них произнес слово собственного раскаяния вместо проклятий безликому «застою»? И с вузовских гуманитарных кафедр поныне самоуверенно вещают всё те же, кто десятилетиями омрачивал студентам сознание. Десятки тысяч образованцев у нас огрязнены лицемерием, переметчивостью, – и мы ни от кого не ждём раскаяния, и весь этот душевный гной пусть так и тянется с нами в будущее?

А – душетлительная казарменная «дедовщина» для наших сыновей? Разве это изгладится когда-нибудь с них?

А всеобщая озлобленность наших людей друг ко другу? – просто так, ни за что. На тех, кто ни в чём не виноват.

Да удивляться ли и взрыву уголовной преступности – среди тех, кому всю их молодую жизнь были закрыты честные пути?

У прежних русских купцов было купеческое слово (сделки заключались без письменных контрактов), христианские представления, исторически известная размазная благодетельность, – дождёмся ли мы такого от акул, взращённых в мутном советском подводье?

Западную Германию наполнило облако раскаяния – прежде, чем там наступил экономический расцвет. У нас – и не начали раскаиваться. У нас надо всю гласностью нависают гирляндами – прежние тяжёлые, жирные гроздья лжи. А мы их – как будто не замечаем.

Криво ж будет наше развитие.

Хотелось бы подбодриться благодетельными возможностями Церкви. Увы, даже сегодня, когда уже всё в стране пришло в движение – оживление смелости мало коснулось православной иерархии. (И во дни всеобщей нищеты надо же отказаться от признаков богатства, которыми соблазняет власть.) Только тогда Церковь поможет нам в общественном оздоровлении, когда найдёт в себе силы полностью освободиться от ига государства и восстановить ту живую связь с общенародным чувством, какая так ярко светилась даже и в разгаре Семнадцатого года при выборах митрополитов Тихона и Вениамина, при созыве Церковного Собора. Явить бы и теперь, по завету Христа, пример бесстрашия – и не только к государству, но и к обществу, и к жгучим бедам дня, и к себе самой. Воскресительные движения и тут, как во всей остальной жизни, ожидаются – и уже начались – снизу, от рядового священства, от сплоченных приходов, от самоотверженных прихожан.

Самоограничение

Самый модный лозунг теперь, и мы все охотно повторяем: «права человека». (Хотя очень разное все имеем в виду. Столичная интеллигенция понимает: свобода слова, печати, собраний и эмиграции, но многие возмущены были бы и требовали бы запретить «права», как их понимает черноародье: право иметь жилище и работать в том месте, где кормят, – отчего хлынули бы миллионы в столичные города.)

«Права человека» – это очень хорошо, но как бы нам самим следить, чтобы наши права не поширились за счёт прав других? Общество необузданных прав не может устоять в испытаниях. Если мы не хотим над собой насильственной власти – каждый должен обуздывать и сам себя. Никакие конституции, законы и голосования сами по себе не сбалансируют общества, ибо людям свойственно настойчиво преследовать свои интересы. Большинство, если имеет власть расширяться и хватать, – то именно так и делает. (Это и губило все правящие классы и группы истории.) Устойчивое общество может быть достигнуто не на равенстве сопротивлений – но на сознательном самоограничении: на том, что мы всегда обязаны уступать нравственной справедливости.

Только при самоограничении сможет дальше существовать всё умножающееся и уплотняющееся человечество. И ни к чему было всё долгое развитие его, если не проникнуться духом самоограничения: свобода хватать и насыщаться есть и у животных. Человеческая же свобода включает добровольное самоограничение в пользу других. Наши обязательства всегда должны превышать предоставленную нам свободу.

Только бы удалось – освоить нам дух самоограничения и, главное, уметь передать его своим детям. Больше-то всего самоограничение и нужно для самого человека, для равновесия и невзмутности его души.

И тут – много внутренних возможностей. Например, после нашего долгого глухого неведения – естественен голод: узнавать и узнавать правду, что же именно было с нами. Но иные уже сейчас замечают, другие заметят вскоре, что сверх того непосильный современный поток уже избыточной и мелочной информации расхищает нашу душу в ничтожность и на каком-то рубеже надо самоограничиться от него. В сегодняшнем мире – всё больше разных газет, и каждая из них всё пухлей, и все наперебой лезут перегрузить нас. Всё больше каналов телепередач, да ещё и днём (а вот в Исландии – отказались от всякого телевидения хоть раз в неделю); всё больше пропагандистского, коммерческого и развлекательного звука (нашу страну ещё и поселе измождают долбящие радиодинамики над просторами), – да как же защитить право наших ушей на тишину, право наших глаз – на внутреннее видение?

Размеренный выход из полосы наших несчастий, который Россия сумеет или не сумеет теперь осуществить, – трудней, чем было встряхнуться от татарского ига: тогда не был сокрушён самый хребет народа и не была подорвана в нём христианская вера.

В 1754 году, при Елизавете, Пётр Иванович Шувалов предложил такой удивительный – Проект сбережения народа.

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsyna@alexander.ru
Вот чудак?

А ведь – вот где государственная мудрость.

Подальше вперед

Нельзя надеяться, что после нынешнего смутного времени наступит некое «спокойное», когда мы «сядем и подумаем», как устраивать будущее. Исторический процесс – непрерывен, и таких льготных передышек нам никто «потом» не даст, как не дали «сесть и подумать» Учредительному Собранию. И как ни жжёт сегодняшнее – о нашем будущем устройстве всё же надо думать загодя. (Мне же – и возраст мой не даёт уверенности, что я ещё буду участвовать в обсуждении этих вопросов.)

До революции народ наш в массе не имел политических представлений – а то, что за тем пропагандно вбивали в нас 70 лет, вело лишь к одурению. Сейчас, когда мы двинулись к развитию у нас политической жизни, уже обсуждаются и формы будущей власти, – полезно, чтоб избежать возможных ошибок, уточнить содержание некоторых терминов.

О государственной форме

Освальд Шпенглер верно указывал, что в разных культурах даже сам смысл государства разный и нет определившихся «лучших» государственных форм, которые следовало бы заимствовать из одной великой культуры в другую. А Монтескье: что каждому пространственному размеру государства соответствует определённая форма правления и нельзя безнаказанно переносить форму, не сообразуясь с размерами страны.

Для данного народа, с его географией, с его прожитой историей, традициями, психологическим обликом, – установить такой строй, который вёл бы его не к вырождению, а к расцвету. Государственная структура должна непременно учитывать традиции народа. «Так говорит Господь: остановитесь на путях ваших и рассмотрите и расспросите о путях древних, где путь добрый, и идите по нему» (Иерем. 6: 16).

Народ имеет несомненное право на власть, но хочет народ – не власти (жажда её свойственна лишь процентам двум), а хочет прежде всего устойчивого порядка. Даже христианский социалист Г.П. Федотов после опыта 1917 года настаивал, что власть должна быть сильной и даже, писал он: не зависеть от совета законодателей и отчитываться перед ним лишь после достаточного срока. (Это, пожалуй, уже и слишком.)

Если избрать предлагаемый далее порядок построения институтов свободы снизу, при временном сохранении центральной власти в тех формальных чертах, как она уже существует, – то это займёт у нас ряд лет, и ещё будет время основательно обсудить здоровые правила государственного построения.

О будущем сегодня можно высказываться лишь предположительно, оставляя простор для нашего предстоящего опыта и новых размышлений. Окончательная государственная форма (если она вообще может быть окончательной) – дело последовательных приближений и проб.

Платон, за ним Аристотель выделили и назвали три возможных вида государственного устройства. Это, в нормальном ряду: монархия, власть одного; аристократия, власть лучших или для лучших целей; и политеия, власть народа в малом государстве-полисе, осуществляемая в общем интересе (мы теперь говорим – демократия). Они же предупредили о формах деградации каждого из этих видов, соответственно: в тиранию; в олигархию; в демократию, власть толпы (мы теперь говорим – в охлократию). Все три формы могут быть хороши, если они правят для общественного блага, – и все три искажаются, когда преследуют частные интересы.

С тех пор, кажется, никто и не создал практически ничего, что не вошло бы в эту схему, лишь дополняли её формами конституций. И если обминуть ещё полное безвластие (анархию, власть каждого сильного над каждым слабым); и не попасться снова в капкан тоталитаризма, изобретенного в XX веке, то нельзя сказать, чтоб у нас был широкий выбор: по всему потоку современности мы выберём несомненно демократию.

Но выбирая демократию – надо отчётливо понимать, что именно мы выбираем и за какую цену. И выбираем как средство, а не как цель. Современный философ Карл

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsyna@alexander.ru
Поппер сказал: демократию мы выбираем не потому, что она изобилует добродетелями, а только чтоб избежать тирании. Выбираем – с сознанием её недостатков и поиском, как их преодолеть.

Хотя в наше время многие молодые страны, едва вводя демократию, тут же испытывали и крах – именно в наше время демократия из формы государственного устройства возвысилась как бы в универсальный принцип человеческого существования, почти в культ.

Постараемся всё же уследить точный смысл термина.

Что есть демократия и что не есть
Алексис Токвиль считал понятия демократии и свободы – противоположными. Он был пламенный сторонник свободы, но отнюдь не демократии. Дж. С. Милль видел в неограниченной демократии опасность «тирании большинства», а для личности нет разницы, подчинилась ли она одиночному тирану или множественному.

Г. Федотов писал, что демократию искажил атеистический материализм XIX века, обезглавивший человечество. И австрийский государственный деятель нашего века Иозеф Шумпетер называл демократию – суррогатом веры для интеллектуала, лишённого религии. И предупреждал, что нельзя рассматривать демократию вне страны и времени применения.

Русский философ С.А. Левицкий предлагал различать:

дух демократии: 1) свобода личности; 2) правовое государство;

и вторичные, необязательные признаки её: 1) парламентский строй; 2) всеобщее избирательное право. Эти два последних принципа совсем не очевидны.

Уважение к человеческой личности – более широкий принцип, чем демократия, и вот оно должно быть выдержано непременно. Но уважать человеческую личность не обязательно в форме только парламентаризма.

Однако и права личности не должны быть взнесены так высоко, чтобы заслонить права общества. Папа Иоанн-Павел II высказал (1981, речь на Филиппинах), что в случае конфликта национальной безопасности и прав человека приоритет должен быть отдан национальной безопасности, то есть целостности более общей структуры, без которой развалится и жизнь личностей.

А президент Рональд Рейган (1988, речь в Московском университете) выразил так: демократия – не столько способ правления, сколько способ ограничить правительство, чтоб оно не мешало развитию в человеке главных ценностей, которые дают семья и вера.

У нас сегодня слово «демократия» – самое модное. Как его не склоняют, как им не звенят, гремят (и спекулируют).

Но не ощутимо, чтобы мы хорошо задумались над точным смыслом его.

После горького опыта Семнадцатого года, когда мы с размаху хлюпнулись в то, что считали демократией, – наш видный кадетский лидер В. А. Маклаков признал, и всем нам напомнил: «Для демократии нужна известная политическая дисциплина народа».

А у нас её и в Семнадцатом не было – и нынче как бы того не меньше.

Всеобщее – равное – прямое – тайное

Когда в 1937 Сталин вводил наши мартышечьи «выборы» – вынужден был и он придать им вид всеобщего-равного-прямого-тайного голосования («четырёххвостки»), – порядок, который в сегодняшнем мире кажется несомненным как всеобщий закон природы. Между тем и после первой французской революции (конституция 1791 г.) голосование ещё не было таковым: оставались ограничения и неравенства в разных цензах. Идея всеобщего избирательного права победила во Франции только в революцию 1848 г. В Англии весь XIX век находились видные борцы за «конституционный порядок» – такой, который бы обеспечивал, чтобы никакое большинство не было тираном над меньшинством, чтобы в парламенте было представлено всё разнообразие слоев общества, кто пользуется уважением и сознаёт ответственность перед страной, – это была задача сохранить устои страны, на

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsyna@alexander.ru
которых она выросла. С 1918 сползла ко всеобщему избирательному и Англия.

Достоевский считал всеобщее-равное голосование «самым нелепым изобретением XIX века». Во всяком случае, оно – не закон Ньютона, и в свойствах его разрешительно и усумниться. «Всеобщее и равное» – при крайнем неравенстве личностей, их способностей, их вклада в общественную жизнь, разном возрасте, разном жизненном опыте, разной степени укоренённости в этой местности и в этой стране? То есть – торжество бессодержательного количества над содержательным качеством. И ещё, такие выборы («общегражданские») предполагают неструктурность нации: что она есть не живой организм, а механическая совокупность рассыпанных единиц.

«Тайное» – тоже не украшение, оно облегчает душевную непрямоту или отвечает, уввы, нуждам боязни. Но на Земле и сегодня есть места, где голосуют открыто.

«Прямое» (то есть депутаты любой высоты избираются прямо от нижних избирательных урн) – особенно спорно в такой огромной стране, как наша. Оно обрекает избирателей не знать своих депутатов – и преимущество получают более ловкие на язык или имеющие сильную закулисную поддержку.

Все особенности избирательной системы и способов подсчёта голосов подробнее обсуждались в России комиссиями, партийными комитетами весной и летом 1917, из-за чего Учредительное Собрание и упустило время. И все демократические партии высказались против выборов четырёх-, трёх- или даже двухстепенных: потому что при таких выборах тянется цепочка личного знания кандидатов, избираемые представители теснее связаны со своей исходной местностью, «с местной колокольней», – а это лишало все партии возможности вставлять своих кандидатов из центра. Лидер кадетов П.Н. Милюков настаивал, что только прямые выборы от больших округов «обеспечат выбор интеллигентного и политически подготовленного представителя».

Кому что нужно.

Способы голосования

Цель всеобщего голосования – выявить Волю Народа: ту истинную Волю, которая будет всё направлять лучшим образом для народа. Существует ли такая единая Воля и какова она? – никто не знает. Но замечательно, что при разной системе подсчёта голосов мы узнаём эту волю по-разному и даже противоположно.

Большинству у нас сейчас не кажется важным, как именно устроена система голосования, а между тем она влияет существенно.

Состязуются в мире по крайней мере три системы подсчёта: пропорциональная, мажоритарная и абсолютного большинства.

Пропорциональная система почти не проводится иначе как по спискам (разумеется, партийным): в каждом округе (на несколько депутатских мест сразу, так партиям удобнее агитировать и контролировать) от каждой партии предлагается список кандидатов. И отдельный кандидат уже тем лишён личной ответственности перед избирателями, а только – перед партией; избиратели же лишены выбрать сами определённого представителя, кому доверяют, а выбирают только партию. (Различают две под-системы: «связанных списков», когда избиратель не может переставлять порядок желательности в списке, партия сама отберёт, – такой способ особенно применяется при малой грамотности населения; и под-система «свободных списков», где избиратель может отдать предпочтение кандидатам внутри списка или даже предложить свой список, что, и правда, очень затрудняет технику подсчёта. Есть третий вариант, когда округа делятся на подокруга, лишь с одним именем в каждом, но всё равно затем окружная комиссия производит подсчёт по партиям и, по пропорции, предоставляет места именно партиям, а не лицам. Во всех случаях выбор лиц достаётся в основном партиям.)

В 1917 все партии от кадетов до большевиков предпочитали именно этот способ, и при многокандидатных округах. Это усиленно одобрял влиятельный кадет И.В. Гессен: партиям так наиболее удобно организовать и действовать, а «при системе единоличных выборов руководящая роль нередко ускользает из рук партий»; одобрял и всем нам известный В.И. Ульянов-Ленин: он назвал «одним из самых передовых способов выбрать», когда выбираются «не отдельные лица, а партийные представители». Видно, не зря этот способ ему нравился. Пропорциональные выборы по спискам чрезмерно усиливают власть партийных инстанций, составляющих списки

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru кандидатов, и дают перевес большим организованным партиям. И это особенно потому выгодно партиям, что они могут рассорить своих центральных активистов по дальним округам, где те не живут, и так обеспечить их избрание. На этом – чтобы не требовалось от кандидата жить в своём округе – особенно настаивал кадетский съезд летом 1917: это «даёт возможность для ЦК централизовать производство выборов». Да и все другие партии – на том же. Так сказать, централизованная демократия.

При пропорциональной системе малые меньшинства обычно могут получить какой-то голос в представительном собрании, но создаётся множество парламентских фракций, и силы распыляются в раздор. Или это толкает партии поправлять своё положение через беспринципные коалиции с изъятиями для своей программы – но лишь бы набрать голосов и захватить правительство. В сегодняшнем мире есть разительные примеры такой государственной слабости и долгих правительственных кризисов.

При мажоритарной системе тоже бывают такие противоестественные компромиссы между партиями, но в виде ещё предвыборных блоков. При этой системе партия (или блок), едва опередившая других, получает подавляющее число мест, а едва позади – полный проигрыш: даже получив 49 % голосов – бывает можно совсем не получить парламентских мест. А при неточном распределении избирательных округов может случиться и так, что мажоритарная система даёт победу меньшинству. Так было, например, во Франции в 1893, 1898, 1902: некоторые победившие депутаты получили меньше голосов, чем побеждённые; в двух последних случаях совсем не были представлены в палате депутатов – 53 % избирателей.

Зато при этой системе создаётся устойчивое правительство.

Вводимая теперь у нас система выборов по абсолютному большинству (для чего возможен 2-й тур) также выталкивает мелкие партии, но даёт возможность торговать голосами между 1-м и 2-м турами.

При системе двух партий, как в Соединённых Штатах, независимые кандидаты ничего не решают, избиратель несёт свой голос одной из двух партий (обе – с сильным партийным аппаратом и богатейшей поддержкой). Не сразу, не всегда в одну избирательную кампанию, но при этой системе общественное недовольство находит выход, однако негативный: только бы сменить вот эту, правящую, партию – без гарантии, что сделают сменщики.

Итак, всего лишь от способа подсчёта голосов может ошеломительно измениться и состав правительства и его программа, выражающая, разумеется, Волю Народа.

Но вообще и всякое голосование, при любом способе подсчёта, – не есть поиск истины. Здесь всё сводится к численности, к упрощённой арифметической идее, к поглощению меньшинства большинством, а это опасный инструмент: меньшинство никак не менее важно для общества, чем большинство, а большинство – может впасть и в обман. «Не следуй за большинством на зло, и не решай тяжбы, отступая по большинству от правды» (Исход 23: 2).

К тому ж избирательные кампании при большой численности голосующих, среди незнакомых избирателей, бывают столь суетливы, визгливы, да при частом пристрастии массовых средств информации, что даже отвращают от себя значительную часть населения. Телевидение хотя и выявляет внешность кандидата, манеру держаться, но не государственные способности. Во всякой такой избирательной кампании происходит вульгаризация государственной мысли. Для благоуспешной власти нужны талант и творчество – легко ли избрать их всеобщим голосованием на широких пространствах? Сама по себе – такая система не понуждает политических деятелей действовать выше своих политических интересов, и даже наоборот: кто будет исходить из нравственных принципов – легко может проиграть.

А. Токвиль, изучая США в XIX веке, пришёл к выводу, что демократия – это господство посредственности. (Хотя чрезвычайные обстоятельства страны выдвигают и в ней сильные личности.)

Народное представительство

А уж пройдя избрание – кандидат становится народным представителем.

Афинская демократия отвергала всякое «представительство», как вид олигархии. Но

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsyna@alexander.ru
она могла себе это позволить при своей малообъёмности.

Напротив, французские Генеральные Штаты в 1789, едва собравшись, провели закон, что отныне каждый депутат есть лишь часть этого коллективного собрания, которое и есть воля народа. Тем самым каждый депутат отсекался от своих избирателей и от личной ответственности перед ними.

Наши четыре последовательных Государственных Думы мало выражали собой глубины и пространства России, только узкие слои нескольких городов, большинство населения на самом деле не вникло в смысл тех выборов и тех партий. И наш блистательный думец В. Маклаков признал, что «воля народа» и при демократии фикция: за неё всего лишь принимается решение большинства парламента.

Да и невозможны точные народные наказы своим депутатам на все будущие непредвидимые случаи. И – нет такого импульса, который заставлял бы нынешних избранцев стать выше своих будущих выборных интересов, выше партийных комбинаций и служить только основательно понятым интересам родины, пусть (и даже неизбежно) в ущерб себе и своей партии. Делается то, что поверхностно нравится избирателям, хотя бы по глубокому или дальнему смыслу это было для них зло. А в таком обширном государстве, как наше, тем меньше возможность проверить избранцев и тем большая возможность их злоупотреблений. Контрольного механизма над ними нет, есть только возможность попытки отказать в следующем переизбрании; иного влияния на ход государственного управления у народного большинства не остаётся. (А ведь ни при каком другом представительстве – гражданском, коммерческом – поверенные не могут иметь больше прав, чем доверители, и теряют мандат, если выполняют его нечестно.)

Но и так, парадоксально: при той, частой, системе, когда правительство формируется на основе большинства в парламенте, члены этого большинства уже перестают быть независимыми народными представителями, противостоящими правительству, – но всеми силами услужают ему и подпирают его, чтобы только оно держалось любой ценой. То есть: законодатели подчинены исполнительной власти.

(Впрочем, принцип полного разделения законодательной, исполнительной и судебной власти – не без спорности: не есть ли это распад живого государственного организма? Все три распавшиеся власти нуждаются в каком-то объединяющем контроле над собой – если не формальном, то этическом.)

И ещё: все приёмы предвыборной борьбы требуют от человека одних качеств, а для государственного водительства – совершенно других, ничего общего с первыми. Редок случай, когда у человека есть и те и другие, вторые мешали бы ему в предвыборном состязании.

А между тем «представительство» становится как бы профессией человека, чуть не пожизненной. Образуется сословие «профессиональных политиков», для кого политика отныне – ремесло и средство дохода. Они лавируют в системе парламентских комбинаций – и где уж там «воля народа»...

В большинстве парламентов поражает – перевес юристов, адвокатов. «Юрократия». (Тем более что законов такое изобилие, их система и юридическая процедура так сложны, что рядовой человек становится не способен защитить себя перед законом и на каждом шагу нуждается в дорогостоящем покровительстве адвоката.)

И чем может обернуться

Конечно, демократическая система даёт возможность острого наблюдения за действиями чиновников. Хотя, как ни удивительно, и современные демократии обросли грузной бюрократией.

Однако: и во всеобщих выборах большинство далеко не всегда выражает себя. Голосование часто проявляется вяло. В ряде западных стран больше половины избирателей, и даже до двух третей, – порой вообще не являются голосовать, что делает всю процедуру как бы и бессмысленной. И числа голосующих иногда раскалываются так, что ничтожный перевес достигается довеском от крохотной малозначительной партии – она-то как бы и решает судьбу страны или курс её.

Как принцип это давно предвидел и С.Л. Франк: и при демократии властвует меньшинство. И В.В. Розанов: «Демократия – это способ, с помощью которого хорошо организованное меньшинство управляет неорганизованным большинством».

В самом деле, гибкая, хорошо приработанная демократия умеет лишить силы протесты простых людей, не дать им звучного выхода. Несправедливости творятся и при демократии, и мошенники умеют ускользать от ответственности. Эти приёмы – расплывются по учреждениям демократической бюрократии и становятся неуловимы. Сегодня и из самой старинной в мире демократии, швейцарской, раздаётся тревожное предупреждение (Ганс Штауб): что важные решения принимаются в анонимных и неконтролируемых местах, где-то за кулисами, под влиянием «групп давления», «лоббистов».

И при всеобщем юридическом равенстве остаётся фактическое неравенство богатых и бедных, а значит более сильных и более слабых. (Хотя уровень «бедности», как его сегодня понимают на Западе, много, много выше наших представлений.) Наш государствовед Б.Н. Чичерин отмечал ещё в XIX веке, что из аристократий всех видов одна всплывает и при демократии: денежная. Что ж отрицать, что при демократии деньги обеспечивают реальную власть, неизбежна концентрация власти у людей с большими деньгами. За годы гнилого социализма накопились такие и у нас в «теневой экономике», и срослись с чиновными тузами, и даже в годы «перестройки» обогатились в путанице неясных законов и теперь на старте ринуться в открытую, – и тем важней от начала строгое сдерживание любого вида монополий, чтоб не допустить их верховластья.

А ещё удручает, что рождаемая современной состязательной публичностью интеллектуальная псевдо-элита подвергает осмеянию абсолютность понятий Добра и Зла, прикрывает равнодушие к ним «плюрализмом идей» и поступков.

Изначальная европейская демократия была напоена чувством христианской ответственности, самодисциплины. Однако постепенно эти духовные основы выветриваются. Духовная независимость притесняется, пригибается диктатурой пошлости, моды и групповых интересов.

Мы входим в демократию не в самую её здоровую пору.

Партии

Ныне пришло к тому, что мы так же не мыслим себе политическую жизнь без партий, как личную без семьи.

Троцкий за месяц до октябрьского переворота возгласил: «Что такое партия? Это группа людей, которая добивается власти, чтобы иметь возможность выполнить свою программу. Партия, которая не хочет власти, недостойна называться партией».

Конечно, большевицкая партия – это образчик уникальный. Однако само явление партий – древнее, и уже настолько давно было понято, что ещё Тит Ливий написал: «Борьба между партиями есть и всегда будет гораздо худшая беда для народа, чем война, голод, мор или любой другой гнев богов».

«Партия» – значит часть. Разделиться нам на партии – значит разделиться на части. Партия как часть народа – кому же противостоит? Очевидно – остальному народу, не пошедшему за ней. Каждая партия старается прежде всего не для всей нации, а для себя и своих. Национальный интерес затмевается партийными целями: прежде всего – что нужно своей партии для следующего переизбрания; если нечто полезное для государства и народа проистекло от враждебной нам партии – то допустимо и не поддерживать его. Интересы партий да и само существование их – вовсе не тождественны с интересами избирателей. С. Крыжановский считал, что пороки и даже крушение парламентского строя происходят именно из-за партий, отрицающих единство нации и само понятие отечества. Партийная борьба заменяет где уж там поиск истины – она идёт за партийный престиж и отвоевание кусков исполнительной власти. Верхушки политических партий неизбежно превращаются в олигархию. А перед кем отчитываются партии, кроме своих же комитетов? – такая инстанция не предусмотрена ни в какой конституции.

Соперничество партий искажает народную волю. Принцип партийности уже подавляет личность и роль её, всякая партия есть упрощение и огрубление личности. У человека – взгляды, а у партии – идеология.

Что можно тут пожелать для будущего Российского Союза?

Никакое коренное решение государственных судеб не лежит на партийных путях и не

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsyna@alexander.ru может быть отдано партиям. При буйстве партий – кончена будет наша провинция и вконец заморочена наша деревня. Не дать возможности «профессиональным политикам» подмянуть собою голоса страны. Для всех профессиональных знаний есть аппарат государственных служащих.

Любые партии, как и всякие ассоциации и союзы, не более того, существуют свободно, выражают и отстаивают любые мнения, на свои средства могут иметь печать, – но должны быть открыты, зарегистрированы со своими программами. (Всякие тайные союзы, напротив, преследуются уголовно как заговор против общества.) Но недопустимо вмешательство партий в производственный, служебный, учебный процесс: это всё – вне политики.

Во всяких государственных выборах партии, наряду с любыми независимыми группами, имеют право выдвигать кандидатов, агитировать за них, но – без составления партийных списков: баллотируются не партии, а отдельные лица. Однако выбранный кандидат должен на весь срок своего избрания выбыть из своей партии, если он в таковой состоит, и действовать под личную ответственность передо всей массой избирателей. Власть – это заповеданное служение и не может быть предметом конкуренции партий.

Как следствие: во всех ступенях государственного представительства, снизу доверху, воспрещается образование партийных групп. И, само собой, перестаёт существовать понятие «правящей партии».

Демократия малых пространств

Из высказанных выше критических замечаний о современной демократии вовсе не следует, что будущему Российскому Союзу демократия не нужна. Очень нужна. Но при полной неготовности нашего народа к сложной демократической жизни – она должна постепенно, терпеливо и прочно строиться снизу, а не просто возглашаться громко и стремительно сверху, сразу во всем объёме и шири.

Все указанные недостатки почти никак не относятся к демократии малых пространств: небольшого города, посёлка, станицы, волости (группа деревень) и в пределе уезда (района). Только в таком объёме люди безошибочно смогут определить избранцев, хорошо известных им и по деловым способностям и по душевным качествам. Здесь – не удержатся ложные репутации, здесь не поможет обманное красноречие или партийные рекомендации.

Это – именно такой объём, в каком может начать расти, укрепляться и сама себя осознавать новая российская демократия. И это – самое наше жизненное и самое наше верное, ибо отстоит в нашей местности: неотравленный воздух и воду, наши дома, квартиры, наши больницы, ясли, школы, магазины, местное снабжение – и будет живо содействовать росту местной нестеснённой экономической инициативы.

Без правильно поставленного местного самоуправления не может быть добропрочной жизни, да само понятие «гражданской свободы» теряет смысл.

Демократия малых пространств тем сильна, что она непосредственная. Демократия по-настоящему эффективна там, где применимы народные собрания, а не представительные. Такие повелись – ещё с Афин и даже раньше. Такие – уверенно действуют сегодня в Соединённых Штатах и направляют местную жизнь. Такое посчастливилось мне наблюдать и в Швейцарии, в кантоне Аппенцель. Я писал уже об этом в другом месте, не удержусь тут повторить кратко. На городской площади собраны, плотно друг ко другу стоят все имеющие право голоса («способные носить оружие», как предлагал и Аристотель). Голосование – открытое, поднятием рук. Главу своего кантонального правительства, ландамана, переизбрали очень охотно, с явной любовью, – но из предложенных им законопроектов тут же вслед проголосовали против трёх: доверяем тебе! правь нами, – но без этого!

А ландаман Раймонд Брогер в программной речи сказал:

Вот уже больше полутысячелетия наша община не меняет существенно форм, в которых она правит сама собою. Нас ведёт убеждение, что свобода связана с нашими обязательствами и нашим самосдерживанием. Не может быть свободы ни у личности, ни у государства без дисциплины и честности. Народ – решающий судья во всех важных вопросах, но он не может ежедневно присутствовать, чтоб управлять государством. И поэтому в управлении неизбежна примесь аристократического или даже монархического элемента. (То же говорил и Аристотель.) Правительство,

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru продолжал Бродер, не должно спешить за колеблющимся переменчивым народным голосованием, только бы переизбрали вновь, не должно произносить зазывных речей избирателям, но двигаться против течения. Задача правительства: действовать так, как действовало бы разумное народное большинство, если бы знало всё во всех деталях, – а это становится всё невозможнее при растущих государственных перегрузках. Именно демократическая система как раз и требует сильной руки, которая могла бы государственный руль направлять по ясному курсу.

Демократия малых пространств веками существовала и в России. Это был сквозь все века русский деревенский Мир, а в иные поры – городские веча, казачье самоуправление. С конца прошлого века росла и проделала немалый путь ещё одна форма его – земство, к сожалению, только уездное и губернское, без корня волостного земства и без обвершения всероссийским. Октябрьский переворот насильственно сломал всякое земство, заменив его советами, от самого начала подмятыми компартией. Всей историей с 1918 эти советы опорочены: они никогда не были реальным самоуправлением на каком-либо уровне. Вносимые сейчас робкие избирательные изменения тоже не могут эту форму спасти: она не обеспечивает местных интересов с их влиянием через всю структуру снизу вверх. Я полагаю, что «советы депутатов» надо, шаг за шагом, снизу вверх, заменить земской системой.

* * *

Много лет занимавшись государственной историей предреволюционной России, я использую тут опыт наших лучших практических деятелей и умов, соединённый с моей усиленной разработкой. Разумеется, тот опыт не может быть просто перенесен в сегодняшнюю растерзанную страну, где искажены самые основы жизни, но и без него вряд ли наш подъём произойдёт здоровыми путями.

Я использую тут и предреволюционные русские понятия и выражения, чтобы не строить ещё третий ряд. Какие-то из них жизнь заменит, другие – приживутся.

Земство

Будем различать четыре ступени его:

- местное земство (некрупный город, микрорайон крупного, посёлок, волость);
- уездное земство (нынешний район, крупный город);
- областное земство (область, автономная республика);
- всероссийское (всесоюзное) земство.

Нам, совершенно отученным от действительного самоуправления, надо постепенно осваивать этот ход, с низших ступеней его. От залётных политиканов храни нас Бог – но иметь политические навыки полезно многим и многим в населении.

Голосование может производиться только за отдельных лиц. В объёме местного земства они, обычно, избирателям хорошо знакомы. Избирательные кампании желательны самые скромные и краткие: лишь деловое оповещение о личных программах, биографиях и убеждениях; на эту процедуру не должны тратиться никакие государственные средства, а местные – по усмотрению местных сил. Также и многие подробности процедуры должны решаться на местах, и они могут весьма различаться от местности к местности.

Но всеобязательны должны быть:

1) Ценз возрастной. Какого возраста должен достичь избиратель, чтобы быть допущенным к решению народной судьбы? В наше время незрелая юность не получает устойчивого воспитания ни в семье, ни в школе, поверхностно нахватана в образовании и порой шатка к самым безответственным влияниям. Не следует ли повысить порог до 20 лет? (По суждению местностей или национальных областей этот возраст может быть установлен и выше.) А быть избранным – лишь с 30 лет? с 28?

2) Ценз оседлости. И избиратели, и тем более избираемые должны быть укоренены в данной местности, тесно связаны с её интересами, основательно их понимать; недавние приезжие или вовсе случайные – не могут тут иметь ответственности суждения. Для избирателей оседлость не должна бы быть меньше трёх последних полных, без существенного перерыва, лет. (Каждая местность может устанавливать у себя и выше.) Для избираемых – не меньше пяти последних лет (или, допустим: три

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsyna@alexander.ru последних года непрерывно плюс пять лет в прежнее время).

В местное земство избирается какое-то число законодателей («гласных»). Они утверждают административных лиц, постоянно ответственных перед ними в своей деятельности. В волости, малом посёлке это может быть всего один человек. На уровне уезда это: уездная земская управа, которую выделяет из себя или набирает из специалистов уездное земское собрание.

Новоизбранные – перенимают власть от существующих местных и районных советов депутатов, а те упраздняются.

Выборы в местное земство – только прямые, выборы в уездное – зависят от размеров уезда и надёжной всеизвестности кандидатов. При значительной территории и густоте населения – надёжнее применить двухстепенные выборы: местные земства тотчас же заменяют собой местные советы, работают половину своего срока, а затем, сознаясь в себе, выделяют из себя пропорциональную долю в уездное земское собрание до конца срока, до следующих выборов. (На эти полсрока продляется существование прежнего райсовета и райисполкома.)

На первый избирательный срок (2 года?) ничто выше уездного земства не избирается. При нашей политической неумелости – местное и уездное земство в ходе практического управления своею местностью станут и школой управления, и в них начнут проявляться и формироваться деятели, способные к более широкому охвату. Убеждает и пример недавних шахтёрских забастовочных комитетов и «союзов трудящихся», проявивших такое сознание и такую организованность.

Ступени передачи власти

При географической обширности и бытовых условиях нашей страны прямые всегосударственные выборы законодателей в центральный парламент не могут быть плодотворны. Только выборы трёх-четырёхстепенные могут провести кандидатов и уже оправдавших себя и укоренённых в своих местностях. Это будут выборы не отдалённых малознакомых людей, только и пофигурявших в избирательной кампании, но выборы по взаимному многолетнему узнаванию и доверию.

В конце первого (или даже второго) избирательного срока проводятся выборы третьей ступени: областного земского собрания. Их производят уездные земские собрания (и земское собрание областного города): из своей изученной среды выделяют отведенную им для области пропорциональную долю на весь следующий срок; сами же после этого подвергаются очередному переизбранию.

Составленное так областное земское собрание тут же заменяет собой облсовет, вместо облисполкома формирует для исполнительных действий областную земскую управу, само же, в долготу принятого избирательного срока, собирается только на очередные сессии, а в промежутках члены собрания живут в своих уездах. (После того как вся система станет работать устойчиво, сам избирательный срок может быть повсюду удлинён.)

Тут следовало бы не опустить совета нашего выдающегося земца Д.Н. Шилова: дабы исправить возможные упущения от выборных случайностей, каждое собрание имеет право не голосованием, а при полном согласии приобщать в свой состав, не более пятой части от своего объёма, всем известных полезных и необходимых местных деятелей. В предстоящих условиях это даст и путь некоторым успешным деятелям райсоветов, облсоветов, затем и Верховного Совета – быть плавно принятыми в состав новой власти.

Чем авторитетнее будет областное земство – тем, соответственно, сильнее самостоятельность и самопомощие автономных национальных республик и областей.

Не берясь тут предугадывать роль и место нынешних Верховных Советов Российской Федерации, Украины и Белоруссии – естественно предложить, чтобы в конце следующего срока областные земские собрания выделили бы из себя делегатов в Палату Союза (замещающую Совет Союза) Всеземского Собрания (замещающего Верховный Совет депутатов), а сами были бы по тому же принципу переизбраны уездными собраниями.

Нынешняя система равнозначных палат Совета Союза и Совета Национальностей совсем не плоха, если бы выполнялась без показности и без мошенничества. Палата Национальностей могла бы остаться во Всеземском Собрании вообще без изменений –

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsyna@alexander.ru только с тем простором для каждой нации, что отведенные ей места она сама решает, каким порядком замещать: общими выборами или полномочиями по достоинству, и на какие сроки.

Существующий сегодня Совет Союза составлен по смутному, смешанному принципу: частью территориальным голосованием, частью делегированием от КПСС и от организаций. Это – неприемлемо даже и на переходный (4-х? 6-летний?) период и должно быть как-то исправлено. Кроме того, он неуклюж и огружен ещё и Съездом депутатов, от чего законодательная работа только двоится и усложняется.

Успешное построение земской системы, завершаемой Всеземским Собранием, требует, чтобы поработали и набрались опыта уездные и областные собрания и областяне, хорошо узнав друг друга, могли бы выделять во Всеземское Собрание делегации (либо постоянные на долготу срока, либо посменные на часть его), в которых областной опыт сливался бы со всероссийским и всегда надёжно был бы представлен в нём. Парламент не может быть отвлечённо «центральным»: он должен состоять из реальных и авторитетных представителей областей, да ещё с непременным условием, чтобы они определённую заметную часть года жили в своей местности, не то теряют право представлять её. (Это – и в Соединённых Штатах так.)

Сочетанная система управления

Имеется в виду разумное сочетание деятельности централизованной бюрократии и общественных сил.

Такое сочетание бывало периодами и в Московской Руси: местное самоуправление вело не только местные дела, но и часть общегосударственных, однако под надзором центральной власти.

В 1899 СЮ. Витте ложно-доказательным рассуждением, что самодержавие якобы несовместимо с широким местным самоуправлением, удержал Николая Второго от расширения прав земств. (Вскоре вслед Л. Тихомиров, народовец, ставший монархистом, опроверг это рассуждение, но не был услышан.)

Централизованная бюрократия инерционно старается ограничить области общественного самоуправления. Но это нужно лишь самой бюрократии, а никак не народу, да и не правительству. В здоровое время у местных сил – большая жажда деятельности, и ей должен быть открыт самый широкий простор. Как формулировал Тихомиров: во всём, где общественные силы и сами способны поддерживать общеобязательные нормы, действие правительственных учреждений излишне и даже вредно, так как без нужды расслабляет способность нации к самостоятельности. Повсюду, где допустимо прямое действие народных сил – в форме ли местного самоуправления или деятельности ещё каких-то отдельных общественных ассоциаций, союзов, – это прямое действие должно быть им открыто.

Кроме того, этот общественный подпор незаменим для контроля над государственно-бюрократической системой и заставляет любого там чиновника служить честно и поворотливо.

Такую сочетанную систему, деловое взаимодействие администрации правительственной и администрации местных самоуправлений, Д. Шипов называл государственно-земским строем.

Но особое соотношение сложится в нынешний переходный, и может быть не столь краткий, период. Пока общественные силы будут медленно нарастать снизу, набираться государственного опыта, растить свои кадры – существующая бюрократия, привыкшая к бесконтрольному всевластию, будет упираться и всячески не уступать своих прав. Однако неизбежно резкое сужение их от возникновения хозяйственной самостоятельности в стране. Кроме того, в нынешних свежизбранных, переходных советах уже показывают себя конструктивные силы, которые помогут этому расширению общественной самостоятельности.

Предположения о центральных властях

Сегодня президентская власть – никак не лишняя при обширности нашей страны и обилии её проблем. Но и все права Главы Государства, и все возможные конфликтные ситуации должны быть строго предусмотрены законом, а тем более – порядок выбора президента. Подлинный авторитет он будет иметь только после всенародного избрания (на 5 лет? 7 лет?). Однако для этого избрания не следует растрчивать народные силы жгучей и пристрастной избирательной кампанией в несколько недель

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru или даже месяцев, когда главная цель – опорочить конкурента. Достаточно, если Всеземское Собрание выдвигает и тщательно обсуждает несколько кандидатур из числа урождённых граждан государства и постоянно живших в нём последние 7-10 лет. В результате обсуждений Всеземское Собрание даёт по поводу всех кандидатов единожды и в равных объёмах публичное обоснование и сводку выдвинутых возражений. Затем всенародное голосование (в один-два тура, по способу абсолютного большинства) могло бы производиться без напряжённой изнурительной избирательной кампании. (Очевидно разумно, по американскому образцу, предусмотреть и должность вице-президента: его кандидатуру называет для себя кандидат в президенты, и они выбираются вместе.)

Если в течение срока избрания Всеземское Собрание тремя четвертями в каждой палате признает, что президент исполняет свои обязанности неудовлетворительно, оно должно опубликовать доказательные соображения о том – и они выносятся на народное голосование, как и возможные новые кандидаты. Напротив, если по истечении срока президентства Всеземское Собрание двутретним большинством в каждой палате продолжает поддерживать этого президента – нет видимых причин не оставить его на следующий срок без нового народного голосования. Если президент умрёт во второй половине своего срока – вице-президент заступает его пост до конца срока; если в первой половине – всенародные выборы проводятся заново.

Президент назначает совет министров по своему усмотрению, предпочтительней – из специалистов, принятых на основании конкурса и в качестве государственных служащих; не желательно – из членов законодательных палат. Министры отчитываются как перед президентом, так и перед обеими палатами, но ими не могут быть сменены. (Можно не упустить из предсмертной программы П.А. Столыпина: двух-трёхлетняя Академия для занятия высших государственных должностей из наиболее способных, отлично окончивших институты, с открытыми мотивированными общественными или персональными рекомендациями; в Академии – факультеты по профилю министерств. Среди министерств Столыпин выделял министерство местных самоуправлений – в помощь им.)

По определению нашего правоведа В.В. Леонтовича: правительство отличается от администрации (бюрократии) тем, что решает новые задачи, а администрация – старые, установившиеся. Соответственно – и требуемый высокий ранг квалификации министров; если же правительство само отдастся бюрократизации, то оно потеряет способность вести страну.

Но и вся работа в административной системе должна никак не быть ни наградой, ни привилегией, не приносить никаких личных преимуществ. «Плодотворно только то правительство, которое видит в себе не что иное, как обязанность», – писал М.Н. Катков. А после всего, пережитого нами, всякая власть как понятие – уже в неизбывном долгу перед народом. Чтобы теперь исправлять и нагонять всё разваленное – правительственные учреждения должны отдавать все силы, возможно иметь удлинённый рабочий день.

Мы – почти ни в чём не можем копировать Швейцарию: и по размеру её, и оттого что она создалась как союз независимых кантонов. Но несомненно можем перенять у неё: при определённом числе тысяч подписей – вносится законопроект, который палаты обязаны рассмотреть; при другом, большем числе (у нас – миллионов) – становится обязательным плебисцит по выдвигаемому вопросу. Эта законодательная инициатива масс добавляет гибкости в государственную жизнь.

Кроме таких плебисцитов и редких выборов президента – никакие более всенародные голосования не стали бы нужными.

Совещательная структура

Добавляю эту главу никак не к сегодняшнему моменту, – но, мне кажется, весьма важную для нашего отдалённого государственного будущего.

Вспоминая свой богатый думский опыт, В. Маклаков выделял: самые прочные успехи демократии достигаются не перевесом большинства над меньшинством, а – соглашением между ними. Для страны с политической неопытностью он даже предлагал создавать третью палату парламента «из опытного и культурного меньшинства»: создание такой преграды будет мешать свободному разливу демократии, но для неё самой менее опасно, чем неограниченная власть большинства.

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsyna@alexander.ru
Делая и ещё шаг в этой мысли: очевидно, надо искать форму государственных решений более высокую, чем простое механическое голосование. Всё отдавать на голосование по большинству – значит устанавливать его диктатуру над меньшинством и над особыми мнениями, которые как раз наиболее ценны для поиска путей развития.

Высокий уровень деятельности всех государственных властей недостижим без установления над ними этического контроля. Его могла бы осуществлять верховная моральная инстанция с совещательным голосом – такая структура, в которой голосование почти вообще не производится, но все мнения и контрмнения солидно аргументируются, и это – наиболее авторитетные голоса, какие могут прозвучать в государственной работе.

В нашей истории для того есть прочное подобие: Земский Собор в Московской Руси. Как писал Д. Шипов: когда у нас собирались Земские Соборы, то не происходило борьбы между Государем и Соборами, и неизвестны случаи, когда бы Государь поступил в противность соборному мнению: разойдясь с Собором, он только ослабил бы свой авторитет. Соборность – это система доверия; она предполагает, что нравственное единство – возможно и достижимо.

Такому плану идеально могла бы соответствовать Дума (Соборная Дума? Государственная Дума?), собранная как бы от народной совести – из авторитетных людей, проявивших и высокую нравственность, и мудрость, и обильный жизненный опыт. Но – никак не видно несомненного метода отбора таких людей.

Известным заменителем могла бы быть Дума, составленная от социальных слоев и профессий, можно сказать – от сословий. (По Далю, первое значение этого слова: люди общего им занятия, одних прав; второе: состояние, разряд, каста.)

Это два самых естественных принципа взаимодействия и сотрудничества людей: по общей территории, на которой они живут; и по роду их занятий, направлению их деятельности. Мы каждый имеем свою работу, специальность, и тем получаем полезное место в структуре общества. Обезличенное полное равенство людских выражений – есть энтропия, направление к смерти. Общество живо именно своею дифференциацией. Несут на себе государство – те люди, которые думают, работают и создают всё, чем живёт страна. Чем лучше нация организована в социальных группах, тем явственней проступают её творческие силы (Л. Тихомиров).

В расщеплённом нашем обществе с годами несомненно разрабатываются и сплотятся жизнедеятельные сословия – сословия не в кастовом смысле, а – по профессиям и отраслям приложения труда. Слишком долго у нас всяким делом ведали и руководили те, кто ничего в нём не понимают. Наконец, каждое дело должны вести знающие. А совета по каждому делу никто не даст лучше, чем представители данной специальности. (Сословия, основанные на духовном и деловом сотворчестве людей одной профессии, никак не следует путать с профсоюзами. В сословии – ты естественный член уже по одному роду своей работы. Профсоюз – это организация для борьбы за зарплату и материальные выгоды, куда не каждый вступает и не каждого принимают.)

В дополнение к земскому, территориальному представительству могло бы нарасти и действовать представительство сословное. (И часть энергии, непроизводительно растрачиваемой в партиях, направится в конструктивную сословную деятельность.)

Процедуру выборов (или назначения) своих депутатов в Соборную Думу каждое сословие определяло бы само. Они посылают туда (ведущие сословия – и по два) не политических депутатов и не для отстаивания своих политических интересов, а – самых опытных и достойных, кому доверяют общие суждения по роду деятельности своего сословия.

Для удобства сосредоточения работы число членов Думы не должно бы превосходить 200–250 человек. (Сословий может оказаться и больше, но может посылаться один представитель от группы родственных некрупных сословий.)

Мнение без голосования – вовсе не новинка. Например, у горцев Кавказа долго держался порядок не общего голосования, а – «опрос мудрых».

Всякое мнение, суждение или запрос, основательно мотивированное и обращённое более чем половиной Думы к президенту, совету министров, любой из двух палат или

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru к верховной судебной власти, – публикуется. И запрошенная инстанция либо должна принять это суждение в руководство, либо опубликовать в двухнедельный срок мотивировку, по которой запрос отвергается. (В исключительных случаях военной тайны обмен происходит не публично; но члены Думы и в этом случае вправе получить любую нужную информацию о президентской, правительственной, законодательной или судебной деятельности.)

Так же, более чем от половины Думы, может быть выдвинут кандидат в президенты.

Если же суждение Соборной Думы принято без голосов против – оно накладывает запрет на любой закон, на любое действие любого учреждения, – и тот закон, то действие должны быть изменены. Таким же путём может быть наложено вето и на любую кандидатуру в президенты.

Добавление совещательной и весьма сведущей Соборной Думы – накладывает на все виды властей умственный и нравственный отпечаток. А возможности улучшить общество одними лишь политическими средствами – невелики.

«Цель общезнания – установить между людьми нравственный порядок» (М.М. Сперанский). – «Свобода и законность, чтобы быть прочными, должны опираться на внутреннее сознание народа» (А.К. Толстой). – «Политическая крепость прочна только тогда, когда держится на силе нравственной» (В.О. Ключевский).

Право – это минимум нравственных требований к человеку, ниже которых он уже опасен для общества. «Во многих случаях то, что является правом, запрещается моралью, которая обращается к человеку с заповедями высшими и более строгими» (П.И. Новгородцев).

Нравственное начало должно стоять выше, чем юридическое. Справедливость – это соответствие с нравственным правом прежде, чем с юридическим.

Давайте искать

В этой сжатой работе я не имел возможности говорить об армии, милиции, судебной системе, большинстве вопросов законодательства, экономики и о профсоюзах. Моя задача была лишь – предложить некоторые отдельные соображения, не претендующие ни на какую окончательность, а только предпослать почву для обсуждений.

Разумное и справедливое построение государственной жизни – задача высокой трудности, и может быть достигнуто только очень постепенно, рядом последовательных приближений и нащупываний. Эта задача не угасла и перед сегодняшними благополучными западными странами, надо и на них смотреть глазами не восторженными, а ясно открытыми, – но насколько ж она больней и острее у нас, когда мы начинаем с катастрофического провала страны и разученности людей.

Непосильно трудно составлять какую-либо стройную разработку вперёд: она скорее всего будет содержать больше ошибок, чем достоинств, и с трудом поспевать за реальным ходом вещей. Но и: нельзя вовсе не пытаться.

В основу предлагаемой работы положены мысли многих русских деятелей разной поры – и, я надеюсь, их соединение может послужить плодоносной порослью.

Июль 1990

«Русский вопрос» к концу XX века

Сегодня – хочется если что читать, то коротко, как можно короче, и – о сегодняшнем. Но каждый момент нашей истории, и сегодняшний тоже, – есть лишь точка на её оси. И если мы хотим нащупать возможные и верные направления выхода из нынешней грозной беды – надо не упускать из виду те многие промахи прежней нашей истории, которые тоже толкали нас к теперешнему.

Я сознаю, что в этой статье не разработаны ближайшие конкретные практические шаги, но я и не считаю себя вправе предлагать их прежде моего скорого возврата на родину.

Март 1994

Нельзя обойтись без исторического огляда, и даже начать его издали. Однако при этом выделим только две линии: как соотносились в нашей истории внутреннее состояние страны и её внешние усилия.

Первые же после Крещения Руси христианские века её, XI–XII, дышат безотрадною княжеских междоусобиц – в честолюбивой круговерти удельных притязаний, лишь местами, иногда и не надолго останавливаемых православным духовенством. А за все кровопролития платили жизнями смерды.

Карамзин справедливо предполагает: «Была бы Россия единодержавным государством – спаслись бы, вероятно, от ига татарского». Поражение на Калке (1225) – было мрачным последствием княжеских раздоров.

И, дальше: продолжением этих же раздоров так цепко, больше двух веков, продержалось на Руси татаро-монгольское нашествие. Усугубленное – ещё и крымско-татарскими набегами, и натиском с Запада католической Польши-Литвы да ливонских рыцарей.

Само становление Московского государства несло с собой новые истраты сил русского этноса: то конфликт с Тверью, то войны с Новгородом и Псковом, то подчинение Вятки.

Существующий миф о расцвете новгородской демократии в XV–XVI веках как упущенной Русью иной, светлой возможности – опровергается акад. С.Ф. Платоновым[3]. Он пишет, что это была олигархия небольшого круга богатейших семей, что господство новгородской знати выросло до степени политической диктатуры; а в междоусобицах враждующих партий, так и не выработавших приёмов компромисса, использовалась народная толпа – и до степени анархии; что в быстротечном развитии социальный и политический порядок Новгорода успел обветшать ранее, чем его сломила Москва.

Однако заповедный край демократической среды, обильного свободного крестьянства, образовался, именно освобождаясь от Новгорода, – в Поморье. (Москва не насаждала там своих помещиков, ибо с севера не видела врагов.) В Поморье русский характер развивался свободно, не в сжатии московских порядков и без наклонов к разбою, заметно усвоенному казачеством запорожским да и по всей Руси. (Не случайно и свет Ломоносова пришёл к нам из Поморья.)

После всех разорений Руси и разврата душ – именно русский Север, с опорой на Поморье, сперва был надёжным тылом для отрядов Скопина-Шуйского, потом – ополчения Пожарского, принесшего Руси окончательное освобождение и замирение.

Смута XVII века сотрясла русское государство едва ли не до полного падения, русский народ – до истощения, – но и тут нашлись в нём здоровые, спасительные силы восстановить государственную жизнь и даже – на несколько десятилетий – живительную общественно-соборную, и не растоптались пороги самоуправления. Уже в годы Михаила Фёдоровича, несмотря на ещё новые нападения от Польши, велась терпеливая государственная работа по восстановлению, оживлению Руси.

И Платонов отмечает, что мучительный и душеразпадающий период Смуты принёс и благодетельный переворот в политические понятия русских людей: в обстановке безцарствия, когда Русь перестала быть «вотчиной» Государя, а люди – его «слугами» и «холопами», – государство не должно пропасть и без Государя, надо спасать и строить его самим. Повсюду усилилась местная власть, выносились постановления местных «миров», происходила «обсылка» послов и вестей из города в город, в городах создались всесословные советы, они соединились в «совет всея земли». (Подобной же самодеятельностью было и 16-месячное стояние Троицкой Лавры и 20-месячное Смоленска.) Всё это – примеры поучительной русской народной организованности для нас, потомков.

Так рядом с привычным «государевым делом» стало «великое земское дело». И Михаил с первых же шагов искал помощи Земского Собора – а Собор охотно помогал Государю. Не было никакого формального ограничения власти Государя, но – тесная связь царя и «всея земли». И первые 10 лет царствования Михаила Собор заседал непрерывно, позже периодически. (И вся эта русская государственность создавалась никак не под западным влиянием и никого не копируя.)

Не касаясь здесь последних царствований рюриковской династии, напомним, что и

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru там, наряду со всецельной царской властью, действовали местные жизнеспособные управительные учреждения (хотя ещё при самом невежественном состоянии правосознания), выборные власти: губной староста (по уголовным делам), земский головной староста, «земская изба» (раскладка податей, развёрстка земли, нужды посадских). Правда, владельческие крестьяне почти не имели влияния там (хотя были у них общинные старосты и сотские)[4]. Так что местные управления, столь спасительно повлиявшие в Смуту, выросли не на пустом месте. Однако военные нужды государства всё более закрепляли крестьян на землях служилых людей, а крестьяне, в поисках воли, бежали на незаселённые окраины, отчего одновременно оскудевал людьми и трудом центр государства, а на окраинах усилилась мятежная вольница – и то и другое разорительно сказалось в Смуту.

Но скорее и удивимся, сколько ещё оставалось в русском этносе – живых, динамичных сил, смелости, находчивости, предприимчивости, что из него создалось Донское казачество (позже Кубанское и Терское), инициативное движение на Урал и за Урал, а в XVII же веке и в XVIII – поразительно энергичное освоение Сибири, затем перехлестнувшее и через Берингово море – в Аляску, и даже до Калифорнии..

«Соборный» после-смутный период, однако, быстро кончался при Алексее Михайловиче, по историческому недоразумению увековеченном «Тишайшим». При нём всё больше брало верх в государственном управлении «приказное» начало над «земским», вместо здоровых земских сил – плохо организованная бюрократия, – и это на 300 лет вперёд. Царствование Алексея Михайловича всё наполнено бунтами – народным протестом против управления воевод и приказных. Уложение 1649 года не только оставило в прежнем закабалении холопов и крепостных, но даже усилило его[5]. (Ответом была – серия бунтов, кончая разинским.) Война, которую вёл Алексей, была необходимой и справедливой, ибо он отвоёвывал исконно русские земли, захваченные поляками. Но уже при Алексее наметился (а при Петре бурно развился) переход государства в имперское состояние – ценой подавления русских национальных и религиозных традиций, дальнейшее расточение и истощение здоровых русских сил.

Наряду с тем военное столкновение открывало Алексею и меру нашей отсталости от Запада, и острую необходимость перенимать оттуда знания и технику, но вселяло и «моду» не отстать ни в чём от западных влияний, а попутно и поспешно в исправлять даже и богослужебные книги.

И это привело его к жесточайшему преступлению анафемы собственному народу и войны против него за «никонианскую реформу» (когда уже и сам Никон отошёл от «греческого проекта»)[6]. Через 40 лет после едва пережитой народом Смуты – всю страну, ещё не оправившуюся, до самой основы, духовной и жизненной, до опоры русского самосознания, – потряс церковный Раскол. И никогда уже – опять-таки на 300 лет вперёд – Православие на Руси не восстановилось в своей высокой жизненной силе, державшей дух русского народа больше полутысячи лет. Раскол отозвался нашей слабостью даже и в XX веке.

И на этот сотрясанный народ и не выздоровевшую страну – налетел буйный смерч Петра.

Как «служитель прогресса» Пётр – заурядный, если не дикарский, ум. Он не возвысился до понимания, что нельзя переносить (с Запада) отдельные результаты цивилизации и культуры, упустя ту психическую атмосферу, в которой они (там) созрели. Да, Россия нуждалась и в техническом догоне Запада, и в открытии выхода к морям, особенно к Чёрному (где Пётр действовал бездарнее всего, а чтобы выкупить свою окружённую на Пруте армию, уже велел Шафирову подарить Псков: через турок – шведам. О полководческих действиях Петра меткие критические замечания находим у И. Солоневича[7]). Нуждалась Россия в техническом развитии, да, – но не ценой того, чтобы ради ускорения промышленного устройства и военной мощи – растоптать (вполне по-большевицки и с излишеством крайностей) исторический дух, народную веру, душу, обычаи. (По нынешнему опыту человечества мы можем видеть, что никакие материальные и экономические «прыжки» не вознаграждают потерь, понесенных в духе.) Пётр уничтожил и Земские Соборы, даже «отбил память о них» (Ключевский). Взнуздывал Православную Церковь, ломал ей хребет. Налоги и повинности росли без соотнесения к платёжным средствам населения. Из-за мобилизаций оголились целые области от лучших мастеров и хлеборобов, поля зарастали лесом, не прокладывались дороги, замирали малые города, запустеневали северные земли – надолго застыло развитие нашего

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsyna@alexander.ru земледелия. Крестьянских нужд этот правитель вообще не ощущал. Если по Уложению 1649 года крестьянин хотя и не мог сходить с земли, но имел права собственности, наследования, личной свободы, имущественных договоров, то указом 1714 о единонаследии дворянства – крестьяне перешли в прямую собственность дворян. Пётр создал – на 200 лет вперёд – и слой управляющих, чуждый народу если не всегда по крови, то всегда по мироощущению. А ещё эта безумная идея раздвоения столицы – перенести (чего нельзя вырвать и перенести) её в призрачные болота и воздвигать там «парадиз» – на удивление всей Европы – но палками, но на той фантастической постройке дворцов, каналов и верфей загоняя вусмерть народные массы, уже так нуждающиеся в передышке. Только с 1719 по 1727 население России убыло умершими и беглыми почти на 1 миллион человек [8] т. е. едва ли не каждый десятый! (Не случайно в народе создавалась устойчивая легенда, что Пётр – самозванец и антихрист. Его правление сотрясилось бунтами.) Все великие и невеликие дела Петра велись с безоглядной растратой народной энергии и народной плоти. Трудно сохранить за Петром звание реформатора: реформатор – это тот, кто считается с прошлым и в подготовке будущего смягчает переходы. Как пишет Ключевский: в реформах управления «Пётр потерпел больше всего неудач». Наследованные от него неудачи и ошибки «будут потом признаны священными заветами великого преобразователя»; указы его последних лет – «многословные расплывчатые поучения» [9]. Ключевский выносит уничтожительный приговор гражданским действиям Петра. Пётр был не реформатор, а – революционер (и большей частью – без надобности в том).

А за Петром – катил и остальной XVIII век, не менее Петра расточительный на народную силу (и с капризным дёрганьем ломаной линии наследования, опять же по вине Петра, убившего родного сына). После лихорадочной деятельности Петра открылась, по словам Ключевского, «бездна», «крайнее истощение сил страны непосильными тяготами, наложенными на народный труд» [10]. Никак не согласиться с распространённым мнением, что «кондиции», предъявленные аристократами из Верховного Тайного Совета Анне Иоанновне, были бы шагом к либерализации России: слишком мелка была эта княжеская вспашка, и ввек не дойти бы и ей до народной толщи. А уж при Анне – резко усилилось немецкое влияние и даже властвование, попрание национального русского духа во всём, крепло дворянское землевладение, крепостное право, в том числе и фабричное (создаваемые фабрики могли покупать крестьян без земли), народ отдавался тяжким поборам и расходу живых сил на неуклюже ведомые войны.

Неразумными и неудачными войнами и внешней политикой царство Анны Иоанновны весьма отменно. Правда, уже и Пётр в своём необдуманном размахе мог заботиться, чтобы Пруссия приобрела Померанию и Штеттин, теперь его наследники хлопотали о Шлезвиге для Дании, а Миних предлагал в услугу Франции держать для её интересов наготове 50-тысячный русский корпус, только бы получить субсидию. Не проявляя заботы о потерянном под Польшей обширном русском, белорусском и малороссийском населении, правительство Анны, однако, было сильнее заинтересовано, как бы посадить на польский престол саксонского курфюрста. В то время как крымский хан угрожал (1731), «что может Россию плетью заметать» [11] (а татарские набеги с юга уже изведаны были и Русью и Малороссией, и всегда могли повториться); в то время как Россия едва вытягивала ноги из дальней персидской войны (1732), отдавала не только Баку и Дербент со всем краем, куда без опоры и без расчёта сил закатился Пётр, но даже и Святой Крест; когда в России разразился голод (1733–34), и началось восстание башкирцев (1735), – в это самое время Анна начала войну с Польшей (1733–34) за посадку саксонского курфюрста на польский трон. (И чем это лучше, чем польское вторжение в Россию в Смуту и планы Сигизмунда захватить трон московский?) «Смысл польской войны был русским совсем непонятен» (С. Соловьёв). А вмешательством этим Россия создавала против себя фронт из Франции, Швеции, Турции и татар, – и при одном неверном союзнике, Австрии. Тут же (1734) татары и стали нападать на русские границы – между тем Россия (по договору ещё Екатерины I) вынуждена была послать 20-тысячный русский корпус в Силезию на помощь Австрии.

С 1735 неизбежно разразилась и тяжёлая война с Турцией. Стратегически только она одна и была на линии русских интересов, так как Россия задыхалась без выхода к Чёрному и Азовскому морям. Но как она велась! Водительство русского войска Минихом было растерянным, изнурительным для солдат и бездарным по тактике. Ещё не столкнувшись с турками, он уже против крымских татар потерял половину наличного состава, с каким вышел. Позорно неумело штурмовал (1737) Очаков – с самой тяжёлой и невыгодной стороны (упустя легкопроходимую), взял его с

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru огромными потерями, а дальше и бросил, сменил направление на юго-западное, в помощь австрийцам. Тут он действовал наконец успешно – но Австрия предала Россию внезапным сепаратным миром с турками, и Россия была вынуждена закончить войну срытием всех добытых крепостей: Очакова, Перекопа, Таганрога и Азова. Но самая тяжкая наша потеря была в людях: война обошлась нам в 100 тысяч убитых. Население же всей России в то время было – 11 миллионов (меньше, чем за столетие раньше, при Алексее Михайловиче, так проредил его Пётр!). И вообразим судьбу тогдашних рекрутов: срока службы для солдат не было, брали, по сути, на всю жизнь; выход был – или смерть, или дезертирство.

Что же касается духовного состояния русского народа в ту пору, то ко времени Анны высказан и вывод С. Соловьёва: «Низшее, белое духовенство, удручённое бедностью, а в сёлах и тяжёлыми полевыми работами, не дававшими возможности священнику выделиться из паствы своими учительскими способностями», – такое положение духовенства «было причиной страшного нравственного вреда для массы народонаселения» [12].

Время Анны он называет и самым мрачным – по безраздельному властвованию в России иностранцев, от гнёта которых русский национальный дух стал освобождаться только в царствование Елизаветы. (Впрочем, презрение к русскому чувству, к своему родному и к вере своих мужиков – пропитало правящий класс в XVIII веке.) Но здесь нас интересуют другие события и линии её царствования.

Перед возвышением на трон Елизавета вела весьма рискованную и морально сомнительную игру с французскими и шведскими дипломатами в Петербурге. Франция рассчитывала, что при Елизавете будет русское царствование, что она вернёт столицу в Москву, перестанет заботиться о морских силах, о западных задачах – и так уведёт Россию с европейского театра. Со Швецией Елизавета опасно переговаривалась, чтоб та объявила бы войну России (это и произошло в июле 1741) и требовала бы восстановления петровской династической линии. (Шведы же требовали, наоборот, возврата им всех петровских завоеваний, на что Елизавета и не думала идти.) Впрочем, елизаветинский переворот в Петербурге произошёл без помощи Франции и Швеции – и новая царица взошла на трон со свободными руками.

В ней, правда, было живо русское национальное чувство, и православие её было совсем не показным (как затем у Екатерины II). Перед воцарением она, в молитве, дала обет никого не казнить – и, действительно, при ней ни один смертный приговор не был приведен в исполнение – явление ещё совсем необычное для всей Европы тогда. Она смягчила и другие наказания по многим видам преступлений. Простила (1752) все недоимки – от кончины Петра, за четверть столетия. Она «успокоила оскорблённое народное чувство после долголетней власти иностранцев», «Россия пришла в себя». Она не раз порывалась (1744, 1749, 1753) перевести столицу назад в Москву, и перевозила весь двор даже на годовые периоды, вела восстановление Кремля – русское чувство её требовало так, а дочернее – не подрывать замысел отца. Но в облегчении народной участи она не шла последовательно и далеко. Продолжались и при ней безмысленные и жестокие преследования старообрядцев (а те – самосжигались) – истребление самого русского корня. Крестьяне изнемогали от новых податей, вятские – бежали в лес жить тайными посёлками, а из центральных губерний – бежали, хотя и на горемычную, униженную жизнь, – через польскую границу; также и старообрядцы, ещё и за Днестр, спасать свою веру, – и всех таких беглецов уже накопилось до миллиона] Повсюду образовался недостаток рабочих рук – и власти применяли усиленные попытки возвращать беглецов с Дона. В Тамбовском, Козловском, Шацком уездах вспыхивали крестьянские восстания – и целыми деревнями убегали на Нижнюю Волгу в поисках воли. И отмечено много восстаний монастырских крестьян (и как же неприлично монастырям эксплуатировать крестьянский труд). – Не случайно же в 1754 П.И. Шувалов предложил «проект сбережения народа» (избавить от рекрутских наборов тех, кто платит подушный оклад; в случае недорода давать поселянам вспоможение из хлебных складов, а при большом урожае, напротив, возвышать цены на хлеб, чтоб они не падали к убытку поселян; особым комиссарам разбирать споры между помещиками и крестьянами; пресечь чиновничьи взятки, но и увеличить чиновникам содержание; охранять поселян от грабительств и притеснений, в том числе и от своей армии; содержать и обучать малолетних солдатских детей; и даже вести «полезное государству свободное познание мнения общества»). – Однако Елизавета взошла на трон силой дворянской гвардии и незримо оставалась зависимой от дворянства, укрепляя, по выражению Ключевского, «дворяновластие». (Так, в 1758 помещик уполномочивался наблюдать за поведением своих крепостных; в 1760 –

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru ссылать крепостных в Сибирь. С другой стороны, дворяне, как уже и при Анне, получали ряд облегчений в своих служебных повинностях.)

И при таком-то тяжком состоянии государства и уже вековой народной усталости – неустойчивая духом Елизавета, вместо «сбережения народа», оказалась легкомысленно озабочена «опасностями для европейского равновесия» – и неоправданно, непростительно, истратно кидала русскую народную силу в чужие для нас европейские раздоры и даже в авантюры. – Быстро и сокрушительно выиграв шведскую войну, дальше увлеклась нелепым династическим замыслом утвердить шведским наследником одного из голштинских принцев (впрочем, кто из королей того времени не строил большой политики на династических браках и расчётах?) – и в тех целях, в 1743, уступила Швеции освобождённую от неё Финляндию (упустя возможность выгодного для России свободного развития Финляндии, уже в XVII веке имевшей свои сеймы); и втягивалась дальше: чтобы защитить Швецию от Дании – слала туда русский флот, и в Стокгольм русскую пехоту, не жалко... (И ещё потом два десятилетия российское правительство было напряжённо занято внутришведскими делами, платило субсидии за сохранность нашего с ней пустопорожнего «союза», подкупало депутатов шведского сейма, и русские дипломаты там страстно занимались задачей «не допустить восстановления самодержавия» в Швеции – чтоб она была слабой.) – Ещё жаждали иметь верного союзника в Дании – но такому союзу противоречила голштинская гордость Петра Фёдоровича, наследника русского престола. – Также безрассудно брала Елизавета отягощающие нас, вовсе нам не выгодные обязательства перед Англией, от которой Россия никогда не видывала ни добра, ни помощи, – это в 1741, а в 1743 и прямой союз, обязательство России действовать на европейском континенте в интересах Англии. (По глубочайшему расчёту, что тот голштинско-шведский принц да женится на английской королеве, то-то создадим коалицию! В 1745 пронцательный австрийский канцлер Кауниц докладывал Марии-Терезии: «Политика России истекает не из действительных её интересов, но зависит от индивидуального расположения отдельных лиц».) А в 1751 Россия дала секретное обязательство защищать личные владения английского короля в княжестве Ганновер – на западе Германии, близок свет! чудовищно!

Рядом с нами располагалась всё слабеющая от внутренних шляхетских раздоров Польша; в предыдущие века она захватила и притесняла обильное православное население – но не о выручке его хлопотала Елизавета, а: как защитить целостность ослабевшей Польши (ведь там королём – наш излюбленный саксонский курфюрст...), а заодно, конечно, постоянно защищать и Саксонию. (Почему это всё – наши заботы?) – В начале царствования Елизавета хорошо понимала, что союз с Австрией нам совершенно не выгоден. Но вот Пруссия, воинственный и предприимчивый Фридрих II захватил у Австрии Силезию – и Елизавета простила Австрию (за интриги против себя самой) и возобновила (1746) – ещё на 25 лет! – уже устаревший союзный с ней договор. И защищая Австрию и Саксонию от Фридриха – направила русские войска через независимую Польшу! – Да, Фридрих действовал грубо агрессивно – но как ещё далеко-далеко до опасности для России. Да разве осмелился бы Фридрих, хоть и захватя Польшу, вторгаться на великанскую территорию России? – Российские финансы к этому времени начисто были подорваны, рекрутов не хватало, набор скуден – но мы шлём войска на Фридриха (а без гарнизонов на наших дорогах и реках прямой разбой, опасно ездить и плыть), а между тем Фридрих получил от Австрии, что хотел, и заключил мир. И мы идём, значит, впустую? Нет, мы в 1747 посылаем – таки 30-тысячный корпус за Рейн, на участок Нидерландов, в помощь Австрии, без надобности ссорясь на том с Францией. (И не слышим ропота солдат и своего населения: кто может понять этот поход?..)

Всё – по русской пословице: Тётушка Федосевна до чужих милосердна, а дома не евши сидят.

Зато в Европе наступает всеобщее замирение (только на конгресс в Аахене Россию не позвали, и Россия вообще ничего не получила). Зато, спасибо, историки записали: вмешательством России остановлена война за польское наследство, война за австрийское наследство и дерзкий Фридрих.

Но остановлен он не надолго: всё шныряет по Европе да захватывает. И в 1756 Россия настойчиво побуждает Австрию: вместе скорей нападать на Пруссию (пока Англия столкнулась с Францией в Америке). Между тем мы «не имеем ни одного порядочного генерала» (С. Соловьёв), ибо при Анне Иоанновне не воспитывали русских генералов, всё было отдано в руки наёмных из немцев. Австрия мнётся, Фридрих молниеносно захватывает Саксонию – и русская армия уходит за границу на Семилетнюю войну (с обязательствами: что вернуть Австрии, что – Польше, а России

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru – ничего). Елизавета жаждала «признательности союзников и всей Европы за доставленную им безопасность» и понукала своих четырёх сменяемых бездарных фельдмаршалов (надо признать: из Петербурга лучше их смекая обстановку, да ведь пока гонимцы домчатся!). Воевали так: лето (не всякое) – боевые действия, а с ранней осени загодя уходили от противника далеко назад на покойные зимние квартиры. (В Пруссии наши войска платили жителям за каждый урон.)

Война вскрыла много недостатков в обучении и в состоянии русских армий. Умели наши генералы (битва при Цорндорфе) и так поставить своё войско в бою, чтоб ему было в лицо солнце и ветер с песком. Во всех главных битвах нападали первый Фридрих – но русские войска либо устаивали, либо побеждали, а с 1757 уже вторгались в Пруссию. После битвы под Куннерсдорфом (август 1759) Фридрих бежал, считая проигранной не только кампанию, но всю свою жизнь. В 1760 русские войска вошли в Берлин, но через 2 дня ушли, не закрепляя его за собой. Теперь-то Елизавета захотела получить кусок Пруссии, но не сам по себе, а чтобы выменять у Польши на Курляндию (однако и Австрия, и Франция сильно противились этому, и помешали). А ведь крымский хан все эти годы подбивал Турцию (натравливая её и Англию) начать войну с Россией (и как бы Россия выдержала?); Турция колебалась, но после Куннерсдорфского сражения отказалась. – Промялись в Семилетней войне больше в бездеятельности (а уж Австрия особенно) еще и 1761 год. И всё меньше было сил и средств содержать русскую армию в дальнем походе; уже просили Англию посредничать в мире с Фридрихом, а он, и сам уже без сил, но понимая положение, не шёл ни на какие уступки. И тут – Елизавета умерла.

Взошёл на русский трон её племянник – ничтожный человек, скудно-мелкий ум, остановившийся в развитии на ребячьем уровне, и голштинской выучки душа – сумасброд Пётр III. «Дворянновластие» он закрепил (1762) указом «о вольности дворянской», после которого – и на столетие вперёд – огрузило на России отныне государственно бессмысленное крепостное право. Именно этот указ – навсегда и до конца – пропастно разорвал русский народ на дворян и крестьян. (От этого указа, в частности, армия теряла многих офицеров, и предстояло снова заменять их иностранцами.) «Вознамерился переменить религию нашу, к которой оказывал особое презрение», распорядился выносить иконы из храмов, а священникам сбивать бороды и носить платье, как иностранные пасторы. (Обратной положительной стороной был и указ о нестеснении в вере старообрядцев, магометан и идолопоклонников.) – Но самый чувствительный крутой поворот Пётр III успел, за свои полгода, совершить во внешней политике: Фридриху II, проигравшему войну и уже готовому уступить Восточную Пруссию, он предложил самому составить договор в пользу Пруссии, вернуть все земли, занятые русскими, и даже заключить прусско-русский немедленный союз, помочь Пруссии против Австрии (для чего передал Фридриху 16-тысячный корпус ген. Чернышёва), а русские силы в Померании уже отправлял против Дании – отвоёвывать Шлезвиг для своей родной Голштинии. (Нежелание гвардии выступить теперь ещё и против датчан – и послужило к ускорению екатерининского переворота.) «Сделанное Петром III глубоко оскорбило русских людей... отзывалось насмешкою над кровью, пролитую в борьбе» [13], не только Пётр окружил себя голштинцами и немцами, но всей русской внешней политикой стал руководить прусский посланник Гольц. Русские люди «с отчаянием смотрели на будущее отечества, находившееся в руках иностранцев бездарных и министров чужого государя» [14].

Екатерининский переворот (совершённый ею не столько в государственных, сколько в личных целях – завладеть троном и иметь больше вольности с фаворитами) в отличие от елизаветинского не был вызван и не сопровождался всплеском русского национального чувства. Позже, по порыву Екатерины к не доведенному до конца Уложению (её «Наказ», 1767, столько и так смело говорил о правах, что был запрещён в дореволюционной Франции, с такой дерзостью она «сеяла европейские семена» того века) можно было бы ожидать, что она много сделает для подъёма народного состояния, для какого-то ограждения прав униженных миллионов. Но лишь небольшие движения к этому были: ослабление давления на старообрядцев, указание не применять излишних жестокостей при усмирении крестьянских восстаний. (Щедрей она отнеслась к позванным ею немецким колонистам: наделение обширной землёй, постройка домов для них и освобождение от податей и служб на 30 лет, и с беспроцентными ссудами.) Екатерина ещё и ещё расширяла, «чтоб не скудали бедные помещики», права дворянства, недостаточно довольного даже и «указом о вольностях». Подтвердилось право каждого помещика ссылать своего крестьянина в Сибирь (затем – и на каторжные работы) без объяснения судье, за что ссылается (но с выгодным для помещика зачётом в счёт рекрута). «Помещик торговал им

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru [крепостным] как живым товаром, не только продавая его без земли... но и отрывая от семьи»[15]. Ещё не хуже ли в беззащитности было положение крестьян, посланных работать на заводы: нередко вдали от места их жительство, и было оставлено им мало дней в году для собственного прокормления. Сверх всего того Екатерина «пожаловала» своим фаворитам, любимцам или награждаемым ещё до миллиона живых душ из числа крестьян, дотоле свободных; и устроила крепостное право в Малороссии, где ещё оставалось дотоле право свободного перехода крестьян. В Комиссии, выработывавшей Уложение, предполагалось дать дворянам беспредельную власть над крестьянами (да она, по сути, уже такой и была, ещё и в соображениях административных) – и от крепостных и холопей не принимать жалоб на господ. В 1767 во время волжского путешествия Екатерины её всё же достигло сколько-то крестьянских жалоб, она распорядилась «впредь таких не подавать», и, по её указанию, Сенат приговорил: «чтобы крестьяне и дворовые люди отнюдь не отваживались на помещиков своих бить челом», а дерзнувших – наказывать кнутом. Заводским же крестьянам: «войти в безмолвное повиновение под страхом жестокого наказания»[16]. А за польскую границу императрица посылала воинские отряды – силой возвращать убежавших туда крестьян. – Со страниц подробной соловьевской «Истории» – встаёт перед нами множество картин лихоимства на местах. Депутаты, собранные Екатериной, заявляли: «Кто кого сумеет, тот того и разоряет». – Но вникала ли во всё то Екатерина? Её окружала неумеренная лесть и ложь, приятно загораживая от неё суровое бытие народа. (В 1764 она ещё укрепила себя на троне – убийством в шлиссельбургской камере ещё возможного претендента Ивана Антоновича, правнука недолговечного царя Ивана Алексеевича.)

Наш славный поэт Державин, служивший на крупных государственных постах при трёх императорах и близко наблюдавший придворную жизнь, пишет: «Душа Екатерины более занята была военной славою и замыслами политическими... Управляла государством или правосудием более по политике и своим видам, нежели по святой правде... Царствовала политически, наблюдая свои выгоды или полагая вельможам»[17]. (да ещё же награждала тех вельмож – отнятыми у подавляемых ею крупных монастырей земельными владениями. Впрочем, уже без материальной корысти, упразднила она по российским просторам и сотни мелких сельских монастырей, оборвав их постоянную духовную связь с соседними крестьянами, а этим душила и православный дух в России.)

Тем более ожесточилась она от бунта пугачёва (1773–74). Грозное пугачёвское движение возросло из той пропасти, какую вырыла петербургская династия между благоденствующими вольными дворянами – и крепостными униженными крестьянами. Не преувеличим, сказав, что зарево этого восстания перекинется и на Россию 1917 года. В ответ на пушкинскую формулу (мимоходом сказанную, но с тех пор безудержно затрёпанную повторителями и особенно образованщиной наших дней) «русский бунт, бессмысленный и беспощадный», И. Солоневич[18] справедливо спрашивает встречно: а почему уж такой «бессмысленный»? через 11 лет после указа о дворянских вольностях (воистину бессмысленного государственно) и при крепнущем екатерининском гнёте – неужели не было причины к восстанию? А вот из манифеста Пугачёва: «ловить [дворян], казнить и вешать, и поступать равным образом так, как они, не имея в себе христианства, чинили со своими крестьянами... по истреблении которых противников и злодеев дворян всякий может восчувствовать тишину, спокойную жизнь, кои и до века продолжаться будут». Верил ли сам так Пугачёв? – «волю» он представлял как коллективное своеволие большинства, понятия не имея об организованной, устроенной свободе (С. Левицкий). А «не имея в себе христианства» – ведь метко заявлено! – отсюда и корень русского будущего крушения.

Притом характерно, что и в пугачёвском бунте, как и во всех бунтах Смуты, народные массы никогда не стремились к безвластию, а увлекались обманом (как и от декабристов потом), что действуют в пользу законного государя. Не оттого ли Пугачёв свободно брал города, даже Саратов, Самару (встречавшую его с колоколами), примыкали к нему иргизские старообрядцы. (Кстати, Державин же, служивший в районе бунта, в ходе его отмечает надменность, глупость и коварство вельмож, давивших восстание Пугачёва.)

Зато, чувствуя себя передовой европейкой, Екатерина тем более остро была заинтересована в проблемах европейских. Ещё не укрепленной на троне, ей пришлось принять позорный мир Петра III с Пруссией, но тут же вслед (1764) она вошла с нею и в союз, совсем невыгодный для России, и подчинила себя политике Фридриха. Вместе с ним стали сажать на польский трон Понятовского (бесцельные усилия; как находит Ключевский, по свойствам польской конституции дружественный нам польский

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru король был бесполезен, враждебный безвреден; а Понятовский, едва избравшись, стал изменять покровителям и дружить с французским королём). – Никита Панин многие годы увлекал Екатерину в бесплодный проект «Северного союза», выгодного только для Англии (он и не состоялся, да от Англии, Швеции, Дании нам никакая помощь и прийти не могла. Англия же не стеснялась, 1775, потребовать от России 20-тысячного корпуса в Канаду; Екатерина, всё-таки, отказала.)

В отношении Польши разумна была забота Екатерины, чтобы православные люди там «пришли бы в законное положение по правам и справедливости», чего были вовсе лишены, их принудительно ополячивали (полное упущение Петра I, он этим не занимался, да и Елизавета), хотя в ослабленной своими беспорядками Польше XVIII века Россия имела большое влияние. И Екатерина добилась некоторого заступничества за православных, хотя и опасалась: добиться больших прав – усилятся побегі русских людей туда. (В виде реакции на уступки, данные в Польше, польские чиновники и униатское духовенство стали разнузданно преследовать православных на Украине, что привело к ужасному восстанию «гайдамаков», 1768, со многими жестокими жертвами. Клич его был – «за веру!», а прикрывалось и оно тенью монарха – поддельным приказом Екатерины.) – Наличие русских войсковых отрядов в Польше, местами столкновения с отрядами «конфедератов» вели к напряжению в Турции, тогда соседствовавшей с Польшей. А нападение одного гайдамацкого отряда на татарский посёлок под Балтой послужило и прямым поводом: в сентябре 1768 Турция (ещё и всячески подталкиваемая Англией и Францией) объявила России войну (и застала её неготовой). – И вскоре хан Крым-Гирей с 70-тысячным войском грабил и жёг Елизаветградскую губернию (последнее татарское нашествие в русской истории, 1769). В Польше же нападение Турции на Россию было воспринято с огромным подъёмом, а последствие его – уступка в пользу Турции Киевской области с крестьянами православной веры.

И тут Екатерина совершила важные дипломатические ошибки: она рассчитывала, что Пруссия – союзник, что Австрия перед лицом мусульманской Турции окажет благоприятствование христианской России, и взяла целью не просто пробиваться к Чёрному морю, что только и было для России жизненно необходимо, но схватилась «поджигать Турцию с четырёх сторон», замыслила неисполнимый «греческий проект»: восстановить византийскую империю на развалинах турецкой (кстати, и Вольтер давал ей такой совет; на византийский трон уже намечала посадить внука, Константина Павловича), посылала в Грецию эскадры в обгиг всей Европы и посылала агентов-возмутителей к балканским христианам. Химерический этот план и близко не мог быть выполнен, и греков на то собрать и поднять было невозможно – но, вот, впервые Европе замаячила грозная тень вмешательства России в дела Балкан.

Увы, эта ложная, дутая и заклятая идея погоняла и русских правителей, и потом русское общество весь XIX век и, естественно, настраивала против нас всю Европу, а более всего – соседнюю с Балканами Австрию, и так – в упор до Первой Мировой войны.

Ход военных действий был весьма успешен для России: был взят Азов, Таганрог, к осени 1769 и Бухарест, в 1770 Измаил, одержаны крупные победы под Фокшанами, на реке Кагул, в Чесменском морском бою, даже взят с моря Бейрут; летом 1771 русские войска и в Крыму, взята Керчь. Но при непрерывных русских успехах никак не достигался результат. Русские победы были подорваны дипломатически – в который раз европейская дипломатия оказывалась для российской дипломатии непредсказуемой или неразгаданной. «Союзник» России Фридрих, не забывший жестокого урока Семилетней войны, теперь искал, как сорвать выгодный для России мир. Русско-турецкая война сильно сблизила Пруссию с Австрией. Австрия не хотела мириться с независимостью Молдавии и Валахии (чего хотела Россия ради ослабления Турции: отделить её по суше от татар), но охотно намечала их для себя; в случае успешного русского продвижения к Константинополю готовилась нанести удар в спину (ситуация, которая повторится и в XIX веке). – Тем временем Россия испытывала истощение средств. Кроме того, в турецких областях русские войска заражались чумой, чума перекинулась и в Москву, где принесла большие опустошения, из-за того что жители не понимали и пренебрегали карантинными требованиями. – Начались с Турцией мирные переговоры в 1772, а мира всё не было (Турция колебалась), он был заключён (Кучук-Кайнарджийский) лишь в 1774, когда заступил новый султан, а выдвигавшийся Суворов одержал новые победы. По миру крымские татары сохраняли независимость, но оставались под признанным духовным подчинением Турции. Россия получала степь – сперва до Днестра, потом лишь до Буга, берега Азовского моря, Тамань и Керчь; Молдавия, Валахия и Забужье оставались Турции. А ещё Россия получала право покровительствовать православной вере по всей Османской

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsyna@alexander.ru империи. (Это понималось тогда искренно в религиозном смысле – но уже отбрасывало на будущее грозную политическую тень. Европейские державы, из которых когда-то ходили в Малую Азию крестовые походы, отныне взялись дружно охранять Турцию от христианской России.) – Но ещё и этим война, по сути, не кончилась, Турция, чувствуя поддержку Европы, колебалась выполнять договор – и к 1779 Россия уступила ещё: ушла из Тамани и из Крыма.

Тем временем сметливый Фридрих сообразил, что на фоне кровеобильной русско-турецкой войны очень удобно разделить Польшу. (Этот замысел был у него и раньше. К чести Марии Терезии надо отметить, что она находила раздел противоречащим христианской совести и долго спорила со своим наследным сыном Иосифом. Потом «венский двор для уменьшения несправедливости раздела счёл своей обязанностью принять в нём участие».) Впрочем, Австрия же получила и наибольший кусок Польши, а ещё и кусок северной Буковины от Турции (которая тоже была бы не прочь принять участие в разделе). «Червоная Русь» (Галиция и Закарпатье), наследие Киевской Руси, перешла тоже к Австрии. Россия по тому первому разделу (1772) вернула себе только родную Белоруссию, а Фридрих – взял собственно польскую землю. Однако укороченное польское государство ещё сохранилось тогда.

В 1787–90 годах произошла ещё одна война с Турцией; Россия состояла снова в неверном союзе с Австрией, та снова заключила перемирие неожиданно для России. Тут русские войска снова одержали крупные победы – всё под тем же недающимся Очаковым, Бендерами, Аккерманом, и особенно – решающее взятие Измаила Суворовым. И по мере развития этих побед Россия снова ощутила, что европейские державы не допустят её воспользоваться их плодами. Англия заявила, что не допустит изменения турецких границ (это когда турки стояли на Буге и нижнем Днепре!). В подготовке к войне Пруссия заключила с Турцией тайный договор. Державы собрали конгресс (Райхенбах, 1790), который только один и брался выработать русско-турецкий мир. (В том деле брались помогать и Голландия, Испания, Сицилия.) Но тут, парадоксально, вмешалась Французская революция: она перепугала всю Европу и, между тем, дала возможность России в 1791 заключить победоносный мир в Яссах. (Ключевский пишет, что этим и должна была кончиться ещё предыдущая турецкая война, если бы не вмешательство Европы.)

Тем самым Россия получила выход на свои естественные южные рубежи: к Чёрному морю, включая Крым, и на Днестр. (Как и достигнуты уже были и Ледовитый океан, и Тихий.) И надо было понять, что на этом отныне и остановиться – после четырёх русско-турецких войн XVIII века. Увы, Россия и в следующем веке вела ещё четыре войны с Турцией, уже не оправданных национальным смыслом и государственными интересами.

За протуберанцами той же Французской революции произошли ещё два раздела ослабшей Польши (1792 и 1795). Россия получила Волынь, Подолию, западную часть Белоруссии (чем, кроме Галиции, оканчивалось объединение восточных славян, или, как тогда понимали, русского племени, наследия Киевской Руси). «Россия не присвоила ничего исконно польского, отобрала свои старинные земли, да часть Литвы»[19]. Пруссия же взяла чисто польские области, включая Варшаву.

Австрийский канцлер Кауниц тут отметил, что Екатерина была увлечена иметь влияние на Западе и манией заниматься чужими делами. (Сюда может быть отнесен и «сумбурнейший», по оценке Ключевского, договор с Австрией в 1782: из Молдавии, Валахии и Бессарабии создавать несуществующую «Дакию», Сербию и Боснию отдать Австрии, а Морею, Крит и Кипр – Венеции.) Державин пишет, что Екатерина «под конец жизни ни о чём другом не думала, как о завоевании новых царств». Вмешательство её во франко-австрийский конфликт было идеей не только бесплодной, но вредной. Екатерина провела шесть войн (одно из самых кровопролитных наших царствований) и перед смертью готовилась к седьмой – против революционной Франции.

Эту войну несчастным образом перенял Павел. И героические походы Суворова по Италии и по Швейцарии, так восхищающие нас (и швейцарцев тоже, по сей день), – были ведь абсолютно не нужны России, только потеря русской крови, сил и средств. Как – и обратный затем рывок: в союзе с Наполеоном воевать против Англии, бредовая посылка донских казаков в Индию (на что истратили, свидетельствует Державин, 6 миллионов рублей[20]; и есть более чем основательное подозрение, что заговор по устранению Павла питался из Англии).

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru
О коротком царствовании Павла и о самой личности его существуют оценки противоречивые. Ключевский называет его «антидворянским царём», проф. Трефилов пишет, что Павел «близко принимал к сердцу нужды крепостного крестьянства». И правда, как не оценить, что в день своей коронации (1797) он ограничил барщину тремя днями в неделю и распорядился о «непринуждении к работе в воскресенье», а в 1798 запретил продажу крепостных без земли, – это был важный перелом в крепостном праве, с роста на убыль. Он отменил и указ Екатерины, запрещающий крестьянам подавать челобитные на своих господ, и ввёл ящики для жалоб. – А близкий свидетель Державин (не без личной обиды на Павла) пишет о его взбалмошности, часто невникании в дело (на спорных проектах с двумя мнениями – резолюция «быть по сему»); что при Павле прежние учреждения Петра и Екатерины коверкались без нужды, и «по наветам многие подверглись несчастьям»; что при восшествии на престол и коронации Павел раздавал «скороверменно и безрассудно, кому ни попало, дворянских казённых крестьян» и отнимал у них лучшие казённые земли, «даже из-под пашен и огородов». В окружении Павла, пишет он, «никто ни о чём касательно общего блага отечества, кроме своих собственных польз и роскоши, не пёкся». (Но в этом мы можем укорить вельмож разных стран и времён, и не только монархических, а и раздемократических, до самых новейших.)

Кончая XVIII век, как не поразиться цепи ошибок наших правителей, их направленностью не на то, что существенно для народной жизни. А ведь и Ломоносов предупреждал: «Против Западной Европы у нас может быть только одна война – оборонительная». Уже к концу XVII народ нуждался в длительном отдыхе – но и весь XVIII мотали его. Теперь уж, кажется, все внешние национальные задачи были выполнены? – так остановиться и целиком обратиться бы ко внутреннему устройству? Нет! и на этом далеко не кончились внешние простягания российских правителей. – Кажется бы, словами С. Соловьёва, обширность российского государства «не только не давала развития в русском народе... желанию чужого» – в народе-то да, а в правителях? – но «нежелание чужого могло перейти в невнимание к своему»[21] – и переходило же... – Близкое к тому наблюдение сделал Д.С. Пасманик: благодаря своим просторам русский народ легко развивался в горизонтальном направлении, но по той же причине не рос в вертикальном; «буйные головы» и «критические личности» уходили в казачество (тогда как в Западной Европе плотнились в городах и строили культуру); русские правители испытывали зуд колонизации, а не упорство концентрации.

К горю нашему, и в XIX веке это ещё долго шло так же. И наши XVIII, XIX века и по смыслу слились в единый петербургский период.

Современники и историки сходятся в оценке характера Александра I: романтически мечтателен, любил «красивые идеи», затем уставал от них, «преждевременно утомлённая воля», непоследователен, нерешителен, неуверен, многолик. (Не без следа для его души прошёл вид смерти его отца – если и не тень соучастия в ней...) Под влиянием своего воспитателя Лагарпа, швейцарского революционера, придавал «преувеличенное значение формам правления» (Ключевский), охотно обдумывал и соучаствовал в разработке либеральной конституции для России – для общества, половина которого состояла в рабстве, затем и подарил конституцию Царству Польскому, на столетие опережая Россию. Освободил священников от телесных наказаний (ещё чудовищно сохранявшихся!), разрешил крестьянам вступать в брак вне воли помещика, и неопределённо склонился их освобождать, но вовсе без земли (как, впрочем, и декабристы), однако и не сделал ничего, кроме (1803) «закона о вольных хлебопашцах» – освобождении при добровольном согласии помещика – да запрета новой раздачи казённых крестьян помещикам. Безволие проявил Александр и к деятельности тайных обществ, смолоду и сам соучастник рокового заговора. «Охуждая без разбора правление императора Павла, зачали без разбора всё коверкать, что им сделано», – пишет Державин, – окружающие царя «были набиты конституционным французским и польским духом», между тем «попущением молодого дворянства в праздность, негу и своеволие подкапывались враги отечества под главную защиту государства». К 1812, свидетельствует он, высшие сановники «привели государство в бедственное состояние»[22]. При Александре I бюрократия развивалась всё дальше.

Да, Западная Европа в эти годы шаталась и ломалась, Наполеон крушил и создавал государства, – но это не относилось к России с её сторонним расположением, с её пространствами, пугающими всякого завоевателя, и населением, так нуждающимся в покое и разумной заботливой администрации. Зачем надо было нам вмешиваться в европейские дела? Но Александр I ушёл именно в них, забыв о русских (в

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru захваченности западными идеями он сильно походил на Екатерину). – Французские историки пишут так: Александр I был окружён проанглийскими советниками и начал ненужную войну против Наполеона, навязанную Англией: коалиция с Австрией (1805) и с Пруссией (1806). Сколько потерь мы отдали этим ненужным битвам, ту «отчаянную храбрость русских солдат, о которой французы не имели представления». Теперь Александр I не мог простить Наполеону Аустерлиц и набирал новые войска против Франции. Грозил война с Турцией и Персией, – нет, Александр готовился к долгой кампании: отбрасывать Наполеона за Рейн. Тут агент Наполеона склонил султана объявить войну царю[23].

Тогда, обидясь на Англию за её безучастность, Александр кинулся в дружбу с Наполеоном – Тильзитский мир (1807). Нельзя не признать этот шаг наивыгоднейшим в то время для России – и держаться бы этой линии нейтрально-благоприятственных отношений, презрев ворчание петербургских высших салонов (впрочем, способных и на новый про-английский заговор) и помещиков, лишившихся вывоза хлеба из-за континентальной блокады. – Но и тут Александр совсем не хотел оставаться бездейственным. Нет, Тильзитского мира и начавшейся турецкой войны Александру было мало: в том же 1807 он объявил войну Англии; Наполеон «предлагал Финляндию» взять от Швеции – и Александр вступил (1808) в Финляндию, и отобрал её у Швеции – а зачем? ещё один нестерпимый груз на русские плечи. И перемирия с Турцией он не хотел ценой вывода войск из Молдавии и Валахии, снова русские войска в Бухаресте. (Наполеон «предлагал» России и Молдавию-Валахию, да впрочем и Турцию, разделить совместно с Францией, открыть путь Наполеону на Индию), а после переворота в Константинополе ещё ярее рвался наступать на Турцию. – Но без этих всех разгарных захватов – отчего было не держаться столь выгодного России Тильзитского мира, остаться в покое от европейской свалки и укрепляться и здороветь внутренне? Как бы ни расширялся Наполеон в Европе (впрочем, завяз в Испании), он не замахивался на Россию (только что втягивал в досадные активные союзы), до самого 1811 он пытался избежать столкновения с Россией. Отечественной войны могло и не быть! – всей её славы, но и всех её жертв – если бы не ошибки Александра. (Все эти александровские метания, увы, не явлены нам, не прочувствованы толстовским «Войной и миром».) Из турецкой войны, не погашенной в 1809 из-за того, что Александр требовал независимости Сербии, – уже зажглась панславистская идея! – мы почти чудом, усилиями Кутузова, вытащились уже в 1812, за месяц до нашествия Наполеона, а персидская – так и ещё тянулась год...

Но вот, с величайшим напряжением и с сожжённой Москвой (мало известно, что в московских госпиталях сгорело 15 тыс. русских, раненных под Бородином[24]), мы выиграли Отечественную войну. Так – остаться бы на своих границах (такие голоса и раздавались среди генералов)? Нет, Россия должна помочь навести порядок в Европе (и создать на будущее против себя две мощных империи – Австрийскую и Германскую). После люценского сражения «Александру отдельным договором можно было всего добиться от Наполеона», но «в идее этой самому себе навязанной миссии всецветного умиротворения потонула мысль о русских интересах», и «мы уложили на полях Люцена и Бауцена, Дрездена, Лейпцига и пр. целую армию, задолжали сотни миллионов, уронили рубль... даже до 25 коп. серебром, затруднили своё развитие на десятки лет»[25]. (И ещё в «Сто дней» великодушно послали своих 225 тыс. солдат, теперь Александр, во гневе, готов был вести войну «до последнего солдата и до последнего рубля».)

Гнал ли Александр русские войска в Париж по соображениям монархическим, ради восстановления Бурбонов? – нет, он до последнего момента в этом колебался (это устроил Талейран) и вынуждал Бурбонов присягать конституции[26], сообщил либеральные настроения и Людовику XVIII. Искал ли он территориального вознаграждения для России после столь кровопролитной и победоносной войны? Нет, он не поставил в 1813 Австрии и Пруссии никаких предварительных условий своей помощи. Единственно разумное, что он мог сделать, – это вернуть к русским владениям Галицию, закончив бы объединение восточных славян (и от каких бы разрушительных проблем он избавил бы нашу историю на будущее!). Австрия не держалась тогда особо за Галицию, она больше нуждалась вернуть Силезию, присоединить Белград, Молдавию-Валахию, простеревшись от Адриатического до Чёрного моря. Но Александр не использовал возможность, столь реальную для России в той ситуации. Нет, неискоренимо заражённый «красивыми идеями» и на примере той же Австрии не видя, какой вред для ведущей в государстве нации создавать многонациональную империю, – он потребовал присоединить к России центральную часть разделяемой Польши – герцогство Варшавское, с тем чтоб осчастливить его добавкою русских губерний в «Царство Польское», своей личной милостивой опекой и передовой конституцией; и получил для России на столетие ещё один отравленный

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsyna@alexander.ru дар, ещё одно гнездо восстаний, ещё одно бремя на русские плечи и ещё одну причину польской неприязни к России.

А войны с Персией имели уже долгую историю, и главный смысл их был – оборона Грузии, это началось ещё с Бориса Годунова, которому просился под руку грузинский царь Александр. По религиозным понятиям, мнилось необходимым и естественным – помогать христианскому народу, заземлённому по ту сторону Кавказского хребта, – интересы русского народа и русского государства и тут отодвигались на второй план. В 1783 с той же мольбой обратился грузинский царь Ираклий. В последний свой год Екатерина отправляла 43-тысячную армию в Азербайджан, Павел отозвал её обратно. При Александре военные действия возобновились, был завоёван Дагестан – для какой русской надобности? для плаванья по Каспийскому запертому морю? До Тильзита и Наполеон подталкивал персидского шаха на вторжение в Грузию, после Тильзита уже не он, но Англия. По миру 1813 за Россией были признаны и вся Грузия и Дагестан – опасное влезание во всё новые и ненужные для России капканы.

Во второй половине своего царствования Александр I впал в консерватизм. Душа Священного Союза, он доходил до того, что в 1817 настаивал удовлетворить просьбу испанского короля – слать войска на подавление восставших южно-американских колоний, – вот куда ещё не поспели русские войска! (Отговорил Меттерних.) В 1822 Александр горячо предлагал давить революцию в самой Испании. Но восстание христиан (греков) против турок готов был поддерживать и русскими силами, вёл переговоры с Англией о совместных действиях – и тут пришло то, что называется его кончиной.

Николай I считал, что он прежде всего русский государь, и русские интересы ставил выше общих интересов европейских монархов, поэтому от Священного Союза он отдался. Но, непреклонный враг революций, он не выдержал: в 1830 был готов – и уже сговаривал германских монархов – совместно давить июльскую революцию во Франции, затем и в Бельгии (тут помешало польское восстание); также и в 1848 предлагал прусскому королю русские войска для подавления берлинской революции; в 1848–49 послал-таки обильные русские войска для чуждой нам и вредной задачи: спасти Габсбургов от венгерской революции. И ещё раз поддержал Габсбургов, против Пруссии (1850), – с какой пользой для России? объяснить невозможно; если писать и ещё о многих подробностях, то наше постоянное вызволение Австрии выглядит ещё нелепее. (И в благодарность Николай получил от Австрии удар в спину в Крымскую войну.) И в 1848 же Николай послал войска в Молдавию-Валахию давить и тамошние волнения – да совместно с Турцией – это против христианского населения... До всего чужого было нам дело. Русская дипломатия и в долгий век Нессельроде оставалась бездарной, недалёковидной и не в интересах собственно России.

Сквозное настойчивое зложелательство к Николаю I всего российского либерального общества через весь XIX век и ещё многократно раскачанное при большевиках – истекает главным образом из того, что Николай подавил восстание декабристов (без затруднения довели на него и смерть Пушкина). Теперь уже никого не тревожит, что некоторые черты декабристских программ обещали России революционную тиранию, иные декабристы на следствии настаивали, что свобода может быть основана только на трупах. (Не пропустим и такие детали: Николай выходил из Зимнего к возбуждённой толпе, в него стреляли, и в брата Михаила, убили ген. Милорадовича – Николай всё ещё не отдавал приказа к разгонным выстрелам. Казалось бы, нам, с советским опытом, следовало бы оценить: все нижние чины были прощены через 4 дня; при допросах 121 арестованного офицера не было никакого давления и искажения; из 36, приговорённых судом к смерти, Николай помиловал 31. А в день казни пятерых был оглашён манифест о родственниках всех осуждённых: «Союз родства передаёт потомству славу деяний, предками стяжённую, но не омрачает бесчестьем за личные пороки или преступления. Да не дерзнёт никто вменять их по родству кому-либо в укоризну». (В наш бы советский век – так.) Когда же польский сейм на основании своего закона помиловал декабристов-поляков, то разгневанный Николай, уважая закон, утвердил.)

Со стороны, французские историки XIX века, пишут о Николае: «Прилежен, точен, трудолюбив... бережлив»[27] (последнего качества очень не хватало нашим императорам после Петра и включая Екатерину). От многих своих предшественников он как раз отличался настойчивым поиском государственного смысла и сознанием русских интересов. Но многолетняя безкрайняя власть над необозримой империей укрепляла в нём повышенную оценку возможностей своей воли – и это ещё было

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsyna@alexander.ru огрублено его негибкой прямолинейностью. Они и привели к бедам конца его царствования.

Тем временем крепостное право, от Петра III уже 7-й десяток лет как потерявшее всякий государственный смысл, развилось, отмечает Ключевский, до жестоких и неумных пределов, затормозило и развитие сельского хозяйства как такового и производительность всей страны, затормозило и общественное и умственное развитие. «Новый император с начала царствования имел смелость приступить и к крестьянскому вопросу», «мысль об освобождении крестьян занимала императора в первые годы его царствования», но «обдумыва[лись] перемены осторожно и молчаливо», «тайно от общества» (собственно – в опасении сильного дворянского сопротивления). Да «трудные сами по себе, поодиночке, эти реформы своей совокупностью образовывали переворот, едва ли посильный для какого-либо поколения». Император замялся от предупреждений окружающих. Но и «реформа слишком замедленная теряет много условий своего успеха». Николай «внимательно высматривал людей, которые могли бы совершить это важное дело», – и остановился на графе П.Д. Киселёве – «лучшем администраторе того времени»[28]. Киселёв (а он собрал самых просвещённых сотрудников) получил заведывание государственными крестьянами, которых насчитывалось 17–18 млн (при 25 млн частных крепостных и общем населении страны 52 млн); он получил право выкупать крестьян у помещиков, а также отбирать за жестокое обращение – и энергично занялся делом. Тому следовали: запрещение продавать крестьян в розницу (1841), запрещение приобретать крестьян дворянам безземельным (1843) и ещё другие законы в облегчение крестьянской участи – в выкупе и в приобретении недвижимой собственности (1842, 1847). «Совокупность этих законов... должна была коренным образом изменить взгляд» на крепостных: «что крепостной человек не простая собственность частного лица, а прежде всего подданный государства» и что «личная свобода приобрета[ется] крестьянином даром, без выкупа»[29].

Нет, зачатое наше крепостное право, с которым так уютно смирилось дворянство в своих поэтических поместьях, да в которое уже душевно вросли и миллионы крестьян, – тяготело над Россией и ещё полтора десятка лет.

Продолжая попытки Александра I поддержать восставших против Турции греков, Николай I, вскоре после своего воцарения, в 1826, послал ультимативную ноту Турции и держал этот тон, несмотря и на начавшуюся (в тот же 1826) войну с Персией, добился (по Аккерманскому договору, 1826) дальнейшего закрепления русских прав, и русской торговли в турецких портах, и обещаний для Сербии (наша «балканская идея» укреплялась... Ко многим промахам вела Николая I его неоглядчивость). После того что Англия и Франция содействовали России в 1827 (бой в Наваринской бухте) – и они, и вся Европа прислушались к возвышению султана, что «Россия – вечный, неукротимый враг мусульманства, замышляющий разрушить Оттоманскую империю» (весьма и ослабленную в 1826 уничтожением корпуса янычар). И русскому императору трезво было бы – остановиться. Но, под маловажными предложениями и всё более настраивая против себя Европу заявлением «русских интересов» в Молдавии, Валахии и Сербии, Николай начал в 1828-м войну с Турцией. Она имела большой успех на кавказском побережье (от Анапы до Поти), в Закавказье (Ахалцых, Каре, Эрзерум и почти до Трапезунда, уже на коренной турецкой территории), однако на Балканах неудачная (смотровые качества наших войск перевешивали боевые, по бедности России не было нарезных ружей, слабая разведка, хотя Мольтке-старший в анализе этой войны весьма хвалит всё выносящего русского солдата). Правда, в 1829 уже прошли Болгарию (где, к славянскому нашему удивлению, встретили вовсе не дружественное отношение болгар), взяли Адрианополь (Турция была сотрясена), – но на том выдохлись. Добились – независимости Греции и вассального (от Турции) статуса Сербии, опять чужие интересы, для России – свободный проход судов через Босфор. В этой турецкой войне (6-й по счёту!) Россия достигла наибольшего внешнего успеха, но для самой себя ей и нечего было больше реализовать.

Более того: через 4 года Николай уже взялся спасать Турцию от успешно восставшего египетского паши: русский флот поспешил в Константинополь на выручку султану. Тоже русские интересы...

А персидской войной между тем освободили Армению.

Но ответственность за Грузию и Армению вынуждала Россию на новую долгую – 60-летнюю! со многими потерями – войну: покорение Кавказа. Если бы Россия вовсе не касалась чуждого нам Закавказья – покорение Кавказа тоже не было бы

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru необходимостью: лишь держать в северных предгорьях перед Кавказским Хребтом сильную оборонительную казачью линию от постоянных разбойных набегов горцев, вот и всё: Кавказ не был единым государством, но многочислием разноречивых племён, и сам по себе не представлял для России государственной опасности, а особенно после ослабления Турции. (Да был момент – Николай уже готов был признать государство Шамиля – так Шамиль, кавказский характер, заявил, что дойдёт до Москвы и Петербурга.) Однако и в XIX веке мы продолжали и продолжали платить и платить по чужим счетам... И расходы на содержание Кавказа и Закавказья – и до самой революции превышали доходы от него: Российская империя платила за счастье иметь эти территории. И, отметим, нигде «не ломала чужих обычаев» (Ключевский).

Но худшая плата за наше расширение в Закавказье (затем и в Среднюю Азию) было размытие собственно русского национального сознания, традиций, народного характера. (Да даже и славянофильские попытки отстоять русское национальное самосознание в особенности от государственного строя встречали от государства притеснения и гонения.)

Сходная проблема была и с Хивой и Бухарой, регулярно нападавшими ещё в 30-40-е годы на южные границы России: далеко в глубь пустынь два сильных государства, содержавшие рабами многих пленников, в том числе и русских, доставляемых им набегами туркмен и «киргизов» (казахов), доходивших и до Нижней Волги. Этих уведенных продавали в Хиве и Бухаре на невольничьих рынках[30]. Надо было либо учреждать от тех набегов крепкую оборонительную линию, либо – начинать завоевание. (Да ведь маячил и путь в Индию? но и столкновение с Англией?) В 1839-40 и был совершён завоевательный поход Перовского – через пустыни, на тысячу вёрст, – но неудачный.

В 1831, а затем в 1863 Россия дважды заплатила за мечтательно-вздорную затею Александра I держать под своим «попечительством» – Польшу. Насколько надо было не чувствовать времени, века, чтобы столь развитой, культурный и интенсивный народ, как польский, держать при Империи в подчинённой роли! (Оба эти польские восстания вызвали большое сочувствие в Западной Европе и отдались России новой враждебностью и изоляцией.)

Десятилетиями бестолково металась нессельеродовская дипломатия Николая: то (1833) соглашение с Австрией и Пруссией о борьбе против революционного движения; то (1833) оборонительный союз с Турцией, защищать её от всякой внутренней и внешней опасности (раздражение западных держав, первый толчок к будущей Крымской войне); то (1840) тайное соглашение с Англией: Россия относительно Турции будет действовать лишь по полномочию Европы (зачем эти пути обязательств?); то (1841) Россия отказывается гарантировать перед западными державами целостность и независимость Османской империи; то (с 1851) Россия горячо вмешалась в поверхностный спор между католиками и православными о приоритете в святых местах в Палестине (отягчённый и личной ссорой Николая I с Наполеоном III), быстро переходивший во всеевропейское политическое столкновение. – Английскому послу Николай открылся: «Турция – больной человек», может внезапно умереть; в случае раздела Турции пусть Англия возьмёт Египет и Крит, а Молдавия, Валахия, Сербия и Болгария найдут себе независимость под покровительством России – не в составе её, ибо и без того обширную Российскую империю было бы опасно ещё расширять. (Это – он понимал, но панправославная и панславистская идеи гибельно толкали его на расширение в другой форме.) А русский посол в Константинополе требовал: решить вопрос о святых местах и предоставить России протекторат над всем православным населением Османской империи. Когда же английский посол в Константинополе стал искусно улаживать вопрос о святых местах, к общему удовлетворению, – российский посол потребовал «в 5-дневный срок нерушимых гарантий» о защите православных, а вослед покинул Константинополь с угрозами.

Русское правительство явно не понимало, что от возвышения России над Европой после победы 1814 г. – Англия стала врагом России на столетие. Теперь – Россия восстанавливала против себя всю Европу. Между тем свободный проход через проливы Турция гарантировала нам ещё с 1829 – чего ещё? (А в случае европейской войны – кто угодно закупорит Дарданеллы снаружи.) Но, уже полвека как выйдя к Чёрному морю, Россия так и не построила там сильного современного (хотя бы частично винтового) флота, только парусные суда. (Не говоря уже, что мы не умели освоить черноморское побережье сельскохозяйственно, не хватало культуры. Да по всей российской обширности звали, стонали нерешённые запутанные или неначатые внутренние дела.) Николай I и не осознал степени технической и тактической отсталости нашей армии: ни рассыпного строя, ни окопной подготовки, кавалерия

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru приучена к манежной езде, а не к атакам. И пренебрег уже тогдашней обозлённостью российского общества против его администрации (так что впервые зазяло желание поражения своему правительству). Но он – не сомневался в поддержке от Австрии и Пруссии... (Между тем: Австрии грозил русский охват уже с третьей стороны; Англия была дополнительно встревожена утверждением России на Сыр-Дарье; Наполеон III искал проявить себя как новоявленный император; Виктор-Эммануил II – возвысить Сардинию среди европейских держав; в Турции – патриотический подъём, Египет и Тунис поддерживают его; и Пруссия фактически присоединилась к требованиям коалиции.) А Николай I рвался шеей в петлю, какова ж была эта надменная самоуверенность! Он отклонил несколько предложений переговоров. (А ведь уже по 1790 году должен был усвоить эту опаснейшую конфигурацию всех европейских держав против России.)

Ход войны известен. После крупной русской морской победы под Синопом над турками англо-французский флот вошёл в Чёрное море. Мы и не пытались помешать высадке союзников у Евпатории (хотя её уже предсказывала английская пресса) и, ещё до осады Севастополя (не укрепленного с суши), не использовали своего огромного превосходства в кавалерии и значительного в числе штыков, маршировали батальонными колоннами под сильным стрелковым огнём французов. (Впрочем, вот французская оценка русского «противника, одаренного редчайшими военными качествами, бесстрашного, упорного, не впадавшего в уныние, напротив, после каждого поражения бросавшегося в бой с новой энергией»[31].) Австрийская угроза заставила русское командование очистить все свои завоевания на Балканах, и Валахию-Молдавию. Севастополь самоукрепился (Тотleben) и выдержал 11 месяцев осады, до августа 1855.

Но на полгода раньше того, в феврале 1855, умер (не без загадочности) Николай I. Смена царствования – всегда поворот политики, крутая смена советников, и Александр II после бесполового боя у Чёрной речки (где наши потери были вчетверо больше) стал поддаваться расслабляющим советам о капитуляции.

Из нашей исторической дали ясно: самоуверенным безумием было – Крымскую войну начинать. Но после двух лет войны, и такой стойкости Севастополя, и стольких уложенных жертв, – следовало ли так расслабиться? Гарнизон Севастополя в полном порядке занял сильно укрепленную Северную сторону; он численно уступал союзникам, но был грозно закалён стоянием в долгой осаде. Крымская армия не имела недостатка ни в боеприпасах, ни в провианте (ежедневно солдату – фунт мяса), и не была отрезана от массива русской территории, и могла перенести вторую зимнюю кампанию. Не было из России хороших дорог, – но это ещё более отяжелило бы союзникам задачу наступать по бездорожью (при том, что их морские коммуникации уже растянулись на 4000 км). К тому же «по соображениям национального самолюбия за всё время войны у союзных войск не было общего командования, три армии имели три отдельных генеральных штаба», которые согласовывали, как дипломаты, каждую операцию. К тому же «англичане, привыкшие к большому комфорту, оказались совершенно неподготовленными к суровому климату и потеряли предприимчивость и бодрость... смертность царила среди них ужасающая: из 53000, прибывших из Англии, боеспособных оставалось только 12000»[32] – к весне 1855. Австрия, после ухода русских с Балкан, уже не грозила выступить, – да запасные крупные русские армии стояли и на австрийской границе, и в Польше, и на Кавказе, и у Финского залива (а балтийский флот успешно отразил атаки союзного флота). К весне 1856 вооружённые силы России были до 1 млн 900 тыс., крупней, чем к началу войны. По мнению С. Соловьёва (которому, кстати, в 1851 запретили чтение публичных лекций по русской истории): «Страшный мир, какого не заключали русские государи после Прута» (унизительный мир Петра). Соловьёв считает: «тут-то и надо было объявить, что война не оканчивается, а только начинается, – чтобы заставить союзников кончить её»[33]. Борьба за русскую землю (если бы союзники ещё оказались способны продвигаться вглубь) могла бы возобновить в русских дух 1812 года, а дух союзников бы падал.

Этот поспешный мир (1856, по которому Россия теряла и право содержать военный флот в Чёрном море и дунайскую дельту) был худым началом правления Александра II, но и первой победой общественного мнения. (Русские либералы боялись успехов русского оружия: ведь это придаст правительству ещё больше силы и самоуверенности; и облегчены были падением Севастополя.) Всё вместе явилось точным и роковым предвозвестием 1904 года. (Впоследствии Александр сказал: «Я сделал подлость, пойдя тогда на мир»[34].)

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru
В передышку произведенного тут более чем векового огляда российской внешней политики – приходится заключить: да, династия Романовых в петербургский период продремала то грозное, что приближало гибель России.

Зато крестьянскую реформу Александр II провёл с необычной для себя (при его «опасливой мнительности») энергией, опираясь против дворянского сопротивления на неограниченность своего самодержавия. С 1857 заработал секретный комитет по крестьянским делам, по началу не имевший ни сведений о положении дела, ни плана: освободить ли с землёй или без земли. Летом 1858 был снят оброк с казённых и удельных крестьян – тем самым они и получили хозяйственную свободу, а личная у них была. В редакционных комиссиях по реформе шли долгие споры, кому земля и сохранять ли крестьянскую общину, работали в большой неопределённости, – наконец Александр потребовал, чтобы манифест был готов к 6-й годовщине его восшествия на трон. И решающий шаг – был сделан (1861), но и с несомненными ошибками; как и тридцать лет спустя определил ключевский, «выступ[или] иные начала жизни. Начала эти мы знаем... но не знаем их последствий»[35]. И, действительно, все последствия отделились нам только в XX веке.

В личной собственности крестьян остались лишь подворные усадьбы (проступает призрак сталинской коллективизации?). Земля же – частью оставлена у помещиков, по их противлению, частью – передана общинам (по славянофильской вере в них...). Наделение крестьян землёй (разное в разных местностях) было и недостаточным, и дорогостоящим: крестьяне должны были заплатить за «дворянскую» (этого как раз – они и не могли принять в сознание) землю – выкупные платежи. Взять этих денег им было неоткуда, до сих пор они за всё платили либо своим трудом, либо его продуктами; к тому же эти назначенные платежи местами значительно превышали доходность земли и были непосильны. Теперь для уплаты выкупов государство давало крестьянам ссуду (4/5 от нужной суммы), с рассрочкой на 49 лет, однако под 6 %, – и эти проценты с годами накапливались и добавлялись к податям. (И лишь события начала XX века оборвали накопление тех долгов и счёт этих 49 лет.) Местами сохранялись ещё временные обязательства за крестьянами по отработке трудом. Во многих местах крестьяне от освобождения потеряли права на лес и на выгон. Манифест 19 февраля одарял личной свободой – но для русского крестьянина владение землёй и её дарами было важнее личной свободы. От Манифеста разлилось в крестьянстве и недоумение, кое-где возникали волнения, ждали следом другого манифеста, более щедрого. (Однако западные историки дают, по сравнению, такой комментарий: «Несмотря на все ограничения, русская реформа оказалась бесконечно более щедрой, чем подобная же реформа в соседних странах, Пруссии и Австрии, где крепостным была предоставлена «совершенно голая» свобода, без малейшего клочка земли»[36].)

Из-за общинного строя реформа оставляла крестьян, по сути, и без полной личной свободы, всё крестьянское сословие – в отчуждении от прочих сословий (не общий суд, не общая законность). Был временно введён институт мировых посредников из среды местных дворян, для практического содействия проведению реформы, – но этого было мало: реформа не создала ещё одного важного административно-попечительного звена, которое бы в ходе немалых лет помогало бы крестьянам совершить трудный психологический поворот от полного изменения жизни и приноровиться к новому образу её. Мало того, что ошеломлённый крестьянин был брошен в рынок – у него ещё и руки были связаны общиной. На крестьянстве же осталась и главная тяжесть государственных податей, а денег – взять неоткуда, и так попадал крестьянин в руки бессовестного скупщика и ростовщика. – Недаром Достоевский тревожно писал о пореформенной поре: «Мы переживаем самую переходную и самую роковую минуту, может быть, изо всей истории русского народа». (Сегодня мы с ещё большим основанием добавим пору нынешнюю – с 90-х годов XX века.) Он писал: «Реформа 1861 года требовала величайшей осторожности. А встретил народ – отчуждённость высших слоев и кабатчика». К тому же: «мрачные нравственные стороны прежнего порядка – рабство, разъединение, цинизм, продажность – усилились. А из хороших нравственных сторон прежнего быта ничего не осталось».

Сильно недооцененный, глубоко искренний Глеб Успенский, пристальный наблюдатель пореформенного крестьянского быта, – представляет нам ту же картину («Власть земли», «Крестьянин и крестьянский труд», 1880-е годы). Мысль его: что после 1861 года «нет внимания к массам», «нет организации крестьянской жизни», а хищничество уже так внедрилось в деревню, что, может быть, и поздно исправлять. А неправда административно-бюрократическая – тоже никуда не ушла и само собою давит на крестьянина (вопиющая глава «Узы неправды»). Успенский приводит длинную цитату из Герцена о таинственной силе, сохранившейся в русском народе, которую,

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru однако, Герцен не берётся выразить словами. А Успенский берётся: это власть земли, это она давала нашему народу терпение, кротость, мощь и молодость; отнимите её у народа – и нет этого народа, нет народного мирозерцания, наступает душевная пустота. 200 лет татарщины, 300 лет крепостничества народ перенёс только потому, что сохранял свой земледельческий тип. Это власть земли держала крестьянина в повиновении, развила в нём строгую семейную и общественную дисциплину, сохранила его от тлетворных лжеучений, – деспотическая власть «любящей» мужа матери-земли, она же и облегчала этот труд, делая его интересом всей жизни. «Но эта таинственная и чудесная сила не сохранила народ под ударом рубля». (И даже, по честности своего взгляда и вопреки своему революционно-демократическому сознанию и даже партийной принадлежности, Глеб Успенский не удержался высказать: при крепостном праве наше крестьянство было поставлено к земле в более правильное отношение, чем в настоящее время. Земли у помещичьих крестьян было вдвое больше против теперешнего; помещик должен был поддерживать в своих крестьянах всё, что делает их земледельцами. Даже и воинская повинность при крепостном праве была верней: в первую очередь шли многосемейные, ещё раньше – весь негодный и спившийся народ, так что пролетариата в деревне не было, и он не мешал мужику быть земледельцем. Старая хозяйственная система была правдивей и по налогам: богатый всегда платил больше бедному. «Наши прародители знали свой народ, хотели ему добра – и дали ему христианство, самое лучшее, до чего дожило человечество веками страданий. А теперь – мы роемся в каком-то старом национальном и европейском хламе, в мусорных ямах». Так и – «в основу церковной народной школы было положено: превратить эгоистическое сердце в сердце всескорбящее. Воспитание сердца было настойчивое: учёба тиранская, но касалась не выгоды, не ненужного знания, а проповедывала строгость к себе и ближним».)

А тут грянула эпоха: удар рубля] – и соображения выгоды, и только выгоды! И патриархальное крестьянство наше – ещё и при всех несправедливостях реформы – не выдержало этой резкой перемены. Многие писатели пореформенной поры оставили нам описания этого душевного стеснения, потерянности, пьянства, лихого озорства, непочтения к старшим. (16 марта 1908 пятьдесят членов Государственной Думы, крестьян, единодушно заявили: «Пусть водку уберут в города, если им нужно, а в деревнях она окончательно губит нашу молодёжь».) Ко всему этому добавлялась униженность православного духовенства, падение православной веры. (А у старообрядцев она сохранялась? вот какими мы могли бы быть, если б не реформа Никона; в «Соборянах» Лескова прочтём и о диких способах борьбы со старообрядцами даже в XIX веке.) К 1905 и 1917 все эти качества органически перелились в мятеж и революционность.

К концу XIX века крестьянское население опустилось в труде. Редели доступные леса – и на топливо пошёл навоз с соломой в ущерб сельскому хозяйству. (Отмечают историки: и на сельскохозяйственное образование в нашей стране в это время тратилось куда меньше средств, чем на латынь и древнегреческий.) В 1883 подушную подать отменили, но возросли земские сборы. К началу XX века проступил упадок земледельческой деятельности в Центральной России (всё – соха, и борона часто деревянная, и веянье от лопаты, и плохие семена, и трехполье, принудительно сжатое общинной черезполосицей, и продукты труда задёшево отдаются скупщикам и посредникам, учащались безлошадные хозяйства, накапливались недоимки). В эти годы и появилось тревожное выражение: «оскудение Центра». (Именно этот термин с большой верностью, хотя и с иным содержанием, применяет С.Ф. Платонов и к периоду перед Смутой XVII века...) Недоделанная александровская земельная реформа потребовала реформы столыпинской, встретившей сплочённое сопротивление правых, кадетов, социалистов и худо работающей части деревни; а затем и накрытой всё той же Революцией...

Оставшаяся и после реформ опасная сословная разорванность России сказалась и на неполноте реформы судебной. Для крестьян (когда обе стороны крестьяне) остался нижний волостной суд по деревенским обычаям; выше – мировые судьи для гражданских исков и мелких уголовных дел; затем – известный по реформе, целиком взятый из западного опыта, составительный процесс при несменяемости судей, присяжных заседателях и самостоятельной организации адвокатов. Суд присяжных – вообще сомнительное благоприобретение, ибо умаляет профессионализм суда (в противоречие с современной ценностью всякого профессионализма), порой ведёт к парадоксальной некомпетентности (можно приводить примеры и из нынешнего английского суда, достаточно одряхлевшего). В пореформенной России, в обстановке общественного упоения адвокатскими речами (которые бесцензурно шли в печать), он сопровождался аргументами и оканчивался решениями порой трагикомическими (это

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsyna@alexander.ru ярко высечено Достоевским: «блестящее установление адвокатура, но почему-то и грустное», – если уж не помянуть зловещего оправдания террористки Веры Засулич – полоска розовой зари для жадно жаждущей революции). Из этих-то адвокатских речей выросла удобная традиция перелгать ответственность с личности преступника на «проклятую российскую действительность».

Земская реформа Александра II была наиболее плодотворной: постоянная земская управа с широкими исполнительными функциями по своим возможностям превосходила, например, даже французское местное самоуправление [37]. Однако она не дошла до нижнего уровня народного самоуправления – до волостного земства (что больно сказало в XX веке и в Первую Мировую войну). Выборы же крестьянских депутатов в земство уездное происходили под влиянием местных чиновников. (Достоевский об этом: «Народ оставлен у нас на свои силы, никто его не поддерживает. Есть земство, но оно – „начальство“. Выборных своих народ выбирает в присутствии какого-то „члена“, опять-таки начальства, и из выборов выходит анекдот».) К тому же земствам не хватало государственных дотаций, они усиливали земские сборы с населения, чем возбуждали крестьян против себя как против ещё одного паразита.

Позже Александр III, пытаясь угадать пропущенное реформами своего отца административное звено, ввёл институт земских начальников (1889), «сильную власть, близкую к народу», – как бы тех самых (но сильно опозданных) попечителей крестьянского быта, которые бы облегчили крестьянам столь трудный для них переход от прежней традиции к новой, способствовали бы упорядочению деятельности и начинаний. Но набранные из резерва незанятых дворян (а из кого было и набирать?), часто вовсе не преданные своей задаче, да через три десятка лет после недоделанной реформы, – эти земские начальники часто оказывались только ещё одним отяготительным слоем власти над крестьянином (так, распущены были выборные крестьянские суды, суд вершил единолично земский начальник). – Серьёзной ошибкой Александра III была (1883) отмена статьи Манифеста 1861 года, дававшей право выхода из общины тем крестьянам, которые уплатили полностью выкупные платежи: ради идола общины, сковывавшей русское сознание от императора до народовольцев, ищущих, как этого императора ужокошить, преграждался путь свободного развития для самой энергичной, здоровой, трудоспособной части крестьянства.

В 1856 Горчаков, заменивший Нессельроде, 40 лет мутившего нашу иностранную политику, заявил поначалу очень трезво, что Россия должна сосредоточиться на себе для «собирания сил». Давно бы нам это понять и проводить. Но этого лозунга не хватило и на год: Россия снова окунулась в европейские дипломатические игры. Ещё не просохшую от крови военную вражду с Наполеоном III – Александр II внезапно (1857) поменял на тёплую дружбу. Демаршем Горчакова (1859) Россия не позволила Германскому союзу вступить за Австрию в итальянскую войну, а Франция помогла России вытеснить Австрию с захваченных позиций в Молдавии-Валахии (те вскоре соединились в Румынию) и подкрепить русское влияние на Балканах – сколь важное для нас? – Однако из-за польского восстания (1863) Франция обернулась, напротив, врагом России и вместе с Англией и Австрией (повторение коалиции Крымской войны?) выступила в пользу восставших, и снова казалась вероятной угрозой войны. Но тут заявила себя нашим другом Пруссия, и, получив за то блажелательный нейтралитет России, – Бисмарк последовательно отнял Шлезвиг-Гольштейн у Дании (1864), ошеломительно разгромил Австрию (1866), – и, ещё этого усиления Пруссии не испугавшись, в 1870–71 Россия своим дружественным нейтралитетом обеспечила Бисмарку и разгром Франции. (За что вскоре, в 1878, на Берлинском конгрессе получили от Бисмарка лукавую отплату: он примкнул к европейской сплотке отнять у России плоды побед в турецкой войне.) Внешнеполитические шаги России при Александре II продолжали оставаться недалёковидны и проигрышны. В 1874 находим у Достоевского («Подросток», гл. 3) восклицание: «Вот уже почти столетие, как Россия живёт решительно не для себя, а для одной лишь Европы». (Точней бы сказать: к тому времени – уже полтора столетия.) Да что – Европе? в 1863 Россия не упустила поддержать флотом и американский Север против Юга – а туда зачем нам простягаться (только что – отомстить Англии)?

Две несчастные идеи неотступно мучили и тянули всех наших правителей кряду: помогать-спасать христиан Закавказья и помогать-спасать православных на Балканах. Можно признать высоту этих нравственных принципов, но не до полной же потери государственного смысла и не до забвения же нужд собственного, тоже христианского, народа. Всё мы хотели вызволять болгар, сербов и черногорцев – подумали бы раньше о белорусах и украинцах: под дланью Державы лишали мы их

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru культурно-духовного развития в их традиции, хотели «отменить» вряд ли уже отменяемое наше различие, возникшее между XIII и XVII веками. – Есть-таки правда, когда упрекают российские государственные и мыслящие верхи в мессианизме и в вере в русскую исключительность. И покоряющего этого влияния не избежал и Достоевский, при его столь несравненной проницательности: тут – и мечта о Константинополе, и «мир с Востока победит Запад», даже и до презрения к Европе, что давно уже стыдно читать. Что ж говорить о несчастной «всеславянской» и «царьградской» разработке Н.Я. Данилевского – в его книге «Россия и Европа» (самой по себе во многом интересной), при появлении её (1869) почти и не замеченной, но имевшей большой резонанс в русском обществе с 1888.

При нарастающей третий век народной усталости, при наших внутренних экономических и социальных неурядицах, при «оскудении Центра», при угрожающем росте бюрократического своеволия, не способного к высокой эффективности, но подавляющего народную самодеятельность (писали: «Ссохлась и русская личность, натуры смелые и широких способностей стали встречаться всё реже», – и правда, много ли их в русской литературе XIX века?), – при этом всё неустанные войны за балканских христиан были преступлением против русского народа. Защита балканских славян от пангерманизма – была не наша задача; а всякое насильственное включение в Австрию всё новых и новых славян – только ослабляло эту лоскутную империю и её позицию против России.

Такой очередной войной за Балканы была тяжёлая война с Турцией в 1877-78 – Россия ринулась в неё, не позаботясь иметь союзников или верных благожелателей, нетерпеливо опережая вялые протесты европейских держав против турецких жестокостей (так сыграл Дизраэли, и так втраивал Бисмарк). С боевой стороны война была проведена сенсационно, со впечатляющими всю Европу успехами, зимним переходом балканского хребта (и со множеством жертв и солдатских страданий). Уникально было и то, что российское общество, уже сильно враждовавшее с властью, теперь соединилось с ним в патриотическом подъёме (угар панславизма охватил и общество). Но русское наступление и в этот раз не было доведено до Константинополя, добровольно оставлено. По Сан-Стефанскому миру, кажется, добились для Балкан всего, чего хотели: независимости Сербии и Черногории (на расширенной территории), Румынии, расширения Болгарии, самоуправления в Боснии и Герцеговине и полегчаний для всех прочих христиан, оставшихся под турецким владычеством. Торжество столетней мечты и триумф? Теперь Англия прямо грозила войной (флот у Принцевых островов), Австрия – мобилизацией, все европейские державы требовали конференции, чтобы отнять у России достигнутое и поживиться самим. Так и произошло. На Берлинском конгрессе Англия ни за что ни про что получила Кипр, Австрия – право занять Боснию и Герцеговину, Болгарию опять раздробили, Сербию и Черногорию подрезали, а Россия только вернула себе Бессарабию, потерянную после Крымской войны. (Весь конгресс Горчаков провёл с ничтожным слабоволием, Дизраэли же был встречен в Англии с триумфом.)

Такая «выигранная» война стоит проигранной, а дешевле бы – и вовсе её не начинать. Подорваны были военные силы России и финансовые, угнетено общественное настроение – и как раз отсюда началась, раскатилась эра революционности и террора, вскоре приведшая и к убийству Александра II.

Третий век Россия упускала и упускала невозмещаемые сроки (весьма поверхностно и непрочно нагоняемые реформами Александра II). Россия всем народным корпусом отставала от хода мировых часов.

Да была ли когда у русского народа свобода выбрать свою судьбу?

В долгой веренице наших императоров Александр III, без недуга нерешительности своего отца, может быть первым за полтора столетия хорошо понимал гибельность российского служения чужим интересам и новых захватов, понимал, что главное внимание должно быть обращено на внутреннее здоровье нации («Долг России – заботиться прежде всего о себе самой», из манифеста 4 марта 1881). Сам командующий армией в турецкую войну, он, однако, от воцарения не вёл ни одной войны (лишь закончил – мирным взятием Мерва – завоевания отца в Средней Азии, у границы Афганистана, что, впрочем, едва и не вызвало столкновения с Англией). Но именно в это безвоенное царствование сильно укрепился внешнеполитический вес России. Александр III проглотил горечь от болгарской «неблагодарности»: образованные болгары вовсе не ценили огромных русских жертв в только что минувшую войну и поспешили освободиться от русского влияния и вмешательства.

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru проглотил горечь и от измены Бисмарка – и пошёл (1881) на весьма равновесное и разумное «соглашение о взаимных гарантиях» с Германией: не расторгни его Вильгельм несколькими годами позже, оно исключило бы войну между Россией и Германией в начале XX века. После же отмены соглашения Александру III и не оставалось ничего, как продолжать сближение с Францией, и то после осторожного выжидания.

Тут не упустим оглядеться. Уже с 90-х годов XIX века (и тем резче в начале XX) среди остро развившегося российского образованного класса (а с опережением – в различных кругах, успевших предвестить и Эпоху Мирового террора) – сперва как бы лишь от оппозиции к имперскому правительству и к православной иерархии, затем уже в расширение инерции – сами определения «русский» и «православный», и особенно личная настоятельность в этих качествах, отзывались всё более резкими насмешками и даже враждебностью. (По наследству это легко переймут большевицкие идеологи – и уже не только в понятиях и рассуждениях, но и в реальных действиях.)

Во внутренней политике удавшийся террор народовольцев уже сам по себе закрывал Александру III путь каких-либо уступок, ибо они теперь выглядели бы капитуляцией. При неуклонном характере Александра III убийство его отца 1 марта уже и обрекало Россию на твёрдые консервативные меры в ближайшие годы и даже «положение об усиленной охране» (1882). Вскоре составленный совет министров почти и не менялся в годы его царствования, но, в целях государственной бережливости, сокращались излишние придворные должности, и отменено всё «кавказское наместничество». Были уменьшены крестьянские подати, даны отсрочки по выкупным платежам; от начавшегося вывоза русского хлеба за границу хлебные цены повысились, к выгоде и крестьян. Как уже сказано, Александр III ввёл земских начальников (с результатом двойственным), однако ослабил роль крестьян в земстве (большая ошибка) и усилил над земством государственный контроль. Годы шли, состояние страны стабилизировалось – и вот, очевидно, следовало вместо мер исключительно задерживающих – предложить свой многосторонний вариант активного развития – например, давно назревшая мера, расширить правовой строй на крестьянство. Но ни сам царь, ни его ближайшие советники не предложили такого проекта и, значит, не чувствовали неудержимого ритма века. – Так и в состоянии Православной Церкви, слабевшей сквозь весь петербургский период, Александр III не усмотрел тревожного омертвления, не дал импульса к оживлению церковного организма, не протянул помощи униженным сельским священникам в их бедственном положении, оставил Церковь – а с ней и народное православие – в тяжёлом кризисе, хотя ещё не всем ясном тогда. – Что же касается мусульман, то они в России «продолжали пользоваться той же терпимостью.. Россия была уверена в своих мусульманских подданных на Кавказе»[38]. (И в Первой мировой войне отборные полки кавказских добровольцев, «туземная дивизия», это отменно подтвердили.)

Однако царствование Александра III было много короче всех остальных, трагически прервано в вершине его возраста и в полноте душевных сил, и нельзя гадать, как он вёл бы себя в наступающие острокритические годы России или даже не допустил бы их.

В царствование Николая II – высшие имперские бюрократические слои, в успокоенной дремоте, всё ещё не понимали глубины опасности. Это сказалось и на лёгком приятии царём японской войны – и на безоглядном вступлении в Мировую.

По словам Л. Тихомирова, Николай II «просто с первого дня начал, не имея даже и подозрения об этом, полный развал всего, всех основ дела отца своего»[39]. К концу XIX века Российская империя достигла своего замысленного, или, как тогда говорили, «естественного» (для незащищённой огромной равнины), территориального объёма: во многих местах до географических рубежей, поставленных самой природой. Но странная это была империя. Во всех других известных тогда империях метрополии жирно наживались за счёт колоний, и нигде не было такого порядка, чтобы жители какой колонии имели больше прав и преимуществ, чем жители метрополии. А в России было – как раз всё наоборот. Не говоря о Польше, имевшей значительно более либеральную конституцию и строй жизни (которой всё равно это не услаждало подчинения), нельзя не отметить широчайших льгот для Финляндии. Ещё от Александра I финны имели права шире, чем пользовались под шведским управлением; до конца XIX в. народный доход возрос в 6–7 раз, Финляндия достигла процветания, во многом потому, что не выплачивала своей пропорциональной доли общегосударственных расходов. Так же и рекрутский набор из Финляндии брался

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsyna@alexander.ru втрое меньше среднероссийского, так что «в вооружённой до зубов Европе Финляндия делала для своей защиты меньше, чем Швейцария» (а при Николае II и вовсе освобождена от воинского набора, Мировая война её не отяготила). Затем: «высшие русские правительственные учреждения были переполнены финляндцами, они занимали важнейшие военные должности в русской армии и в русском флоте, а русские могли занимать в Финляндии какие-либо должности и приобретать там недвижимость только при условии перехода в финляндское подданство», «в нескольких километрах от своей столицы русские должны были подвергаться осмотру на финляндских таможах... объясняться по-фински с чиновниками, упорно не желавшими говорить по-русски» [40], – и зачем же было Финляндию держать в Империи? (Благодаря такой изумительной экстерриториальности, да по соседству с Петербургом, Финляндия стала бесценным прибежищем и отстойником всех российских революционеров – до эсеровских боевиков и ленинских большевиков; это много послужило не только терроризму и подпольщине в России, но развязыванию самих революций 1905 и 1917.)

Не в такой разительной форме, но и азиатские национальные окраины России получали огромную финансовую помощь из центра, все они стоили затрат больших, чем приносили государству доходов. И от рекрутской повинности многие из них («киргизы», т. е. казахи, и среднеазиаты) были освобождены – притом без замены её военным налогом. (Революционная пропаганда ликующе обыгрывала Тургай-Семиреченское восстание в 1916, между тем оно – во время Мировой войны! – возникло в ответ на попытку всего лишь трудовой мобилизации туземных жителей.) Но искусственный отлив средств от центра к окраинам – усугублял «оскудение Центра». Население, создавшее и державшее Россию, всё ослаблялось. Подобного явления мы не наблюдаем ни в одной из европейских стран. Д.И. Менделеев («К познанию России») указывал, как много сделано в России для туземных национальностей – и что пришла пора пристальней позаботиться о русском племени. Но если б этот призыв и был усвоен правящими верхами – у нас уже для того не оставалось исторического времени.

Эта картина своеобразно дополнялась и сильным присутствием иностранных промышленников в России (англичане на ленских золотых приисках, бельгийцы в железнорудной промышленности Юга, иностранный синдикат по платине, Нобель на бакинской нефти, французы в соляном деле в Крыму, норвежцы – в рыбном промысле мурманского побережья, японцы – на Камчатке и в устье Амура, и многое, многое ещё, а в самом Петербурге – две трети заводчиков иностранцы, и фамилии их, названия заводов переполняют революционную хронику 1917 года). А в «Географическом описании нашего отечества» Семёнова-Тян-Шанского поездные перечни цензовых землевладельцев изобилуют множеством иностранных фамилий.

Густой приток иностранных промышленников и капиталистов может быть объяснён особенно тем, что в России – этому нельзя не изумиться! – и к началу XX века так-таки и не было строго проведенного подоходного налога: с огромных прибылей платилась непропорциональная для Европы доля, этим пользовались и богатый класс в России и иностранцы, вывозившие свои доходы в мало ущемлённом виде. Для России же это оборачивалось грубейшим провалом в её финансах: несравненно богатая Россия то и дело выпрашивала иностранные займы (нередко получая и демонстративные отказы); с 1888 Россия систематически впадала в долги по французским займам, и это делало её зависимой от Франции во внешней политике, что повлияло и на роковые события лета 1914.

Именно в царствование кроткого Николая II, столь неуверенно осваивавшегося в первые годы на троне, Россия – недопустимо морально и недопустимо даже из практического расчёта – превзошла в своём расширении те необъятные границы, которыми она владела. Начав с 1895 на Дальнем Востоке действовать заодно с европейскими странами, российское правительство не удержалось (1900) от постыдной посылки русского корпуса в Пекин для соучастия в подавлении китайского восстания: уже которое десятилетие Китай был крайне слаб, в разломе, – и все хищные державы наперебой пользовались этим. В 1898 Россия принудила Китай сдать ей в аренду Порт-Артур и Далянь, а концессия (1896) на железную дорогу через Маньчжурию во многом отдавала эту область под русское влияние.

По русско-японскому протоколу 1898 г. Корея признавалась независимой, однако, по мере того как Япония проникала в Корею с юга, небескорыстные советчики Николая II убедили его, что Россия должна проникать в Корею с севера. Тут-то смертно и столкнулись русско-японские интересы; ещё был путь принять компромисс: японское предложение, чтобы Россия ограничилась влиянием в северной Маньчжурии; но противник казался так несерьёзен, от прежних лёгких российских завоеваний

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru выросла такая надменность, а Николай II не ощущал всех уязвимых мест ещё неустойчивой, ещё недоразвившейся России, из которых вражда правительства с обществом и революционное движение были далеко не единственными слабостями государства – и внутри себя, и во внешних отношениях. Так началась война с Японией, уже потому губительная, что мы ещё только кончали Великую Сибирскую магистраль; а продолжая соперничать с Австрией из-за Балкан, Россия не могла снять с западной границы своих наилучших войск, но посылала на Дальний Восток корпуса второго разряда и резервные войска. В 1904 в Японии не только студенты, но даже подростки стремились попасть в армию, а наши столичные студенты слали микадо телеграммы с пожеланием победы.. Российское общество охватила жажда поражения в этой дальней, непопулярной и даже необъяснимой войне – в верном расчёте на политический успех от русского поражения, и он вспыхнул ещё сильнее, чем от войны Крымской. Осенью 1905, в дни наибольшего накала революции, кончалась точно половина царствования Николая II – и за эти 11 лет он уже почти выпустил всю власть из рук – однако в этот раз её вернул Столыпин. (Через следующие 11 лет уже некому было вернуть.)

Внешнеполитические промахи следовали и дальше. Вильгельм II, подчеркнута, даже театрално игравший роль сердечного друга Николая II («благословивший» его и воевать на Дальнем Востоке, впрочем и помогли дружественным нейтралитетом), на свидании в Бьёрке в конце 1905 не без лукавства предложил Николаю вдвоём подписать тройственный дружественный договор с Францией, а та – «потом присоединится». И Николай подписал (без ведома совета министров, а позже взял подпись обратно). Конечно, тут была немалая игра оттеснить Францию на второй план; конечно, Германия в 1904 уже навязала России угнетающий торговый договор, и трудно было счесть её другом России. Однако система прочного союза и с Пруссией, и с Францией – это была проверенная система Петра I; и всё же, острие-то договора в Бьёрке было направлено против Англии – страны, которая уже 90 лет кряду была настойчивым недоброжелателем России и всегда и повсюду искала, как причинить России вред, и часто это ей великолепно удавалось, и вот только что, в японскую войну, Англия была союзницей Японии. Вильгельм, предвидя жестокую войну с Англией, всё же искал пути не воевать с Россией, и при нашем сухопутном соседстве и крупной численности обеих армий – от какой кровавой бойни мы были бы избавлены в 1914 (а значит, и от революции 1917)! Кажется невозможным, необъяснимым, чтобы Николай II всё-таки предпочёл союз с ненавистницей России, с которой столько раз и во столько местах сталкивались интересы. Но Николай сделал именно этот шаг; англо-русский союз 1907, отсюда доформировалась Антанта, – и расстановка сил в Первой Мировой войне была роково определена.

Вскоре (1909) в ответ Австрия присоединила Боснию и Герцеговину, а Вильгельм в ультимативной форме заставил Россию ещё и унизительно признать законность захвата. Правда, этот захват уже предопределился и Берлинским конгрессом (1878) – но в 1909 в России он был болезненно воспринят и правительством, и обществом: роковое наше панславистское увлечение взывало едва ли не к немедленной войне (невозможной при Столыпине, но крайне бы выгодной для Англии). И конечно, при нашем панславистском накале мы не могли снести грубого австрийского ультиматума Сербии в 1914 (а на это и был германо-австрийский расчёт). И потому так смело на нас напали в 1914, что перестали уважать российскую военную силу с 1904. И наши войска в Восточной Пруссии были брошены поспешно, неподготовленной жертвою ради спасения Парижа.

* * *

До сего места мы односторонне проследили трёхсотлетний период русской истории: по линии упущенных возможностей внутреннего развития и безжалостной растраты народных сил на ненужные России внешние цели: заботились о европейских «интересах» больше, чем о своём народе.

Однако, несмотря на всё это, поразишься же и богатству народной энергии, уж не говоря о Поморьи или Доне – и на примере Сибири же. («Завоевание Сибири» неверно расширяется от западно-сибирского эпизода борьбы Ермака с чингисидом Кучумом, завоевавшим тобольских татар, а в 1573, ещё до Ермака, совершившим набег и на район Соликамска. XVII век в Сибири не отмечен большим числом серьёзных военных столкновений – сравнительно с предыдущей историей континента, волной завоеваний монгольских и тюркских, или сравнительно со зверонравным уничтожением майя, североамериканских индейцев, патагонцев, тасманийцев; напротив, с приходом русских прекратились многочисленные междоусобия у якутов, бурят, чукчей с юкагирами и др.; у якутов время до прихода русских так и названо «время кровавых

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru битв»[41], более того: русские не нарушали внутренней организации аборигенных народов; крупные столкновения были только с маньчжурами и монголами, остановавшими на верхнем Амуре русское продвижение.) За XVII век малочисленные предприимчивые русские люди освоили огромный Сибирский континент – до Охотского моря, устьев Яны, Индигирки и Берингова (Дежнёва) пролива – и основывали пашенное хозяйство на просторах, никогда его (кроме малых местностей) не знавших; уже к концу XVII вся Сибирь питалась своею рожью. Пашни доходили на север до Пельма, Нарыма, Якутска, а в начале XVIII были уже и на Камчатке; и повсюду коренные народы обменивались с русскими хозяйственным и охотничьим опытом. В 1701 на всю Сибирь было 25 тыс. русских семей, одна семья на 400 км², в Восточной Сибири были деревни по 1–2 двора. (По ревизии 1719 в Сибири аборигенов 72 тыс. человек, русских 169 тыс.[42], к 80-м годам – более миллиона.) И при такой слабой населённости (вольнонародным переселением; беглыми, но не возвращаемыми за Урал крестьянами; ссыльно-поселенцами) – XVIII век в Сибири поражает нас, что могут дать мирные народные усилия, направленные на внутренние, а не на внешние задачи: гигантский размах русского труда, ремёсел, уже и значительного заводского и металлургического производства и русской торговли – от Урала через всю Сибирь до Кяхты, Чукотки, Алеутских островов и Аляски (в 1787 основана мещанином Шелиховым «Американская торговля-промысловая компания»)[43]. Уже в XVIII в Сибири действовали школы геодезические, навигационные, горно-заводские, медицинские, возникали библиотеки и типографии; произведена тщательная картография Ледовитого и Тихоокеанского побережий[44].

Таково было богатство народной энергии, что через полвека после падения крепостного права – Россия вступила в полосу бурного промышленного развития (5-е место в мире по промышленной продукции), железнодорожного строительства, стала крупнейшим экспортёром зерна и сливочного (сибирского) масла. В России была полная свобода частной экономической деятельности («рынок», который мы сегодня всё собираемся достичь или у кого-то перенять), свобода выбора занятий и места жительства (кроме еврейской черты оседлости, но и она шла к отмене). Крупный бюрократический аппарат, однако, не был замкнут ни национально (встречаем в нём на видных постах представителей множества национальностей), ни социально (становились министрами помощник машиниста Хилков, крестьянин Рухлов, начальник станции Витте, помощник присяжного поверенного Кривошей, и на военные верхи вззошли из самых низов генералы Алексеев, Корнилов). По свидетельству последнего Государственного секретаря России СЕ. Крыжановского, в смысле восхождения отдельных лиц Россия была страна весьма демократическая: высшее чиновничество складывалось не из лиц высокого происхождения; по свидетельству министра путей сообщения Кригера-Войновского: кроме особого положения крестьянства, сословных перегородок к XX веку уже не оставалось, «права определялись образованием, служебным положением и видом занятий»[45]. Независимость и открытость суда, строгая законность следствия утвердились с 60-х годов XIX века, также и печать без предварительной цензуры, а с 1906 – истинный парламент и многопартийная система (которая к 1990 году объявлена новейшим достижением). Отметим и то, что для народа действовала бесплатная земская медицина высокого качества. Было введено рабочее страхование. В России был самый высокий в Европе прирост населения. И высшее женское образование в России стояло на одном из первых мест в Европе.

И всё это обрушилось с 1917 года, а в мире представлено и поныне крайне искажённо.

Но и в этот краткий благополучный период 1906–1913 прозорливые люди видели запущенность государственной болезни, опасную разорванность общества и власти и упадок русского национального сознания. Лев Тихомиров, в прошлом виднейший народоволец, позже государственный теоретик и патриот, писал в своём дневнике в 1909–10 годах: «Нельзя ничего сделать в современной России, нечего делать. Мы, по-видимому, идём к новой революции, и кажется – неизбежно... все, все даже частные меры власти – как на подбор ведут к революции»; «с Россией я совсем недоумеваю. Стою на своих бастионах, знамени не опускаю, палю из орудий... но родная армия уходит от тебя всё дальше, и – по разуму человеческому – немисливо и ждть от неё ничего...». О молодёжи: «Они уже не потомки наши, а что-то новое»; «Народ русский!.. Да и он уже потерял прежнюю душу, прежние чувства»[46], – тут Тихомиров имел в виду утерю православного и национального сознания, «умственное и нравственное принижение вообще нации»[47].

Духовную суть кризиса Тихомиров отмечал верно. В 1909 вопрос о русском

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsyna@alexander.ru национальном сознании неожиданно попал в центр обсуждения либеральной прессы. «Когда недержавные национальности стали самоопределяться, явилась необходимость самоопределения и для русского человека». Происходит «в прогрессивной русской печати невозможное ещё так недавно: дебатруется вопрос о великорусском национализме», «первое выступление того сознания, которое просыпается, наподобие инстинкта самосохранения, у народов в минуту угрожающей им опасности». – «Не шутка и опозорение самого слова "русский", превращённого в "истинно русский"». – «Как не следует заниматься "обрусением" тех, кто не желает "русеть", так же точно нам самим не следует себя "оброссиивать", тонуть и обезличиваться в российской многонациональности» (П.Б. Струве). – «Попытка обвеликорусить всю Россию... оказалась губительной для живых национальных черт не только всех недержавных имперских народностей, но и прежде всего для народности великорусской... Для великорусской национальности – только полезно интенсивное развитие вглубь, нормальное кровообращение». Русское общество в прежние годы «устыдилось не только ложной антинациональной политики, но и истинного национализма, без которого немыслимо национальное творчество. Народ должен иметь своё лицо». – «Как 300 лет назад, история требует нас к ответу, чтобы в грозные дни испытаний» ответить, «имеем ли мы как самобытный народ право на самостоятельное существование»[48].

Однако эта поучительная и для нашего времени дискуссия, читаемая сегодня как самая современная, в оставшемся простенке до Первой мировой войны уже не имела плодотворного развития. Динамичная эпоха перестигала неторопливую Россию. Возрождения русского национального сознания – в русском обществе не произошло. И В.В. Розанов (в 1911) выразил это так: «Душа плачет, куда же все русские девались?.. Я ужасно плачу о русских, ибо думаю, что погибает само племя, что вообще попирается всё русское»[49].

Так и попытки православной общественности около 1905 года через Предсоборное совещание выйти к Поместному Собору и выборам Патриарха были остановлены тормозящей резолюцией царя. Русская Православная Церковь доставала уже отмеренный оставшийся исторический срок в неизменности. – И справедливый упрек Бердяева, обращённый к интеллигенции, демократам и социалистам, – «Вы ненавидели церковь и травили её. Вы думали, что народ может существовать без духовных основ, без святынь, достаточно материальных интересов и просвещения»[50], – другим тяжёлым концом ложится на дремавшие правительственные верхи. Православная церковь встретила революцию 1917 неготовой и в полной растерянности. Лишь через несколько лет, под свирепыми преследованиями большевиков поднялись и народные бунты в защиту храмов (1918), и с решимостью античных первохристиан потекли в ГУЛАГ и на смерть десятки тысяч священнослужителей. (Но большевицкий расчёт был безошибочен: ведь уничтоженные – материально вычитались из живого сопротивления.)

В Первой Мировой войне как-то сказала – накопленная, неизбытая народная усталость от всех прежних, прежних, прежних русских войн, от которых народ всегда оставался вознаграждён, – и к той усталости добавилось такое же накопленное в поколениях и поколениях недоверие к правящему классу. И всё это – отозвалось в солдатах двухтысячевёрстного фронта, когда дошли вести о перевороте в Петрограде, скоропостижном, податливом отречении царя, вскоре и заманчивых лозунгах большевиков.

С 1917 года – мы стали ещё заново и крупно платить за все ошибки нашей предыдущей истории.

Всю предысторию февраля, саму февральскую революцию и неумолимые последствия её – я уже изложил предостаточно в «Красном Колесе» и здесь полностью минуя. Большевицкий переворот – был логическое и неуклонное завершение легкодумного февраля.

Завершение и в том, что до 1917, уже несколько веков, казалось естественно принятым, что Россия – это государство русское. Даже при разнонациональности имперского аппарата (значительной прослойки немецкой и немецко-балтийской, да и других) – без оговорок понималось и принималось, что государство держится и ведётся русским племенем. Но уже от февраля это понимание стало расплываться, а под раскалённым ленинским катком – русский народ уже и навеки потерял основания считать Российское государство своим – но чудисцем на службе III Интернационала. Ленин и его окружение неоднократно заявляли и осуществляли: развивать и укреплять государство за счёт подавления великоросского этноса и использования

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru ресурсов срединно-российских для укрепления и развития окраинных национальных республик. А в области идеологии и культуры это сказалось ещё разительней: в 20-е годы произошёл прямой разгром русской культуры и русской гуманитарной науки. С тех пор-то и разделились судьбы: нового государства – и русского народа.

Так как в предыдущем обзоре мы много касались то бескорыстных, то бессмысленных вмешательств России в европейские дела, – уместно здесь кратко отозваться о роли западных союзников в Гражданской войне в России. Пока Германия ещё сопротивлялась, союзники, естественно, предпринимали усилия – то вызволять чехословацкий корпус через Сибирь, чтоб успеть использовать его против Германии; то высадку в Архангельске и Мурманске, чтобы помешать сделать это немцам. Но кончилась Мировая война – и союзники потеряли интерес к белым, – к русским генералам, своим прямым и персональным союзникам по минувшей войне. На Севере – англичане топили в море амуницию и армейские запасы, только бы не оставить белым. Белых правительств – не признавали (Врангеля – только де-факто и коротко, пока он мог облегчить положение Польши), но тотчас признавали всякую нацию, отколовшуюся от России (и Ллойд-Джордж того же требовал от Колчака). За военное снабжение требовали русского сырья, зерна, золота, подтверждений о выплате русских долгов. Французы (вспомним спасение Парижа в 1914 жертвами русских армий в Восточной Пруссии) от генерала Краснова требовали возместить все убытки французских предприятий в России, «происшедшие вследствие отсутствия порядка в стране», и с процентами компенсировать их утерянную с 1914 доходность; в апреле 1920 союзники слали ультиматум Деникину-Врангелю: прекратить борьбу, ведь «Ленин обещал амнистию» им; за помощь в эвакуации Крыма французы забрали себе русские военные и торговые суда, а с эвакуированных в Галлиполи врангелевцев в оплату за питание брали военное имущество, вплоть до армейского белья. – Поражение России от большевиков было весьма выгодно союзникам: не надо было делиться долей победы. Таков реалистический язык международных сношений.

По исконной неразвитости правосознания, национального сознания и поблеклости религиозных устоев за последние перед тем десятилетия – наш народ достался верховым большевицким выжигам – экспериментальным лепным материалом, удобным для перелепливания в их формы.

Эти идейные интернационалисты начали с безоглядного разбазаривания российских земель и богатств. На Брестских переговорах они проявили готовность отдать любой охват русских земель, лишь бы самим уцелеть у власти. – В дневнике американского дипломата Уильяма Буллита можно прочесть и о большей цене, которую в 1919 Ленин предлагал американской делегации: советское правительство готово отказаться от западной Белоруссии, половины Украины, от всего Кавказа, Крыма, от всего Урала, Сибири и от Мурманска: «Ленин предлагал ограничить коммунистическое правительство Москвой и небольшой прилегающей к ней территорией, плюс город, известный теперь как Ленинград»[51]. (Этот крик Ленина важно бы усвоить всем тем, кто сегодня всё ещё восхищается, как большевики «воссоздали Державу».) – Так панически Ленин предлагал тогда, когда опасался вполне бы естественного «похода Антанты» на его мятежную кучку, в защиту союзницы России. Но скоро он убедился, что такое не грозит, и уступал русскую землю уже в меньших размерах. В феврале 1920 Эстонии, взамен за первое международное признание советского правительства, прорыв изоляции, – уступил русское население у Ивангорода-Нарвы и какие-то там «святыни» Печор и Изборска; вскоре за тем – и Латвии отдал обильное русское население. – По интернациональным замыслам ища дружбы Турции (в декабре 1920 оккупировавшей почти всю Армению), советское правительство с зимы 1920 на начало 1921, кажется само едва встающее от Гражданской войны в своей разорённой стране, начинает широкую помощь Турции всеми видами оружия, а также «безвозмездную финансовую помощь» в 13 миллионов рублей золотом (в 1922 ещё добавили 3,5 миллиона)[52].

Примеры эти можно множить и множить. А прямое раскрадывание большевицкой бандой сокровищ российского алмазного фонда и всего награбленного ими из государственного, царского и частных имуществ – вряд ли вообще кем учтено, только в редких мемуарах встретишь, как в кремлёвской кладовой просто пригоршнями, без счёту, злодеи и проходимцы набирали драгоценностей для очередной коминтерновской операции за границей. (Для тех же целей тайно распродавались и сокровища государственных музеев.) – Наверно и целую книгу можно написать о хищническом расхвате концессий на территории России: с Вандерлипом вели переговоры о сдаче на 50 лет (!) нефтеносных участков, угольных копей и рыбной ловли Приморской и Камчатской областей[53]; пресловутому

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru «антисоветчику» Лесли Уркарту – долгосрочной концессии на его прежние предприятия по добыче цветных металлов и угля (Кыштым, Риддер, Экибастуз) [54]; англичанам – на 25 лет (до 1945 года!..) нефтяную концессию в Баку и Грозном; начинающему сопляку делового мира Арманду Хаммеру – алапаевские асбестовые рудники (а дальше сердечная взаимопомощь и дружба с ним длились и до его смерти, уже в горбачёвское время). – Не все планируемые тогда концессии состоялись из-за того, что утверждённая ленинской кучкой у власти ещё казалась западному взгляду хлипкой.

История 70-летнего коммунистического господства в СССР, воспетого столькими бардами, добровольными и покупными, господства, сломавшего органическое течение народной жизни, – уже сегодня наконец видна многим во всей своей неприглядности и мерзости. По мере раскрытия архивов (если они откроются, а многие уже проворно уничтожены) об этом 70-летию будут написаны тома и тома, и такому обзору не место в этой статье. Здесь приведём только самые общие оценки и соображения.

Все потери, которые наш народ перенёс за огляженные 300 лет от Смуты XVII века, – не идут и в дальнейшее сравнение с потерями и падением за коммунистическое 70-летие. Безжалостный большевицкий каток – о, сначала во имя технической модернизации страны, потом – для защиты от гитлеровского нашествия, – прокатил в русском народе жертвы столь многочисленные, какие отказывается воспринять разум и не способен был выдержать даже столь многотерпеливый народ.

На первом месте здесь стоит физическое уничтожение людей. По косвенным подсчётам разных статистиков – от постоянной внутренней войны, которую вело советское правительство против своего народа, – население СССР потеряло не менее 45–50 миллионов человек. Причём особенность этого уничтожения была та, что не просто косили подряд, кого придётся, или по отдельным территориям, но всегда – выборочно: тех, кто выдавался либо протестом, сопротивлением, либо критическим мышлением, либо талантом, авторитетом среди окружающих. Через этот противоотбор из населения срезались самые ценные нравственно или умственно люди. От этого непоправимо падал общий средний уровень остающихся, народ в целом – принижался. К концу сталинской эпохи уже невозможно было признать в народе – тот, который был застигнут революцией: другие лица, другие нравы, другие обычаи и понятия.

И чем же, как не физическим уничтожением своего народа, назвать безоглядную, безжалостную, безрасчётную укладку красноармейских трупов на путях побед Сталина в советско-германской войне? («Разминирование» минных полей ногами гонимой пехоты – ещё не самый яркий пример.) После сталинских «7 миллионов потерь», после хрущёвских «20 миллионов», была наконец в российской прессе напечатана и фактическая цифра: 31 миллион. Ошеломляющая цифра – пятая часть населения! Когда и какой народ укладывал столько на войне? Наша «Победа» 1945 года овеществилась в укреплении сталинской диктатуры – и в полном обезлюживании деревень. Страна лежала как мёртвая, и миллионы одиноких женщин не могли продолжить жизнь народа.

Но ещё и физическое массовое уничтожение – не высшее достижение коммунистической власти. Всех, кто избегал уничтожения, – десятилетиями облучали оглуляющей и душу развращающей пропагандой и от каждого требовали постоянно возобновляемых знаков покорности. (А от послушной интеллигенции – и ткать эту пропаганду в подробностях.) От этой гремющей, торжествующей идеологической обработки – ещё и ещё снижался нравственный и умственный уровень народа. (Только так и могли воспитаться те нынешние старики и пожилые, кто вспоминает как эру счастья и благоденствия, когда они отдавали свой труд за грошовую зарплату, но под 7-е ноября получали полкило печенья, перевязанное цветной ленточкой.)

Зато во внешней политике – о! вот тут коммунисты не повторили ни единого промаха и ляпа царской дипломатии, каких много мы уже отметили в этой статье. Коммунистические вожди всегда знали верно, что им нужно, и каждое действие направлялось всегда и только к этой полезной цели – никогда ни одного шага великодушного или бескорыстного; и каждый шаг верно смечен, со всем цинизмом, жестокостью и пронциательностью в оценке противников. Впервые за долгий ход российской истории дипломатия советская была находчива, неотступлива, цепка, бессовестна – и всегда превосходила и побивала западную. (Те же и Балканы коммунисты полностью забрали, без большого усилия; отхватили пол-Европы; без сопротивления проникали в Центральную Америку, Южную Африку, Южную Азию.) И таким привлекательным идеологическим оперением была советская дипломатия снабжена, что вызывала восторженное сочувствие у западного же передового общества, отчего потуплялись и западные дипломаты, с трудом натягивая аргументы.

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru
(Но заметим: и советская дипломатия служила не интересам своего народа, а – чужим, «мировой революции».)

И эти блистательные успехи ещё одуривали и одуривали ослабевшие головы советских людей – новоизобретенным, безнациональным советским патриотизмом. (Так и воспитались нынешние, постаревшие, радетели и болельщики Великого Советского Союза.)

Не повторяем здесь теперь уже общеизвестной оценки «промышленных успехов» СССР: безжизненной – для простой жизни – экономики, уродливого производства неспрашиваемых и некачественных товаров, изгаживания огромных природных пространств и грабительского истощения природных ресурсов.

Но и во всём высасывании жизненных соков из населения – советская система не была равномерна. По твёрдому наследству ленинской мысли надо было (и так и делалось): главный гнёт налагать на республики крупные, сильные, т. е. славянские, и особенно на «великорусскую шваль» (Ленин), главные поборы – брать с неё, притом первоначально опираться на национальные меньшинства, союзные и автономные республики. Сегодня тоже уже не новость, опубликовано многократно, что главную тяжесть советской экономической системы несла на себе РСФСР, с её бюджета брались непропорционально крупные отчисления, она меньше всего получала вложений, а её крестьяне продавали продукт своего труда двадцатикратно дешевле, чем, скажем, грузинские (сравним: картофель – апельсины). Подрубить именно русский народ и истощать именно его силы – была из нескрываемых задач Ленина. И Сталин продолжал следовать этой политике, даже когда произнёс свой известный сентиментальный тост о «русском народе». Послевоенные Сталинские жесты как будто бы восстановить русское имя – были поверхностны (даже принимали и смехотворный характер) – и уже не могли ни пробить коросту советско-коммунистической идеологии, ни изменить стратегическую государственно-экономическую ставку на использование РСФСР как донора для национальных республик.

Послесталинский период также ничего в этом не изменил. В брежневское время (всё державшееся на паразитстве от продажи за границу сырой нефти – до полного износа нефтяного оборудования) – совершены были новые жуткие и непоправимые шаги по «оскудению Центра», по разгрому Средней России: «заккрытие» тысяч и тысяч «неперспективных деревень» (с покиданием многих удобий, пашен и лугов), последний крушащий удар по недобитой русской деревне, искажение всего лика русской земли. И уже был взнесен тот страшный удар, добывающий Россию, – «поворот русских рек», последний одурелый бред маразматического ЦК КПСС, – на последнем краю и в последний момент, слава Богу, отведенный малой мужественной группой русских учёных и писателей.

«Противоотбор», который методически и зорко коммунисты вели во всех слоях народа от первых же недель своей власти, от первых же дней ЧК, – предусмотрительно заранее обессиливал возможное народное сопротивление. Оно ещё могло прорываться в первые годы – кронштадтское восстание с одновременными забастовками петроградского пролетариата, тамбовское, западно-сибирское и ещё другие крестьянские восстания, – но все они были потоплены в смертях с такой запасливой избыточностью, что больше не вздымались. А когда и поднимались малые бугорки (как стачка ивановских ткачей в 1930), то о них не узнавал не только мир, но даже и само советское пространство, всё было надёжно заглушено. Прорыв реальных чувств народа к власти мог проявиться – и как же зримо проявился! – лишь в годы советско-германской войны: только летом 1941 больше чем тремя миллионами сдавшихся пленным, в 1943–44 целыми караванами жителей, добровольно отступающих за немецкими войсками, – так, как если б это были их отечественные... В первые месяцы войны советская власть легко могла бы и крахнуть, освободить нас от себя, – если бы не расовая тупость и надмение гитлеровцев, показавшие нашим пострадавшим людям, что от германского вторжения нашему народу нечего хорошего ждать, – и только на этом Сталин удержался. О попытках формирования русских добровольческих отрядов на германской стороне, затем и о начатке создания власовской армии – я уже писал в «Архипелаге». И хотя историю РОА заплевали как большевицкие идеологи (да и робкая советская образованщина), так и с Запада (где представить не умели, чтоб у русских могла быть и своя цель освобождения), – однако она войдёт примечательной и мужественной страницей в русскую историю – в долготу которой и будущность мы верим даже и сегодня. (Генерала Власова обвиняют, что для русских целей он не побрезговал войти в показательный союз с внешним врагом государства. Но, кстати, как мы видели, такой же показательный союз заключала и Елизавета со Швецией и Францией, когда шла к свержению бироновщины:

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsyna@alexander.ru враг был слишком опасен и укоренён.) – В послесталинское время были и ещё короткие вспышки русского сопротивления – в Муроме, Александрове, Краснодаре и особенно в Новочеркасске, но и они, благодаря непревзойденной большевицкой заглушке, десятилетиями оставались неизвестны миру.

После всех кровавых потерь советско-германской войны, нового взлёта сталинской диктатуры, сплошного вала тюремных посадок всех, кто хоть как-то соприкоснулся за время войны с европейским населением, затем лютейшего послевоенного колхозного законодательства (за невыработку трудодней – ссылка!), – кажется, и наступил конец русского народа и тех народов, которые делили с ним советскую историю?

Нет. И ещё то был – не конец.

К концу мы придвинулись – как ни парадоксально – от лицемерной и безответственной горбачёвской «перестройки», затем – от следующей лавины: от ельцинского финансового Ограбления Российского государства и населения.

Немало было разумных путей постепенного, осторожного выхода из-под большевицких глыб. Горбачёв избрал путь – самый двусмысленный и самый хаотический. Двусмысленный, потому что искал, как сохранить и коммунизм в слегка изменённом виде и блага партийной номенклатуры. А хаотический – потому что, с обычной большевицкой тупостью, выдвинул лозунг «ускорения», невозможный и гибельный при изношенности загнанного оборудования; когда же «ускорение» не потянуло, то сочинил немыслимый «социалистический рынок», следствием которого стал распад производственных связей и начало разворовки производства. – И эту свою «перестройку» Горбачёв сопровождал «гласностью», в близоруком расчёте на единственное следствие: получить интеллигенцию в союзники против уж крайних зубров коммунизма, не желающих понять и собственной пользы от перестройки (другой системы кормушек).

Ещё же: он и во сне представить не мог, что этой гласностью одновременно распахивает ворота всем яростным национализмам. (В 1974, в сборнике «Из-под глыб», мы предсказывали, что национальной ненавистью поджечь СССР очень легко. Тогда же, в Стокгольме, я предупреждал: в СССР «если объявить демократию внезапно, то у нас начнётся истребительная межнациональная война, которая сожрет эту демократию вообще в один миг». Но вождям КПСС это было недоступно понять.) А поворотливые фюреры некоторых национальных республик, десятилетиями, до последнего дня, усердно и благоуспешно тянувшие коммунистическую выслугу, тут – разом, в 48 часов, а кто и в 24, объявили себя исконными ярыми националистами, патриотами своей, отныне суверенной республики, и уже безо всякого коммунистического родимого пятна! От распада 1991 – местные национальные правители в республиках, отчасти и в автономиях, из показных марионеток превратившиеся в реальных властителей, повели откровенную, жёсткую национальную политику, подавляя у себя русскую культуру.

И ещё же: возжило в образованном российском обществе настороженно-подозрительное восприятие определений «русские», «православные» и «патриотизм» – к новому урону, упадку их употребления и осмысления.

Хотя все советские десятилетия правили не мы с вами – а отвечать за все содеянные злодеяния, и перед всем миром, достаётся – кому же? да только нам, заметим: только русским! – вот тут все охотно уступают нам исключительное и первое место. Да если безликая корыстная свора вершила, что хотела, чаще всего от нашего имени, – так нам и не отмываться, как быстро отмывались другие.

Беда не в том, что СССР распался, – это было неизбежно. Огромная беда – и перепутаница на долгое будущее, – в том, что распад автоматически произошёл по фальшивым ленинским (вовсе не историческим) границам, отхватывая от России целые русские области. В несколько дней мы потеряли 25 миллионов этнических русских, 18 % от общего числа русских, – и ельцинское правительство не нашло мужества хотя бы отметить это ужасное событие, колоссальный исторический удар по России, и заявить своё политическое несогласие с ним – хотя бы, чтоб оставить право каких то же переговоров в будущем. Нет... В горячке августовской (1991) «победы» всё это было упущено. (И даже – национальным праздником России избран день, когда РСФСР возгласила свою «независимость» – и, значит, отделённость от тех 25 миллионов тоже...)

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsyna@alexander.ru
Как я писал в «Обустройстве»: наилучшее решение вопроса – это государственный Союз трёх славянских республик и Казахстана. И в Беловежском соглашении, судя по прессе, Кравчук и обещал коллегам реальный неразрывный союз, «прозрачные» границы, единую армию и валюту. Но всё это оказалось лишь кратковременным обманом. Ничего этого не образовалось, а спустя время Кравчук и прямо заявил: «Кончатся надо с мифом о "прозрачных" границах». Однако с существеннейшей поправкой: переход на мировые цены по нефти – это «со стороны России неприкрытый шантаж» (премьер Кучма), даже «приближение к мировым ценам по нефти есть экономическая война» (украинский посол в Москве; и тут опять «война». А как же все в мире и торгуют по мировым ценам – и никто не зовёт это «войной»?).

Однако же Россия-то попала – ещё и в разорванное состояние: русские оказались и «за границей», никуда не переезжая, оставаясь на отеческих и дедовских местах. 25 миллионов – самая крупная диаспора в мире; ни у кого такой нет, и – как мы смеем от неё отвернуться?? За эти годы мы распахнули в России место и для 40 тысяч месхов, выжженных из Средней Азии и отвергнутых грузинами, где месхи исконно жили; и для армян из Азербайджана; и, разумеется, повсюду для чеченцев, хотя и объявивших своё отделение; и даже для таджиков, у которых есть своя страна, – но никак не для русских из Таджикистана – а их там хоть и было более 120 тысяч, но, спохватываясь вовремя, уже бы многих мы приняли в Россию. А разве не обязаны были мы управиться забрать всех русских из Чечни, где над ними издеваются, где ежеминутно грозит им грабёж, насилия и смерть? И многих ли мы взяли из Тувы, когда оттуда начали выживать русских?

Нет, у нас в России для русских нет места, нет средств, отказ: наша самодовольная, безответственная Государственная Дума затруднила им и возврат российского гражданства! (В законе о возврате российского гражданства даже и термин русские не упомянут в числе мигрантов.)

Это – и предательство своих и унижение передо всем миром: кто ещё в мире поступает так? Посмотрите, как тревожатся и хлопчут западные страны о двух-трёх своих подданных, застрявших где-либо в опасности. А мы – 25 миллионов отбросили и забыли.

Меру нашего унижения и слабости мы можем ощутить и по непреклонным приговорам, которые нам выносят с Запада. Хельсинкское соглашение, толковавшее (по вынуждению СССР, защитить свои захваты в Европе) о нерушимости государственных границ, западные государственные деятели бездумно и безответственно перенесли на границы внутренние, административные – да с такой неоглядчивой поспешностью, что подожгли в Югославии многолетнюю истребительную войну (где фальшивые границы нагородил Тито), да и в распадающемся СССР – в Сумгаите, в Душанбе, Бишкеке, Оше, Фергане, Мангышлаке, Карабахе, Осетии, Грузии (однако заметим: не в России и не русскими вызваны те резни). А на самом-то деле: не границы должны быть незыблемы, а воля наций, населяющих территории. – Президент Буш мог бестактно вмешаться перед украинским референдумом: выразить сочувствие отделению Украины, при ленинских границах. (Стал бы он что-нибудь этакое высказывать, например, о Северной Ирландии?..) – Американский посол в Киеве Попадюк имел авантаж заявить, что Севастополь есть подлинно украинская территория. По какой исторической эрудиции или на каких юридических основаниях он вынес это своё учёное суждение? – не пояснил. Да и не надо: тотчас же и Госдепартамент подтвердил мнение г-на Попадюка. Это – о Севастополе, которого и сумасбродный Хрущёв не догадался «подарить» Украине, ибо он исключён был из Крыма как город центрального подчинения. (А спрашивается: какое дело Госдепартамента вообще высказываться о Севастополе?)

Несомненна живая заинтересованность многих западных политиков в слабости России и желательном дальнейшем дроблении её (такое настойчивое подталкивание уже который год несёт нашим слушателям американское радио «Свобода»). Но скажу уверенно: эти политики плохо просматривают дальнюю перспективу XXI века. Ещё будут в нём ситуации, когда всей Европе и США ой как понадобится Россия в союзники.

Следствием краха коммунизма в СССР должно было стать, как в горяче объявлено в те августовские дни, – немедленное установление демократии. Но на 70-летней тоталитарной почве какая демократия может вырасти мгновенно? По окраинным республикам – мы слишком в полноте наблюдаем, что там выросло. А в России? Только в виде язвительной насмешки можно назвать нашу власть с 1991 – демократической, то есть властью народа. Да наша ублюдочная система, когда

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru половина мест в Думе отдана анонимам из «партий», а не полномочным народным представителям, уже тем и отравлена: неизменно какими финансами содержимые партии определяют всю атмосферу в Думе. (Если верить в парламентарную систему, то несомненно: ото всех избирательных округов выборы должны происходить одномандатные, тогда сочтём их «избранцами народа». Если же не верить в неё – то всё равно, какую декорацию изберут, хоть и – партийную. В 1990 году в «Обустройстве» я предложил совсем иную систему выборов, основанную на русской традиции и обеспеченно демократическую. Добротность её – в прямом личном знании и доверии между смежными звеньями; но она устанавливается терпеливо медленно, у нас же хотели проявить мгновенную зрелость к западному образцу.) Демократии у нас нет уже потому, что не создано живое нескованное местное самоуправление: народ у нас – никак не хозяин своей судьбы, а – игрушка её. На местах – настроение отчаяния: «о нас никто не думает», «мы никому не нужны», – и ведь верно. На народ ложатся всё новые тяготы и тяготы – а коммунистическая номенклатура, ещё с горбачёвской подготовки, извернулась, отлично приспособилась и в «демократы», и не пострадала так, как жизненный фундамент страны. (А «золотые сынки» номенклатуры, комсомольские вожди и выкормыши привилегированных коммунистических институтов, либо прямо пошли в управление страной, либо, по охотке, утекли в Америку, которую их отцы проклинали, даже и стуча ботинком по пюпитру; да и другие подготавливают себе на Западе посадочные площадки.)

Исполнительная и так называемая законодательная власть – полтора года изнурительно, до взаимного бессилия, сражались друг с другом – на позор всей стране. (И тут не упустим отметить парадоксальную ситуацию: Верховный Совет, сторонники тоталитарной власти, по тактическим расчётам изо всех сил вынуждены были отстаивать «принципы демократии»; а «демократы», из таких же тактических соображений, стояли грудью за авторитарность власти. Столь тверды были принципы тех и других.) Обе борющиеся стороны безответственно, наперебой, заигрывали с сепаратизмом автономных республик, толкнули негодующие области и края объявлять и себя республиками, какой оставался им выход? И если бы этот балаган двоевластия не окончился – Россия бы уже распалась на куски. («Федеративным договором» Ленин ещё раз кусает нас из мавзолея. Но Россия никогда не была федерацией и не создавалась так.)

А когда этот кризис разрешился – кровью, избиением посторонних, и опять на позор стране, – демократия потекла не снизу, а сверху, от центрального парламента, и по худшему руслу – через «партийные списки», там партия решит, кто именно будет радеть вашего избирательного округа; и это – при роскошных привилегиях парламентских депутатов и опять-таки нищете страны. Наше закоренелое несчастное русское свойство: снизу мы всё никак не научимся организовываться – а склонны ждать указаний от монарха, или вождя, или духовного или политического авторитета, – а их вот нет как нет, – мелюзговая суетня наверху.

Шалопутные «реформы» Ельцина раскололи население России на сословия преуспевающее и бесправно-нищее (ещё резче, чем «Указ о вольности дворянства» 1762 г.). Самое-то страшное следствие этих безумных «реформ» – даже не экономическое, а психологическое. Беззащитный ужас, потерянности, которые охватили нашу народную массу от гайдари-чубайских реформ и зримого торжества резвых акул беспроизводительной коммерции (в безумии самодовольства они не стесняются выставлять своё ликование и по телевизору), – можно сравнить только с тем, по Глебу Успенскому, «ударом рубля», которого не выдержал пореформенный мужик – и с тех-то пор поползла Россия в Катастрофу.

Самое отчётливое отображение и оценка этих сокрушительных «реформ» – в нашей демографии. Почти по миллиону в год вымирание – и массовые самоубийства мужчин в расцветном возрасте.

Эти допоследние, сокрушительные удары – ещё жёстче, чем по государству, пришлись по народному сознанию. Они взломали последнюю нравственную опору и последние надежды, что могут существовать какие-то контуры справедливости. Тут – и откровенная наглость новых магнатов-грязнохватов, и развязная распущенность их подручных. И тёмная коррупция непробиваемой новой бюрократии. И декорации показной «демократии», прокупленной новыми денежными мешками, – они ещё опоздали и завершили крушение народного сознания.

А во внешней политике – поражающая находка «встреч без галстуков» (и тамошние обещания? каких примеров ещё искать, если добытый нашими предками, за века, в восьми изнурительных войнах, путь и доступ к Чёрному морю – беловежская корова

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsyna@alexander.ru
слизнула языком в одну содружную вечеринку?).

Обновлённый (не новый) государственный аппарат образовался при Горбачёве и Ельцине не методическим, осмысленным составлением, не последовательным наращиванием – но в хаотической захватной суете, из многих осколков коммунистической и комсомольской номенклатур, а также активных проискливых сочувственников. Оттого он – пёстр по составу, не объединён государственным мышлением и не подчиняется согласованно единой воле, по своей вязкости, топкости непробиваем никакою молнией.

Наша история сегодня видится как потерянная – но при верных усилиях нашей воли она, может быть, теперь-то и начнётся – вполне здравая, устремлённая на своё внутреннее здоровье, и в своих границах, без заносов в чужие интересы, как мы навидались в начальном обзоре.

Судьба Российского государства зависит от того, потечёт ли и как – оздоровляющее внутреннее государственное строительство. Горе, если мы всё будем бездумно копировать иноземные образцы, не подгоняемые под наш народный характер. Да можно ли вообще копировать уклад жизни? – он должен органически слиться с традициями страны; вот Япония – не копировала, вошла в мировую цивилизацию, не потеряв своеобразия. Как определял Густав Ле-Бон: национальную душу составляет сочетание традиций, мыслей, чувств и предрассудков; этого всего – не отбросить, и не надо.

Мы который год ни о чём другом не слышим, как об экономике. Но кризис в нашей стране сейчас – намного глубже, чем только экономический, – это кризис сознания и нравственности, настолько глубокий, что не посчитать, сколько десятилетий – или век – нам нужны, чтобы подняться.

Мы должны строить Россию нравственную – или уж хоть и никакую, тогда и всё равно. Все добрые семена, какие на Руси ещё чудом не дотоптаны, – мы должны выберечь и вырастить. Нам предстоит построить такую школу: в первый класс её сядут дети растерянного и уже развращённого народа – а из последнего чтобы вышли с нравственным духом.

По многочисленным письмам из русской провинции, с просторов России, я эти годы узнаю рассеянных по этим просторам духовно здоровых людей, и часто молодых, только разрозненных, без духовной подпитки. С возвратом на родину я надеюсь многих из них повидать. Надежда – именно и только на это здоровое ядро живых людей. Может быть они, возрастая, взаимовлияя, соединяя усилия, – постепенно оздоровят нашу нацию.

Минуло два с половиной столетия – а всё так же высится перед нами, по наследству от П.И. Шувалова, неисполненное Сбережение Народа.

* * *

Однако сузимся на нашей теме – на «русском вопросе» (потому беру в кавычки, что их часто так употребляют).

Русском – или российском?

В нашем многонациональном государстве оба термина имеют свой смысл и должны соблюдаться. Александр III говорил: «Россия должна принадлежать русским» (что не означало только русским). Но с тех пор историческая эпоха стала взрослее на столетие – и неправомерно бы уже сказать так (как украинские шовинисты выражаются аналогично об Украине). Национальное сознание надо уважать всегда и везде, без исключений. (Я и писал в «Обустройстве»: в России «утвердить плодотворную содружность наций, и цельность каждой в ней культуры, и сохранность каждого в ней языка».) –

И «российский» и «русский» – имеет каждое свой объём понимания. – Лишь слово «россиянин», может быть и неизбежное в официальном употреблении, звучит худосочно. Не назовёт себя так ни мордвин, ни чуваш, а скажут: «я – мордвин», «я – чуваш».

Справедливо напоминают, что на просторах российской равнины, веками открытой всем передвижениям, множество племён перемешивалось с русским этносом. Но, когда мы говорим «национальность», мы и не имеем в виду кровь, а всегда – дух,

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru сознание, направление предпочтений у человека. Смешанность крови – ничего не определяет. Уже века существует русский дух и русская культура, и все, кто к этому наследству привержены душой, сознанием, сердечной болью, – вот они и суть русские.

Ныне патриотизм во всякой бывшей окраинной республике считается «прогрессивным», а ожесточённый воинственный национализм там – никто не посмеет назвать ни «шовинизмом», ни, упаси Бог, «фашизмом». Однако к русскому патриотизму – ещё от революционных демократов начала XX века – прилипло и сохраняется определение «реакционный». А ныне всякое проявление русского национального сознания – резко осуждается и даже поспешно приравнивается к «фашизму» (которого в России и не было никогда, и который вообще невозможен без расовой основы, однородного государства).

Мне приходилось давать определение патриотизма в статье «Раскаяние и самоограничение» (1973). Спустя и два десятилетия я не берусь его поправить: «Патриотизм – это цельное и настойчивое чувство любви к своей нации со служением ей не угодливым, не поддержкою несправедливых её притязаний, а откровенным в оценке пороков и грехов». На такой патриотизм – имеет право любая нация, и русские – никак не меньше других. Иное дело, что после пережитых русскими кровопусканий, потерь от «протоотбора», подавления и обморожения сознания – сегодня патриотизм в России раздроблен в разрозненных единицах, не существует как единое, осознавшее себя движение, а многие из тех, кто зовут себя «патриотами», – прислонились за подкреплением к коммунизму и измазались в нём. (А то ещё и – поднимают, слабыми ручёнками, снова призрак панславизма, уже столько раз губившего Россию, и уже вовсе непосильный нам ныне.)

Краткий и частный обзор русской истории четырёх последних веков, сделанный выше в этой статье, мог бы показаться чудовищно пессимистическим, а «петербургский период» несправедливо развенчанным, если бы не нынешнее глухое падение и падшее состояние русского народа. Как же некогда могучая и избывающая здоровьем Россия – могла вот так пасть? Три таких великих болезненных Смуты – Семнадцатого века, Семнадцатого года и нынешняя – ведь они не могут быть случайностью. Какие-то коренные государственные и духовные пороки привели к ним. Если мы четыре века растрчивали народную силу на ненужное внешнее, а в девятьсот Семнадцатом могли так слепо клюнуть на дешёвые призывы к грабежу и дезертирству, – то когда-то же пришло время и платить? Наше сегодняшнее жалкое положение – оно как-то накопилось в нашей истории?

Да и что ж являет собою русский народ в сегодняшней Российской Федерации (ни разу не удостоенный упоминанием в её Конституции)? Он – единственный из всех коренных народов (не исчезающе малочисленных), сиротливо не имеющий своей очерченной территории. В любой школе национальной республики допустимо не изучать общей истории России – но крайнее подозрение и отталкивание вызывают в России русские школы, хоть и с общим приёмом учеников.

И вот мы докатились да Великой Русской катастрофы 90-х годов XX века. За столетие многое вплеталось сюда, – Девятьсот Семнадцатый год, и 70 лет большевицкого развращения, и миллионы, взятые на Архипелаг ГУЛАГ, и миллионы, уложенные без бережи на войне, так что в редкую русскую деревню вернулись мужчины.

Но и губительней того: сам русский характер народный, так известный нашим предкам, столько изображённый нашими писателями и наблюденный вдумчивыми иностранцами, – сам этот характер угнетался, омрачался и изламывался во весь советский период. Большевики издёргали, искрутили и изожгли наш характер – более всего выжигали сострадательность, готовность помогать другим, чувство братства, а в чём динамизировали – то в плохом и жестоком, однако не восполнив наш национальный жизненный порок: малую способность к самодеятельности и самоорганизации, вместо нас всё это направляли комиссары. Уходили, утекали из нашей души – наша открытость, прямота, повышенная простоватость, естественная непринуждённость, уживчивость, доверчивое смирение с судьбой, долготерпение, долговыносливость, непогоня за внешним успехом, готовность к самоосуждению, к раскаянию, скромность в совершении подвига, сострадательность и великодушие.

А затем в катастрофу врезался и тот ельцинский добывающий «удар долларом» по народу – в ореоле ликующих грязнохватов и воров. Он толкнул нас в жестокое, преступное, зверское общество, ещё по-новому сотряс наш характер: кто сохранял

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru ещё прежние добрые черты – оказались самыми неподготовленными к новому виду жизни, беспомощными, негодными неудачниками, не способными заработать на прокормление (страшно – когда родители перед своими же детьми!) – и только, с растарашенными глазами и задыхаясь, обкатывались новой породой и новым кликом: «нажива! нажива любой ценой!» – хоть обманом, хоть развратом, хоть растлением, хоть продажей материнского (родины) добра! «Нажива» – стала новой (и какой же ничтожной) идеологией. Разгромная, разрушительная переделка, ещё пока никакого добра и успеха не принеся нашему народному хозяйству, и не видно такого, – густо дохнула распадом в народный характер.

И не дай Бог нынешнему распаду стать невозвратным.

А грозней всего в Катастрофу вошло – нынешнее вымирание русских. И эти потери будут расти: в теперешней непроглядной нищете сколько женщины решатся рожать? Не менее вчислятся в Катастрофу и неполноценные и больные дети, а они множатся от условий жизни и от безмерного пьянства отцов. И полный провал нашей школы, не способной сегодня возвращать поколение нравственное и знающее. И жилищная скудость такая, какую давно миновал цивилизованный мир. И кишение взяточников в государственном аппарате.

Катастрофа – и в расслоении русских как бы на две разных нации: тающий провинциально-деревенский массив – и совсем на него не похожую, совсем иначе мыслящую столичную малочисленность с большим прихватом западной культуры. Катастрофа – и в сегодняшней аморфности русского национального сознания, в сером равнодушии к своей национальной принадлежности и ещё большем равнодушии к соотечественникам, попавшим в беду. Катастрофа и в изувеченности нашего интеллекта советской эпохой: обман и ложь коммунизма так наслоились на сознание, что многие даже не различают на своих глазах эту пелену. Катастрофа и в том, что для государственного руководства слишком мало у нас людей, кто бы одновременно был: мудр, мужествен и бескорыстен, – всё никак эти три качества не соединятся в новом Столыпине.

Всё происшедшее с русским народом отразилось и в языке, зеркале народного характера. Наши соотечественники весь советский период неизменно теряли, а сейчас – обрушно потеряли собственно русский язык. Не буду говорить о биржевых дельцах, ни о затасканных журналистах, ни о бойких политологах – но даже иные литераторы из крестьянских детей с отвращением отталкиваются от использования коренных, сочных русских слов, отвеку существовавших в русском языке. Даже им теперь понятнее, не вызывают ничьего нареkania такие дивные новизны русского языка, как брифинг, прессинг, маркетинг, рейтинг, холдинг, ток-шоу, истэблшмент – и многие десятки их. Уже полная глухота...

Как сумеет воздействовать Русская православная церковь на духовную сохранность, а, стало быть, и на само бытие русского народа? Однозначно – не ответить. Хотя русские православные уже не составляют в России цельного слоя – но хранящие веру преданы ей не слабее своих прадедов, а многие, после всех испытаний, и ещё более утверждены в ней. Православные же обряды и церковные службы – и сегодня сохраняют душевное обаяние и над маловерами, и даже над неверующими.

«Русский вопрос» к концу XX века стоит очень недвусмысленно: быть нашему народу или не быть? Да, по всему земному шару катится своя волна плоской, пошлой нивелировки культур, традиций, национальностей, характеров. Однако сколько выступают против неё без пошата и даже гордо! Но – не мы?

Напомним уже сказанное из дальновидной, провидческой дискуссии 1909 года: «Народ должен иметь своё лицо». «История требует нас к ответу... имеем ли мы как самобытный народ право на самостоятельное существование?» – и не ценой того, чтобы «себя "оброссиявать", тонуть и обезличиваться в российской многонациональности».

Сохранится ли, не пресечётся ли русский народ – равносильно вопросу: сумеют ли наши потомки – жители XXI и XXII века сохранить русское самосознание как основу своего мировоззрения и культуры. В это входят и традиции православной веры; и традиции народного характера, каким он бывал в более милостивые к нам века; и богатство русского языка, соответствующее духу его лексики и синтаксиса, вместе и с вершинами фольклора; и все разнообразные вершины русской культуры, достигнутые главным образом в XIX веке, отчасти и в XX.

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsyna@alexander.ru
А пока – до тех потомков и именно ради нашего продолжения – мы обязаны сейчас, сами, выходить из нынешнего потерянного, униженного состояния.

А иначе – ещё через век как бы не пришлось вычёркивать слово «русский» из всех словарей.

Конечно, и вне сохранности народа – русская культура может сохраниться. (Так, как сохранилась античная?..)

Март 1994

Россия в обвале

«Часы коммунизма своё отбили. Но бетонная постройка его ещё не рухнула. И как бы нам, вместо освобождения, не расплющиться под его развалинами». – Этой тревогой я начал в 1990 году работу «Как нам обустроить Россию?».

Однако в тот год люди были захвачены жаркой поглядкой на телевизор, на заседания Верховного Совета, – ожидая, что там вот-вот откроются пути к новой жизни. И ещё большее ликование взвихрил 1991 год, у кого и 1992.

А теперь – и все признают, что Россия – расплющена.

Оправдатели настаивают, что иначе и пойти не могло, другого пути не было, это всё – переходные трудности. Здравомыслящие – уверены, что здоровые пути были, они всегда есть в народной жизни.

Как ни очевидна для меня правота вторых – спор этот уже отошёл в бесполезность: нам всем думать надо лишь – как выбираться из-под развалин.

При всей уже 12-летней затаенности нового глубокого государственного и всежизненного кризиса России, выпуская в свет нынешнюю работу – и последнюю мою на все эти темы, – я не надеюсь, что и мои соображения могут в близости помочь выходу из болезненного размыва нашей жизни. Эту книгу я пишу лишь как один из свидетелей и страдателей бесконечно жестокого века России – запечатлеть, что мы видели, видим и переживаем.

Конечно, далеко не единственный я, кто всё это знает и обдумывает. Есть немало у нас в стране думающих так или сходно. И множество напечатано разрозненных детальных статей о наших болях и уродствах. Но кому-то надо собраться, через вихри жизни, высказать и слитно всё.

В этой работе я продолжаю и ранее начатый («"Русский вопрос" к концу XX века», 1994) отдельный разговор о нынешнем состоянии и судьбе народа – русского.

1. В разрывах российских пространств

За минувшие четыре года мне удалось побыть в 26 российских областях. Иногда это были только областные города, но чаще – с поездками в районные центры и дальше, в глубину областей. Состоялось у меня до ста общественных встреч (с присутствием от 100–200 до 1500–1700 человек, разговоры на любую тему, и никем не стеснённые), после каждой встречи – сталпливались вокруг, продолжался обмен мыслями, фразами, и так – с тысячами людей. Ещё отдельно – встречи личные, ещё – обсужденья по несколько человек (нередко с губернскими руководителями). Всё вместе создало у меня живое и немеркнувшее ощущение жизни и настроений нашего народа, в разных его слоях. (Снова и снова многократно подкреплённое тысячами писем со всех концов страны.) Я пишу и эту малую книгу как объятый нашим множеством, рассыпанным по разорванным ныне пространствам России, а страдающим так сходно, – повторность, повторность, повторность вопросов, забот, тревог, – Россия, как ни кромсают её, ещё единый организм! Пишу, овеянный теми наставлениями, напутствиями, просьбами и прощальными словами. Мне никогда уже не повидать такого отечественного объёма – но и вобранного его дыхания хватит на остаток моих дней. (А – ещё бы гонял по Руси ненасытно, в каждом месте оставил сердце.) И эту книгу я пишу, ощущая на себе все те требовательные и просящие, растерянные, гневные и умоляющие взгляды.

Не тшусь передать хотя бы заметную долю, что слышал: на то понадобился бы большой том. Только по несколько ноток.

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru «Выбивают всё из рук». «Никому ничего не нужно. У правительства нет программы». «Ждали демократию, а сейчас никому не верим». (Красноярский комбайновый.) – «Кто честно работает – тому теперь жить нельзя». «Работаем только по привычке, никто не видит пути». «От нас ничего не зависит». (Бийский химкомбинат. Раздирает сердце униженная печаль в глазах молодых мужчин, ушедших с упразднённой квалифицированной работы – в подсобники.) – «Теперь кто не работает – живёт лучше. Повезёшь на базар, а там собирают дань. Меньше производить – меньше убытки» (сельский староста из Уссурийского района). – «Земельный закон составляют, кто сам никогда не жил в деревне» (другой староста, там же). – Учёные Океанологического института не только жалуются на свою нищету, но – как отравляем выбросами низшие организмы, оттого вымариваем на будущее целые биологические виды. (В обнищавший институт они ходят со своим инструментом и даже карандашами.) – На красноярской барахолке, расцвеченной привозными китайскими тканями, пожилая женщина–«челнок»: «Я – учительница, мне стыдно, а вынуждена вот так зарабатывать». Я ей: «Это – России должно быть стыдно».

Студенты: «Доживём ли, чтобы наука ценилась больше торговли?» – «Дети в школе падают в обморок от голода». – Отказные дети (от которых отказались родители). – Старик: «Всю жизнь откладывал, а деньги превратили в ничто. За что меня ограбили?» – И повсюду: «Где взять денег на похороны?» «Хоронить не на что». «Умер ветеран – собирали деньги миром». – «Что нам делать?» «Как жить дальше?» – «Как жить дальше??» – это множество раз, даже на станциях двухминутных. – Пенсионер–железнодорожник: «Помогите нам прожить несколько лишних лет!» – В Иркутске, и в других городах: «Теперь мы за решётками» (на всех окнах, от воров).

Но никогда не забыть усть-илимской «Высотки». То было место первого «десанта» строителей, когда затевали очередную великую ГЭС. Тогда строителям сколотили временные халабуды – прошло 30 лет, и рядом с «социалистическим городом» на прежнем месте кучатся те хибарки, и застряли в них, кто не половчей или расконвоированные с «химии». На главном перекрестке улиц – гора железного и стеклянного мусора («11 лет не дают машины вывезти»), вода – только привозная, платная, только на питьё, не умываются и огорода не поливают; стирать – далеко «при колонке», но и в ней летом напора нет. Телефона в посёлке нет; магазин – за два километра. – И сколько в нынешней России таких «высоток»?

Уже летом 1994 сквозь всю Сибирь звучало, стонало: «Как нам выжить? Зачем мы ещё живы?» (встреча в Улан-Удэ). – «Обрушились беды, от которых Россия может и не оправиться» (томская встреча). – «Сколько раз нас уже обманули?» «Ради чего всё это делается?» (Искитим, душевный мрак.) – «Не хочется говорить – кончаемся и умираем» (Тюмень, рабочий). – «Не хочу, чтобы мой сын был рабом в этой стране, пусть уедет!» (Чита, на вокзале). – И год спустя, в Пензенской области (Кузнецк): «Пройдёт ещё небольшое время – и уже ничего нельзя будет спасти».

Весь 1994 звучало во стольких местах и во столько голосов: «Идёт грабёж простого народа». «Я этой власти не верю ни в чём». «Теперь человек наш не верит ни в начальство, ни в депутатов, ни в Президента». «В высокой власти у нас – воры в законе». – А в 1995 осенью поехал в приволжскую сторону – и этот гнев звучал намного накальней. Каждый раз, когда на встречах кто-либо из выступавших хвалил «прошлого» (коммунистическое) время сравнительно с нынешним, – ему аплодировало, на взгляд, две трети зала. Когда я пытался возразить, что присутствующие, даже по возрасту, не знают из прошлого скольких ужасов, – из зала раздавались голоса ропота. Это происходило за три месяца до думских выборов, и я уже тогда убедился: коммунисты получают большинство...

Да и куда ни глянь. «Душа чернеет от того, что творится» (и с людьми, и с природой).

Пьют гнилую речную воду (Тара). «Жёлтые дети» (болезнь новорожденных, Алтай). – Растёт число дефективных детей, глухота младенцев, больны цитовидкой (Воронеж, достиг и сюда радиоактивный язык Чернобыля). Школы ремонтируют сами родители, из бюджета ни копейки. Туалет, переделанный в классную комнату. При трёхсменном обучении даже между сменами перерывы по 5 минут – обернись, поменяйся. Начинаящая учительница получает, по пересчёту, 12 долларов в месяц (сколько американский рабочий невысокой квалификации в один час). Но и опытная, с большим стажем и 30 часами нагрузки в неделю: «Если заболел, лечиться не на что» (Новая Корчева). «Стыдно перед учениками, нечего надеть» (Новосильский район). В школьных библиотеках учебники – рассыпаются в руках, библиотекторы уже не шлют

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsyna@alexander.ru ничего. «Стонем без книг». (И всё ж 11-классники районной школы решаются ехать поступать, где конкурс 5: 1...) – На группу призывников, везомых в военкомат (БАМ, у Падунских Порогов), больно смотреть: хилые, нездоровые подростки с обречённо тоскливыми глазами, выражением безысходности. У других (Ставрополье): не сумели словчить, вот и влипли в армию, даже и ПТУ не кончили. – Теперь «поклонение зелёной бумажке» (Ростов). – Теперь «нравственно то, что выгодно» (Рязань), – «У нас теперь царит идеология захвата и зависти» (Кинель). – «Дети смотрят: кто ворует – прекрасно живёт, а мой батька неумеха, хочет по-честному». – «Девочки с 12 лет идут в любовь».

И выхлестывало в раздражение: «Государство занялось грабежом!» – «Ни одного чиновника нельзя привлечь к суду». «Оказались демократы – самые большие взяточники». «Откуда сразу стали миллионерами, с ничего?» (Ярославль.) – Старый пенционер (Тверь): «Сколько себя помню, мы всегда что-нибудь строим, вот сейчас – "правовое государство"; а найти управу ни на кого нельзя». – «Действительно мы стали свободны? какая свобода, если бросай работу и иди в вынужденный отпуск?» (Новосибирск). – «А как голоса считают? конституцию протащили обманом!» (Омск). – «Курс, диктуемый из Москвы, – на разъединение людей» (Кимры). – «Москва не похожа на город русского государства» (старушка в Угличе). – «Как можно за два года развалить то, что строилось веками?» (Кострома). «Власть совершает безмерные глупости». Но – хор голосов, всё настойчивей и в самых разных местах по долгому пути: «Это – не может быть по недомыслию!» – «Это – специально задумано!» – «Несомненно проводится сознательная политика уничтожения России!» – «До каких пор недостойные люди будут править страной?» (Пенза, сильные аплодисменты зала). – Абитуриент в Новосибирске: «Телевидение – мерзость!» – Самара: «У нас на заводе ребята призывают вооружаться, как в Семнадцатом году». – Пермь: «Если не кончится твёрдой рукой – будет крах».

Но и немало голосов саморассудительных: «Виноваты мы сами: мы все – иждивенцы, а импульс к действию должен быть у каждого». – «А что? говорить умеем, а делать ничего не умеем». (И правда: о самоуправлении, как его устроить, – почти никогда не заговаривали, это – не в мыслях, я сам на то наводил.) – «Мы всё ждём, кто б нас объединил». И – ищут, и правда же: «Как нам сплотиться?»

Ах, вот этого-то, вот этого-то – нам, русским, и не хватает!

И сколько – размышляющих, без раздражения, но в поиске настойчивом: «Да неужели же не было третьего пути?» – «А какой выход из бездарной политики теперь?» – «Будет ли выход из разворовки и падения?» – «Ведь духовно гибнет молодое поколение!» – «Разрушенный завод можно восстановить, но человека, узнавшего вкус дармового рубля, не восстановить никогда».

«Предстоит пережить трудные времена» – это повсюду народ прекрасно сознаёт, несмотря на бодренькие заверения правительства. И что высказывает народ – несравненно трезвей, чем то, что лепечут перед телевизором министры и думцы. И ещё, характерно: чем глубже поехать, не в областной город, не даже в районный, а – в далёкий заволжский совхоз, или в пензенское многоверное село Поим, или на Ангаре в село Эйдучанку, переселенное из затопленной долины, – политический накал обсуждений устраниется, речи звучат не страстно, не обижено, но – размыслительно. В Сибири особенно много цельных, здоровых, неразрушенных характеров. (Пересеча Сибирь, я с облегчением убедился, что вся пропаганда сибирского сепаратизма, отделения от России, несколько лет еженедельно внедрявшаяся американской радиостанцией «Свобода», – протекла мимо, без разрушительного вреда.) – «Дайте народу возможность выразить себя!» «да если б нас кто слушал...» Но и такой вопрос зададут вдруг (Тверской университет): «А как сегодня – жить не по лжи??» И ещё прямей: «Как Россию спасти?» (Улан-Удэ). Пойди ответь...

Вот так и теплятся огоньки. И – повсюду, повсюду. «Нет, Россия не погибла! Но как облегчить путь к возрождению?» (Ставрополь). Во владивостокской привилегированной платной гимназии встаёт гимназист: «А надо позаботиться о детях малообеспеченных? Где учиться – им?» – В Красноярске знакомлюсь с биологом (четверо детей, мать в инсульте); забота его: номенклатурная среда выталкивает из себя всех честных и талантливых; он разрабатывает: как же устроить систему выдвижения талантливых людей. (Да разве наша власть нуждается в талантливых людях...) – Вот такие одиночки (шлют письма) и группки, отягощённые бытом, пригнутые нищетой, – трудятся, чтоб огоньки не погасли. В Ставрополе-волжском – «школа культуры» для детей, начиная с пятиклассников. (А в саратовском Заволжье

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru учителя: «Как учить подростков доброму-вечному, когда телевидение и всё вокруг против того?») в Новой Корчеве (Тверская) держится внеклассный «центр культуры» для четырёхсот детей, в Калязине – «школа искусств» (их там за 60 человек). В Кимрах – «дом ремёсел и фольклора», за 5 лет обучили художественным ремёслам до двухсот детей. «Народ истосковался по общему делу. Надо спасать душу народа!» (В.И. Белякова). В Кашине, из последних сил, проводят «фестиваль возрождения России» – для молодёжи. Кашинская библиотека (ей уже 100 лет, и не такая она была) – излучает людям знания и культуру, сколько может, – ведь классиков теперь не купить. «Будем стоять до последнего!» – директор Г.Б. Волкова. (А сам-то Кашин какая прелесть! – и заброшен. Местный гравер: «жемчужина, превращённая в помойку».) Наши «малые города» – сколько в каждом прошлого! но и почвы для будущего.

И по всей, по всей России – откуда силы одних только библиотекарей, чтоб и впроголодь держаться в развале?.. Нет, ещё жив народ, не добит.

Но тут ещё один – оттенок? Нет, неумолкающий тон. Ещё от Владивостока: «Русские не дорожат собственной культурой. А не спасём культуру – не спасём нацию». – На собрании хабаровской интеллигенции: «Да сохранится ли духовное сознание русского народа?» – В Благовещенске пожилая православная: «Должно ли быть наше государство православным?» – В Ростове: «Без Бога не нужна и Россия, без России не нужна и свобода». – «Если не принесём покаяния – грош цена всей России». – И дальше почти при каждой общественной встрече звучал этот голос, всегда оттеснённый, но и никогда не задушенный до конца. «Нет, православие сегодня – недостаточная опора для государства. Не крепкая». – В Самаре рабочий-грузчик: «Русских кругом притесняют. А чуть русские за себя застаивают – сразу: "фашизм!"». – В Саратовском университете: «Да неужели же русский народ безнадежен?!» – Молодой человек в Угличе, опережая всё собрание: «Скажите: что значит быть русским сегодня?»

Вот, друзья мои, в этой работе я и пытаюсь ответить на что могу. И как смогу.

Зона власти

2. Первые годы жданной демократии

19–21 августа 1991 могли стать звёздным часом в истории России. События несли черты настоящей революции: массовое воодушевление, не только общественности, но в значительной мере и столичного народа (то же и в областях). Вольные изъясления уличной толпы. До горячего захлаба ощущение совершаемого великого исторического поворота. Немошны, боязливые действия ГКЧП уже выражали истощённость и конечную обречённость коммунистической власти в СССР. Возглавители переворота имели славную возможность несколькими энергичными мерами в корне изменить и всю обстановку внутри России, и внешние условия её существования в раздавшемся тотчас «хоре суверенитетов» союзных республик. От новых деятелей, подвижных бы народолобным, в те дни не встретило бы никакого сопротивления: мгновенно запретить и распустить всю коммунистическую партию; объявить открытым путь уже 60 лет запрещённому мелкому и мельчайшему производству, без чего задохлось советское население и что стало бы самым естественным, верным первым шагом в экономической реформе; объявить реальные права местного самоуправления, каких никогда не имели Советы при коммунистах. И, расставаясь наконец с большевизмом, – тут же решительно заявить о неверности искусственных, надуманных ленинско-сталинско-хрущёвских границ между республиками: такой шаг не вынуждал далее ни к каким немедленным физическим действиям вовне, но создавал фундамент пусть и для многолетних политических переговоров. (Уж тут не будем замахиваться на масштаб исторический: что свержение большевицкой власти логически требовало восстановления государственного законопреемства от 1916 года. Ибо февральская революция, в блаженно-радостной сумятице, не создала своего права.)

Ничего этого или подобного сделано не было. Главари переворота в короткие дни обманули, предали надежды аплодирующей массы. Эти вожди, да и примкнувшие к ним активисты, – первым и ярким шагом демократической победы избрали расхват помещений, кабинетов в Кремле и на Старой площади, автомобилей, потом и частных квартир. Таким делом и занялись они в самые ключевые дни, когда судьбу России можно было формовать как тёплый воск. Победившая, наскоро сплотившаяся верхушка, войдя в очередной роковой акт истории России, оказывается, думала только о власти, скатившейся в руки нечаянным подарком, ни о чём другом. Что же до границ государства – тогдашний российский вице-президент был тут же послан в Киев, затем и в Алма-Ату подписать отдачу десятка этнически русских областей и 18 миллионов русских людей. (Эту капитуляцию потом ещё и ещё подтверждали не раз,

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsyna@alexander.ru внутренние в СССР административные границы признав государственными, якобы под защитой Хельсинкских соглашений 1975.) Распад СССР был неизбежен, в 1991 уже и маячил, но ещё оставалось подготовительное время, чтобы уменьшить вред глубоким экономическим, бытовым и многомиллионным личным связям, и уж не было никаких причин ожидаемый распад подталкивать. Такой интерес имел украинский президент – но никак бы, никак не участвовать в том толчке и российскому.

Так в несколько первых дней новая власть проявила и политический сумбур в головах (если б – только сумбур!), и равнодушие к жизни российских народов. Перед ходом крупных событий власть была в полной растерянности, но сама даже не ведала об этом, занятая личными расчётами.

И эти качества неизменно пронесла через следующее, вот, пока семилетие. Есть признаки, что понесёт и дальше.

Итак, наступила в России – эра демократии? Во всяком случае – возглашено было так. А значит – почти мгновенно родилось множество, почти толпы, демократов. Это множество тем более поражало, что среди верхушки новоявленных – различалось лишь 5–6 человек, которые прежде боролись против коммунистического режима. А остальные – взмыли в безопасное теперь небо из столичных кухонных посиделок – и это ещё не худший вариант. Иные орлы новой демократии перепорхнули прямо по верхам из «Правды», из журнала «Коммунист», из Коммунистических академий, из обкомов, а то – из ЦК КПСС. Из вчерашних политруков мы получили даже не просто демократов, но – самых радикальных. Да некоторые и объясняли: «Мы находились на вершинах коммунистической власти только ради того, чтобы вместо нас тех постов не заняли худшие». А сегодня, чтобы спасти и укрепить Новую Россию, они снова самоотверженно были готовы принять власть. Да ведь и сильнейший аргумент: кто же, как не они, имеют опыт управления? профессионалы... (Профессионализм доказывается не послужным списком, но результатом деятельности – а этот результат перемётчиков скоро явился зримо провальным.) В оправдание всех неудач новой власти мы слышали: да какую же подлинную демократию можно построить в условиях экономической и социальной анархии, политической нестабильности?.. А эта распроклятая «политическая нестабильность» – она и порождена неграмотными реформами.

В чём неodemократы явились действительно профессионалами – это в идеологическом обеспечении и поддержке нового строя. А чего новые демократы-бюрократы начисто не проявили – это сострадания к народу и заботы о нуждах его. Да ведь те, кто объявляют «шоковую терапию», – уже лишаются права клясться, что защищают «права человека».

Едва ли не главной политической спешкой нового режима стало: как можно быстрее развести искусственную кипучую многопартийность.

И год, и следующий год, и ещё год – вспухали (без реальных основ), дробились, объединялись и лопались всё новые партии, союзы, блоки, фронты, соборы – названий которых уже не вспомнит и не перечтёт никто; взносились, звенели, но так же быстро затмевались и канули прочь имена многих либеральных, демократических и радикал-демократических лидеров. Многопартийность – это был самый завидный, желанный приз переворота 1991 года, и партии кишились, блокировались и тешились политикой – хотя изо всех партий реальной всё ещё была одна коммунистическая. (И в 1992 Ельцин не случайно подтвердил, что 7 ноября остаётся нашим «национальным праздником».) И ещё так роково получалось, что несостоятельные русские патриотические партийки искали теперь ласки и поддержки от коммунистов – а коммунистам, потомкам ленинских «антипатриотов», оказалось выгоднее всего заявиться «русскими патриотами». Могла ли история повернуться ироничней?

Реальная же вторая сила стала крепнуть в виде хасбулатовского Верховного Совета. Её поединок с президентской властью к 1993 принял форму борьбы за статьи новой российской конституции и растянулся на несколько угрожающих месяцев. Конституционная работа шла вяло, но поединок был свиреп, в России образовалось опаснейшее двоевластие, – тем опаснее, что обе борствующие стороны обращались с политическими взятками к национальным автономиям, дабы из них набрать себе союзников побольше. Привилегии автономий бурно вздымались; тогда русские области, чтоб не остаться в батраках, стали объявлять себя республиками – раскатисто, одна за другой. В той горячей толкучке, кажется, мало кем было замечено, но мне, в тот год ещё издали, было видно рельефно и несомненно: от

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsyna@alexander.ru этого двоевластия, от этой гонки в «республики» – самой России грозил тогда распад, если не в недели, то в месяцы. Бушевала ещё одна керенщина. И спасением цельности России мог быть только немедленный конец двоевластия, какая б там сторона ни победила.

Это столкновение, не разрешённое разумно полугодом раньше, кончилось кровавыми днями октября 1993 (и гибелью полутораста или больше человек, главным образом не участников конфликта, а невинных посторонних). И прошло оно под слитный одобрительный хор неодемократов: «Раздавить гадину!» – силой оружия, – очень непредусмотрительно для своего же демократического будущего. По наследству от коммунизма и переняли они: «если враг не сдаётся»... Да через три месяца Гайдар и Козырев прямо искали союза с коммунистами, приглашая их в «антифашистскую лигу». И вскоре вслед тому возглашался договор о «гражданском» (номенклатурном) согласии – согласии внутри олигархии, – договор, не без последствий уветвившийся потом в неосвещённые коридоры.

Итак, разгромлен был Верховный Совет, чьим первым председателем был этот же Президент, и оба они избраны по одной и той же конституции. А сама та конституция теперь отменялась, вместе с принесенной присягой, но истекший из неё президентский срок почему-то сохранился. Уже только эти юридические симптомы не могли слишком настроить к возвышенной вере в новую конституцию – да она и не прошла всенародного обсуждения, да в суматохе какие-то её статьи были ещё подправлены. Затем, по официальным данным, участвовало в голосовании 53 % избирателей (аналитик «Демвыбора» опубликовал исчисление, что – лишь 47 %), из них за конституцию голосовало 58 %, то есть меньше 31 % имеющих право голоса, меньше трети. (Всё это не слишком утверждает и наш многолюдный Конституционный Суд, скопированный от стран с высокой юридической культурой, а при нашей нетонкости проблем легко бы справился и Суд Верховный.) По той республиканской Конституции российский Президент получил обширные права, пошире многих бывших монархов и нынешних президентов. И судьбоносные для страны решения – вызревают никому не объяснённые, никем не обсужденные – и возглашаются готовыми, с порочной решимостью.

Много было жалоб на нарушения процедуры при выборах думы в 1993. Да уж одна только отдача половины мест партиям – искусственная подпитка желанной «многопартийности» – есть нарушение равных прав избираемых. Но и каждый раз эта система наказывала своих учредителей: в 1993 – крупным успехом партии Жириновского, в 1995 – крупным же успехом коммунистов. В этом выборе отчаявшихся избирателей прорвалось негодование оскорблённого, ограбленного народа, даже и таким способом бессильного исправить свою судьбу.

3. Реформы – на развал

Справедливо отсчитывать экономические реформы нового строя – ещё, конечно, от Горбачёва. Сюда пойдёт и рост, за горбачёвский период, внешнего государственного долга с 20 млрд долларов до 80 млрд (впрочем, лишь малые годы спустя это учетверение долга покажется уже и детским.) В первичные реформы зачислится и развал всех связей внутри государственной экономической системы – связей и взаимодействий, не заменённых ничем, – просто развал. (А ведь сказано: Не пори, коли шить не знаешь.) И объявление диковинного «социалистического рынка»; и создание лжекооперативов – в сросте с государственными предприятиями и за их счёт. А единственное правильное, хотя и очень слабое, движение по снятию коммунистических препон с мельчайшего предпринимательства (в том числе и на селе, а как это было бы благотельно, это бы вернейшее направление) – немедленно же (в 1987) было задавлено партийной лапой как «нетрудовые доходы».

А дальше – из всегда неуверенных рук Горбачёва – реформаторские затеи перехватились руками весьма уверенными.

Никогда не поставлю Гайдара рядом с Лениным, слишком не тот рост. Но в одном качестве они очень сходны: в том, как фанатик, влекомый только своей призрачной идеей, не ведающий государственной ответственности, уверенно берётся за скальпель и многократно кромсает тело России. И даже шестилетие спустя по сегодняшнему самоуверенно ухмыльному лицу политика не видно смущения: как, разорением сберегательных вкладов, он сбросил в нищету десятки миллионов своих соотечественников (уничтожив основу того самого «среднего класса», который и клялся создать). И что ж, с 6-летним опозданием, поднимать разговоры о «создании среднего класса»... – с этого, с мелкого предпринимательства, и надо было начинать, а не растить ненасытных монополистов-магнатов.

Частная собственность – верное естественное условие для деятельности человека, она воспитывает активных, заинтересованных работников, но ей непременно должна сопутствовать строжайшая законность. Преступно же то правительство, которое бросает национальную собственность на расхват, а своих граждан в зубы хищникам – в отсутствие Закона.

Суматошно кинулись тряхать и взрывать экономику России. Этот перетрях был назван долгожданной Реформой – хотя ни ясной концепции её, ни, тем более, разработанной и внутренне согласованной программы мы никогда не узнали, да её, как обнаружилось, и не было. («Всё решали на ходу, нам некогда было выбирать лучший вариант».) Признавалось, что это будет «шоковая терапия» (термин, с лёгкостью перенятый у западных теоретиков-экономистов), однако, как заверил нас Президент накануне её (29.12.91): «Нам будет трудно, но этот период не будет длинным. Речь идёт о 6–8 месяцах». (Гайдар предсказывал ещё розовой: цены начнут снижаться месяца через три, – из чего он ожидал вообще снижения, отпустив цены для производителей монопольных и в отсутствии всякой конкуренции?) Обещали и «на рельсы лечь» при неудаче реформы.

Народ, через который всё пропускали шоковый электрический ток, – оглушённый, бессильно распластался перед этим невиданным грабежом. Только в таком виде (или при ложном подсчёте референдума) он мог в марте 1993 проголосовать за одобрение «реформ», несших ему явное разорение и нищету. (А верней: тем удручительней наша потерянная и бессознательность.) Конечно, шок от внезапного столкновения с динамичным «рыночным» образом жизни и действий наш недавно советский народ испытал бы во всех случаях, но не под таким сожигающим вольтажом.

Однако испытания, начатые сотенным и тысячным вспрыгом цен, ещё только начинались. Народ был осчастливлен объявленным разделом национального богатства равномерно между всеми гражданами через выдачу каждому облигации с диковатым названием «ваучер» – а по этой бумаге можно будет приобрести хоть даже две лучшие в стране автомашины, хоть обеспечить себе постоянный надёжный доход. Начался разброд умов, сколько-то простаков поверили, ещё большие миллионы ломали головы, не знали, как эти ваучеры употребить. Да и пути такого не было: в какой бы «фонд» или предприятие бедный человек эти ваучеры ни вложил – они попадали в изношенное производство, не дающее прибыли. А новые владельцы – жадные расхватчики, безо всякого производственного опыта, да даже и интереса, не только не вкладывали в предприятие средств для развития, но вытягивали из него последние соки, а там хоть и брось его. Малочисленные ловкачи с исходным, хоть и малым, капиталом, скупали за бесценок, от недоуменных одиночек, крупные партии ваучеров и затем через них – приглянувшиеся куски государственного имущества.

Но ещё и это было только началом бед, ибо, как легко догадаться, сравнительно с национальным достоянием богатейшей страны вся сумма ваучеров по своей стоимости была ничтожна: «раздел», объявленный народу, коснулся едва ли заметных долей одного процента достояния. И в середине 1994 высокодоверенный вице-премьер Чубайс, демонстрирующий недавним советским людям столь привычную им «стальную волю», объявил «второй этап приватизации» – так, чтобы государственное имущество перешло бы в руки немногих дельцов (эта цель и публично заявлялась членами его аппарата). Притом он выдвинул лозунг обвальности приватизации: то есть почти мгновенности её, врасплох, – и с гордостью вещал, что «такого темпа приватизации ещё не видел мир!». (Да, конечно, такая преступная глупость ещё нигде в мире не произросла. Прытко бегают – часто падают.) Приватизация внедрялась по всей стране с тем же неоглядным безумием, с той же разрушительной скоростью, как «национализация» (1917–18) и коллективизация (1930), – только с обратным знаком.

Вела ли высших приватизаторов ложная теория, что как только собственность рассредоточится по частным рукам – так сама собой, из ничего, возникнет конкуренция, что производство станет эффективным от одной лишь смены хозяев? Гай-чубайские реформы велись в понятиях Маркса: если средства производства раздать в частные руки – вот сразу и наступит капитализм и заработает?

С лета 1994 и начался этот «второй этап», и всего за несколько месяцев проведена была сплошная и практически бесплатная раздача государственного имущества избранным домогателям. Изредка в газетах появлялись сообщения о сенсационной разворовке всенародного добра. Да народ, и не зная тех тайных цен и тайных сделок, безошибочным наглядом творимого угадал суть и назвал весь процесс «прихватизацией».

А по огромности многих социалистических советских комбинатов – их невозможно было вручить никакому отдельному владельцу. Нисколько не сумняшесь, команда Чубайса дробила такие комбинаты на 20–30 частей (разрывая единый технологический цикл, лишая каждый осколок возможности вообще работать) и раздавала в разные руки. (Такая судьба постигла и некоторые военные заводы, их тоже парализовали дроблением и частично объединяли с любознательными иностранными фирмами в «совместные предприятия». К каким последствиям для российской обороны этот процесс ведёт – легко сообразить.)

Одна неожиданная петелька в ходе событий помогает нам узнать о них ещё рельефней. Эта капризная петелька была: внезапное назначение в ноябре 1994 амурского губернатора Владимира Полеванова, многолетнего колымского геолога, – главой Комитета по управлению государственным имуществом. И так – ему открылись все бумаги, как это имущество за минувшие месяцы утекало и таяло. И как человек, преданный долгу и чести, В.П. Полеванов подал председателю правительства разоблачительную докладную записку 18.1.95 о творящихся преступлениях. (Докладная эта теперь опубликована [55]. Она вопиет фактами, цифрами, размерами преступлений, как вёлся общий развал народного хозяйства, например, как 51 % «Уралмаша» получает одно лицо, а другое покупает 210 млн акций «Газпрома» по десятку обесцененных рублей за акцию, то есть даром. Автомобильный огромный лихачёвский завод был «продан» в 250 раз дешевле его стоимости: вместо 1 млрд долларов – за 4 млн Красноярский алюминиевый завод «продан» братьям Чёрным – в 300 раз дешевле стоимости.) И каков же был результат ошеломительной докладной? Через три дня, 21.1.95, Полеванов был уволен, чтобы «не мешал реформам Чубайса».

Правда, ещё через один год и один день, 22.1.96, мы услышали и от Президента признание, что в той чубайсовской приватизации «продавалось всё, что можно, по произвольной цене, а государство ничего не получило». Впрочем, заявлено это было однажды, мимоходом и больше не повторялось. Не было предпринято попытки никакой ревизии грабительской приватизации, что и являет собой одобрение грандиозного разграба национального добра. И уж никогда наша власть не задавалась загадкой: откуда у недавних подсоветских людей – миллиарды рублей, миллионы долларов? – да от щедрых экспортных лицензий, по знакомству и за взятки выданных властями же: скупленное в стране по устаревшим рублёвым ценам беспрепятственно, целыми эшелонами, гнать за границу и там получать валютные миллионы. (В этом-то процессе многие недавние коммунистические партocrats оборотливо стали криминальными коммерсантами и частновладельцами. Раньше они распоряжались государственной собственностью ограниченно, теперь – без оглядки.)

Да, из коммунистического Вавилона ещё б нам не надо было вытягивать ног! Но – по-разному можно было ступать. Нам избрали путь – наихудший, извратительный, в самом себе злоносный.

А не раз пришлось мне слышать убедительную аргументацию, подкреплённую и личными свидетельствами людей, прикоснувшихся к этой кухне ближе: всё соделанное под видом «рыночных реформ» отнюдь не было результатом поразительного недомыслия, но – хорошо продуманной системой обогащения отдельных лиц. Головокружительное падение рубля (такого долгого обесценения не знала ни одна страна) – чтобы можно было скупать российскую собственность за минимум долларов, а властям – не расплачиваться со вкладчиками. Подавление отечественного сельского хозяйства – чтоб наживаться на импорте продовольствия. Торможение в принятии необходимых законов – чтобы разворовка легче происходила в условиях беззакония. Ошеломительная быстрота приватизации – для скорейшего формирования корпуса поддерживателей новой власти. Отмена спиртной монополии, разорительная для казны и губительная для народного здоровья (свобода подделок), – создание для масс обстановки одурительного равнодушия к происходящему.

Вся эта разворовка и прошла во тьме – при народной ещё неосознанности, как непоправимо для всех жителей страны происходящее. Грандиозных масштабов расхищения (сотни миллиардов долларов утекли за границу) народ не видел зримо, не мог знать никаких подробностей и цифр или задуматься над ними: что национальное производство в безучастных руках упало вдвое (во время войны с Гитлером упало только на четверть); что с 1990 года в России не построено ни одного крупного промышленного предприятия. Отдавшись повседневному бытовому течению нынешней трудной жизни, люди не ощутили необратимости совершаемых над страной злодейств. Но едва раздалась отдельные робкие голоса о ревизии – сказочно разбогатевшие новобогачи-грязнохваты (да не сами они, а покорные им

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsyna@alexander.ru газетчики) дружно и ультимативно заявили народу: пересмотр приватизации? – это будет гражданская война! Ограбление непрочнувшегося народа прошло гладко и без гражданской войны – а вот восстановление справедливости вызовет кровавую гражданскую! Чтó мы расхватили – того не отдадим!!

Так заявил «молодой русский капитал». В основном он был создан умопомрачительной и необъяснимой (куда ни ткнишь, везде необъяснимо) государственной операцией: искусственным созданием коммерческих банков: фальшивым «кредитованием» их под галоп инфляции, после чего государство же стало брать у этих банков свои же недавние деньги – займы под высокие проценты, ещё и ещё беднее само. Добровольное государственное самоубийство. Ещё на пользу коммерческим банкам постановлено было все зарплаты пропускать только через эти банки – и они затягивали и затягивали расплату, накручивая свои проценты.

Удивляться ли, что после всего этого грабежа – казна стала пуста и на многие годы неспособна выплачивать заработные платы и пенсии. Терпеливый народ голодал, дети хирели во славу «молодого русского капитала». От высших властителей неоднократно прозвучали похвалы российскому народу, что он «оправдал доверие»: не произошло социального взрыва. (Да уж, «бунт бессмысленный и беспощадный» мы с себя, кажется, смыли навсегда. Немоощнее нас не вообразить народа.)

И как бы худо очередной хозяйственный год ни кончался – мы неуклонно слышим, что зато в следующем году начнётся «стабилизация» и «поворот к лучшему». Однако с каждым новым правительственным мероприятием мы не вызволяемся из беды, а всё непоправимее вдвигаемся в развал. И во всех областях нашего производства и быта зачастили грозные аварии с обилием жертв – плод полной изношенности государственно-хозяйственного организма; идёшь на рабочий день – на всякий случай прощайся с семьёй. – А с трона нас соболезнующе утешают: «Что делать, стихия...»

И никто ж из властвующих не знает, как «это всё», «эту страну» теперь вытягивать из болота.

Да и: лично – нуждаются ли они в том?

А ещё же: с какой беспечностью, с каким безразличием и невозмутимостью смотрела наша власть на головокружительное падение рубля: отчётливый знак российского бедствия и бессилия. Смотрела как на малозначный, ничем не угрожающий, почти анекдотический процесс. Уж конечно, никто и не задумался, как попятить доллар до прежнего соотношения с рублём, что и было бы знаком нашего оздоровления. И вот недавно нашли анекдотический же выход: просто зачеркнуть три выросших нуля – и жить-поживать дальше. А если рубль будет продолжать сползать и впредь, в новых деньгах, – то следующий президент будет иметь возможность обрадовать нас ещё одним зачёркиванием двух-трёх нолей.

4. Ошеломлённая Россия – и Запад

С конца 80-х годов разлившийся в нашей столичной образованности интернациональный восторг едва ли не перехлестнул и ранних большевиков. Российским либералам и радикал-демократам помнилось: распаивается отныне и навеки – счастливейшая эра на нашей планете: теперь и всем населением её, и всеми государственными деятелями овладеют общечеловеческие ценности, которым, все дружно, мы и будем служить. А посему: какая-либо твёрдая внешняя политика России есть империализм или абсурд, крепкая власть в России – тирания. Так и в восприятии нами Соединённых Штатов справедливое представление о широкой щедрости американского народа неосновательно перенеслось и на вашингтонское правительство – эгоистически расчётливое, как и всякое нормальное государственное руководство, а в особых условиях после краха советского соперника всё более втянутое в имперский вкус контролировать всю бы планету.

Сей интернациональный восторг, «новое мышление», уверенно направил и действия горбачёвского руководства. Вынужденные отпустить на волю страны Восточной Европы – Горбачёв, вскруженный ураганом западного восхищения и похвал, и с ним Шеварднадзе, из недавних вождей окраинного КГБ да всемирный дипломат, – не озаботились просить западных партнёров закрепить письменным договором их устные тогдашние заверения. (По свидетельству Е. Примакова, в 1990–91 и Миттеран, и Мейджер, и Бейкер в беседах с Горбачёвым-Шеварднадзе-Язовым, нетерпеливо ожидая вывода советских войск, дружно обещали, что НАТО на восток не расширится ни на дюйм и ни одну страну Варшавского договора в НАТО не примут[56]. Но Горбачёв не

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru осмелился попросить документальное обязательство.) Подобно этому была подарена Америке и «Вторая Аляска» – бессмысленная уступка в 1990 Горбачёвым-Шеварднадзе 40 тыс. кв. километров Берингова моря (шельф, богатый рыбой, нефтью, газом) [57].

И эта линия капитуляции «от широты души» продолжалась и следующие пять лет. В 1993 Ельцин в Варшаве ещё более широким жестом «отпустил» Польшу в НАТО. В том же году Козырев в Малайзии заверил в готовности российских самолётов доставлять войска мусульманского содружества в воюющую Боснию. В той же эпидемии «общечеловечества» новостановящаяся Россия помогала Соединённым Штатам получать визу ООН на их военные действия, затем и из наших собственных истощённых войск мы выделяли зачем-то дорогостоящий отряд в «международные силы» в Боснии, действуя прямо против славянских, да и собственных российских, интересов.

Это Новая Россия и помогла свершиться тому историческому переходу в мировом сознании, когда военное вмешательство держав в дела далёкой страны стало называться не «агрессией», а «миротворческими усилиями». Очевидно, именно такая терминология и вживётся в XXI век – и очень может быть, что Россия довольно вскоре испытает её на самой себе – например, в форме международного «миротворческого спасения» нас самих и планеты от нашего ядерного оружия; американские предупреждения в эту сторону уже раздавались. (И произойдёт такое под «всемирное одобрение», как и «буря в пустыне»; а может продолжиться и дележом самой России – ведь Антанта уже бесстыдно и делила её в нашу Гражданскую войну.)

По мере ослабления России до хаотического состояния – намерения цивилизованного Запада относительно нас всё менее скрываются, а неистовыми политическими врагами России, как Киссинджер или Бжезинский, уже не раз высказывались с полной откровенностью («лишняя страна» на карте мира). Ещё 80 лет назад, в бушевание российского «феврализма», Александр Блок с тревогой записал в дневнике: «Если расплывётся Россия?.. или Россия будет "служанкой" сильных государственных организмов?» Из состояния сегодняшнего – уже и тем более тут не видится ничего не возможного.

Что правительство США десятилетиями жаждало поражения и развала Советского Союза – это естественно. Но в нашей стране мало кому известен закон PL 86-90 американского Конгресса 1959 года – он доходил до наших ушей через радиозаглушки как ежегодная обещательная «Неделя поработённых наций»: нам всем как будто обещали вызволение из-под коммунистической пяты? Всем, да не всем: в числе угнетённых наций русские там не числятся. Напротив, закон чётко определяет поработителем (в том числе и Китая, и Тибета) не мировой коммунизм, а – Россию, русских. И в русле противорусских заявлений тех же Бжезинского-Киссинджера и других из этого ряда – сей закон откровенно направляет Америку не против коммунизма, а – против России! (И по сегодня он действует, не отменён Конгрессом. По недоразумению? О, непохоже. И в 1997 Соединённые Штаты всё так же отмечали «неделю наций, поработённых» русскими. Забывчивостью это не назовёшь, скорей, задание на завтра.)

В этом антирусском направлении годами действовала и радиостанция «Свобода» – очень смягчённо против коммунизма, но всем остриём против русских традиций и даже русской религии и культуры. (Об этом мне уже не раз пришлось говорить и писать, даже и президентам США Рейгану и Бушу.) От этой радиостанции, казалось бы, созданной лишь для Холодной войны, – американская администрация нисколько не отказалась и в наступившие годы американо-русских объятий, не пожалела на неё миллионов и дальше, – знать, нужна. Как никакая российская, вещает 24 часа в сутки, по иностранным инструкциям, «на всех волнах и во всех диапазонах». «Свобода» и в последние годы не просто сообщает новости, она их резко интерпретирует, окрашивает своим идеологическим и политическим отношением, да не своим, а которое им диктуют из Совета по радиовещанию при Конгрессе США. После развала СССР «Свобода» вмешивалась в наши избирательные кампании, прямо направляла, за какого депутата следует голосовать, давала советы иным депутатским фракциям ещё Верховного Совета, как им лучше проводить свою тактику: когда голосовать, а когда сорвать кворум. Был период – «Свободе» указано было действовать против Ельцина – и она высмеивала его и глумилась; потом – заказали поддерживать Ельцина, она усердно потянула и эту упряжку. Летопись её деятельности изобилует подобными примерами. На годы чеченской войны «Свобода» вообще превратилась как бы в чеченскую радиостанцию, открыто враждебную российской стороне: половина информационного часа почти полностью состояла из чеченских аргументов и пропаганды (и это повторялось несколько раз в сутки).

Да за последние годы кто не видел и не слышал самого откровенного вмешательства Соединённых Штатов. Как забыть заявление президента Буша, ещё перед украинским референдумом (1991), – подбодрить отделение Украины? Как не заметить, что из первых и страстных голосов «Севастополь принадлежит Украине!» был голос американского посла в Киеве и потом – и неоднократно, до запредельной бестактности – Госдепартамент? Америка всемерно поддерживает каждый антирусский импульс Украины. И как не сопоставить: что в огромной дозе Америка прощает Украине (а ещё снисходительнее – республикам азиатским: и любое подавление инакомыслия, и любую подтасовку голосования) – того и в малой дозе не прощает Белоруссии, разломно обрушивается на самые робкие попытки объединения её с Россией. А потому что Белоруссия нарушает общий план и разваливает идею «Черноморско-Балтийского Союза», от Эстонии до Крыма, «санитарный кордон» против России. Да вполне же отчётливо продемонстрировали США свои «окружительные» движения относительно России: в самый разгар переговоров о НАТО – тёплое военное сближение с Украиной, в августе 1997-м маневры американского флота в Чёрном море, у крымского берега (с участием турецких моряков; не столько практический шаг, сколько историческая символическая демонстрация предельного унижения России – да отчего и не в Азовском? и там «украинские» берега). Поездки генерального секретаря НАТО то в Закавказье, то в Среднюю Азию для установления военного же сотрудничества Северо-Атлантического Союза – со среднеазиатскими государствами! – ещё ли не выразительно, не предупредительно?

И наиболее перенимчива, подхватчива к новой ситуации тут оказалась Турция: активным проникновением на Кавказ, отчасти и в Среднюю Азию, а вот уже усвоила и небывало новый тон о Босфоре-Дарданеллах, вопреки установленным международным договорам.

Расширение НАТО на восток (и суть не в Чехии-Венгрии-Польше, а дальше – в Прибалтике, Украине и Белоруссии, Чёрном и Балтийском морях) можно бы, но трудно, объяснить всего лишь инерцией западного военного мышления – после столько лет ведомой и как бы «недоведенной» Холодной войны. Трудно допустить такую бы степень недооценки долгой и долгой теперь слабости России на всё обозримое будущее. А тогда – не найти реального объяснения иного, как замысел давления на Россию. Оплачивая расширение НАТО даже за три первых страны 30–35 миллиардами долларов, не могут же привлекать этих восточноевропейских союзников для будущих тяжких противостаний «Севера» и «Юга»: в тот конфликт эти новые союзники менее всего будут склонны вложиться, менее всего полезны там. (Но может быть, ещё горько пожалеют Соединённые Штаты, что так усиленно создавали прочный мусульманский боснийский плацдарм в Европе.)

А мы? В необъятном широкодушии наш Президент, принимая американского, возгласил (14.1.94) тост «за совместную российско-американскую революцию». Совместную? – значит, мы обязаны впредь уже не отличать российских интересов от американских.

Но если и признать две страны равно демократическими – это не значит, что им нужно сливаться во всех отношениях. Так, де Голль, вождь не менее демократической Франции, будучи реальным союзником Америки, отнюдь не подчинялся её диктату лидера, а строго отграничивал интересы Франции. Национальные интересы у каждой страны свои, и отстаивать их, даже внутри единого союза, – никакой не шовинизм.

А Россия проглотила унижение трёхкратного отказа вступить в Совет Европы и, согбась, понесла туда своё заявление в четвёртый раз. Восполняют нам это унижение – величием того, что Россия якобы принята в «Большую Семёрку»? Но наивно было бы вообразить, что экономически обессиленная Россия может быть влиятельным членом группы экономических силачей. Мы там будем лишь скреплять свою подпись их решения, хоть и против наших интересов.

В нынешнее время вся и всякая политика движется экономикой, если не сводится к ней. Экономика – не предмет этой работы. Но нельзя не наблюдать, не изумиться даже и простолюдину, никакому не специалисту. Ясно же видно, что Западу нужна Россия технологически отсталая. Мы рабски подчиняемся программе Международного Валютного Фонда – по недоумию? или сознательно отдаваясь чужому умыслу? Как можно, например, оправдать, объяснить, что по жёсткому требованию МВФ мы сняли таможенные пошлины на вывоз наших нефти и газа (гоним, гоним невозобновляемые наши недра, лишая будущего себя и наших потомков) – и взамен этих огромных бюджетных потерь ждём от МВФ очередной крохотной подачи, да даже и не подачи,

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsyna@alexander.ru а ссуды под проценты. Какое ещё в мире правительство хозяйничает так? В жестокий ущерб нашей экономике правительство который год подчиняется стеснительному, даже разрушительному диктату – и мы слышим с наших верхов благодарность, что МВФ якобы «помог России избежать трудностей». До неправдоподобия: и безоглядная распродажа национального богатства сопровождается для России не ростом доходов, а ростом внешнего долга. Россия – в долговой яме.

А общее взаимодействие мировой экономики таково, что отставшие – обречены отставать и дальше, они уже не смогут выправиться. Через десяток лет мы спустимся на уровень африканских стран. Да с нами уже так и обращаются. Над ключевыми нашими предприятиями то там то здесь берут контроль иностранные фирмы, иногда псевдонимно.

А между тем: даже в нынешних усеченных границах Россия – экономически самодостаточна. И наша умолительная погоня за иностранными инвесторами – истекает из нашего допоследнего душевного упадка и отчаяния. (Иностранные инвестиции допустимы и могут быть полезны тогда, когда надёжно защищено отечественное производство и строг закон о вывозе капиталов или полуфабрикатов.) А втягивание наше в международный финансовый мир – втягивает нас, неокрепших, и в чужие финансовые кризисы, которые мы бы минули.

В экономической сфере мы безоглядно – и с опасной поспешностью – кинулись перенимать западные формы жизни. Но это и недостижимо: уклад чужой жизни невозможно скопировать, не перерождаясь болезненно: он должен органически вытекать из традиций страны. По пословице: Свою болячку не чужим здоровьем лечить. На путь, неотличимый от западного, Россия всё равно не выйдет никогда, как бы нам ни стараться.

5. Фантом СНГ

Могли ли самые обезнадёженные из наших предков предвидеть такое катастрофическое крушение России? За несколько коротких дней 1991 года обесмыслены несколько веков русской истории. За два-три августовских дня смазаны и смыты два столетия русских жертв и усилий (восьми русско-турецких войн) выйти к Чёрному морю.

Весь нынешний мир смотрит на нас и изумляется: как могла такая огромная Россия так внезапно ослабнуть, опасть духом и телом и начать стремительный саморазвал – не испытав ни крупного военного поражения, ни сотрясательной революции и гражданской войны, ни массового голода, ни эпидемий, ни стихийных бедствий. Всех поражает именно быстрота падения и непротивляемость наша в том – до утери самого инстинкта государственного существования.

Земная история, может быть, не знает другого такого самоубийственного поведения этноса.

Но это всё – совершилось. И мы обязаны это признать. И строить – вот уже на этих развалинах.

При внешней мощи своей СССР (изобретенный Лениным к концу его жизни) внутренне не был здоровым государственным образованием, в том числе и в международных отношениях. «Вечная дружба народов» и «создание единой советской нации» были мифом. Заложенная в построение СССР ленинская национальная политика не могла бесконечно держать это государство: именно она-то вырастила центробежные силы. (Теоретически возможный самораспад СССР, «вплоть до отделения», был сформулирован ещё и в ранних советских конституциях.) В послевоенные годы в советских лагерях, затем в казахстанской ссылке мне довелось достаточно наблюдать эту реальную расчуждённость и взаимное недоверие советских национальностей вопреки их трубно возглашённому единению. Уже тогда отчётливо проступил будущий возможный или даже неизбежный раскол. Под влиянием этого лагерно-ссылного опыта я, получив возможность высказаться («Раскаяние и самоограничение», 1974), призывал дать «всем окраинным и заокраинным народам подлинную волю самим решать свою судьбу». На том же опыте и в 1990 я предсказывал неизбежный развал СССР.

И он произошёл в 1991 – и тот, который был неизбежен, но, к несчастью для многих и многих миллионов людей, также и тот, который был вполне избежен. По неразумению и недальновидности правящих лиц развал был отдан стихийному потоку – от бессмысленного (кстати, инициатива «демороссов») объявления «независимости» Россией (независимости – от 25 миллионов своих отрезаемых соплеменников? и это

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru учреждено как «национальный праздник») – к «параду суверенитетов», объявляемых республиками почти автоматически, в самоупоении атрибутикой, символикой (без расчёта своих экономических сил на будущее, но с начальным присвоением богатого промышленного наследия, созданного усилием всей страны, а более-то всего РСФСР). Неуправляемый раскол произошёл по неестественным, этнически не обоснованным административным границам (ленинско-сталинско-хрущёвское наследие), – границам, к которым, ещё более необоснованно, цепко следящий Запад тут же применил гарантию Хельсинкских соглашений. А российское руководство в августе и в декабре 1991 поспешно и послушно капитулировало, с равнодушной лёгкостью оставив за границами новой России почти такое же по объёму русское население, сколько потеряно всем Советским Союзом во Вторую Мировую войну. С тем же равнодушием отнеслось оно осенью 1991 к пристрастному проведению украинского референдума, решавшему соотношение Украины и России, может быть, на века. И довершён был развал интриганской подготовкой, а затем наскоком Беловежа. Раскол СССР был совершён в опрометчивой спешке и наихудшим образом.

Само Беловежское соглашение было смутно по содержанию и не давало никаких отчётливых гарантий России. Президент Украины при этом зорко смотрел вперёд: какие неоговоренные условия, лишь устные поверхностные заверения, можно будет вслед за тем повернуть в пользу Украины. Президент России смотрел назад: от чего поскорее отделиться (прежде всего – от власти Горбачёва), с чем распрощаться, – и нигде в том соглашении и вокруг него не проявлена забота, даже сама мысль, что Украине отдаётся несколько областей, фактически русских и по нынешнему населению, и по истории, отдаётся до 12 миллионов русских людей безо всякой гарантии хотя бы их культурного существования и юридической защиты. (Впрочем, эта бесчувственная уступка была с лёгкостью совершена уже в августе 1991.)

Так же не было никакого взгляда вперёд – что же такое будет создаваемое «СНГ», и как потечёт процесс? Грубейшей ошибкой учредителей была утайка соглашения от Назарбаева: Казахстан ставился в межеумочное положение, его президент – в оскорблённое, и опять: незаметна даже мысль, что и в той республике покидаются на произвол до 7 миллионов русских. Мы столь многолюдны, что такими «кусочками» можем легчайше пожертвовать.

А процесс потёк так, что лидеры почти всех республик (за долгие советские годы взращённые через «коренизацию аппарата» партийно-национальные, а по сути просто национальные верхушки) тут же заявили о своём желании войти в СНГ. (Независимости-то они объявили, но сразу шатко почувствовали себя без объединяющего центра.) И вот, с необдуманной лёгкостью, они тут же были и приняты: то есть только что разваленный СССР, в котором ещё сохранялось множество государственно обязательных скреп, был заменён полупрозрачным шатром СНГ, где ни у кого (кроме России) ни перед кем никаких обязательств не было. Это ещё более обесмысливало всю операцию.

Нет, восстановление СССР никак бы не было теперь в интересах и ко здравью русского народа – это было бы утопление его в набухающем азиатском мире. Контуры СССР – для нашей страны невозвратимы, и всякие побуждения к тому надо покинуть как самые пустые. Они ещё и вредны: всякие требования или разговоры о восстановлении СССР лишь углубляют в отошедших от нас государствах – враждебность к тем русским, кого мы бросили, предали там, ставят их под новые гонения. А в нас самих – этот лозунг только подавляет собственное национальное сознание.

В 1991 упущена была – если она ещё была? – единственная здоровая перспектива: реальное, взаимокрепкое соединение трёх славянских республик с Казахстаном – в одно федеративное государство («конфедерация» – это дым), – и никого больше в том четверном Союзе. При таком Союзе русский народ – как и украинский – не был бы расчленён. (Оставшихся в других республиках была бы физическая возможность принять переселением.) А ныне, на аморфных заседаниях СНГ руководство России не находит в себе мужества отчётливо говорить хотя бы о гарантиях проживания русского населения в тех ново-государствах, где оно, на своём исконном жительство, в одночасье оказалось «иностранцами». Между тем руководство большинства отколовшихся республик сразу усвоило резко националистическую идеологию (отчего русские сброшены в граждан второго сорта, а где, как в Узбекистане, и грубо унижаются). Напротив, руководство России всеми усилиями старается не запачкаться в какой-либо уклон к интересам русским, даже обходит старательно само слово «русские» – а всегда «россияне». Русский этнос демонстративно не взят в опору России.

Может быть, в 1992–93 сохранявшиеся тогда живые связи между республиками ещё и могли развиваться в какое-то соединение: например, во всех южных республиках ещё сильно было ощущение, что структура современной цивилизации пришла к ним именно из России. (И питанием их всех из бюджета РСФСР, и множеством квалифицированных русских сил, уложенных на индустриализацию тех республик.) Но это чувство быстро падало от наглядно слабоумного саморазрушения России, и все те республики отворачивались от неё или к Западу, или к богатому исламскому Востоку. Уже к 1994 СНГ явно не подавало никакой надежды на долголетие, на реальную жизнь, Россия неуклонно теряла там свои исходные позиции, Президент же её монотонно продолжал заявлять то о «нашем стратегическом курсе на союз СНГ», то о «благоприятных условиях для интеграции СНГ», то (1996) «может быть, и Прибалтика захочет присоединиться», – на какие скудные умы слушателей рассчитаны были такие заверения?

Что же на самом деле есть СНГ в это истекшее 6-летие?

В разных формах прямых дотаций, кредитов, или бесконечной «продажи в долг», или продажи нефти и газа по ценам втрое и впятеро ниже мировых Россия в тяжёлых объёмах взяла на себя содержание этого СНГ (да содержит и сам аппарат СНГ). Цифры тут назывались разные, но все – в немалых миллиардах долларов; один из наших промелькнувших министров финансов (Борис Фёдоров) утверждал, что Россия отдаёт СНГ 21 % нашего национального дохода. (Сравним, что вся гуманитарная помощь США другим странам – меньше 1 % американского национального дохода.) Но и через 6 лет на кишинёвской вершущечной встрече (октябрь 1997) звучали упреки, что Россия «допускает ослабление торговых связей» в СНГ; а президент Кучма уже не раз объявлял российский отказ во льготных ценах – «торговой войной». (Как в пословице: Сперва ты меня повози, а потом я на тебе поезжу.) Однако об этом следовало задуматься, когда стремглав кидались в «суверенитеты».

Вместе с тем новая Россия неоднократно, упорно возглашала свою ответственность за происходящее в СНГ, за положение на всей территории бывшего СССР («сфера влияния России») – почему? зачем? И когда, например, Грузия чудовищно отказалась допустить в исконные места обитания высланных оттуда Сталиным месхов, – их (до 50 тысяч) готовно приняли в изродные среднерусские области. Из экономических расчётов и Украина держалась при СНГ, хотя «ассоциированным членом», и Шеварднадзе, поколебавшись, вступил в СНГ. (При том, что и в Грузии, как и в Азербайджане, сильные антирусские настроения.) И не видно, где же границы этой отягчительной, если не изнурительной российской «ответственности». И защищать таджикские границы от пылающего Афганистана («братья по СНГ» обещали свои «полки» на подсобу, да мало кто и роту прислал, Казахстан – двух наблюдателей). И все закавказские «разборки» претендуем улаживать опять-таки мы, зачем-то. И армянскую границу защищать от Турции – тоже мы. Всё нам печаль по чужим печам, а своя словно яловая.

Да нашей ли всё слабеющей армии поставлять эти «миротворческие силы», нам ли тужиться на эти обширные «гарантии безопасности»? при том что СНГ – одна внешность, спектакль, и идёт к естественному распаду. Никаким благолепным заседательством и председательством за круглыми столами СНГ мы не привяжем к себе эти государства, уже отделившиеся психологически, исторически и медлящие только в расчёте на экономические выгоды от России. Перестав эти выгоды получать – националистические главы республик никогда не поступятся ни долей своей власти и ни на какое реальное объединение с Россией не пойдут. И когда Назарбаев предлагал нам (29.3.94) «Евразийский Союз» – то с громоздкой наднациональной бюрократической надстройкой, которой предстояло сковать не только все действия России, но и наши уста («единое информационное бюро»).

Возражают: а иначе (если не будем защищать тех дальних границ) – России же будет хуже: поток наркотиков, оружия, разбоя. Но что произошло в 1991-м – то произошло: нам уже предельно плохо, и надо не жмурить на это глаза, но оценивать всю глубину опасности, ещё и сегодня многим непредставимую. Уже в 1991-м Азербайджан стал членом «Исламской конференции». Почти все лидеры Средней Азии открыто ориентируются на Турцию. И – ещё какие территориальные претензии мы услышим от них через 15–30 лет?

Цеплянье за СНГ – только ослабляет нашу государственность, мешает ей оформиться. Упорная отчуждённость (едва скрываемая враждебность) украинских вождей (для той же цели ещё и блокируясь с Азербайджаном, с Грузией) закрывает и перспективу

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru треславянского объединения. Мощные влияния, которым мы поддаёмся, мешают и воссоединению с Белоруссией.

С мужеством признав все эти неудачи, надо строить не СНГ, а прочную российскую государственность, – она сама-то ещё не создалась, она сама-то – ещё под вопросом.

Единственно, в чём для нас сохраняется смысл СНГ, – как поприще наших неизбежных взаимоотношений с азиатским Востоком.

б. Растерянная Россия – и Восток

Закавказье и Средняя Азия – это и есть самый непосредственный Восток для России.

И как же обратила себя к нему российская власть после стремительного распада СССР? Да как и по отношению к Западу: с потерей собственных государственных интересов и в тумане мнимых ценностей, особо настойчиво по-прежнему разыгрывая роль заботливого «старшего брата», не видя, как это неуместно. Объявив Россию «гарантом мирного существования» этих новых государств – только укрепила извечные обвинения в российском империализме. А пожертвованных охране Таджикистана наших солдат и офицеров – год за годом убивают в смутной для нас и чуждой нам междоусобице (полтысячи их мы положили там за один 1993), и у российской власти нет разума и достоинства – убрать оттуда наши войска, там русская кровь и наши скудеющие военные силы не жалеются. (Ещё б оправдывалось, если б мы тем временем вели бы процесс вызволения из Таджикистана своих соотечественников, – но именно этого мы не делаем.) Из ложной инерции прежних оборонных представлений (их надо начисто пересматривать) мы заключаем с этими республиками оборонительные (для нас – только отяготительные) союзы. Вот с Арменией, – и как мы будем его осуществлять через недружелюбную Грузию? А в Грузии держим радарные станции, всё отказываясь осознать невозвратимость потерь и уместиться в собственных пространствах, – а за это обязываемся на ответные услуги.

Уяснить же себе когда-нибудь, что все эти новые государства – уже не «мы» и не «наши», они сознательно объявили суверенитет. И в ряду всех других государств мира они только тем отличаются для нас, что мы бессердечно и безрассудно покинули там наших своеземцев и не защищаем их прав, и не вызволяем их к себе – а вот это должен быть наш главный моральный и реальный долг.

В русском образованном слое ещё и сегодня существуют – и даже усилились в недавне – последователи евразийства: теории, что Россия органически принадлежит Азии и своё будущее должна строить в родстве и единстве с Азией. Теория эта развилась в 20-е годы XX века в русской эмиграции из отвержения западных ценностей (после российской гражданской войны у многих русских эмигрантов возросла обиды на Европу) и из желания слабого прислониться к большей силе, к чужому плечу (как «сменовеховцы», да отчасти и «евразийцы» же, искали прислониться к большевизму). Это было – упадочное желание, проявление духовной слабости. Таково оно и сегодня: упадок мужества, упадок веры в силы русского народа; у других – прикрытая форма желательного им восстановления СССР. Но это – отказ от русского культурного своеобразия, от тысячелетия за нашей спиной, – он повлечёт к утоплению рдеющего русского народа в бурно растущем мусульманском большинстве. Если нам грозит национальная гибель – то не здесь спасение. Если мы выстоим – то только на кремнистом пути нашего самостояния, всей протяжённой длительности нашей государственности, культуры и православной веры. А не выстоим – значит, рухнем.

Не так мы тьмо-многочисленны, как наши великие азиатские соседи Китай и Индия, не так усердны и изыскливы в труде, как Япония, – но все четверо мы отдельные миры, отдельные цивилизации – и не выпасть бы нам из достойного ряда. И в этом ряду – достойные же и отношения надо строить.

Тут – непростительна упорная тупость наших властей с Южными Курилами. Беспечно отдав десяток обширных русских областей Украине и Казахстану, с конца 80-х исполнявши в международной политике роль американского подслужника, – они с несравненной лжепатриотической цепкостью и гордостью отказываются вернуть Японии острова, которые никогда не принадлежали России, и до революции она никогда не претендовала на них. (Капитан Головин, начало XIX века, и адмирал Путятин, 1855, признавали именно те границы, на которых настаивает сегодня Япония. Считать обиды от японского нападения в 1904 или от японской интервенции в

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsyna@alexander.ru
Гражданскую войну? А куда посчитать обиду, что СССР напал на Японию, нарушив пятилетний договор «о нейтралитете» 1941 года?) Схватились за эти острова, будто в них всё будущее России. Для малоземельной Японии возврат этих островов – большой вопрос национальной чести, престижа, много выше смежных рыбных богатств, о которых можно и договориться. В наступающем веке, когда ни с запада, ни с юга у России что-то не рисуется друзей, но будут нас всё жёстче сжимать, – зачем отталкивать нам и это возможное добрососедство? а то и содружество?

А Китай – поразительный, по тысячелетиям, государственный организм, переживший и мощных соседей, и периоды внутренней слабости и развала. Китай – это людской океан, у него и законы развития трудней предсказуемы, чем у остальных этносов. Вот – его внезапный экономический успех (и ведь за счёт предприятий, связанных с местным самоуправлением, в котором мы гордо не нуждаемся). Предвещают, что году к 2020 он выйдет на первое место в мире по валовому продукту, уж несравненно обогнав Россию, а по населению он и сейчас превосходит её в 8 раз (а будет и в 10, и в 12), – и как мы надеемся удержать полупустынную Сибирь, ещё и брошенную нами в небрежении, незаботе, пугающей незаселённости, и особенно Дальний Восток, преступно содержимый нами как постылый и чужой? Да и войны не потребуются Китаю: польётся – как уже и льётся, дипломатически облегчённое при Горбачёве, – бесконфликтное «мирное завоевание», заселение наших пустующих территорий сотнями тысяч, даже миллионами китайцев. Только в северном Китае живёт 300 млн, а во всей Сибири нас 8 млн. Наша плотность в Сибири – 2,5 человека на квадратный километр, а в Японии – 330 человек.

Невозможно представить, что перегруженная планета будет и дальше, и дальше спокойно терпеть запущенную неосвоенность российских пространств.

Нашей правящей олигархии, утонувшей во внутренних интригах, ничтожных расчётах и жадном обогащении, – хоть когда-нибудь оторваться бы и поднять глаза на эти Божьи просторы, несказанной красоты, души и богатств, – которые по несчастному року, но лишь на отмеренный срок, достались в её вредительное владение.

Трудно прогнозировать, насколько окажется устойчивой и как долгой наша с Китаем нынешняя как бы дружба. Как потекла она сейчас – мы просто пособляем выполнить китайскую программу вооружений. Но и закупки нашего оружия им скоро не понадобятся: от 1986, в период обвального падения нашей военной промышленности, военные расходы Китая возросли на 60 %. И скоро нас отстранят как раздутую помеху.

И что не сломится дух Китая, проверенный тысячелетиями, тоже сомнения нет.

Да и это для нас – ещё не весь Восток, не вся Азия. Ещё есть – наши внутрироссийские автономии, хватило бы нам ума устроиться с ними. (Об этом – ниже.)

7. Наш парламентаризм

Осенью 1994, по инерции долгого проезда Сибирью, северными русскими областями, потом южными, и от напутствий: «Скажите, скажите в Государственной Думе» – и об этом!., и об этом! – я, приглашённый выступить в Думе, пошёл туда со всей серьёзностью, как в какую-то, правда, важную инстанцию. Представил им и очерк из истории четырёх дореволюционных Государственных Дум – чуждых им, явно не в коня корм – и даже, с надеждой, назвал их 5-й Думой. А депутаты, как это запечатлело телевидение, – кто разговаривал с соседями, кто печатал на компьютере, кто звал, кто чуть не спал. (Хотели этим выразить насмешку надо мной? – а обсмеивали самих себя.)

И три четверти часа я впустую говорил им: о гибельном вымирании народа и неотложном сбережении его; о безразличии повсюду к столичной политике – и о слабой связи центральных властей с болями страны; и о самих, самих этих болях. И тем более впустую, когда стал говорить, что нынешняя избирательная система не даёт выхода активным народным силам, но народ рассматривается политическими партиями лишь как материал для выборов, а больше ни к чему и не нужен.

О несчастно принятой у нас избирательной системе я не раз говорил и во многих по российским просторам общественных выступлениях, и в моих, грубо оборванных, беседах по центральному телевидению. О длительной предвыборной лихорадке, которая начинает трясти страну и за год до выборов, и за полтора, – и все

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru политические деятели, и думцы если и занимались какими государственными делами, то забывают их на этот срок. И что прямые выборы в дальний верх, при неразвитости всеобщего у нас правосознания, – не могут дать истинных народных представителей, лишь обманывают народ. Да ещё же: при неизбежной крупности округов избиратели не знают своих кандидатов, а при партийной системе (глубоко порочен принцип – отдавать места партиям, да ещё половину мест) даже и по имени не знают, за кого голосуют: кого им потом снизошёл партийный центральный комитет. (Хлопай ушами, сваха всё скажет) И – как коробит эта развязная манера самовывдвижения кандидата, в противоречие с русскими традициями. И это пустословие предвыборного красноречия, и лёгкость, лёгкость бескрайних обещаний (а доверчивая масса ещё сколько-то верила им..).

Такая избирательная система отталкивает от выборной борьбы людей скромных, достойных, нравственных, духовно развитых, – то есть лучший уровень в народе, тех людей – мы редко увидим в депутатах. (Как и людей высоко специализированных.) И: такая система выборов требует от искателя совсем иных качеств, нежели то государственное умение, опыт жизни, ум и ответственность, какие потребуются от уже избранных: мы изначально, роковым образом, – избираем не тех, которые истинно нужны.

А – пристрастие в составлении избирательных комиссий? а возможности разнообразных фальсификаций при отсутствии истинного общественного контроля? И весь этот избирательный спектакль ещё перекрывается – тайными деньгами, банками, – они-то и подменяют собой волю народа. (А наиновейший проект избирательного закона, 1998, распахивает и ещё шире дорогу фальсификациям.)

Да «волю народа» откровенно и не ищут, если цинично признают состоявшимися выборы при 25 % явившихся, – а что думает 75 %, нам и знать не надо.

Равнодушие народа? Но тогда – он и не готов к парламентаризму, надо искать для него более верную форму представительства.

Да членство в наших Государственных Думах награждает депутатов помимо полной неприкосновенности относительно даже уголовного кодекса ещё и многими другими статусными и материальными выгодами. О них наши думцы позаботились в первых же своих законодательных актах. (Несколько членов «Выбора России» пытались протестовать против этих повышенных льгот, но смолкли, подчиняясь общему приятию.) Разные газеты в разное время сообщали и об этих принятых законах, и о цифрах выплат депутатам. Тут – фракции не спорили. Горячие столкновения были – за квартиры: из своих полученных московских квартир не хотел уходить (и не ушёл) Верховный Совет, подобно ему и «5-я» Дума не хотела уступать квартиры «6-й»: все представители пространственного народа теперь желали навек остаться москвичами.

Всё это стыдно читать, если вспомнить, что в старой России члены Думы на своё содержание могли жить лишь очень скромно, из него оплачивали и съём петербургской квартиры (не имея права на казённую), не имели и казённого транспорта.

А так много получая из рук исполнительной власти – может ли наша законодательная становиться в весомую ей оппозицию?

А ещё же: рассудительный ход обсуждений смешивается и разрушается наличием и действиями партийных фракций: многие депутаты должны чутко помнить, что обязаны своим льготным избранием не жителям какого-то российского округа, а своим партиям, и голосовать должны не в сознании своей неотрывной включённости в судьбу тех жителей, а – по указанию своей партии (тому и словечко есть: «императивный мандат»). Да противоборствующих парламентариев, партию власти и партию оппозиции, поверх фракционных делений – объединяет и единый общий интерес: переизбраться и на следующий срок – и тем продлить свою удобную жизнь. Пребывание в одной общей большой лодке делает и все движения фракций умеренно осторожными, чтобы лодку не перепрокинуть. Трудно представить более оглядчивое «оппозиционное большинство» – в обеих наших безответственных Думах с их увилистыми председателями.

То развлекут нас скандальчиками (при дежурных клоунах), перебранками, даже и до мордобоя, балаганные заседания; то демонстративными выходами целых фракций из зала, – кому первоучина, а кому и наскучило. А гряда нерешённых законов томится, тлеет, народная жизнь – подождёт. Законоутверждение – немоющее, медленное, и

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsyna@alexander.ru законы выходят сырые, некачественные, часто сразу из первого чтения. (Зато не пропущена ни одна поездка на «межпарламентскую встречу», с их дополнительными удобствами. А иные депутаты, и в немалом числе, просто три четверти заседаний пропускают: «срок идёт», блага исправно каплют – и ладно.)

Да ведь сколько притекли из духовно окаменелого слоя! И кто из нас сам, насмотревшись и наслушавшись думских депутатов в их кулуарных интервью, не бывал поражён некоей механичностью их вида и тона голоса – от захвата политическими и личными расчётами? от внутреннего равнодушия к чувствам и бедам тех отдалённых, невидимых людей, лишь раз в четыре года требуемого электората? Раскатанные фразы без душевного чувства. Почти никогда не передаётся тебе, что депутаты живо заинтересованы теми судьбами, до которых докатятся же и последствия думской, столь непринуждённой в личных манерах, процедуры.

Народные представители...

Проникают, конечно, и сюда здоровые духом. Да спасибо, что хоть иногда распаивается вид на бездарность или преступность, раздаётся какое-то обличение власти. И Конституция же 1993 года оставляет Думе не многим больше того, как быть украшающим довеском, на обочине реальной политики. Дума и психически ущемлена орудийным разгромом своих предшественников, Верховного Совета. (Да в Конституции, удобным образом, не разработана же и система отзыва депутатов; нигде такая процедура не обсуждена, никому не известна – и с этой стороны депутатам ничто не грозит.)

Так что же, возразят: обходиться без Государственной Думы?

Вообще-то: не уродит мак – перебудем и так. Система представительства должна выражать над самым ухом власти отчётливое мнение народа, а не каких-то партий и не каких-то случайных политиков, – выразить мнение, от которого властям бы не отмахнуться. Известна и такая представительная система, которая наращивается ступенчатыми выборами, где кандидаты сохраняют реальную связь с народной жизнью. (Я писал об этом в «Обустройстве», в 1990.)

В принципе известны и однопалатные парламенты (как и трёхпалатные). Пока – есть у нас Совет Федерации. Он становится всё менее похож на Думу и выражает собой остойчивость жизни регионов. О нём – дальше.

А более всего сказалась неохватливость обеих Дум в том, чтобы создать работоспособный и соответственный реальности закон о местном самоуправлении, хотя обе (и правительство) обещали его «одним из первых вопросов» – и все инстанции измотали консультациями по быстропеременчивым проектам. Созданные за это время нежизненные законодательные выкидыши не дают свободной возможности строить такое самоуправление, да с финансовой основательной базой.

И этот промах Дум (и правительства) неслучаен: реальное народное самоуправление (истинная демократия) явит им опасную конкуренцию.

Местное самоуправление – это и есть недоразвившееся перед революцией, а после неё раздавленное большевиками (тоже из конкуренции) земство. Оно и есть – народовластие. Одно оно только и может дать народу свободное дыхание и постепенно развить навыки демократии.

Ещё бы тут возмечтать об этической Инстанции в государстве? – да разве мы до этого когда вырастем? разве мы к этому бредём?

8. Власть в себе

Можно ли назвать хотя бы одно значительное направление государственной жизни, в котором наша власть 90-х годов не понесла бы жестокого, а то и исторического поражения для России? Но это – мало волнует её, и даже как бы не замечается ею. Она вся – в себе. Она – упита собою и собою замкнута.

Сколько Указов, Указов, Указов, Законов, Законов – прогудели над нашими головами самолётными армадами. («Мы учились эти 5 лет», – на живом теле России, да.) Однако большей частью их даже и не прочли, а кто и читал – забыл и, уж конечно, никто не выполнял. Нынешней власти уже и побаиваются, уже и пригнетены ею (да по привычке всего бояться), – но кто её уважает? А власть, напротив, уверилась в своей самоустойчивости, новые же аппаратчики (аппарат в несколько раз больше

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsyna@alexander.ru (цеккистского) – что их уже не выкинут и не вытеснят, возможна только тасовка в колоде.

А самые-то неумолимые Указы – о борьбе с коррупцией и борьбе с преступностью – безнадежно завязают, ибо наша преступность и коррупция – естественное следствие безмозглых «реформ» и государственной расхлябанности. Государственный аппарат не на 90 ли процентов разъеден продажностью и корыстью? Криминальность захлестнула уже все слои власти, и до высших. Как в гниющей органике почти невозможно разделить загнившее и ещё здоровое – так и в нашем государственном организме отделить хищный бандитизм от собственно российской здоровой власти.

При стольких внешних переменах флагов, гербов, лозунгов, самая основная черта прежней, коммунистической власти – полная закрытость от народа и полная безответственность за совершаемое – присуща и нынешнему режиму никак не в меньшей мере. А что и попадет в печать – то власть проигнорирует. Все демократические ширмы использованы только для прикрытия жадной олигархии и для обмана мировой общественности.

Между Властью и Народом глубинится пропасть – а Власть не хочет увидеть её и осознать, что никакие полки и десятки тысяч охранников не поддерживают её авторитета. Нынешняя центральная Власть слепо и равнодушно пренебрегает всеми разрушительными процессами, текущими в стране, она живёт только собою и для себя. И ей мнится, что так всё будет держаться и впредь. Да, влиять на действия (или бездействия) наших властей мы при нынешнем российском режиме полностью устранили. Но и государственный уровень, как ни отъединяйся от страны, не может не испытывать на себе воздействия общего духовного состояния народа. Его надлом – разрушительно отдастся и верхушечному слою. Если «эта страна», которую, при безграничном народном терпении, так удобно править, из которой так удобно вывозить миллионы и миллиарды, если она, наконец, подломится – так и высокостоящим придётся же рухнуть? или искать заморского убежища?

Говоря «центральная власть» – какую именно отрасль мы имеем в виду? Более всего, конечно, Исполнительную. О Законодательной кое-что сказали. Но почему бы и не Судебную? – с постыдно бездействующей прокуратурой и оскудевшим судебным сословием, так и толкаемым к заработкам через взятки?

Из наших властных фигур, даже у лучших, редко-редко у кого ощутишь, что политические соображения момента не отсечены у него от общеисторического сознания: как этот сегодняшний шаг уляжется в нашу историю? не будет ли он предательством умерших или будущих поколений? и как он из глубины Истории будет выглядеть? Лишь у единиц.

И разве что у единиц – сознание, что власть – это не привилегия, не особый самолёт со свитой и охранниками, – а тяжкий долг, жертвенное, самозабвенное служение.

Ну, а наше общественное мнение, культурный круг, наши либералы и радикал-демократы, сперва так было восхищённые наступившим царством демократии и изумительными реформами, потом разочаровавшиеся и в этих реформах и властях – до бичевания их? Да ещё особо, но из их же среды, – Четвёртая Власть, со всеми её порывами то против этой постылой «федеральной армии», то с оправданием чеченских боевиков и террористов, то с проклятиями российско-белорусскому воссоединению, – они все что ж? разве не освоили своей специфичной территории в зоне власти и государственного направления?

Однако ещё же один вид власти мы до сих пор не назвали: денежную власть, а она выступает помогущественней власти прямого приказа и Указа. По мудрости нашей «приватизации» почти за бесценок и выращивания коммерческих банков за счёт государственной казны у нас выросла самая решающая из властей. На вершине её – группа ведущих банкиров, которая так и шутит: «Бросаем жребий: кому теперь идти в правительство». Об этой капиталократии не раз прямым текстом заявлял Б. Березовский: «У нас – власть капитала».

И он – на пороге того, что прав. Отныне без поддержки мощного капитала (а часто – и мафиозного, воровского) никто у нас, при нынешнем режиме, уже не доберётся до вершин власти – так что приходится пока отказаться от надежд на благоприятный для народа исход во всеобщих выборах...

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru
Всему тому поучительный пример явила знаменательная президентская избирательная кампания 1996 года. В ней грозно (ошибочно) замаячила опасность, что коммунисты вернуться в России ко власти.

Кампания развернулась с марта – и уже в апреле публично явлена была нам трусливая выступка Тринадцати банкиров. Нескрываемый страх за нажитое богатство родил у них блистательную идею: демократия – это очень хорошо, но – не надо всеобщих выборов! пусть демократы и коммунисты примирятся на каком-нибудь компромиссе, а иначе мы применим свои рычаги, мы и прессу повернём, как нам надо. Чуть позже проступила Семибанкирщина, напрямую сговорившаяся контролировать высшую власть над Россией. (Почти 50 % экономики России – уже в их руках[58], а будет и больше. По самым новейшим данным – 15 крупнейших компаний и банков контролируют 70 % экономики страны[59].)

На самом деле сей вариант с коммуно-демократическим примирением был у банкиров лишь запасной. А за кулисами, как год спустя мы узнали от говорливого Березовского, уже сжималась железно-золотая сцепка «молодого русского капитала» с молодыми звёздами олигархической бюрократии: во что бы то ни стало провести своего президента! И это им, правда не без труда, удалось. И они победно ликовали.

Ибо они лишены исторического чувства, в ошеломлении от своего неожиданного сверхбогатства надменно уверенные быть вершителями России отныне и во веки веков. И бесплодно было бы теперь воззвать к их – да их, да таких! – совести...

Но ещё никто земной не умел предсказывать все неожиданные ходы Истории.

Весь 1995 год напряжённо отделялись, изукрашивались по высшей царской мерке кремлёвские апартаменты – не для того же, чтобы вскоре попасть под превратности демократического переизбрания? Надо же было беспечно плыть до этого рубежа, чтобы тут броситься в проверенные стандарты американского избирательства, показа кандидата – и каждая тут черта в его изламываньях обещала нам мудрый государственный смысл. И притом пойманный выкрад полумиллиона наличных долларов (!) не был сочтён прокуратурой ни даже малейшим проступком. (А сколько таких выкрадов прошло без перехвата?) И, в отличие от Штатов, все телевизионные каналы как один многочасно славил лишь одного излюбленного кандидата. Достигла Россия вершин свободы! И, в отличие же от отставших западных демократий, слышали мы успокоения отчески монаршим тоном, что уже есть на примете и наследник (республиканский?) 2000 года, и даже не один: они, наследники, уже «бурно растут» (9.6.96). И ещё на поддержку съехались (17.5.96) все президенты СНГ для трёхкратного лобызания с привычным, удобным коллегой. И сама вся Большая Семёрка дружно поддержала наиприемлемого для себя руководителя России. И даже предсмертное состояние его, перед вторым туром, было успешно скрыто от избирателей, для надёжности.

Кажется, своим распоясанным поведением и распорядительством эта правящая группа в короткие годы сделала всё, чтобы склонить миллионы людей востосковать об утраченном коммунизме. (Вздохи об утерянном «коммунистическом счастье» возникают или у тех, кого прямо не коснулись многомиллионные свирепые уничтожения большевицких десятилетий, или у тех, кто никогда не осмыслил своей тогдашней обокраденной, жалко покорной жизни.) Но не у меньших миллионов действовал и устоявшийся страх перед тучей возврата коммунистов. И тем парализован был всякий возможный содержательный смысл тех выборов. Весь выбор стёкся: коммунисты или не коммунисты? (За единственный разумный выход, в чём я был уверен и предлагал тогда, – против обоих, чтобы выборы, согласно правилам, отложились бы, кандидаты или бы сменились, или вынуждены были проаргументировать свою политику, прошлую и будущую, – так проголосовало лишь 5 %.)

А по мне: в ту избирательную кампанию уже так явно была видна неуверенность Зюганова, боязнь победить у коммунистической верхушки: они всё менее представляли себе, как же теперь вытаскивать из болота это выпавшее звено Мирового Интернационала. Да они не могли ещё отделаться от шока, как провалились со своей «отменой Беловежских соглашений» – в грохоте по СНГ и по планете. И дальше, при всех порой дерзких заявлениях коммунистов, – уверенно продолжалось их втягивание в компромисс с олигархической властью, в скрытые переговоры, сделки, всё громыхание их кончилось ничем. Были звонки бубны за горами, а к нам докатились лукошками. Оппозиция самоизничтожалась.

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru
И эта внутренняя проигранность коммунистов – наша-таки понимание и поощрение. Президент уже раньше несколькими Указами двигался к «согласию и примирению». (И – ещё как ждалось бы Примирение! – но не с благоденствующими вождями оппозиции, а с тьмой нищих и обобранных по всей стране.) И вершина Примирения достиглась в день 80-летия большевицкого переворота. В юбилейном обращении Президента даже не были вспомнены тюрьмы ЧК-ГПУ и лагеря ГУЛага, – но нашлось место «понять и простить тех, кто совершил роковую историческую ошибку», промахнулся на теле России с Великой Доктриной. То есть и за белых, кто три года доблестно защищал Россию от красного оголтения, – теперь тоже великодушно всё простили.

Так, к юбилею, две ветви советчины – успевшие в новую власть и завязшие в оппозиции – закономерно снова смыкались. Прочная петля на нашу шею.

Однако, вступая во второй президентский срок, не пора ли было, для лишней опоры, обзавестись и Национальной Идеей? О том был тотчас издан Указ (6.7.96), а к нам всем – благоувещательное обращение: думайте, сочиняйте Национальную Идею!

И нашлись старатели-копатели такую Идею сочинять. Только – зря. Уже бесповоротно стало ясно, что эта власть не изберёт национальной идеей – Сбережение Народа.

* * *

Тогда как в странах Восточной Европы установились открыто национальные правительства (и никто их за это не корит); тогда как власти республик СНГ, да и всех автономий в России, напряжённо заняты сохранением своего коренного народа (и повсюду считают это естественным), – у всего комплекса нынешних центральных российских властей – отсохло, отвалилось, да не произрастало никогда, внимание к существенным нуждам русского народа. (Одним патриотическим названием загородной резиденции или очередного ордена – ничего не изменишь.) Чего за душой нет – того к коже не пришьёшь. Наши центральные властные круги – и уже не в первую, ох, не в первую смену – к собственно русским проблемам нацело равнодушны, если ещё не льют кровь русской юности, как в Чечне, или не попускают затемнять юные души.

А меньше всего заботятся – о 25 миллионах земляков, впопыхах к независимости отмежёванных от нас.

Отмежёванные

9. Чужеземцы в 24 часа

«Русский, езжай своя Россия!», «Убирайтесь, пока всех не перережем!», «Пошли вон с нашей земли, проклятые!». А в Средней Азии выставляли и такой лозунг: «Оставайтесь тут, нам нужны рабы!» Оскорбляли на улицах, в трамваях, в самых людных местах, приставали к женщинам. От русских из азиатских республик я получал об этом письма ещё в Вермонте, потом много больше в России.

Живя на своих привычных местах, где провели они всю жизнь, а то и отцы-деды их, – проснувшись в своих домах, внезапно узнали, что они живут – за границей, нежеланные, теснимые и даже ненавистные чужеземцы. Как можно освоиться с таким? переработать в сердце, в груди, в голове? Советская «дружба народов», о которой столько мы слышали од и баллад, – вмиг оскалилась с враждебностью, подавляющей, но, значит, никогда и не затихавшей. (И глубже в историю: значит, и за столетия совместной жизни мы не расположили к себе эти восточные народы. А – возможно ли такое вообще? Много ли мы видим иных примеров по земному шару? Хорошее – принимается как должное и легко забывается; плохое – питает жар национальных обид.)

Кто были эти наши соотечественники, осевшие на окраинах? Из ссыльных, из эвакуированных или из посланных – лучшие работники, инициативные, сметливые, профессиональные, с повышенной долей специалистов среди них. Это они принесли на окраину науку и высокую культуру, это они развили там всю технику, индустриализацию. (В Таджикистане, по официальным советским данным, после революции «поднялось производство в 210 раз»! – уж каким бы методом ни считано, а: из ничего создали всё.) Или множество сосланных «раскулаченных» и их потомки – никак не худшие труженики, неленивые, работающие, непьющие. (Вспоминаю республиканскую онкологическую больницу в Ташкенте, где я лежал: ведь вся она держалась только русскими переселенцами да ссыльными.) И теперь поднималась волна выживания прочь, отъёма квартир, земельных участков. И смеются над ними, что Россия бросила их беззащитными. Сплошь выталкивают с должностей высокооплачиваемых на оплачиваемые низко. Даже в столичном Ташкенте на русском кладбище ломают ограды могил, портят или расхищают надгробия. Резко оттеснили

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsyna@alexander.ru русскую молодёжь от институтов. Русские школы ограничивают или вовсе закрывают. Русский язык как язык обучения – во всех государствах СНГ вытесняется, историю преподают в трактовке «титულიной» нации. А годы, вот, утекают – уже протекло таких 7 лет, немного до полной школьной жизни ученика. И таких российских школьников в СНГ – миллионы.

И ещё же (немало таких случаев знаю): «чужеземцам» прекращают платить пенсию, заработанную в едином СССР, но в другой республике: «Вам дали её в другом государстве, там и получайте!» (Если же здесь получал, то отъезжающему не дают справки о пенсии.) И компенсацию реабилитированным, бывшим зэкам, ссыльным: «Осуждён был не в нашей республике? Там и получай!»

Слёзы – звенят даже в письмах. За что им так досталось (и с такой внезапной крутостью)? Родина отказалась от них – за что? Они всё ещё, всё ещё надеются на покровительство России... Тщетно.

Одни, обескураженные, отначала остались терпеть до конца. Покинутые, униженные – смиряются с уделом учить детей на чужом языке. В других вспыхнул естественный порыв: уехать в Россию! Бросались к российским новопосаженным послам и консулам – встречали у них непроницаемое безразличие. Получить российское гражданство? – длиннейшая волокита, так что легче рискнуть и поехать в Россию без гражданства. Тогда действовать самим? Продать квартиру? (Они враз подешевели.) В иных республиках им запретили продавать. Тогда обменять большую на меньшую, чтобы бросить даром меньшую? Запретили и менять. Власти препятствовали и заказывать контейнеры для домашнего имущества. Потом – запрещали вывозить мебель: это – достояние Республики! «Понятия „личное имущество“ не существует» (ответ в Туркмении).

И ещё же, добавить: в иных республиках, как Азербайджане, Киргизии, Казахстане, Таджикистане, вспыхивали «горячие точки» – междоусобная резня, насилия, пожары, эти огненные вихри сами выталкивали уезжать.

А где – и не «горячие»? В республиках Закавказья и Средней Азии – русским не стало, нет места, и не будет! И уехать – самый естественный выход. Да статистика показывает, что отъезд русских из Закавказья начался и тэк уже с 60-х годов, уже к концу 80-х уехала пятая часть, это процесс исторически неумолимый. (Я в Грузии ещё в 1937 слышал горькие жалобы русских на притеснения от грузин и невозможность сыскать справедливость. И в Казахстане видел сходное: добиться правды через суд над казахом – исключено.) Со второй половины 70-х годов начался отток русских и из Средней Азии. С 90-х годов потоки отчаянных возросли до сотен тысяч. Из Таджикистана, так упорно (и бессмысленно) защищаемого нашими пограничниками, из русских ещё не бежали только пожилые да бедные, но до них у нас вниманье не доходит. Нам там – не жить, и если б это поняли российские власти – может быть, облегчились бы ещё миллионы судеб.

Самодовольные наши правители, когда с лёгкостью подписывали мгновенный распад страны, безо всяких договоров и условий, – разве задумались, что значит резать по живому телу? Ни в одном российском заявлении после Беловежа память и забота об этих брошенных не прозвучала, а уж тем более не была объявлена со стороны России открытая возможность всем отторгнутым, любому-каждому, в любой изъятый момент свободно получить российское гражданство. (Да хотя б оценили, что возврат отторгнутых на родину – при нашем миллионном вымирании – массивный жизненный государственный интерес. Ведь пополнили бы наш реддеющий народ!) Российские власти, занятые своими расчётами, интригами и провалами, за 7 лет не нашли в себе твёрдости или смелости сделать решительное движение в защиту соотечественников, брошенных в СНГ. Да ведь упаси Бог расстроить гармонию Содружества! У восточных правителей робко попросили «двойного гражданства» для этих заземлённых; но, кроме Туркмении, нам везде отказали.

Знает ли мировая история такое массовое предательство своих сынов Родину, как одномгновенно мы бросили за границами России одну шестую часть русского народа, и безо всякой нашей защиты и попечения? Сравнить можно только с тем, как СССР предал свыше 5 миллионов своих военнопленных в германскую войну, – в этом (да только ли в этом!) «демократическая» Россия верна советской традиции.

Но о ком здесь идёт речь? вызволять кого – долг России? Юридическая сторона сильно запутана «советским гражданством»: одно оно и было у всех ныне живущих, но мгновенно лопнуло у двухсот миллионов. (Об этом-то и должны были озабоченно

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsyna@alexander.ru подумать составители Беловежского соглашения!) Сказать, что надо вызволять российских граждан? – но таких не было до 1991. Значит: всякого, принадлежащего к одной из нынешних российских национальностей, не имеющего этнически-своего государства в СНГ и желающего жить именно в России. От веку выбрала Россия непростую стезю быть страной многонациональной – и ни от кого своих она отказываться не может.

Хотя бы, используя направленность нынешнего мирового общественного мнения, громко и постоянно требовать защиты прав каждого нашего там отмежёванного? Да где там. Безвольно отдавши миллионы этих людей, российские правители не имеют ни способности, ни охоты защищать их. Да и в международном мнении есть тоже свой разбор: кого где модно защищать, а кого где нет; отрезанных русских – слегка защитили только в Прибалтике, и надолго ли? 22.3.97, после встречи с Клинтоном, наш Президент обмолвился и так: «Не будем ссылаться, что в Прибалтике притесняют русских» (в Риге в 1998 уж зашло за край, слишком явно). Хотя бы, как нынешняя Германия зорко печётся о немцах в России – помощью их инициативам, организацией, деньгами, делегациями к ним? И мы бы так? Нет, конечно, нет.

* * *

Однако из Казахстана, где казахов, со всеми переселенческими усилиями Назарбаева, всего 40 %, а русских до 7 миллионов и ещё же множество украинцев, 2/3 миллиона немцев, поляки, – уезжать стыдно, это немощная капитуляция. Не большинству же бежать от меньшинства. Вся республика воздвигнута русскими, раскулаченными, ссыльными и зэками. («Русскими» зовут там всех не-казахов и не-среднеазиатцев. Там же и остатки четырёх казачьих войск – Уральского, Оренбургского, Сибирского и Семиреченского – с 400-летней традицией.)

После объявления Казахстаном независимости отношение к русским сразу резко ухудшилось. В поспешной конституции объявили многонациональный Казахстан «государством самоопределяющегося казахского народа», казахский язык – единственным государственным и официальным, и закон: что «противодействующие реализации государственного языка» подлежат лишению гражданства: не хочешь говорить по-казахски – хоть убирайся прочь, хоть пропади на месте. (Потом – допустили русский язык «для деловых общений».) Ускорилось вытеснение русских со служебных постов. Успешно преграждают выдвижение русских депутатов от русскоязычных районов, а всё же избранных – кого вытесняют потом. Требования русскоязычного населения вести в русских школах русский язык, литературу и историю по российским программам обрываются, объявляются «экстремизмом, нарушающим суверенитет Казахстана». Допуск русского языка в вузы резко ограничен, почти всюду – обязательные экзамены на казахском языке. Прекращается трансляция одного за другим российских телеканалов; ещё интенсивнее сокращается внутриказахстанское и областное телевидение на русском языке. Русская печать лишается материальной базы, угасает, резко сокращается. Искусственно прерывается подписка на российские издания. За новостями, за русскими газетами – ездят в Омск. И кому надо послать важное письмо в Россию – казахстанской почты (и цензуры) избегают, просят с окаянностью опустить в Россию. На севере Казахстана, в самых наирусских областях, – было несколько случаев сожжения православных храмов, нападение на епископа – бушевали отряды казахских националистов («Азат», «Алаш»). По всему Казахстану города и селения с исконно русскими названиями сплошь переименовывались по-казахски. Назарбаев подытожил: «в Казахстане русского вопроса нет», возбуждение его, дескать, – подобно тревоге о судетских немцах в 30-е годы (24.11.93). А чем он «обеспокоен»? – «русским империализмом» (январь 94-го, Давос). (Несмотря на грубые нарушения процедуры выборов в Верховный и местные советы, отмеченные многими иностранными наблюдателями, в мае 1993 отчёт Вашингтонского Белого дома гласил: права человека в Казахстане – соблюдаются. А вскоре после разгона Верховного Совета один американский наблюдатель даже назвал Назарбаева «учителем демократии». Не видят?.. Нет, видят, как им выгодно.)

Но при таком многочислии, как у русских в Казахстане, – многие народы сумели бы себя отстоять. Вот тут-то проступает болезненная русская слабость – неспособность к самоорганизации. Мы там, увы, не народ, а разрозненные лица, не имеющие живоспособных этнических организаций и лидеров. Только казаки, так жестоко разгромленные в советское время, нашли в себе силы к сопротивлению – но их отчаянные попытки казахские власти давят, избирательно по самым смелым, – взломами квартир, избиениями, наручниками, вымариванием в тюрьме, сроками по ложным обвинениям. Всякие самозащитные действия подпадают под «разжигание национальной розни». (Пожилую русскую женщину-адвоката тащили волоком по земле

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsyna@alexander.ru из дома до машины, на арест.)

И – темно будущее этих наших миллионов в столь демократичном восточном ханстве. Грядущее перерождение нескольких миллионов русских людей? переплав одного этноса в другой, даже расы в расу? – это шрам на столетие и более.

Стотысячные потоки беженцев из Казахстана начинают и опадать (1994 – 304 тыс., 1995 – 191 тыс., 1996 – ещё ниже): у людей подрывается вера в родину и что они кому-то здесь нужны.

И всё – при полном безучастии властей российских.

* * *

Но добавлю горчайшее. Сколько ни ездил я по областям России, встречался со множеством людей – никто ни в личных беседах, ни на общественных встречах, где высказывались самые многосотенные жалобы на современную нашу жизнь, – никто, никто, нигде не вспомнил и не заговорил: а каково нашим тем, отмежёванным, брошенным, покинутым? (Разве только попадались сами беженцы, тогда – они и говорили. На ставропольской встрече беженка из Грузии: «В любой момент ударят за то, что говоришь по-русски. Выталкивают из людей».)

За чужой щекой зуб не болит.

Горько, горько – но кого упрекнёшь? Так расколот до основания быт, так перевёрнута вся жизнь, людям только-только что устоять на ногах самим.

Мы потеряли чувство единого народа.

10. Беженцы

Только через полгода после развала СССР российские власти очнулись, что надо же заняться этими беспокойными соотечественниками, зачем-то бегущими к нам из новых государств. Медлительно была учреждена Федеральная Миграционная Служба (ФМС), и, не очень спешно, стала формироваться сеть её отделений по российским областям. Скучный бюджет ФМС иные годы выполнялся лишь процентов на 15. Жалки были пособия беженцам и несоразмерно малы ссуды, на какие не обосноваться. Иногда даже у родственников не давали им прописки, местами требовали за прописку многомиллионный взнос. (Нередко беженцы оставляли своих стариков на чужбине, боясь их брать, – и правда же...)

Приехавшие в слепой поиск, сверхнапряжённые всеми нервами и силами, пытались строить новую жизнь. До 40 % приезжающих – с высшим образованием, но на горькой Родине – и своих профессионалов стал избыток. Иные готовы ехать в село, осваиваться там. Приезжали инициативными, сплочёнными группами, хотели устроить компактное поселение или достроить колхозный недострой – тут же, не дав опериться, их обкладывали налогами: «Подавляйте в себе иждивенческие настроения!» Провинциальная администрация обманывала их или вымогала взятки. «Не нравится? – уезжайте назад, вы нам не нужны». Переселенческие группы отчаиваются, разваливаются. Переселенцы рады и подвалам, и помещеньям без отопления, и вагонкам в чистом поле; наконец завели для части из них – «центры временного размещения».

Почему де Голль мог быстро выхватить до миллиона французов из потерянного Алжира? Почему разрушенная войной Германия могла принять несколько миллионов немцев из теряемых земель – из Пруссии, Померании, Силезии, Судет? А наше государственное руководство считает массовый возврат русских беженцев бедствием для России: при общем хозяйственном развале – где найти им работу? где жильё?

Впрочем, и правда же: властям, у которых и вся страна сыплется из рук, запущена до омертвения, – какой промотанной казной и какую долей внимания заняться беженцами? Только и хватило Президенту сил заявить (1994): «Российское правительство благодарит страны СНГ за то, что они дали приют нашим соотечественникам...»

А что ж – российская пресса? а что ж «демократическая общественность»? А она – и знать не хочет этих брошенных. Пресса – не ходит на митинги беженцев: это – не эффектный материал. А когда и напечатает какой о беженцах, он остаётся без ответа – и у власти, и у общества.

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsyna@alexander.ru
То-то ведь и самое страшное: беженцы в своих многочисленных бедствиях встречают не только бесчувствие властей, но – равнодушие или даже неприязнь, враждебность от местного русского населения. «Ещё их проверить надо, небось они богатые», «Что приехали? нам самим жрать нечего!». В Чудове отключили к зиме отопление в беженских бараках. Пишут и о случаях поджога беженских домов.

И это – самый грозный признак падения нашего народа. Нет уже у нас единящего народного чувства, нет благожелательства принять наших братьев, помочь им. Судьба отверженных беженцев – грозное предсказание нашей собственной общерусской судьбы.

Разговаривать с беженцами и читать их письма – разрывается сердце. Они устали просить о помощи. – «Мы в России никому не нужны». Там, в чужеземьи, у гонимых, у них особенно обострилось русское сознание и русская боль – потянулись утолить её здесь, а тут она поругана. – «Для нас у властей нет средств, а на увеселения не жалеют». В 93–94-м годах создан и существовал «Союз русских беженцев», но от русских – не дождался поддержки. Ослаб и рухнул.

Но, но! Как говорит наш Президент (7.11.97): «приходит время, когда повседневная жизнь граждан становится главной задачей государства».

«Приходит», приходит – да никак не придёт. После 12 лет всех «перестроек» и перебуровок, мы уже наглядно и телесно это ощущаем.

Описанные тут подробности с годами изменятся, но из нашей позорной истории они уже не уйдут. Эта скорбная беженская эпопея – ляжет тёмной полосой на российские 90-е годы XX века. Без неё нет понимания ни современной России, ни современного русского народа.

11. Мигранты

Закон о беженцах так и не различил: воистину российских вынужденных переселенцев – и полноправных граждан новообразованных государств СНГ, которые по каким-то причинам тоже предпочитают переселиться в Россию. Это вызвало последствия в сотнях тысяч случаев.

Уже с 1992 власти наложили запрет на расселение беженцев-переселенцев в Москве, Петрограде, Ростовской области, Ставропольском и Краснодарском краях. Этот запрет не устоял, однако, перед большими, а то и бешеными деньгами приезжающих кавказцев, закавказцев, среднеазиатов: они легко взламывали запрет, покупали участки, дома, заводили свою коммерцию. Для русских беженцев – не было жилья и работы, для «братьев с Кавказа» – всё открыто. Одних азербайджанцев, непрерывно мигрирующих в Россию, уже к 1989 было до 300 тыс., а к 1996 – более двух с половиной миллионов (с широким разливом по России). (Переселение имело такую предысторию. По сравнению переписей 1979 и 1989 за тот период в РСФСР численность киргизов увеличилась на 178 %, азербайджанцев – на 124, таджиков – на 114, узбеков – на 76, туркмен – на 73[60].) Сотнями тысяч переехали на Северный Кавказ (особенно в Краснодарский край) и армяне из суверенной Армении. И ещё то характерно, что приехавшие концентрируются не на производствах, а – на коммерции, обслуживании.

Каково здесь должно быть государственное решение? Дело не в этнической, а в государственной принадлежности. Есть армяне в Нахичевани-на-Дону и рядом, есть в Армавире, в Ставропольи, поселившиеся там ещё с екатерининских времён или с XIX века, – они законно чувствуют себя коренными гражданами России. Тут нас перебьют, опередят: «А если армянин или азербайджанец всё равно хочет переехать в Россию? права человека! интернационализм!» Однако страны СНГ объявили себя именно национальными государствами, в этом самоизъявлении есть своя ответственность, и она раскладывается на каждого члена той суверенной нации: твоя страна, а вне её ты – иностранец. Из объявления своих независимостей надо же делать и выводы. (А попробуйте с такой лёгкостью втечь в Соединённые Штаты? – сразу вас выставят; иностранец так просто не поселится.) И Россия, особенно в её нынешнем трагическом и скудном состоянии, не может принимать без ограничений и стеснений всех желающих ехать к нам из Зарубежья, «ближнего» или «дальнего». Выходцы из новопровозглашённых государств СНГ могут рассматриваться в России лишь как иностранцы – и, стало быть, с ограниченным статусом и в гражданской и в экономической деятельности.

Людям в угоду – да и самим же не в воду.

Типичный конфликт я встретил в Ставропольском крае. Изнемогающая от этого интернационального наплыва (и растущего против него напряжения) краевая дума в начале 1994 постановила: «Избыточное давление неуправляемого механического прироста населения от лиц, прибывающих в край из бывших республик СССР, часто – для криминальной экономической деятельности, приводит к ущемлению интересов коренного населения края в обеспечении жильём, коммунальным, транспортным, медицинским обслуживанием и природными ресурсами. Российским же законодательством до сих пор не предусмотрен порядок въезда и пребывания иностранных [из СНГ] граждан и лиц без гражданства». И краевая дума постановила ввести визовый режим, квотирование въезда этих иностранцев, а для принятых установить семилетний ценз оседлости прежде удовлетворения их претензий на земельные участки и долю в приватизации.

Разумнейший оборонительный закон. Но: Главное Правовое Управление при российском Президенте (в документах нечувственно и разительно сокращаемое в ГПУ) наложило вето на этот краевой закон: «нарушаются права мигрантов», оскорбляется наша интернациональная честь. Российские беженцы из стран СНГ и иноземные теперь для нас искатели – все удобно легли в одно определение: «мигранты», в единый закон.

В Таджикистане гражданская война – бегут в Россию таджики. Армения и Азербайджан схватились из-за Карабаха – и армяне, и азербайджанцы, и «еразы» (ереванские азербайджанцы) хлынули на русское раздолье. И сколько с деньгами, и каждая этническая группа сплочена в себе.

К этому следует добавить, что министр-угодник иностранных дел Козырев поспешил в 1992 – из той же интернациональной чести? – подписать международную конвенцию о правах беженцев, – после чего Россия лишилась права высылать со своей территории любых африканских и азиатских мигрантов, которые (их уже до полумиллиона), ища пути в Европу и за взятку в наших посольствах, сумели приземлиться на любом российском аэродроме либо перешагнуть нашу границу. Теперь, по Женевской конвенции, Россия стала для них «страной первого убежища», мы обязаны их расселять, содержать: другие, желанные ими, страны уже их не примут. В одной лишь Московской области к 1997 скопилось 400 тысяч мигрантов из разных стран.

От массовой чужеродной иммиграции страдает и весь Запад, это – черта века.

12. Славянская трагедия

Я убеждённый противник «панславизма»: это всегда был для России замах не по силам. Никогда я не одобрял нашего попечения о судьбе славян западных (жестокая ошибка Александра I с присоединением Польши, да и у Чехии далёкий от нас путь) или южных, где за нашу опеку и жертвы мы получали либо неблагодарность, как в Болгарии, либо вступали в необязательную для нас, но губительную войну, как из-за Сербии.

Однако не могу отнестись без пронзающей горечи к искусственному разрыву славянства восточного. Вмиг разрезаны миллионы и миллионы семейных, родственных и дружеских связей. Разруб этот произведен беспечным, небрежным махом нашей ново-демократической власти. Но – и по обречённой пассивности нынешнего русского народа; и его 12-миллионной части, живущей на Украине, и вдвое большего числа тех на Украине, кто своим родным языком в последнюю перепись (1989) заявил – русский. Легко дали себя убедить, что от разделения с Россией им станет сытней («колбасней»).

От самых первых шагов создания украинского государства там раздувалась – для укрепления политических рядов – мнимая военная угроза от России. Когда начала формироваться украинская армия – от офицеров при принятии присяги требовали заявить особую готовность воевать именно против России. Угроза войны так жаждалась ими (для укрепления слишком ещё разбродного «украинского сознания»), что достаточно было России заявить лишь о намерении продавать нефть не по дешёвке, а по мировым ценам, – с Украины грозно откликнулись: «Это – война!!» (Кучма, 1993: «Никакая экономика не выдержит, если нефть покупать по мировым ценам».)

И во все 1992–98 годы не было ни одного раунда русско-украинских переговоров, в который украинская сторона не взяла бы верх, далеко уйдя от кравчуковских беловежских «прозрачных границ», «неразрывности русско-украинского союза» – до постоянной упорной украинской оппозиции против России и на арене СНГ, и на

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsyna@alexander.ru мировой. Российская сторона неизменно, шаг за шагом, всё далее отступала, только отступала. Постоянно (и поныне) уступала экономически, пытаясь подкупить непримиримость украинской стороны. И жертвовала, голова за головой, командующими Черноморским флотом – непреклонными адмиралами Касотоновым, Балтиным. После очередного уступчивого соглашения мы услышали (9.6.95): «Я поздравляю Украину, Россию и весь мир!» Украину – конечно, и весь мир – несомненно, но – с чем была поздравлена Россия?.. Украина уже так явно вытесняет нас с Чёрного моря! И новейший вид «неформальных встреч» (вид дипломатии, отодвигающий нас в феодализм) ещё дальше усугубил уступки России.

Со многими украинскими националистами я сидел в лагере в 50-е годы и понимал так, что мы с ними в искреннем союзе против коммунизма (слова «москаля» мы от них не слышали тогда). В 70-е годы в Канаде и в Соединённых Штатах, где велик массив украинской эмиграции, я наивно допытывался у них: а почему они нисколько не выступают против коммунизма, ничего не делают против него, – но так остро высказываются против России? Наивно, потому что лишь годы спустя узнал, что пресловутый американский закон 86–90 «о порабощённых нациях» был искажённо сформулирован против русских и подложен американскому Конгрессу именно украинскими националистами (конгрессмен Л. Добрянский).

По мере того как украинские националисты разворачивали свою идеологию, в ней брали верх самые дикие крайности трактовок и призывов. Мы узнали, что украинская нация – это «сверхнация», она настолько уходит в тысячелетние глубины веков, что украинцем был не только Владимир Святой, но даже, по видимости, и Гомер, – и в подобном духе комично переделываются школьные учебники на Украине, ибо украинский национализм, при столь явном меньшинстве этих националистов, напорно возводится в идеологию всей Украины. «Украина для украинцев» – это уж самое несомненное (хотя на Украине живут десятки народов), но и: «Киевская Русь – до Урала!» Русские отлучаются и от славянства как «монголо-финский гибрид». Созданный теперь в Одессе Институт национальной геополитики носит имя (Юрий Липа) автора книги «Раздел России», ещё в 1941 предложившего программу: «Россию можно сокрушить только в союзе Украины с Кавказом и Закавказьем». В духе этого в 1992 украинскими националистами открыто праздновался во Львове юбилей гитлеровской дивизии СС «Галиция» (и это не вызвало упреков, возмущения от Соединённых Штатов). На их конференции, 1990: «Мы исповедуем культ силы, сила – это всё!» Для того Украинская Национальная Ассамблея (УНА) имеет свои штурмовые отряды (УНСО) и лозунг: «УНА – до влады [к власти], УНСО – до штурму!» На Конгрессе 1994: «Поддерживать региональный сепаратизм в России для развала её!» [61]

И такая антирусская позиция Украины – это как раз то, что и нужно Соединённым Штатам. Украинские власти, и при Кравчуке, и при Кучме, подыгрывают услужливо американской цели ослабить Россию. Так и дошло быстро – до «особых отношений Украины с НАТО» и до учений американского флота в Чёрном море, 1997. Поневоле вспомнишь бессмертный план Парвуса 1915 года: использовать украинский сепаратизм для успешного развала России.

Раздробление наше, так радующее нынешний политический мир, болезненно и затяжно скажется на всех трёх славянских народах. А сегодняшняя тактическая теплота к Украине с дальнего-дальнего Запада не окажется долговечной, но лишь – до минования надобности.

Увы, националисты с Западной Украины, веками оторванные от остальной Украины, пользуясь переполохом 1991 года и неуверенностью украинских лидеров, стыдливо спешивших отмыться от коммунизма примыканием к накалённому «антимоскальству», – сумели начертать и вменить всей Украине ложный исторический путь: не просто независимость, не естественное развитие государства и культуры в своём натуральном этническом объёме, – но удержать побольше, побольше территорий и населения и выглядеть «великой державой», едва ли не крупнейшей в Европе. И новая Украина, денонсировав всё советское законодательное наследие, только этот один дар – фальшиво измысленные ленинские границы – приняла! (Когда Хмельницкий присоединял Украину к России, Украина составляла лишь одну пятую часть сегодняшней территории.)

В самостоятельном развитии – дай Бог Украине всяческого успеха. Отяжелительная ошибка её – именно в этом непомерном расширении на земли, которые никогда до Ленина Украиной не были: две донецкие области, вся южная полоса Новороссии (Мелитополь – Херсон – Одесса) и Крым. (Принятие хрущёвского подарка – по

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru меньшей мере недобросовестно, присвоение Севастополя вопреки, не говоря, русским жертвам, но и советским юридическим документам, – государственное воровство.) Стратегическая ошибка в выборе государственной задачи будет постоянной помехой здоровому развитию Украины, эта изначальная психологическая ошибка – непременно и вредоносно скажется: и в неорганичной соединённости западных областей с восточными, и в двоении (теперь уже и троении) религиозных ветвей, и в упругой силе подавляемого русского языка, который доселе считали родным 63 % населения. Сколько неэффективных, бесполезных усилий надо потратить на преодоление этих трещин. По пословице: Нахвтанное – ребром выпрет.

А чтобы поднять украинскую культуру до уровня международной – сколько ещё десятилетий понадобится. Так поднять, чтоб украинские учёные не нуждались писать свои работы по-русски, если рассчитывают на иностранные переводы.

Именно потому, что я испытываю к Украине самое родственное чувство, люблю её, – я так же не желаю ей «державного» развития, как не желаю и России. (На ту же неподъёмность культурных задач напорется и «державный» Казахстан.)

Уже сейчас украинские власти выбрали путь усиленного притеснения русского языка. Ему не только отказали стать вторым официальным государственным, но его энергично вытесняют из радиовещания, телевидения, из печати. В десятки раз удорожают подписные цены на российские издания. Идут чередой должностные увольнения за невладенье украинским. В вузах от вступительного экзамена до дипломного проекта – всё только по-украински, а коли терминологии не хватает – выкручивайся. Из школьных учебных программ русский язык – где исключают нацело, где сводят до «иностранного», до факультативного; полностью исключили историю Российского государства, а из программы по литературе – едва ли не всю русскую классику. Звучат такие обвинения, как «лингвистическая российская агрессия» и «русифицированные украинцы – пятая колонна». Так – начинается не с методического подъёма украинской культуры, а с подавления русской. Дошло до попыток языкового самобегства: перевести украинский язык на латинский шрифт, насмешка надо всей украинской историей.

И упорно теснят Украинскую Православную Церковь, ту, что осталась верна Московской Патриархии, с её 70 % украинских православных.

В сегодняшней Украине нельзя и голоса поднять за её федеративное устройство, с такой безоглядной щедростью принятое в России: сразу выступает призрак автономного Крыма, автономного Донбасса. (О русинах Закарпатья, с их стойкими русскими корнями, мы уже и думать забыли.) Если бы не кровавая затея чеченской войны – Москва в годы острых крымских кризисов, может быть (может быть?..), имела бы мужество и вес поддержать законные требования крымчан (их – 80 % голосовало за независимость полуострова), но от Чечни – онемела и предала надежды Крыма. (УНСО ответила крымчанам: «Крым будет украинским или безлюдным!» Между тем активисты-националисты с энтузиазмом ехали воевать на чеченской стороне, теперь готовят памятник Дудаеву и даже, при жизни, Басаеву.)

Сколько русские с негодованием и ужасом пережили эту безвольную, никак не оспоренную, ни малейше опротестованную, по дряблости нашей тогдашней дипломатии, в 24 часа отдачу Крыма – и предательство его при каждом потом крымском конфликте. И беспрекословную, без малейших политических шагов, отдачу Севастополя, алмаза русской военной доблести. Злодейство это совершено нашей же выборной властью – однако и мы же, граждане, не воспротивились вовремя. И теперь на долгое обозримое время ближайшим поколениям с этим придётся примириться.

Нет, не будем подражать украинским националистам ни в истерических угрозах, ни в ненависти. Не надо никак отвечать на их накалённую «антимоскальскую» пропаганду. Надо переждать её как вид душевного заболевания. Не надо с нашей стороны делать пустых угрожающих заявлений – это горячая пища для них. Их отрезвит сам ход времени, сам многоёмкий, своенравный исторический процесс. И никакие их проклятия не отвратят наших сердец от святого Киева, источника и самих великороссов, – Киева, где и сегодня неистребимо звучит русская речь, и не замолкнет. Будем сохранять тёплое чувство единого треславянского народа: «А вы, украинцы, как и белорусы, – всё равно наши братья!» И надо широкодушно предложить Украине интенсивный «культурный обмен». (Националисты отшатнутся? Тем и покажут, что русский язык и русская культура – их Державе опаснее всяких ракет.)

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsyna@alexander.ru
Лучше терпеливо посоревнуемся, какая из разорванных славянских стран даст благополучную жизнь своему народу. А перед каждой стелется долгий, невылазно тяжёлый и пока не проблескивающий путь.

Между тем – годы текут. Для молодых людей каждый год – эпоха. Что делать молодым русским на Украине? Из России – поддержки никакой, и не будет. Видно, покориться? и менять язык, менять национальность? Вот о них сердце болит. (А простые русские семьи на Украине справедливо рады: хоть не нашим детям воевать в Чечне.)

* * *

Замаячившее воссоединение Белоруссии с Россией – стало бы счастливым продолжением исторической восточнославянской традиции. Но ощутимые международные силы будут резко мешать этому – и государственным, и пропагандным давлением, и денежными потоками. И российская пресса, как по единой команде, до непристойности набросилась на первую завязь русско-белорусского союза. Сколько мы слышали о подавлении прав в Белоруссии – и ни звука о таких же на Украине, о много худших в Казахстане, – а на самих бы себя оглянуться: неужели миллионы российских граждан имеют реальные права?! Что ж вы о них не воскликнете?

А кроме того (уж исключая все личные схватки за посты), воссоединению будет препятствовать и принятое сейчас в России федеративное устройство: оно весьма усложняет создание федерации второго этажа.

Сживлять – это не разрубивать.

13. В Чечне

Не многие в нашей стране помнят, а большинство и не знало никогда, что чечены в гражданскую войну поддержали большевиков, с резнёю казаков. В награду им и в кару казакам уже в начале 20-х годов Держинский производил насильственные высылки казаков из Сунженского округа и со среднего течения Терека (правый берег), и селения эти становились чеченскими. (Правда, вскоре, с укреплением советских порядков, чечены и восставали.) В 1929 передали Чечне и Грозный, населённый почти сплошь русскими и до этого года входивший в Северо-Кавказский край. Но в 1942, с приближением гитлеровских войск, в поддержку их, у чеченов-ингушей было восстание – и это-то определило их дальнейшую высылку Сталиным. В 1957 Хрущёв подарил возвращённой Чечне казачье левобережье Терека. А много русских продолжало жить и в степной части правого берега. (По переписи 1989, в Чечне жило 0,7 млн чеченов и 0,5 млн не-чеченов.)

Погромы, грабёж и убийства не-чеченского населения начались в Чечне уже с весны 1991 (и не встретили противодействия Москвы). Тем более чеченские лидеры и активные боевики не упустили использовать государственные развал осенью 1991. Дудаев захватил власть и объявил ту независимость Чечни, которой чечены всегда настороженно жаждали. Ни к чему не готовое, лишённое исторического мышления российское руководство тут же импульсивно объявило в Чечне военное положение, но, через два-три дня сняв его по своему бессилию, только выставило себя в смешном виде. И уже тут первая загадка дальнейшего трёхлетнего бездействия: российское военное командование уступило самопровозглашённой Чечне обильное вооружение всех родов, включая авиацию.

С чеченами я был в казахстанской ссылке в 50-х годах. Там хорошо узнал и их непреклонный, горячий характер, их непримиримость к гнёту и высокую боевую искусность и самодеятельность. От первых дней чеченского конфликта (1991) было ясно, что для разбереженной, неустоявшейся России с раздёрганными политическими, общественными и национальными течениями военное столкновение с Чечнёй принесло бы огромные трудности, но, ещё более: мне казался бесперспективным политический замысел усмирить Чечню. Я видел разумный выход в том, чтобы незамедлительно признать независимость Чечни, отсечь её от российского тела, дать ей испытать существование независимой страны, но так же незамедлительно отделить прочным военно-пограничным кордоном, разумеется, оставив левобережье Терека за Россией. (Уже и в XIX так было, и ещё ярче показано теперь: для чеченов грабительские набеги и захват заложников, рабов и скотных стад – это как бы их форма производства, при низком уровне собственного хозяйства.) И положить же усилия принимать из Чечни желающих русских, а изрядную сотню тысяч чеченов-мигрантов, рассеянных по России в криминальной коммерции, объявить иностранцами и потребовать либо доказательства пользы их деятельности для России, либо немедленного отъезда. (Такой план я предложил в июне 1992 Президенту Ельцину при

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru телефонном нашем разговоре Вашингтон – Вермонт, но беспоследственно. Тот же план я потом не раз предлагал в российской прессе и по телевидению – и тоже бесполезно.)

Между тем потянулся трёхлетний период полного российского бездействия относительно отколовшейся Чечни. Какие-то могучие тайные интересы каких-то высоких сфер в Москве продиктовали поведение «как если б ничего не произошло». Всё такой же обильный поток тюменской нефти отправлялся на грозненский нефтеперерабатывающий завод, не принося России даже сравнительно стоимости этой нефти, разница кому-то доставалась, где-то делилась. Так же продолжались государственные дотации Чечне и все другие экономические и транспортные связи с ней.

А в самой Чечне разыгрывался необузданный террор против нечеченского населения, да главным образом – русских. Чечены произвольно оскорбляли, унижали русских, грабили, отнимали имущество, квартиры, земельные участки, убивали, выбрасывали с этажей из окон, насиловали, похищали женщин, и мужчин, и детей из детских садики, – многие так и исчезли бесследно. «Русские! вон из Чечни!» Раздались из Чечни русские вопли, русские приезжали с жалобами, стучаться в российские инстанции – но все три года те оставались безучастны. Ни административной, ни судебной защиты не было никому. И о судьбе этого полумиллиона не-чеченов – молчала вся российская пресса, столь теперь свободная, молчала все три года! И российское телевидение не показывало нам никаких раздирающих сцен и трупов – три года. И три же года благодумствовали самые знатные российские «правозащитники», выявляя хладнокровие нашего образованного общества. (За все три года мне известно лишь одно сообщение из Чечни в московской газете: что за первые полгода режима Дудаева в Чечне подвергся насилию каждый третий житель [62] – разумеется, не-чечен.) Это и была, как теперь говорят, этническая чистка, но из Боснии она стала заметна всему миру, а из Чечни – никому. Ни ООН, ни ОБСЕ, ни Совету Европы.

И как необъяснимо было до декабря 1994 безучастие высших властей российского государства – так же ничем не был объяснён, обоснован внезапный поворот: начать против Чечни войну.

Дальше наперебой соревновались – за счёт гибели тысяч и тысяч жизней – генеральская бездарность в ведении военных операций и политическая бездарность российского государственного руководства. (Если только к бездарности можно отнести вспышку триллионных финансирования восстановительных работ в Чечне прямо на театре военных действий и в самом ходе их.) Были инсценированы и всенародные выборы промосковской администрации в Чечне, до такой степени открыто подложные, что даже притерпевшимся за советское время носам это разило. (Позже, когда проиграли войну, – всю эту «народную власть» тихо свернули, даже не оговорясь.)

Перечень преступных шагов российских властей в эту войну – неохватен. (И все – оплачены невинными жертвами.) Но выдающимся и необъяснённым шагом было: после басаевского террористического налёта на Будённовск в июне 1995 – не только отпустить саму банду, но и – немедленно за тем добровольно отдать чеченцам почти всю территорию, какую за полгода у них завоевали, – и опять начинать от исходной черты.

Во всю эту грязную кампанию не только российское руководство, но и немало голосов в России оправдывали продолжение войны необходимостью «сохранить единство России», а «иначе отпадёт весь Кавказ», а «иначе развалится вся Россия». Рассуждение импульсивное и без огляда на всю особость конфликта. Одновременно же с чеченской войной наша власть десятками других то действий, то бездействий разваливала Россию куда непоправимей. Да сдавши и Чёрное море, и Крым – разве удержать было Чечню?..

Отпуск Чечни был бы оздоровляющим отъёмом больного члена – и укреплением России. А цепь вот этих позорных военных неудач, обративших Россию в ничто под презрение всего мира, – вот это и был вернейший путь к развалу всей России.

Да ещё: сумели бы мы без генерала Лебеда вытянуться из этой войны? Полное впечатление было, что не осталось в России ни государственной воли, ни государственных умов – а так бы месили бойню ещё год, и месили ещё два. Лебеда погнали туда, чтоб он провалился в этой невыполнимой операции, – а он решил подписать капитуляцию в войне, не им затеянной и не им проигранной. (Те и

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsyna@alexander.ru виновны – во всём, а он виновен, что в поспешности перемирия – или в надежде на великодушие своего чеченского партнёра? поверил – притворился, что верит? – в гарантии разоружения чеченских боевиков, обусловленного выводом наших войск, и не вытребовал тысячу наших пленных из их ям и рабских цепей на ногах – тем наложив на Россию ещё один несмыаемый позор.)

И ещё же достойный армейский финал: чтоб удовлетворить гордость победившего (и уходящего от нас) народа – указанием Президента мы выбросили из Грозного две наши постоянно расквартированные там бригады, да посреди зимы! одну бригаду – в открытую морозную метельную степь, своих солдат не жалко. (Та бригада – и развалилась к весне.)

Теперь спешили с уважением пожать руки тем, кто недавно грозил Москве ядерной расправой, «превратить Москву в зону бедствия», и террором по всем железным дорогам России, которая «не должна существовать», ибо «весь русский народ – как животные».

И – как же пережили эту войну русские населенцы Чечни? Более всего сгущённые в Грозном, они не имели, в отличие от многих чеченов, ни транспорта, ни денег, чтобы отсюда вовремя бежать. Из обращения русской общины Грозного весной 1995: «С одной стороны в русских стреляли и убивали дудаевские боевики, а с другой – стреляла и бомбила русская армия. В Грозном нет ни одной улицы, переулка, парка, сквера и квартала, где бы не было русских могил», – но газеты российские писали и телевидение показывало только потери чеченов. (О, справедливо звучали демократические голоса: «Как можно губить человеческие жизни ради сохранности Конституции?» – только странно, что этих аргументов мы не слышали от них ни 4 октября 1993, ни при русских гибелях в Чечне.)

А после капитуляции о туземных русских полностью забыла и российская власть, и наша общественность, – и оставшиеся в Чечне тысяч сорок русских обречены на домирание и геноцид. Пишут в отчаянии: «Россия нас забыла. Помогите выехать! Кого не уничтожили войной, так теперь убивают целыми семьями и вывозят убитых неизвестно куда. Пенсий не платят: "идёт на восстановление города"». И стараемся мы уши заткнуть, что в Чечне, с которой мы подписываем благожелательный мир, – и по сегодня держат русских рабов, продают и покупают их, – и не чеченская же власть в это вмешается.

Но и это ещё не всё: те тысяч двести-триста русских, которым удалось из Чечни бежать, обобранными и нищими, и они пробавлялись жалкой помощью от российской миграционной службы, – теперь, по окончании войны, увиделись российским властям – избыточной обузой. С начала 1997 им прекратили платить пособия, лишили права находиться в «пунктах временного размещения» беженцев – и предложили отправляться назад, в свою Чечню.

Тем завершается – нет, ещё и тут не завершается – вся широкая картина, как нынешняя Россия отказалась от миллионов своих отечественных пасынков.

И после конца военных действий всё поведение наших властей относительно Чечни поражало своей слепотой, несоответствием обстановке и даже пошлостью. То – одночасовым пребыванием на грозненском аэродроме. То – замышлением разграничительного договора с Чечнёй с небывалою широтой их прав, да даже «пусть будет у них суверенитет», – так из-за чего же вы два года кровь лили? – «зато сохранится общее у нас с ними экономическое пространство» – то есть продолжится коммерческо-криминальное чеченское паразитирование на российском теле? Да даже, после кремлёвской душевной встречи: «Чечня может стать нашим стратегическим союзником»... – вот находка! В 24 часа вышвырнули из «российской» автономии российское «представительство» (посольство?) – наша власть только утёрлась: в отношениях с Чечнёй она перешла все пределы унижения.

А Чечня что ж? Она откровенно ищет союза с Турцией, с мусульманским миром, с кем угодно, только не с Россией, – и лишь помедливает, ожидая от нас миллиардно-долларовых вливаний.

Чечня – вполне открыто, принципиально и последовательно отрывается от России, но теперь и с подаренным придатком казачьих терских земель. И нам границу теперь не по Тереку ставить, а вкапывать в плоской ставропольской степи: пожертвовали наши власти и целостью, и спокойствием Ставропольского края. И чеченский разбой, без труда, еженощно пересекает эту условную неохраняемую границу, грабит

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsyna@alexander.ru приграничных жителей, угоняет скот, – так что казаки взвыли об оружии, хотя сами, уже без властей, обороняться, как и дагестанцы же рядом, – от своих кавказских чеченских братьев, несущих и им огонь и взрывы.

А российским властям остаётся что-то беспомощно мямлить. (Убеждённым же «демократам» – благоразумно теперь помалкивать. Как и мировым дипломатическим службам – лишь тихо выкупать своих заложников.)

Презренное завершение преступной войны.

14. И – ещё, ещё отмежёванные
ДЕРЕВНЯ – Не менее заброшена, отмежёвана от Новой России.

Была сталинская Коллективизация. Результаты известны: деревню перебуровили, обезлюднили на 15 лучших миллионов, погрузили в аморфное состояние. Всё же как-то кряжистый наш народ переставал, даже и в гибельную советско-германскую войну. Тогда – не дадим забыть – напустили на деревню хрущёвское «укрупнение колхозов»: сводили по 10 колхозов в один – тем окончательно обезличили труд, расцвело разгильдяйство (ещё добавили уничтожение медоносных лугов под хилую кукурузу). – Потом, не упустим, наслади брежневскую ликвидацию «неперспективных деревень»; пустили в запущенный обшаренный уголок Средней России (наверстаем в Казахстане хрущёвской целиной) и разорили жизнь ещё сотен тысяч укоренённого крестьянства.

Потом – не могли не пошириться и на деревню наши блудоумные реформы. Подготовлен был исторический анализ вопроса? искали талантливый решения? привлечено народное мнение, обсуждение? Да – ни-ни. В пылом раскиде бросили несколько скороспешных лозунгов – не обдуманных, не поддержанных материально, а дальше, за пиковыми достижениями банкостроительства, расхватом промышленных гигантов и яркоцветным изобилием импортной пищи, – вершители наших судеб уже не поворачивали голов к селу.

Одним из поспешливых и подражательных лозунгов (ещё горбачёвской эпохи) кинуто было: мгновенное создание фермерства! Привычные подхватчики тотчас раскатили кампанию фермеризации: столько-то фермеров на область, на район, такой-то процент, – и стали выпекать в суматохе. Всё горькое это мучительство уже многократно, подробно описано в печати, не стану повторяться: и государственное ростовщичество в 213 % годовых, административные обманы, и взятки местному начальству, и выворачивающая волокита, и некупаемый труд – и массовое разорение опрометчивых смельчаков.

А Указ за Указом нахлёстывали кнутом, как привыкли за 70 лет. И первейший был – ещё на пороге, 27.12. 91: немедленно начать продажу земель с аукционов. Слава Богу, по нашей инертности на том Указ и захлебнулся.

Затем последовала директива ново-демократической власти (1992): срочно, в несколько недель, до весеннего сева, – приватизировать колхозы-совхозы, передать в собственность труженикам. Сказано – сделано: на дверях директоров и председателей сменили таблички на «глава акционерного общества», «председатель товарищества», согнали лишней раз колхозников, объявили: отныне вы – уважаемые собственники, каждому приходится по столько-то гектаров земли (не указанной, не названной, неизвестно где какая чья). И – ничего не изменилось, кроме как для самих аграрных баронов: они себе отмежевали изрядные участки самой лучшей земли и инвентарь по нетронутым ценам 1985 года, да ещё и освободились даже от прежней ответственности перед райкомами. (И западный мир аплодировал быстроте российской приватизации.)

Но – валилась, валилась наша деревня ещё в следующий упадок. Удушающая петля тысячно вскочивших цен сделала бессмысленным производство молока (выливай на землю), мяса да и зерна: больше потратишься на горячее и за бесценку отдашь переработчикам, организованной оптовой скупки нет. И первое всеобщее движение пошло: забой крупного рогатого скота. С 1991 поголовье его упало вдвое, катастрофически, этого не восстановить и за следующее десятилетие. И если даже в свирепой коллективизации мы потеряли 16,2 млн голов, то от «реформ» 1992-96 годов – 19,6 млн [63] и непрерывно сокращаются посевные площади, поля зарастают сорняками, бороться нет средств, от техники остались отрепья, в полях ежегодно остаются неубранные хлеба и овощи. Забрасываются и забрасываются всё новые земельные пространства, тысячи гектаров пашенной земли (вспомним, что они ещё и захимичены, и затрамбованы тяжёлыми тракторами): нет и семян, нет рук – да и

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsyna@alexander.ru зачем засеивать? стало бессмысленно. Уж тем более – никакой государственной поддержки бесценному русскому льну. Зарастают и лесные покосы. А восстанавливать потом – всегда дольше, чем разрушать.

И что же «акционеры»–колхозники? Сколько раз советское государство обманывало крестьян? – несчётно; сколько раз выполняло обещанное? – ни разу. В обезлюдевшей деревне всё меньше настоящей рабочей силы, а ещё меньше трудолюбия: зачем работать? Если продукты села никому не нужны, остаётся один смысл жизни: запить. «Акционерные товарищества» держатся в дремлющем состоянии: не работать в силу, но и получать огрызки. Живут люди от своих участков и от подворованного колхозного, растаскивают где что удастся, и в прежней неразгибной зависимости от колхозных князьков: смотри подсобит топкой, комбикормами. Как объясняет знаток современной деревни Б. Екимов: «Приросли к колхозу, оборви – кровь пойдёт».

А ведь дело не в форме земельной собственности, но в том, сколько средств (и ума!) вкладывается в землю. Переходить к мелкой собственности – надо прежде менять и профиль всего сельскохозяйственного машиностроения и обеспечить прокат-аренду техники. В Голландии и сегодня много сельскохозяйственных кооперативов – а дореволюционная Россия изобиловала кооперативами всех видов, до ссудосберегательных, масляных же мелкие кооперативы Сибири кормили всю Европу сливочным маслом высшего класса. (Большевики исказили: кооперативы – в колхозы, земство – в советы; погубили и то и другое.) Да укрупнённое землевладение с повышенной технологией всегда и рентабельней. (Вообще в дореволюционной России было свободное соревнование разных видов производства и собственности: государственной, кооперативной, земской, крупной частной и мелкой частной.)

Теперь закрываются в деревнях общественные здания, магазины, клубы, один телефонный аппарат не на всякую деревню. Закрываются и медицинские пункты, и школы. И детские голоса не во всякой деревне услышишь.

Так живёт четверть населения нашей страны. Ныне нашему обществу внушается, что отечественное крестьянство вообще не нужно стране. Но с гибнущей деревней – необратимо перерождается и весь русский народ.

СУДЬБА ЗЕМЛИ – Однако странно: чем меньше мы нуждаемся в земледельческом сословии, чем равнодушнее правящая в стране олигархия и её общественно-газетные идеологи к судьбе деревни, к остаткам крестьянства и к самим урожаям, – тем настоятельней и даже до ярости требуют закона о свободной продаже земель! Загадка? Никакой. Вся столичная шумиха с неограниченной свободой продажи земли – совсем не имеет в виду сельскохозяйственное производство, но только удобный вклад в земельную собственность нагребленных капиталов. Уже руки задрожали – захватывать латифундии.

Да с каким торопливым захлёмом требовали немедленных, немедленных аукционов, а для чего та земля потом будет использоваться – никого не касается, не троньте прав владельца! (А – кто на той земле живёт? А те – пусть как хотят барахтаются. Уже готовятся отмежевать их и от земли.)

В тот раз всё ж надоумили их: да ведь земля вся разная, надо сперва земельный кадастр составить, на это уйдёт по стране 10–12 лет. На что последовал находчивый президентский Указ: составить кадастр в месячный срок! Впрочем, тут же и забыт, как и прочие Указы.

Бог хранит: до сих пор не издали заклятого закона. (Да чёрный–то рынок земельный поспешествует, «теневая» продажа земли идёт, особенно близ городов крупных. А в некоторых автономиях готовится и такое извращение: право на земельные участки предоставить только титульной нации.)

А ведь раньше, чем так страстно обсуждать продажу сельскохозяйственной земли, – задуматься бы: а откуда она у государства взялась? ведь она вся ворованная – отобранная у крестьянства. Так раньше гомона о продаже поискать бы пути, как вернуть землю крестьянам: и колхозникам–совхозникам, ограбленным в коллективизацию; и не менее того, а даже раньше – потомкам раскулаченных. Такие обнаруживаются во многих местах и просят вернуть им участок именно своего деда–прадеда. («Докажи бумагами изъятие!» – как будто раскулачники выдавали справки. Но местные жители помнят.) И это – справедливо, всё вместе это было бы – реабилитацией крестьянства.

А если мы этого не сделаем – то мы государство разбойников.

Начать бы с того, чтобы широко послушать мнения агрономов, мелиораторов, самих крестьян. Я в своих поездках по России, сколько мог, собирал такие мнения – и они стройно складываются. И не противоречат формулировке дореволюционной 4-й Государственной Думы: «Частное владение на правах постоянного наследственного пользования». Но не аукционом «кто дороже» должна распределяться земля, а конкурсом на лучшее использование её. Для сохранения здоровья и богатства России – земля при смене собственника должна использоваться по тому же сельскохозяйственному назначению, с не меньшей эффективностью и разумностью. И ещё сколько времени и работы, чтобы создать такой механизм – через систему же местных земельных банков.

Возможна продажа в пожизненное наследственное владение, возможна аренда, формы землепользования зависят ещё и от местности. Но во всех случаях – зоркий местный контроль: эффективно ли ведётся хозяйство и экологично ли? Если нарушается природоохранность или года два-три хозяйство ведётся брѳово – владение участком прерывается, возвращаются деньги за покупку и вложенные с тех пор средства. Вся сумма земельного налога (с доплатами за качество почвы и расположение участка) через местную власть должна использоваться только для местных целей. Почва – тоже не вечная терпелица, не разменный товар: её кому-то постоянно восстанавливать.

А леса, озѳера и болота – собственность государства и вообще не могут быть продаваемы. (Но леса-то, леса! в эти годы уже и распродают...)

Да земледелец – разве только выработчик продовольствия? Он живѳет в повседневной отзывчивой связи с природой и её ритмом. И разумная организация земледельческого труда углубляет эту связь. Должен же кто-то в народе жить в созвук и сочувствии с ней. Общность земледельца с землѳей – с её родниками, ручьями, малыми реками, перелесками и рощами – основа народной духовности. Земля – чистый, верный источник любви к родине. И – устойчивости государства. Корневая, душевная связь народа с землѳей – это не «товар» биржевой, она дорога нам, как сама Родина и сама душа. И эта самая дорогая, корневая наша связь – под угрозой полного уничтожения.

СУДЬБА СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

О школах я писал и говорил много, повторять ли тут? Заброшенность их, особенно сельских. Глубокая нищета самих школ, нищета учителей. Миллионы подростков отсеиваются без права на полное среднее образование. Круговерчение безответственных программных проектов, учебников и самих методов, по сути, разрушающих стройную систему знаний. В 1997 вздулась волна крупной школьной реформы? – выродилась в юридическо-финансовый гибрид: как бы сделать, чтобы школы содержали себя больше сами, а из государственного бюджета – ну, какие остатки будут.

Дети наши – они-то отмежѳованы не бесповоротней ли всего?..

15. Армия, разгромленная без войны

И об этом – сколько уже сказано, написано, напечатано. То и дело достигают нас ужасающие сигналы: то взрываются и взрываются худо охраняемые склады боеприпасов, не случайно же. То – беспричинные убийства, расстрелы караульных солдат своими же товарищами, нечто невиданное в мировой армейской истории.

Началась подточка армии, конечно, раньше – от общего тления коммунистического режима. По мере того как круг офицерских забот обращался на преодоление скудеющих жизненных условий своих семей, множество офицеров отвело глаза от того, что делалось в их частях с рядовым составом. А там – уже на десятилетия отдалилось то ощущение боевой взаимовыручки, которое более всего роднит солдат, – общее же в стране эгоистическое ужесточение нравов проникло сюда в форме уголовно-блатного сознания, породившего унижительную дедовщину, растаптывающую достоинство человека. И такая бессмысленная война, как афганская, не могла прочистить этот опасно замутнѳенный всеармейский дух. А высшие круги власти не снисходили волноваться или даже задумываться о разъѳедающих армейских болезнях: их сынки не попадали в эту переделку, военная же сила страны, казалось, всё

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsyna@alexander.ru
менее зависела от состояния армии, а лишь от ядерного оружия.

Но вот наступили месяцы и годы интернациональных восторгов нашей общественности: ура! не осталось врагов на Земле! уже никто никогда не нападёт на нас, да даже и не притеснит! А уж Соединённые Штаты и никогда никого пальцем не тронули (ни даже ради нефти).

И тут же сверкающая мысль: а зачем нам вообще теперь армия? – эта тупая сила, на которую может опереться реакция? Раскатилась необузданная кампания в прессе, что армия и всё в армии отвратительны. С особой страстью и убедительностью кинулись писать об этой тяжеловесной, двухмиллионной (тогда) армии, невыносимом грузе на нашей свободной жизни.

От 1985 к 1995 годовое число призывников, уклонившихся от военной службы, возросло в 10 раз. Военкоматы начали охоту на призывников: задерживали их на улицах, вытаскивали из квартир. («А схваченный призывник – какой солдат?») Не хватало по разнарядке – слали в армию со сдвинутой психикой, с мозговыми болезнями. (И удивляться ли стрельбе по своим?)

Беседовать с призывниками, в моих путях, досталось и мне; я поражён был: какие ещё мальчишки, дети, их и призывать стали с 18 лет, а они ещё и хрупче своего возраста, недокормленные, недоросшие. И все они чувствуют себя влиплими: кто из сверстников нашёл лазейку, за кого деньги заступились, кто уже и бизнес крутит, кто в студенты унырнул – а они, вот, попались. (Один офицер сказал: «Армия у нас – опять рабоче-крестьянская, из интеллигенции нету». Другой вспомнил старое время: позорно считалось среди молодёжи, что забракован по болезни, а теперь – счастье.) Появляются в газетах снимки призывников – на них видно физическое вырождение нации.

Ещё бы не понять матерей: любое государство, призывающее в армию юношей, берёт на себя естественное обязательство содержать их там как сынов отечества, а не как уголовных преступников и не как рабов. Любое – но не позднесоветское и не наше нынешнее. Сквозь высокие заботы высочайших лиц государства не продирается материнский крик, что отдаваемым юношам первая угроза – не на поле боя, а в казарме; что, может быть, отдадут своих сыновей на издевательства, побои, на крайние унижения вплоть до изнасилования, на самоубийственное отчаяние. Это отчаяние леденит кровь миллионам – но только не нашим властвующим.

И при таком состоянии армии – с какой совестью и с каким государственным смыслом можно было не только утепляться в Чечню, но ещё и брать, брать на Россию обязательства посылать контингенты – туда, сюда, ещё куда-то, выдувая престиж «Великой Державы»?

По встречам в воинских частях узнавал я: нет обученного сержантского состава; не хватает лейтенантов (молодые офицеры валом уходят из армии); из десяти офицеров – девять не имеют квартир. Дальше – больше: зарплаты не платят – офицеры подрабатывают грузчиками. А кто отчаивается до самоубийства. (Тут что ни абзац – на главу.)

В воинских частях нет бензина для боевых учений; и полигоны не на что арендовать, негде окопы вырыть; запчастей не дают, и часы боевой подготовки уходят на ремонт техники. Какая устрашающая, уничтожительная боенеготовность! И какое задрёманное спокойствие высших властей. Кажется, об армии вспоминают только для бесплатного строительного труда да когда надо найти близкие и верные части для подавления волнений? (Нет, для подавлений – есть войска внутренние, и с техникой усиленной.)

От офицеров слышал: «Теперь военный – изгой». – «Поносят нас и журналисты, и в парламенте». – «А мы служим, как совесть нас удерживает. Только обидно за оплётанную армию». – «Телевидение и радио работают против армии». (Наше телевидение! Вспоминаю престарую пословицу: Из лука – не мы, из пищали – не мы, а попеть-поплясать – лучше нас не сыскать.) «Испытываем чувство национального унижения». – «Что ж держит нас? Присягу давали». – «Нет, просто по инерции служим». – Солдат: «Да за кого служить? Всем жить хочется!»

Реформа, реформа армии! – нужна, и притом коренная, – ещё бы!! Но как бессмысленно мы уж который год бряцаем словом «реформа» в экономике, так же бряцаем разногласием и о реформе армейской. (Хотя Президент и обнадёживает нас,

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsyna@alexander.ru что отныне он военную реформу, как и ещё многое другое, многое другое, берёт под свой личный контроль.) Недавно весьма пристальный (а ныне, конечно, уволенный) генерал Андрей Николаев напечатал разбор[64], в котором убедительно показал, что и все наши высшие власти, спеша повторять слова «военная реформа» (которая поселе не начата, кроме косметической суеты), скорей, участвуют в показухе, – без «ясного понимания смысла, главной цели и конечного результата военной реформы»; не берутся прежде всех деталей отчётливо понять общую задачу: для какой именно военной ситуации России нужна теперь армия? Лишь тогда решить, из чего же должна состояться военная реформа? Генерал настаивает различать: вообще «оборонительную доктрину» (она не исключает возможности и применить наступление) – и исключительно оборону, и только её. И делает правильный вывод, что после стольких лет активной сдачи нами всех и всюду в мире позиций, когда Россия уже доведена до объекта всеобщих в мире насмешек, – увы, нам приходится избрать второй путь как наше уже последнее средство.

Да и всякая же военная реформа должна быть начата с финансовой поддержки – а где она, если у нас уже не стало финансов содержать армию даже в её нынешнем бездейственном развале? Содержание одного контрактника обходится армейскому бюджету дороже, чем четыре призывника. А если армию сокращать, то тем более она нуждается в образованном составе, для обслуживания высокой техники.

Те, кто ещё мыслят держать, содержать такое государство, как Россия, – потеряли разум, если думают содержать его не кормя, не строя, не подняв в достоинстве Армию. Известно: «Народ, который не хочет кормить свою армию, будет кормить чужую».

И чем обширнее страна, и чем многочисленнее народ – тем больше нуждается он в крепкой армии и в самоотверженных генералах, не утонувших в благостях быта.

* * *

А ещё же от первых восторгов Перестройки: зачем нам теперь этот заклятый Военно-промышленный комплекс? Ни рубля ему больше! и пусть он со своими НИИ, конструкторскими замыслами, недопеченными и допеченными изделиями – расхлёбывается в изготовлении кастрюль и конных грабель (самолётный завод) как хочет. Так и сделало правительство. Да даже и для такой конверсии – денег не оказалось.

И начался быстрый распад научных групп, утрата технических и технологических направлений и массовая утечка умов из оборонной промышленности (кто – и за границу). Да бишь добавьте ещё «приватизацию» с участием иностранцев. Лишь четыре года спустя (2.10.95) узнали мы неожиданный Указ Президента: оказывается, «порядок продажи акций государственного стратегического [!] характера был смутен, неясен» (советник Президента: «продажа приобрела лавинообразный характер»), – и только теперь будут вводиться ограничения. Так где же вы были раньше, господа правители? Схватилась мачеха по пасынку, когда лёд прошёл.

Соответственно и Стратегические Ядерные Силы стали получать лишь малую долю своего бюджета, и ныне есть основательная надежда, что через несколько лет они доржавеют и перестанут существовать.

16. Чем нам оставлено дышать?

В России к концу 90-х годов установилось призрачно-показное существование. Как будто – у нас республика со свободными выборами. Как будто – «свободная пресса». Как будто все усилия правительства направлены к поднятию производства. Как будто власти 7-й год напряжённо борются с коррупцией государственного аппарата и с разгулом преступности – но только: многоизвестные коррупционеры остаются на местах, а убийцы почти никогда не найдены. При зверском цинизме уголовных банд цена человеческой жизни упала до ноля. Уголовный мир – торжествует в России от самого начала великих реформ. Они пришли и к деньгам, и подчинили себе общественную идеологию. Неспособность правоохраны стала настолько всем очевидна, что многие потерпевшие и не обращаются за защитой: бесполезно. Какое уж «правовое государство»? – насмешка одна.

Как будто пограничные войска охраняют границы – но их офицеры, отказавшиеся от взяток контрабандистов, и даже целые пограничные отряды взлетают во взрывах – и, разумеется, никто из убийц никогда не найден. Как будто в стране существует Армия, способная защищать Родину, – но она не способна даже к чёткой караульной службе в мирное время.

И – многое в стране, многое так: скрытая сокрушённая действительность, а объяснения к ней – риторны да приторны.

Население огромной страны переводят на первобытное натуральное хозяйствование, от своих огородов. Обширные области России – весь Крайний Север, Камчатка, Дальний Восток и в разброс по Сибири – оставлены без государственной заботы, зимой без топлива, хоть разбегайтесь, хоть переходите в другое царство.

Едва-едва достаивает кое-где наша высшая наука, но гибнут её совершеннейшие установки: нет средств даже на их поддержание. Крупные учёные объявляют голодовки, директора НИИ кончают с собой от отчаяния, да нет! самоубийство тут – общегосударственное: наша обезумевшая власть закалывает насмерть будущее России. Талантливая учёная молодёжь уезжает за границу, разрушая преемственность научных школ. Студенты – и вовсе голодают. – Вся культура? библиотеки? музеи? – перечень наших провалов тут только начат.

Вся больничная медицина сверху донизу истощена в медикаментном и аппаратном запасе, она всё недоступней для пациентов без больших денег и самих врачей заталкивает в последний измот. Чернобыльские «ликвидаторы», самоотверженно отдавшие здоровье на исправление государственного недомыслия, став ненужными, теперь могут умирать и без пособия. Ещё недоступнее по деньгам становится для людей право похорониться – в гробу, да даже и без гроба.

А что не показное – это демографическое крушение, даже просто зловещее вымирание, и не всех российских народов, а преимущественно славянских. Как показывает статистика последних лет, именно этнические русские вымирают – и с каким темпом? Начиная с 1993 перевес смертности русских над рождаемостью достигает миллиона в год. Годовая убыль – как если бы в России бушевала гражданская война. Такое падение населения не происходило нигде в мире после Второй Мировой войны. И по всем данным, оно будет происходить и впредь, в обозримые десятилетия: не видно причин, почему бы ему измениться. (Ещё приток русских беженцев несколько прикрывает убыль.) И разве наших речистых политиков – это вымирание волнует? Кто из них пытался его остановить? создать устойчивые условия бытия, в которых народ мог бы сохраняться?

Падение рождаемости у русских – также не виданное в мире. Весь XIX век и начало XX приходилось 7,5 рождений на одну русскую женщину (было немало семей с 12–14 детьми); за одно поколение население увеличивалось в полтора раза. А сегодня русские семьи большей частью однодетны, а рождения на одну женщину дошли до 1,8–1,4, тогда как 2,15 – роковая грань воспроизведения, ниже неё – вымирание. Приводят расчёты, что к середине XXI века доля русских в Федерации составит уже меньше половины[65].

Всё чаще рождаются дети физически недоразвитые или умственно отсталые. Официально признанный (заниженный) уровень: у нас 20 умерших младенцев на 1000 родившихся (в развитых странах 8–12). У горожан – больше проявляется падение рождаемости, у сельских – больше вымирание. Продолжительность жизни мужчины (правда, она падает ещё с 70-х годов) достигла 57 лет. (Как в Индии, Индонезии, частью в Африке, а кое-где в Африке выше нашего.) Женщин стало на 9 миллионов больше, чем мужчин, – и этот разрыв будет расти. А мужская смертность – от чего только не приваливает. И от спаивания недоброкачественным спиртом (мудрость правительства); и от частых аварий на всё ветшающем производстве (успех реформ, нищета государства): производство само по себе становится жизнеопасным; и от жизненной тоски, неспособности прокормить семью, от потери веры в себя (десятки тысяч самоубийств в год).

По словам врачей, новопоступающие больные приходят с формами болезней всё более тяжёлыми, и болеют тяжче. И часто объясняют: «Давит это всё...»

А каково достается сотням тысяч потерянных, мечущихся молодых людей? (Знаю случаи: молодые кандидаты наук – в бомжах.)

И – кто же властен надо всем, что совершается в стране? Сказать ли – исполнительная власть, законодатели и банкиры? или сказать одним словом – олигархия? во всех случаях будет ясно, что эта сплотка корыстных людей бесконечно равнодушна к судьбе подвластного им народа, и даже к тому, выживет ли он вообще или нет.

И во всё это наше сумрачное бытие – ожидаемыми струями жизни и культуры льётся голубое мерцание с экранов телевидения, единственная реальная связь распавшейся страны. И – что же в нём ободрительного и питающего нас? Пошлость и пошлость в избытке. Рекламы «красивой жизни» – дразнящей марсианской нереальности для 98 из 100. Мелькание судорожных фигур. Низкосортные импортные «сериалы». Духовные эрзацы. Дичь, в которой тонут клочки культуры. Культ наживы, наживы и проституции. Или обезумелые пиры столичных удачников, выставленные на показ ограбленной провинции и деревне, миллионерская похвальба. Или комичное шумное само-теле-награждение...

Известно: На тухлое – нет приправы. Глотать – несносно, народ ненавидит эти ящики, а деться некуда.

А ещё же есть СМИ (новое оборотистое слово), ныне переподчинённые, от Главлита – к олигархам, – впрочем, и слабые в распространении на российские пространства. И внимание этих средств – почти только на уровне заметных личностей, интриг, подвохов, ходов или уж слишком кричащих случаев.

А то предложат такой анализ – пожалуй, озноб возьмёт. Вот, в газете с выразительным названием «Иностранец» [66] – да, общий взгляд, что представляет сейчас Россия и что ей грозит. «Национал-шовинистическая идеология» – к счастью, не грозит: не прививается она на российской почве. (Наконец поняли.) А вот где опасность: Россия как модель человечества – стала слишком разнородна: в ней Первый, Второй и Третий миры. (И правда: опаснейше разнородна.) Наш «первый мир» – это «локомотив модернизации и вестернизации», «политический, финансовый, информационный гегемон» – Москва. Подобие «второго мира» – Петербург, Екатеринбург, Нижний Новгород и Самара. А на «третий мир» всё более похожи остальные пространства России: Юг, Восток (значит, и вся Сибирь, да и Север обезлюженный сюда, а куда ж ему?), ещё «деградирующие пригороды и малые города». Вот этот-то «третий мир» и есть опасность для нас, для Первого и Второго, и «надо не проморгать», как бы там не родилась «невообразимо причудливая комбинация из лозунгов» маоистов и «писателей-деревенщиков»(??). Не проморгать! Приготовиться к обороне от этой тёмной массы или заблаговременно раздавить её?.. (В большой статье даже и не промелькнула такая мысль: а может, помочь им, беднякам, от избытка локомотивных сил?)

Страна живёт своей пригнетённой жизнью (семья, питание, огород), никак не соприкасаясь с жизнью развязных верхов. У людей полная обезнадёженность во всяких выборах, что могут они принести какое-то добро. Полное равнодушие к государственным делам. Реальных прав маленького человека никто не защищает и не защитит. Во множестве малых городов – удушающая безработица, невозможно найти себе применение. Ветераны великой войны, пенсионеры, бывшие жертвы сталинского Гулага – волокут жалкое существование и шурят, как недавние сопляки раскатывают в иностранных автомобилях и швыряют деньги в кутежах. Да, в этом бесформии общественного поведения есть и наследие – от долгого обмирания в коммунистическую эпоху, но новая эпоха вприснула свою отравно расслабляющую дозу.

И разве вся эта масса – не отмежёванные?

Никогда с 20-х годов не было такой крушительной смены психологии, мироощущения, духовных ценностей: лишь в те годы ломался весь мир на глазах – и сейчас. Вся эта наша жизнь, как она покатила, с хапужными наживщиками, всеми средствами внедряющими мораль: нравственно то, что выгодно. Данное честное слово – ничего не стоит, и его не держат. И: честный труд достоин презрения, он не накормит. Эта порча – не в годы исправима, и хорошо, если в десятилетия.

В атмосфере всеобщего разобщения, где нет дела друг до друга, каждому оставлена своя беда и боль, в атмосфере безнадёжности, безразличия, ничего не нужности, психологической усталости – нисходит и к каждому ощущение своей ни к чему не приложимости, душевная опустошённость, что потерял контроль над собственной жизнью.

Как и предвидено в пословице: Пришло в тупик, что некуда ступить.

Льются-льются письма ко мне из разных краёв, из «третьего» и «второго» мира. И всё это я снова и снова прочитываю в них.

«Скорей превратят страну в кладбище, чем уступят добычу». – «Это государство – враг простых людей». – «Народ никому больше не верит и ни от кого не ожидает хорошего». – «За какую грязь голосовать – ещё не решил». – «Или государство грабит, или рэкет, – честно заработать ничего нельзя». – «Перешли от "грабь нагребленное" к "грабь заработанное", вынуждают работать бесплатно». – «Воруют все, начиная с членов правительства и до мастера на заводе. Воруют безоглядно, нагло, ничего не боясь, как перед концом света». – «Искусственно нагнетаемая бездуховность». – «Культуру выживают целенаправленно, чтобы нас превратить в скотов». – «По чьему-то замыслу нас лишают ума и истории». – «Как пугает, что мы потеряли себя: не видим, куда идём, не знаем, кем станем». – «Страшно, что Россия – что-то другое, не то, что мы себе напридумали».

И – выдохом истомлённым, своё зарёберное: «Не жизнь, а выживание». – «Жизнь без цели». – «Нашим унижением пронизан весь воздух». – «Тоска на сердце подавляет». – «Как выжить душой?» – «Мы идём в никуда. Стержня нет». – «Умирают не от нищеты, а от угнетённости».

Из опроса на московской улице: «Как вы относитесь к отставке всего правительства?» – «Что им до нас дела нет, что нам до них».

* * *

Но личные встречи – при объезде областей и малых городов – перевешивают отчаяние этих жалоб. И – письменные проекты настойчивых действий, их шлут средневозрастные и молодые интеллигенты.

Нет, ещё – не добиты люди.

Ещё – живы их глаза и помыслы.

Ещё – есть энергия добрых действий, только поле ей – в малом радиусе вокруг человека, а дальше – стены, перегорожено. И – не собрать каждому такому отдельному широкой общественной поддержки.

Однако мы – не первый век живём, но уже 11 веков, и не первая эта проверка народа на выстойку – в этот раз против временщиков криминальной власти и той смрадной неразберихи, в какую они увязили жизнь России.

Наперекор всему, как нам не дают дышать, – тяга к общественной справедливости и тяга к нравственной жизни – нет, не загасли.

И сила их – тоже убедительна.

Сплетенье наций

17. Полтораства народов

Дореволюционная Россия включала в себя более полтораства народов и народностей. Многие народы присоединялись к России от самого начала добровольно – как малочисленные народности Сибири (манси, вогулы, хакасы, юкагиры и другие, подневольного труда абorigенов Сибири не знала); также алеуты, эскимосы Аляски, малый и средний жузы казахов, зыряне (коми), марийцы, чуваша, мордвина, кабардинцы. Некоторые из народов были присоединены поначалу силою – как волжские и сибирские татары в XVI, Черкесия, Чечня, Дагестан, Коканд, Хива, Бухара в XIX, или восставали позже, как якуты, енисейские киргизы, чукчи, ительмены в XVII, башкиры в XVIII. Иные – сами настойчиво искали русской защиты, как осетины, грузины, армяне. Век за веком ещё продолжались набеги – татарские из Крыма на Москву, затем беспрестанные чеченские на равнины, лились набеги из Коканда, Хивы, Бухары, – многое в расширении России происходило за счёт войн не наступательных, а оборонительных. (Хотя присоединение Средней Азии и Закавказья – не было непременным условием устойчивости России.)

Мы лишены возможности угадать, как пошло бы развитие всех этих народов и народностей вне присутствия русских. Очевидно, одни бы развивались успешно, окрепли, подчинили бы себе соседей; другие бы отдались их власти; третьи – истекали бы в междоусобицах. Так, в Якутии дорусское время назвалось «эпохой кровавых войн»; часты были межнациональные войны в Туркестане, утихли лишь после русского завоевания; и до XX века сохранялось напряжение в Азербайджане – между армянами и «татарами», как выражались там тогда. Все такие столкновения утишались российской государственной властью.

Иногда указывают на кровавое (с жестокими расправами над мирным русским населением) «туркестанское» (казахи и киргизы) восстание 1916 года – но оно-то скорее и свидетельствует не об угнетении, а о льготах: во время Мировой войны, шедшей уже третий год, тамошнее население не привлекалось ни к какой воинской повинности, – и всего-то объявили среди них краткосрочную трудовую мобилизацию – но население возмутилось и против неё, не считаясь с требованиями войны. Однако в ходе той же войны – из лучших частей российской армии была Туземная («дикая») дивизия, шесть полков кавказских народностей (включая и чеченов). А в Гражданскую воевали на белой стороне не только калмыки, сплошь, но и кабардинские, осетинские, ингушские полки.

При российской примирительной внутренней политике присоединённые народы занимали своё органическое место в едином государстве, сохраняли своё физическое бытие, природное окружение, религию, культуру, самобытность. И уж ни одна-то народность не была уничтожена, как это знали колониальные империи или Северная Америка.

Такое невиданное многонародное соединение – как же могло устояться и быть прочным? В решающей мере – от образа правления, успешно испробованного и прежде во всемирной истории для той же цели: перед монархом все – равноподданные, в равных правах, без различия религии, племени, не стеснены ни в роде занятий, ни в месте жительства, – да народы, по малоподвижности тех столетий, хоть и не стеснённые никакой «чертой оседлости», не имели склонности мигрировать. Казахи-кочевники, отступившие от джунгарских войск и кокандских набегов, имели в Южной Сибири льготные условия кочевания – и содействие от оседлого русского населения. (Одно создалось в России исключение – относительно евреев, но оно и породило свои глубокие последствия.)

А были ли русские в той Российской империи властвующей (как, например, англичане) «имперской нацией»? Отнюдь нет. Подавляющая часть тогдашнего русского народа – крестьянство было страдательным слоем, терпящим. Оно не имело «прибыли» или привилегий от империи, напротив, в полной мере несло гнёт государственного тягла – своими жизнями платило и за петровские стройки, и за императорские войны (многие нации России в армию не брали); крестьянство протащило на себе и крепостное право, и обделённость землёй. «Имперское сознание» бывало у высшего чиновничества (разнонационального), у кого-то из дворянской верхушки, далеко не у всех, у кого-то из буржуазных кругов, окрепших к XX веку. Но не у народной массы, и благо. Имперское сознание деформирует сознание национальное не к пользе для него, наносит духовный ущерб внутреннему развитию.

Нет, не «имперской нацией», но по вековому ходу событий – и по государствообразующей роли, и по перемежному географическому расселению – русские в России стали народом объемлющим, как бы протканной основой многонационального ковра, – не частое этническое явление. Это обернулось для русских бременем или роком – сквозь всю российскую историю. И по той же причине пришёлся на русских лобовой удар «ленинской национальной политики». И – гитлеровской войны. И тот же исток – невыразимой трудности всех русских проблем сегодня.

Зложелатели русского народа обвиняют его в острой неприязни к другим народам и к чужеземцам. Однако весь поток русской истории не оставляет места таким обвинениям: русские охотно принимали в свою жизнь иноземцев из многих стран, были открыты для них, охотно учились у них (как – техническим приёмам, ещё с XVI века, так в XIX – приёмам хозяйствования у немецких колонистов); государственный аппарат дореволюционной России включал в себя многих чиновников нерусского происхождения и на высоких постах, – да само многовековое устойчивое существование обширной многонациональной империи было бы невозможно при ксенофобии хребтового народа. (В возражение указывают – на еврейские погромы в Молдавии и на Украине в 1881-82 и 1903-05 годах; но на территории проживания великороссов – погромов не было.) И сегодня: во сколько русских областях, городах на руководящих должностях состоят нерусские – в том числе, теперь получается, из иностранных государств, грузины, армяне, азербайджанцы, – увидим ли подобное в новообразованных странах СНГ да даже и в автономиях внутри самой России? Нет, и там и здесь русских поспешно вытесняют; вот где ксенофобия.

* * *

Каковы могли бы мыслиться дальнейшие, вне революции, взаимоотношения народов России в XX веке? Революционное крушение резко перенаправило ход событий – и

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsyna@alexander.ru судить о непроверенной перспективе уже не приходится.

А многое объясняет нам текущий через весь XX век процесс мировой.

Вот, к концу XX века каток нивелировки всё жесточе прокатывается по особенностям, характеристикам, своеобразию национальных культур и национальных сознаний – и, сколь удаётся, выглаживает все эти индивидуальные особенности под всемирный (американский, англосаксонский) стандарт. Действие этого катка грозит погасить все краски многообразия человечества, всю духовную сложность и яркость его. Этот процесс всеобщей стандартизации по смыслу своему – энтропийный. Выравнивая потенциалы различий, он ослабляет способности человечества к развитию духовному, а вослед и к иным видам развития.

Мне уже приходилось писать, и не раз, что благословенна каждая национальная культура. Что нации – это краски человечества; исчезни они – человечество стало бы так же уныло однообразно, как если бы все люди приняли бы одинаковую наружность и одинаковый характер. Несомненно, что отначальное существование племён – в замысле Творца. В отличие от любых человеческих объединений и организаций – этнос, как и семья, как и личность, не человеком измыслен. И имеет не меньше органических прав на существование, чем семья и личность.

Как всегда в человеческой жизни, чем настойчивее проявляет себя какая-либо сила – тем упорнее, а то и отчаяннее рождаются ей хотя бы единичные противодействия. Так, в XX веке усилилось национальное самоотстаивание, и мы видим, в огляд по планете, разноликие, разной крепости сопротивления этой всевыглаживающей силе. Тут примеров много, но у всех на виду: поразительная устойчивость японского национального типа и уклада, сумевшего пробиться сквозь все испытания современности и остаться самим собой; неколебимое самобытное стояние исламской культуры; или чудовозрождённое на земле предков еврейское национальное государство после двух– и даже трёхтысячелетнего всесветного рассеяния, в какие-то века едва ли не умирания народного бытия. Даже только эти примеры обнадеживают нас, что человечество ещё не обречено поглотиться единообразием. Нет, защитные импульсы всплескивают у многих наций: выжить в этих новых условиях, сохранить глубину своей духовной и культурной традиции, своё ни на кого не похожее лицо.

Этот процесс самоотстаивания, конечно, проявился и у наций России. Живость их национального чувства сохранялась у многих – и отчётливо проступила в ходе Семнадцатого года, когда, при сотрясении государства, все слои и все прослойки населения с поспешностью требовали расширения своих прав или сами объявляли их. Мне довелось подробнее заниматься фактическими материалами от февраля до Октября 1917. Естественно, что оживились и национальные движения. Однако хотя настояния отдельных наций (украинские особенно), отдельных вероисповеданий (ислам) были тогда проявлены, но – кроме Польши и уже созревшей к отделению Финляндии – ни одно требование не шло выше культурной автономии и местного самоуправления – никто (в том числе и Украина) не требовал тогда территориального отделения.

Потом ленинская революция распахнула и выстала нациям России (кроме одной: русской) путь к форсированному самосознанию и административному, и культурному самообособлению. За 70 лет процесс этот дал многим «титულным» нациям возглавить и крепить свои автономии, щедро преображённые хозяйственными дарами России. И в таком, уже властном, состоянии национальные верхушки автономий были застигнуты событиями 1991 года. Дальше процесс пошёл исключительно динамично, с требованием некоторых автономий если не полного отделения от России, то почти прав международных субъектов (и иные получили).

Этот процесс резкого взыва национальных чувств – у всех, кроме русских, – происходил и сплошь 90-е годы. В паспортах прибалтийских государств твёрдо поставлена графа «национальность». В Киргизии отменили было её, из «прогрессивных соображений», – но по требованию народа вернули. Не сомневаюсь, что если б о том опросили малочисленные народности Сибири – они б ещё отчаяннее держались за своё национальное именование. Это – одно из усилий нации, угрожаемой исчезнуть, отстоять себя во всемирной нивелировке, тот самый защитный импульс. (А иначе зачем выяснять национальность во время всеобщей переписи? Если не надо – так и вообще не надо.) И в России это характерно проявилось в 1997: центральные власти, не оглядываясь на наше сплетенье народов, легко решили: устранить в новом российском паспорте строку национальности. И уже запустили

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsyna@alexander.ru машину изготовления десятков тысяч, сотен тысяч таких паспортов. И – чей же осадительный голос раздался звонко и трезво? Не – русских, разумеется, а именно – других наций: кабардинцев, башкир, татар. Они хотят – и имеют право! – называться своим национальным именем, отстоять его от утери, не смазывать. И центральные власти – замялись, затоптались: то ли паспорта надо готовить заново, а наготовленные под нож? Скажем спасибо тем народам за это братское образумление. Мы и это право, называться русскими, готовы отдать из ложной стыдливости. Но никому не запрещён инстинкт национального самосохранения, право ощущать самих себя, какие есть. Почему и нам не сметь его иметь, как уверенно имеют, как – оглянемся – уверенно сберегают другие?

18. Федерация?

Да, в России живёт больше ста наций, многолюдство народностей, так сложилось исторически, и с этим мы должны войти в будущее: сочетать интересы общегосударственные с интересами этнических групп. Спрашивал ещё И.С. Аксаков: «Как разумно объять единым законодательством столько и столь разноплеменных?»

По меньшей мере с XV века фундаментальная традиция российской государственности была – унитарность, единоуправляемость государства, в своих лучших периодах в сочетании с земством. В течение этих шести веков никогда не возникала ни потребность, ни даже мысль о федеративном устройстве России. Её принёс из своих теоретических схем Ленин – и внедрил мечом большевицкой диктатуры.

Во всей истории – истинные федерации создавались только добровольным соединительным устремлением полугосударственных образований с целью взаимного поддержания и совместного, более устойчивого существования. (Как швейцарские кантоны, германские земли, штаты Северной Америки.) По ленинскому же революционному замыслу, наоборот, – федерация народов была декларирована из единой России. Сам-то Ленин и его последователи вовсе не думали расставаться с унитарностью государства, да именно её одну, скреплённую диктатурой партии, они имели в виду и жёстко осуществляли. Но их ближайший расчёт был: заполучить в союзники – внутри России все меньшие нации, вне России – заманчивым примером привлечь к себе сочувствие народов Востока. Доходило (20-30-е годы) до уродливой дробности: учреждались пятнами по карте и «национальные районы», и даже «национальные сельсоветы» – с особыми, льготными, правами, каких не было у соседних сельсоветов и районов, примитивно русских.

Однако и декларированное не прошло впустую, только этой мнимой, но широко объявляемой, федерации предстояло подспудно зреть семь десятков лет, накапливая значение и влияние национализированных верхушек. Впрочем, уже в 1926 «национальные» члены ЦК ВКПб (во главе с Т. Рыскуловым) совещались отдельно, со своими требованиями к ЦК; проявлялся в ВКПб и ещё несколько раз «национальный уклон». А уж в 1991 – прорезалось разом, всё вместе, повсюду, и обнажилась выращенная за 70 лет дробная множественность национальных элит, каждая из которых оказалась автономной хозяйкой какого-либо куска России.

Развал в 1991 пошёл мощной лавиной, необратимее развала 1917. При переходе через это новое революционное потрясение – многое неузнаваемо изменилось в нашей стране, в том числе – и коренным образом – государственность. Автономные области возвышались в автономные республики, а все вместе приобретали удельный вес прежних союзных республик, теперь отделившихся. Национальные верхушки автономий, десятилетиями выращенные при льготных квотах в образовании и сниженной профессиональной конкуренции, – теперь быстро, решительно захватили реальную власть, резко повышая свой национальный процент, особенно в органах управления и правоохраны. (И эта вспышка этнического национализма – с дальних сторон приветствовалась как разлив демократии, хотя именно истинной демократии национальный подбор противопоказан.) Пристрастность этнических этих верхушек властно проявилась и в ходе местных приватизаций (приоритетность «для своих»).

Не видно, чтобы кем-то на верхах власти понималось бы: что вообще, сквозь XX век, развитие национальностей и государственных происходит в разных направлениях: национальные самосознания заявляют о себе всё дробней, а государственности (в форме также и союзов государств) всё крупнеют. Малой нации жить отдельным государством становится почти невозможно. И в сохранившемся корпусе России (я сторону отсюда чеченский задор или расчёт на разбой и паразитарность) – ни одна нация реально не может и не претендует отделяться, прожить без единства с русским народом.

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsyna@alexander.ru Нет, с верхов власти мы слышали упоённое повторение лозунгов федеративности – без понимания её: что федеративность может существовать лишь при силах центростремительных, а не центробежных. И так мы услышали знаменитое (обращённое к Татарии): «Берите суверенитета, сколько можете проглотить!» (Она и взяла.)

По этому рецепту стали активно действовать иные автономии, затем и, глядя на них, – русские области и края, по-нынешнему «регионы». Процесс – опаснейший, ибо такому обширному государству, как Россия, невозможно существовать без единой сильной центральной власти; при дряхлеющей шаткости, неразберихе – он и был бы прямой процесс распада Российского государства. Тогда укрепление областей может оказаться и выручательным. Особенно для краёв, далеко раскинутых и пренебрежённо забытых, как Дальний Восток, Сибирь, Крайний Север или Северный Кавказ, – приобретение регионами прав может явиться не актом развала, а какой-то формой спасения своих областей, большей реальности местной власти, её более оживлённого касания с народом, как мы уже и наблюдаем в некоторых областях. Но что за вздор эти «разделения полномочий» отдельными договорами Центра с регионами? – в едином государстве должен действовать и единый договор для всех регионов.

И жизненно важно: низойдёт ли эта децентрализация власти до малых городов и до районов? – то было бы оживлением подлинным. Малые-то города, две сотни наших малых городов, сейчас и угасают, и вымирают у нас стремительно, – и вот это будет конец ещё здоровой России. Когда российский Президент заявляет (17.5. 96, 2-й канал ТВ): «Я как можно меньше власти хочу, я хочу отдать её вниз», – если даже он именно того и хочет, из сказанного не следует, что предусмотрен спуск полномочий до районов. Скорей можно ожидать, что губернаторы, получив значительную независимость от Центра, – сами дальше эту власть постараются держать в одном кулаке.

Так – федеративное устройство России стало реально проступать уже не по обманному ленинскому плану, но в Час Великой Беды и в процессе развала государства.

Хотя федерация для России совсем не органичная форма, она насажена насильственно, – но она уже укрепилась в сознании миллионов, в мироощущении национальных масс. И тем более при общем падении нашей государственности и роли русского народа в ней – мы вынуждены это наследство принять. Только осуществлять федерацию – не в противоречие с подлинной демократией, не в противоречие с общей справедливостью и никак не в том хаосе частных двусторонних льготных договоров, как это делается сейчас.

И тут – не по дальновидности Конституции 1993 года, а самовозникшим укрепляющим движением стал расти в значении и влиянии Совет Федерации, составленный не по партийным признакам и не из депутатов, свободных от административной ответственности, – а из прямых направителей исполнительной и законодательной власти в областях. Эта палата из практических областных работников именно соединением сил и воли – обещает нам встречные скрепы, восполняющие то, что мы потеряли в развале России. Те самые скрепы, без которых и не может сохраниться Россия.

Увы, у этого Государственного Совета – по нынешней Конституции весьма ограниченные права. Вот их – для сегодняшней России и ради завтрашней – живительно было бы расширить.

19. Автономии

Все нации России, независимо от их объёма и способа расселения, должны иметь равные культурные и равные гражданские возможности – чтобы не испытывал ущерба ни самый малый народ, ни самый большой. Безусловно так.

Но – сколь основательно национальный принцип должен внедряться в систему общегосударственного построения? Да никак не может он быть положен в основу многонационального государства, он чреват конфликтами. Отказаться от него – неизбежно, и не растягивать беспричинно.

От Ленина у нас внедрён (без каких-либо экономических соображений) принцип «национально-территориальных автономий», по которому отдельным нациям (далеко не всем) фактически открывается право контролировать какую-то часть страны, иногда и весьма значительную. Так (по переписи 1989), 7 % населения страны (около 10 млн человек) составили собою 21 автономную республику и 10 национальных округов

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsyna@alexander.ru – с особыми от других народов страны благоприятными правами. (Такие «федеративные единицы» часто резко не соответствуют всем другим – и по своим географическим размерам, и по численности населения, и по хозяйственному потенциалу, и по культурному удельному весу.) Так потеснены интересы 93 % населения страны, лишённого подобных преимуществ (да и в самих-то автономиях живёт «некоренных» наций больше 10 млн..).

Вместе с тем не упустим, что в России дисперсно живут ещё и многочисленные народы без своей компактной территории («безстатусные народы») – украинцы, белорусы, в немалом числе немцы, поляки, евреи, корейцы, греки и многие ещё, и права их не должны быть ниже рангом, чем у «территориально-автономных». Да из «автономных» многие, как татары, широко расселены за пределами своей автономии (в Татарии – 1,8 млн, вне её – 3,8 млн). Ещё не упустим, что (по той же переписи 1989) – среди этнически нерусских 15,8 млн считают своим родным языком русский.

Ленинское строение нелепо для государства, где все нации территориально перемешаны; оно противоречит всякому здравому смыслу и могло быть введено только по политическому умыслу.

Такое устройство – и преграждает возможность построения вненационального местного самоуправления, то есть закрывает путь к демократии. Оно лишь искажает естественную систему автономий культурных, которые должны быть доступны всем.

Исключительность большевицкой конструкции утяжеляется тем, что в автономиях (со своими президентами, конституциями, флагами, гимнами) – «титulyные» народы почти всюду (кроме Тувы, Чувашии, Чечни, сложней в Дагестане) составляют меньшинство, иногда резкое меньшинство (как в Якутии, Башкирии, Карелии), – между тем определяют собой аппарат и идеологию управления. Нигде в мире, претендующем на демократичность, и помыслить нельзя, чтобы меньшинству было «законно» позволено управлять большинством, – повсюду принята власть большинства (при неременной защите прав меньшинства); повсюду принято, что каждая нация может контролировать только ту территорию, где она составляет большинство. И уж конечно, должно существовать равенство прав граждан независимо от их национальности. Это равенство грубо нарушено в наших автономиях – языковыми и служебными преимуществами «титulyной» нации.

Всё это – кричаще несправедливо. И должно безотлагательно быть исправлено. Нерешённые межнациональные натяжения отнюдь не второстепеннее подгоняемой экономической реформы: они могут разрушить государство раньше. В автономиях нельзя признать за «титulyной нацией», даже если она не в меньшинстве, фактического права управлять всем населением территории от себя, а не в составе общегосударственного управления и по общегосударственным законам. Таких примеров – в мире нет.

(До недавнего времени в Уголовном кодексе стояла статья 74-я, запрещавшая не только всякую дискриминацию, но и привилегии по расовому, национальному либо религиозному признаку. О дискриминации говорилось в прессе и в обществе более всего, привилегии – как провалились в безмолвие. На кремлёвском совещании по местному самоуправлению, 17.2.95, мне пришлось обратиться на это внимание собравшихся: привилегии по национальному признаку, на которых построена наша Федерация, – есть одновременно дискриминация русских областей – то есть уголовное преступление по нашему же кодексу! И тут же вскоре неловкую статью 74-ю, о которой мы были звонко наслышаны, тихо убрали из кодекса. И выставили вместо неё в новом кодексе статью 282, сформулированную вовсе неладно: она осуждает только публичные высказывания и закрывает глаза на практические действия.)

Разноправность «титulyных» и «нетитulyных» наций должна быть безоговорочно отменена. Систему национального неравноправия надо кончить.

Тем более территориальные автономии не могут пользоваться никакими экономическими преимуществами сверх общегосударственного порядка, никак не могут иметь и особых, полных прав на свои недра и стратегические ресурсы, как это теперь расслабленно потекло. И во всех национальных культурах должно сохраняться разумное равновесие с единством государства; в своей образовательной системе автономии не могут пренебрегать общегосударственными требованиями. Например, не могут школьные программы в автономиях вестись так, как если бы население жило вне всякой России. (А сейчас в некоторых автономиях уже запущено именно так:

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru русский язык переведен в разряд «иностранный», российская история – в малую часть всеобщей, и это уже сегодня ведёт к разрыву общеобразовательного, культурного пространства единой страны – к ущербу для всех жителей.)

В безвластном и безвольном течении 1992–93 автономии приобрели решающее влияние на наше так называемое конституционное творчество, когда спорящие в Центре силы всячески старались задобрить автономии и привлечь на свою сторону. (Доходило до функционирования «совета республик», где русские имели один голос из трёх дюжин.) В результате утвердилась система неравноправных «субъектов Федерации»: эти автономные «субъекты» получили льготные условия сравнительно с русскими областями – или содержание на дотации Центра (как подавляющая часть бюджета Дагестана), то есть за счёт основной России, или хотя бы послабление, даже освобождение от уплат в Центр (как Башкирия, Татария, Якутия и другие, уж Чечню и не вспоминай), а иногда и с dodatком международных прав.

После всех политических уступок 1992–93, сделанных территориальным автономиям, и при усвоенной диковатой формуле «суверенная в составе Федерации», – разверзлись проходы для требовательных сепаратных эгоизмов.

Но если Конституция 1993 ещё считается действующей, то по её статье 5 «все субъекты Российской Федерации между собою равноправны» – а значит и равнообязаны? Федеративное устройство России должно быть справедливым полнейшим равенством всех «субъектов Федерации» (что неотнормировано к «национальным округам», разрушающим конструкцию и своих регионов).

А если статья Конституции забыта, а статья Уголовного кодекса кем-то предусмотрительно смазана, – то не следует ли принять чёткий – Закон о равенстве наций в России.

Он мог бы быть сформулирован, например, так:

«1. На территории России все нации, относящиеся к её историческому составу, равны во всех правах и во всех обязанностях. (Это не относится к гражданам стран СНГ, переселившимся в Россию после 1991 г. [67]) Все нации имеют право на беспрепятственное развитие своей национальной культуры, образования, языка. Их культурные нужды финансируются государством пропорционально численности народов и народностей.

2. Это равенство включает в себя право любого постоянного российского жителя на занятие любых должностей – по выборам или по назначению – только по соображениям профессиональной пригодности. (Незнание местного языка не может быть ограничительным условием, достаточно прочного знания общегосударственного языка.)

На всей территории России всякое назначение или отвод в назначении, совершённые по этническим соображениям, попадают под действие Уголовного кодекса РФ как "унижение национального достоинства"».

20. «Русский» и «российский»

Хотя русские составляют, по последней переписи, в РСФСР–России 82 % (не во всякой однонациональной стране такой определительный перевес) – они раскочены по автономиям и даже там, где составляют большинство, находятся ныне в положении меньшинства, а реально и меньших прав: лишены тех, которые предоставлены титульным нациям. (Можно ожидать, что при нынешнем жёстком неравенстве в автономиях – в предстоящей переписи 1999 многие русские запишутся под «титульных», изменится и общая доля в населении.) Тем более у русских нет, как у других российских наций, своего отдельного, «республиканского» голоса в государственном управлении и в законодательстве.

Однако если посмотреть глубже, то тут-то наше роковое историческое наследие – объёмлющей нации. Получи мы сейчас все эти государственные права наряду с автономиями – и России не станет, развалится. Здесь та грань, по которой «русский» за века уже срослось с «российский». И разобраться в этом сращении требует заботливого внимания.

Малоизвестно, что пристальное обсуждение этой проблемы всплыло в России в 1909. И не мудрено, что всплыло: после ликования российского образованного общества

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsyna@alexander.ru при русских поражениях под Мукденом и в Цусиме (петербургские студенты слали микадо поздравительные телеграммы); после революционных (грозно-предупреждающих!) сотрясений 1905-06; после того, что даже царский манифест 17 октября 1905 об установлении законодательного представительства был встречен только взрывом насмешек образованного класса и над русской исторической властью, и над самим понятием «русский». 1909 год добавил ещё и чувствительное поражение российской дипломатии на Балканах (аннексия Боснии и Герцеговины Австрией при униженном согласии России), удар по ещё не угасшим тогда, ещё дображивавшим панславистским претензиям.

Ведущее место в тогдашней дискуссии заняла петербургская газета «Слово». Дискуссию открыл Пётр Струве – и удивительно, что нисколько не устарело процитировать его здесь почти через 90 лет.

То была статья «Интеллигенция и национальное лицо» [68] – уже в названии мы видим, что эти два явления застигнуты автором в противостоянии. Струве писал: «Русская интеллигенция обесцвечивает себя в „российскую“ ... безнужно и бесплодно прикрывает своё национальное лицо», а «его нельзя прикрыть». «Национальность есть нечто гораздо более несомненное [чем раса, цвет кожи] и в то же время тонкое». «Не пристало нам хитрить [с русским национальным чувством] и прятать наше лицо... Я, и всякий другой русский, мы имеем право на эти чувства... Чем ясней это будет понято... тем меньше в будущем предстоит недоразумений».

Читано? не читано? Но все эти «недоразумения», а точнее – уничтожающие конфликты, мы обрели на нашем 90-летнем пути, не пропустили.

В дальнейшей дискуссии напоминалось: «Такую империю нельзя было создать одной физической силой, – но и нравственной мощью». И призывали не стыдиться – «национализма строительного, государственного».

Однако: стыдились. Десятилетиями. Именно под сенью империи – стеснялись, стыдились русские интеллигенты называть и даже сознавать себя отчётливо «русскими». Но, кажется, теперь – достигнутые российскими нациями права упраздняют поводы для этой стеснительности.

В той дискуссии 1909 года удивительным образом просверкнула решающая постановка вопроса, как только мы можем и сегодня задуматься и искать, – и в этом же поиск предлагаемой тут читателю работы: «"Государственная" справедливость не требует от нас национального безразличия». «Как не следует заниматься "обрусением" тех, кто не желает "русеть", так же точно нам самим не следует себя "оброссиивать", тонуть и обезличиваться в российской многонациональности». «Попытка обвеликороссить всю Россию... оказалась гибельной для живых национальных черт не только всех недержавных имперских народностей, но и прежде всего для народности великорусской».

Вся нынешняя (наросшая от запущенности) сложность «русского вопроса» в этом и состоит: как решить его не в противоречие и не во вред «российскому».

* * *

Раздаются голоса: «Россия для русских!» Но это – ошибочный, деструктивный лозунг (как и «Татарстан для татар» или «Якутия для якутов»). Так же как и «Русская республика» в составе РФ: это – толчок к расколу и развалу, на русских же лежит единоскрепляющая государственная обязанность. Без русских – и России не быть.

Бесцельны и разговоры о «самоопределении» для русских. «Право наций на самоопределение» настоятельно прокатывалось по всей Европе с Первой Мировой войны, больше всех им сотрясали большевики, затем (16.2.66) оно утвердилось и в ООН (в путаном противоречии с тем, что ведь принцип самоопределения полностью отрицает принцип «нерушимости границ»). Однако в сегодняшней России самоопределение русских означало бы и самоотделение их ото всех остальных народов России, то есть развал нынешнего государства. И на этом лозунге – настаивать нам не приходится. Как искать для русских своей государственности – если мы сами и создали вот такую, многонациональную? Даже и национальное «пропорциональное представительство» во всех органах власти России уже тоже неосуществимо.

Однако русские стали ныне разделённой нацией – как нововозникшими границами СНГ, так и внутри самой России: разделённой по автономиям, зажившим по разным

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru
законам. И государство, где русские составляют стержневое большинство, – обязано
ли защитить также интересы русских или заглушить их?

Забота о равных правах для русских не есть русский национальный эгоизм. Бремя
обёрнутого национального неравенства разрушительно налегает на российскую
государственную конструкцию в целом. А русский народ в России –
государствообразующее ядро, и без него никому не посильно нести ответственность
за сохранность государства.

Судьба русского народа определит и судьбу России.

Непримиримость

21. Большевизм – и русский народ

Стыд российского образованного класса ото всего русского, отмеченный в дискуссии
1909 года, был после Октябрьского переворота динамично развит сокрушающей
стратегией Ленина на полный разгром русского национального сознания (как
политического конкурента большевизму). Уже на X съезде ВКПб (1921), ещё не
отдышась от Гражданской войны (и в продолжение её), объявили «главной задачей
партии в национальном вопросе» – борьбу против «великодержавного шовинизма»,
который, по Ленину, «в 1000 раз опасней любого буржуазного национализма». В
партийном письме Ленина конца 1922, предсмертном (и зачитанном на XIII съезде
вместе с его «политическим завещанием»), значилось: «море шовинистической
великорусской швали» [69]. Не только не надо соблюдать формальное равенство
наций, но осуществить «такое[е] неравенств[о], которое возмещало бы со стороны
нации угнетающей», «так называемой „великой“ нации (хотя великой только своими
насилиями, великой только так, как велик держиморда)», – возмещало бы, что можно
получить с неё в пользу наций малых. В последовавшем с 1923 размежевании
административных границ – к национальным автономиям пришивали, прикладывали
целиком русские уезды и волости. В союзных республиках стали проводить (вопреки
декларированному, желаемому и якобы уже близкому «отмиранию», «слиянию наций»
всех): удаление русских из государственного и партийного аппарата. (Напротив, на
Западе и по сегодня многие уверены, что Ленин стремился «русифицировать
окраины».) В идеологическом пространстве подвывал и Луначарский: «Идея
патриотизма – идея насквозь лживая» [70]; «преподавание истории в направлении
создания народной гордости, национального чувства и т. д. должно быть отброшено;
преподавание истории, жаждущей в примерах прошлого найти хорошие образцы для
подражания, должно быть отброшено» [71]. И все 20-е годы десятки партийных
ораторов и сотни услужливых перьев на все лады изощрались в насмешливых
проклятьях «русопятам», «русотяпам», «русопетам», «мы расстреляли толстозадую
бабу Россию», «а может, лучше было не спасать» Россию Минину и Пожарскому? и т.
д., неперечислимое множество таких мерзостей.

В эту же большевицкую стратегию расправы вошёл и крушительный удар по
православной Церкви – свистящая травля при ограблении церковных ценностей (тайно
вёл её Троцкий, но под декорацией Калинина), затем аресты Патриарха,
митрополитов, суды над ними, гласные и десятки тысяч негласных расстрелов
православных священнослужителей и уничтожение их в лагерях. Одновременно с тем,
начиная с лет гражданской войны и все 20-е годы, шло уничтожение или высылка
дворянства и русской интеллигенции. Русское национальное сознание было круто
пригнетено, погашено до ухода в подполье, а по поверхности вовсе стёрто и
запрещено как явление контрреволюционное.

И такая атмосфера густилась лет пятнадцать, до середины 30-х годов, когда Сталин
(уже после многомиллионного уничтожения отборного крестьянства и опять-таки
после добития петербургского дворянства и интеллигенции в 1935, взрыва Храма
Христа в 1931 и непредусмотрительного уничтожения и запуски памятников
Отечественной войны 1812), – Сталин прочнул при подступающей угрозе большой
войны, что на хлипкой идеологии Коминтерна, без русского национального подъёма,
ему в той войне не устоять. И в советской агитации внезапно вспомнились,
зазвучали призывы к уже забытому, уже трижды проклятому и растоптанному
патриотизму. (С 1936 появился термин «старший брат», с 1938 – «великий русский
народ».)

И только этот патриотизм – именно не «советский патриотизм», а патриотизм
собственно русский, с воззывами к русскому военному прошлому и даже до Дмитрия
Донского (уже не боясь «обидеть» татар), – именно он, спасая и весь мир и
Россию, заодно спас и советскую коммунистическую власть со Сталиным на верхушке.
(После войны Сталин удостоил русский народ благодарственного тоста. Но

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsyna@alexander.ru постепенно, как бы и не в противоречие, восстанавливал в запас и все понятия интернационал-коммунизма, пригодятся и они.)

Всеисторический и всемирный подвиг русского народа во Второй Мировой войне (и, страшно вымолвить: не последний ли во всей его истории?) является одной из загадок русского характера. Ведь миллионы людей были прорезаны репрессиями, жили в постоянной подавленности, страхе вымолвить своё мнение; да почти половина тогдашнего населения и хорошо помнила лучшую дореволюционную жизнь, и наглядно ощущала полученные взамен социалистические оглодки. И что же искренно увлекло народную массу платить своими жизнями за такое чёрство-корявое существование? (Немало эков и из лагерей подавали заявления на фронт.) Тут сказалась, конечно, и власть железного принуждения (невольно задумаешься над оценкой константина Леонтьева, что достоинства нашего народа выигрывают от угнетённого состояния), тут в огромной степени проявился природный, всё ещё не подавленный русский патриотизм, – но сказалась и психологическая жажда распрямиться хоть на короткое время и почувствовать себя личностью, и даже могучей, и даже героической, – через смертный бой, дающий короткую иллюзию свободы.

Сегодня тот подвиг русского, нет, треславянского, народа (подавляюще главной силы в Красной армии и на заводах тыла, и на колхозных полях), сокрушившего гитлеризм, спасшего западные демократии при наименьших для них человеческих потерях, – сегодня, в живых чувствах и мировой памяти изглажен, забыт, невозблагодарён, потонул под струёй современной жизни, для которой остов ещё сохранившейся России – некое реликтовое, всем помешное и многим – презренное Чудовище.

22. От Сталина к Брежневу

В последние годы царствования Сталин понудил советскую идеологическую пропаганду совершить уродливый излом в сторону безграничного национального чванства, русского во всём «первопроходства». Нельзя предположить, что он так повёл для нового вреда русскому сознанию, нет, он повёл так по отсутствию чувства меры и вкуса и, по всей видимости, предполагая, что тем укрепляет под собою русского конька-горбунка для следующего всесветного агрессивного прыжка. Смерть помешала ему довести это направление до какого-то результата – но он вполне успел нанести ещё один ощутимый вред русскому сознанию и подставил его под всемирные насмешки.

А Хрущёв внезапно проявил сохранённый с комсомольской молодости большевицко-интернациональный накал. Он оказался к ленинской линии много ближе, чем трезвый государственный стратег Сталин. С ленинских лет никто так безоглядно не раздавал русские земли – Чечне, Дагестану, а прежде-то всего Украине. Именно он вдруг издумал сумасбродный «подарок» Крыма – тот соблазн, который чёрт подсовывает, чтобы совратить душу, в данном случае – государственное сознание Украины. – И Хрущёв же, безо всякого видимого повода, с 1961 года неистово кинулся терзать смирную, лояльную и столь полезную для фасада режима православную Церковь, массово закрывать храмы. Ничем другим, кроме большевицкого идейного остервенения, эту кампанию объяснить нельзя – а по интенсивности она напоминала ленинскую 20-х годов, только без массовых арестов священников. – Русский патриотизм Хрущёв уже не решился объявить врагом, но и симпатий к нему не испытывал, а всячески переиначивал в «общесоветский».

Именно эту линию наследовало брежневское политбюро: что в СССР достигнуто невиданное слияние всех наций в единую «советскую нацию». Как во многом те старцы видели только то, что желали, они как будто и поверили в миф «единого советского народа». (И даже им удалось наслоить такое на массовое сознание, многие начинали верить тоже.)

Хотя в том направлении русских националистов, которые всё больше льнули к коммунистическому стержню, рассчитывая на его прочность, и создался свой миф о национальном благоперерождении брежневского режима, – этот самый режим не задрёмывал ударить по опасному врагу, впустить когти марксо-ленинской Идеологии, и в 1972 заводилом пропаганды ЦК опубликовал сигнально-грозную статью против пробуждения русского национализма и симпатий к религии. Эта статья надолго осталась идеологическим памятником брежневской эпохе [72]. – (Но почти неизвестна совсекретная докладная в Политбюро записка Андропова 28.3.81 – о «деятельности антисоветских элементов, прикрываемой идеями русизма»: они, «прикрываясь демагогическими рассуждениями о защите русской истории и культуры, готовят подрыв коммунистической власти».) Нынешние вздохи заблудившихся патриотов, что «не надо было сокрушать коммунизм», так-де хорошо «скреплявший» Россию, – это

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsyna@alexander.ru
постыдный упадок духа перед убийцами.

Заметим и то, что хотя брежневский режим в своём насильственном и напористом упразднении тысяч «неперспективных» деревень руководился как будто лишь экономическими (на самом деле ложно понятыми) соображениями, – но, проводя, без шума и возгласания, эту акцию, самую разрушительную после сталинской коллективизации, покидая в одичание ещё не рушенные, драгоценные сельскохозяйственные угодья, покидая самую землю Средней России, брежневское политбюро разгромило и множество тех глубинных мест, где хранился народный быт, обычаи, психология, сработало на дальнейший подрыв русского народного самостояния. Если к этому добавить безмозглый и разрушительный проект «поворота северных рек», едва-едва остановленный Божьей волей – концом самой брежневской клики, – придётся признать более чем захвальным миф о том, что эти старцы медленно сдвигались в сторону «русского развития».

23. Отворот культурного круга

Но кто действительно возродился в какой-то мере при дряхлеющем брежневском режиме – это многонациональная российская интеллигенция, уже внутренне будто не советская и с богатой интеллектуальной жизнью, по невольности сосредоточенной лишь в частных устных беседах, самиздате да в публикациях за границей. Внимание этой кипучей среды коснулось многих современных вопросов, затем и исторического огляда – и в один из центров того внимания не мог не попасть русский национальный вопрос и получить свою новую трактовку.

За 20–30-е годы – сколько тысяч новых советских интеллигентов были всем сердечным порывом привязаны к коммунизму, яро участвуя и в его аппарате, но особенно – в его пропаганде, ещё особенней – в писании книг, одурачивающих массовых песен, кинофильмов для народа, – и вдруг куда всё делось? Приверженности к коммунизму – вдруг не стало, как вовсе не было её (у других – смягчилась, затаённая), – перелом памяти? забывчивость? С конца 60-х годов решительно писали в самиздате: «Не мы выбирали эту власть!» И с недоумением: а с тех пор какое-то «попёрло революционное быдло, "стать всем"». Вдруг мы узнали, что единственный виновник революции – русский народ в целом, и никто больше: «русская идея есть главное содержание большевизма». «Русский народ – угнетатель и потому не имеет права на национализм», который есть «расистский руссианизм».

Как вскоре затем оказалось – это настроение совсем не было выражением узкой группы, оно с 70-х годов широко разлилось по столичной интеллигенции, выражаясь в самиздате, а через уехавших на Запад эмигрантов – более всего в западном радиовещании на русском языке, размноженном по всему Союзу через миллионы радиоприёмников. Теперь была охотно перехвачена та версия о безнадежной испорченности русского народа и самой русской истории, версия от меньшевиков и троцкистов, в 20-е годы разочарованных поворотом революции: де замысел её был светел, но разве с этим народом совершишь что-нибудь достойное? Да «долгие века Россия страдала маниакально-депрессивным психозом». И даже «бесчисленные унылые песни» этого народа, «протяжные русские песни отражают начало душевного заболевания нации».

И в продолжение: в «этой стране» – «весь народ сливается в реакционную массу»; «ставка на народную правду – самообман»; в этой стране даже «христианские глубины практически всегда переплетаются с безднами нравственной низости». «Россией принесено в мир Зла больше, чем любой другой страной». И наряду с замечаниями болезненно меткими (сегодняшняя «Россия отражается в стекле пивного ларька»), мы читали и слушали: «эта Русь» «переполнена скверною от покрышки до дна», «человеческий свинарник», «помойная яма», «это ваша страна, ваш народ!..» Или порхание попутных насмешечек, вроде «страна Ив́анов и Емель», «исконное-посконное» и ещё, ещё в этом остроумном роде. Были суждения и покруче (особенно в зарубежных публикациях уже выехавших советских авторов: «России правда – мать порока», «православие есть готтентотская религия», «шелудивые жители» России), – приводить несчётные примеры сюда уже избыточно.

24. Распря 80-х годов

Возглашённая Горбачёвым Гласность открыла упоительную возможность говорить, однако та же возможность опасно открылась и для голосов, не принадлежащих к признанному культурному кругу. Но ко громкоговорию всегда (это – и не только в России) стремятся лишь малые социально активные группы либо профессиональные голоса и перья. И о степени нездоровья (или здоровья) общества можно судить по тому, в какой мере эта активная, узкая прослойка оторвана (или не оторвана) от

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsyna@alexander.ru забот, болей, настроений народного массива. Нечего и говорить, что больше нашего нынешнего общества трудно вообразить.

Итак, от момента, когда советскому образованному классу была внезапно дарована свобода говорить всё, что угодно, – тотчас нашлись такие «демократы» и такие «патриоты», которые потеряли равновесие, потеряли самосдержки, одни только и сохраняющие свободу слова разумной. Быстро нараставший словесный экстремизм обеих сторон отвратил и отделил массы слушающих от громкоговорящих.

Патриоты (да многие давно уже припаянные расположением к вот утериваемой коммунистической власти) отнюдь не напряглись довершать падение тоталитарного режима, 70 лет удушавшего Россию. И не для разбора наших физических и моральных потерь, глубины нашего духовного ущерба за эти десятилетия, не для поиска надёжной нравственной основы к возрождению русского бытия и духа потратили они свои теперешние горячие усилия и речи. Но кинулись в незрячую крайность: за поражения России в XX веке искать виноватых не в нас самих, так дешево клюнувших на ленинский призыв к грабежу и «штык в землю» вместо защиты Родины; и не в нашей же отнюдь не масонской династии и правящем слое, – но во всём происшедшем обвинить «сионизм», а кто и прямо «евреев», и даже с карикатурной подачей. И всплески с патриотической стороны почти только к этому и сводились. А тут вдобавок и возникшая «Память» (неведомого и как бы не провокационного происхождения), крохотная по силам, но накалённая по страсти, нажигала, вызвав грандиозный переполох – без преувеличения в целом мире года на два, и даже до грозной резолюции европейского парламента.

В свою очередь и демократическая сторона ударились в другую паническую крайность: любая русская патриотическая группировка в СССР клеймилась только как «черносотенная», «шовинистическая», «реакционная», «нацистская». Теперь к «русофилам» добавились и «руситы», да выплыли снова и «русопяты», не забыли хорошего словечка и за 60 лет, от расцвета большевизма. (При этом обронили и существенные цели демократии, и непростой путь к ней от тоталитарного режима. И ошибочно переоценили своё уже якобы достигнутое авторитетное влияние на новую власть и ход реформ.)

А та же Гласность открыла и возможность свободной переклички и слияния голосов метрополии и недавней эмиграции. И оттуда тоже подбавились решительные голоса: «Россия всё там же, где была столетие назад, – во лжи» [73]. «Разве редко приходится нам слышать... что русский народ имеет право на своё собственное, самобытное развитие?»; «русофилы сегодня... сила в стране, угроза которой недооценивается». В борьбе с этой опасностью «наиболее оптимальной выглядела бы консолидация [прогрессистов, демократов] с партийным аппаратом, КГБ и хозяйственным аппаратом» [74].

Но и без этой неосуществлённой консолидации разгром «русофилов» продолжался и ширился: «Так называемое русское возрождение – фашиствующее течение». Даже «писателей-деревенщиков» прямо и неоднократно относили к «погромщикам», «фашистам» (и по «Свободе», и в печати); о настоянии Валентина Распутина на чистоте старинных русских истоков – «это имеет опасный запах». О призывах патриотов к укреплению семьи, нравственности, повышению деторождения и защите природы писалось в московском журнале: это «гремучая смесь»; и даже скорбь, как разрушительно пострадала Россия от коммунизма, – это «мазохистический экстаз, когда... рвут рубаху до пупа» [75]. (Такая лавинная атака развёрнуто поддерживалась и статьями в американской прессе.)

А радиостанция «Свобода» в эти годы стала уже легальным как бы внутрисоветским радио. Она завела серию передач «Русская идея», где издевательски опошляла и русскую историю и русскую мысль, прямо требовала «мутации русского духа», сокрушала русские мозги в безнадёжность, а в других слушателях наращивала неприязнь к русским. «Не являются ли русские народом прошлого, которого уже нет?» Униженная и отчаявшаяся Русь могла слышать: «причина тоталитаризма – русский родовой соблазн» (11.12.89); «у русских всё всегда на костях да на крови, а добром русский народ не умеет» (27.10.89); «говорить о патриотизме русском в такой стране просто бессовестно, безнравственно» (12.1.88). (Все эти радиопередачи так назойливо и целеустремлённо повторялись, что, кроме служебного задания от кормящих источников, выражали и собственные пылкие чувства вещателей.)

В эти самые годы шли массовые убийства в Азербайджане, Закаспии, Киргизии,

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru Таджикистане, Карабахе, Южной Осетии – все вне России и безо всякого участия русских. Но советская печать и американская радиостанция гремели только и именно против «русского расизма», против русского патриотизма, который «дурно пахнет».

Так несколько лет подряд происходила жестокая распря между разными ветвями общественности в СССР.

«Демократы» и «патриоты» полосовали друг друга бранью вместо того, чтоб объединиться против живучего, изворотливого коммунизма и комсомольства. И те и другие органически не были на то способны. Горе стране, где слова «патриот» или «демократ» считаются бранью.. А за это время коммунистическая номенклатура успешно пересоставлялась в «номенклатуру демократическую», коммерческую и вместе со сметливыми, ещё вчера никому в стране не известными хапугами – овладевала постами, капиталами. И после удачно выигранного времени только и могла благодарно кивнуть противоборцам на две растеснённые обочины: «Спасибо за вашу Распрю!»

Эта распря не дала даже хрипнуть скромным, достойным голосам с обеих сторон, заботливым о нашем будущем во всём его сложном объёме. Обрублены были истинные проблемы. Между огненно накалёнными полюсами создалось мёртвое поле, в которое противопоставлено, даже отвратительно вступить самым раздумчивым и плодоносным предположениям. Мазутная полоса этой распри осталась промазана и через сегодняшнюю нашу жизнь.

25. Болезни русского национализма

Среди наших высоких мыслителей XX века – С. Булгакова, В. Вернадского, А. Лосева, Н. Лосского, С. Франка, почти никто не разрабатывал особо русскую национальную тему, только И. Ильин, П. Струве, Н. Бердяев. (Но не назовёшь успехом легковесный щегольской выверт последнего с Третьим Римом – Третьим Интернационалом: с тех пор узнали мы и Третий Райх, и Третий Мир, и Третью Эмиграцию, и Третий Путь, – и какую существенную мысль нащипать по этому хребту сопоставлений?) Во втором ряду можно назвать В. Розанова и Г. Федотова. Да мыслителей русских мы надолго и лишились: или насильственной высылкой их, или принудительным их молчанием.

И так разработка русской национальной проблемы ещё до революции досталась, в лучшем случае, государственным деятелям (и часто приобретала оттенок казённый), а то – политическим журналистам. Эти же были – весьма разного калибра, и публикации иных своей резкостью, топорностью, вплоть до брани, вызывали отталкивание и даже отвращение образованного общества. Создавалось впечатление (удобное для критиков), что русской национальной публицистике органически присущ низкий уровень.

Затем десятилетия коммунистических уничтожений, гнёта и подавления русского национального сознания, его проявившихся носителей – могли этот уровень только снизить. Когда в 60–70-х годах уже совсем новое поколение стало пробуждаться от полувекового беспамятства под большевиками – это происходило мучительно, так сильно изменились бытийные условия, так глубок был перерыв традиции, и почти не достать было тех прежних, столь запретных книг. И объяснения, и решения молодым русским интеллигентам приходилось искать как бы заново. Одни (группа И. Огурцова, «Всероссийский Социал-Христианский Союз Освобождения Народа») верно определили коммунизм как главный источник наших бед, создали подпольную организацию для его свержения, однако были быстро разгромлены, не только при безучастии, но как бы не одобрении общества. Других (группа В. Осипова, самиздатский журнал «Вече»), осознающих свою общественную слабость, потянуло прислониться для опоры и защиты к чему-то крепкому, уже реально существующему. Они поддались тому мифу о якобы начавшемся национальном перерождении коммунизма и восприняли его уже не как главного растлителя русского народа, а как спасителя: ведь он «создал великую державу», вот, может, он и совершает наше великое мессианское предназначение? Забыв или простив ему десятки миллионов жертв и всё ленинское противорусское остервенение, они вопрошали: «Разве русский патриотизм не совместим с марксистско-ленинским мировоззрением?», да напротив же: «патриотизм и коммунизм не могут существовать один без другого», «русский коммунизм – особый путь России», «ленинская национальная политика – это и есть русское решение национального вопроса»... – в таких чудовищных формулировках они возродили национал-большевизм сменовеховцев, не вспоминали, что при раннебольшевизмом режиме полтора десятка лет даже и слова «русский» нельзя было произнести. Вдобавок уже и коллективизацию сочли желанным даром для русского

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsyna@alexander.ru
крестьянства (это мы слышали и от А. Зиновьева).

Систематически подавляемое национальное чувство неизбежно прорывается в болезненных и резких крайностях, на оскорбление его – всегда можно ждать агрессивной реакции, вплоть и до шовинизма. Уже и в 70-е годы в СССР прорвалось оно истолкованием всего происходящего в мировой и в российской истории – действиями масонов и евреев. С годов же «Перестройки», когда явно зазяла сокрушительность векового русского национального поражения, – тем отчаяннее стали искать в виновниках кого-нибудь, только не себя. И как раз на этот период, когда народ увидел себя обманутым, в падении, в ограблении, в нищете и всеми презируемым, – как раз и пришлось нажигание бранных кличек и обид со стороны освободившихся эфирно-газетных средств. Это ответно вызвало реакцию самую болезненную, как национальная надменность, заносчивость, дико не соответствующая нынешнему реальному жалкому состоянию нашего народа. В невиданном историческом падении, в нашем и без того отчаянном положении – мы ещё урезчали его безудержными, дуболомными, угрозами проявлениями.

Также и тут разгромленное русское сознание соблазнительно потянулось найти себе утерянную опору, вот – в соединении национализма и большевизма. И возникла дикая путаница – смешение «белых и красных», «примирение» их неизвестно на какой основе, создание «патриотического блока» с коммунистами, – а патриоты, не принявшие такого обличья, в выборах 1990 года и потерпели самое уничтожительное поражение. (Где ж, как не здесь, повторить о том несравненном бесстыдстве, с которым нынешняя КПрФ, даже и по названию не утёршаяся от прежнего коммунизма, объявляет себя «народно-патриотическим движением» и приверженицей православия? И ни один из их современных вождей не расскается, даже не помянет, как они этих патриотов и этих православных – топили, стреляли, выжигали. Бесстыдно ставят сегодня в кавычки «ужасы большевизма», да ведь то «было полвека назад – и былём поросло» [76]. Нет, то космическое злодейство несмылаемо с коммунизма.)

Одновременно у новых горе-теоретиков шли поиски, как русским спастись через «евразийство» или спастись от христианства через новоязычество: «может быть, здесь откроется новая истина для России?»

В этом смятении потонули, не повлияли немногие рассудительные патриотические голоса. А ведь именно эти голоса выражают здравую массу народа.

* * *

И на этот беспомощный провал русского национального сознания – ещё и сквозь 90-е годы общего и без того сокрушения потянулась и потянулась всё та же мазутная полоса.

Ещё при Сталине было обнаружено, что термины «национал-социализм» и «гитлеризм» малоудобны для брани, – и уже тогда перехватили от итальянцев лепкое слово «фашизм». Его быстро перенял и блатной мир – и в лагерях лепил «фашистов» нам, политическим зэкам, в том числе и недавним фронтовикам. Так и с перестроечного времени – скорозабывчиво затеяли лять тот «фашизм» и на всю Россию, главную силу, спасшую мир от Гитлера. За спиной слабых, хотя громких кучек русских националистов – ожидали какой-то грозной миллионной силы? Зазвенели обвинения от радикал-демократической образованщины, затем от иностранных радиостанций – в наступающем, уже всё заливающим «русском фашизме», и замахали страшные крылья со страниц московских газет.

Тут живо отозвался вдумчивый российский Президент. В середине января 1995, тотчас за нашим позорным военным поражением в Грозном, сквозь кровь и стоны гибнущего там населения и самих воюющих – на борьбу с нарастающей грознейшей опасностью был созван в Москве Международный Антифашистский форум. И в февральском послании к Федеральному Собранию Президент потребовал не прекращения кровопролития в Чечне, но прокуратуре и судам решительно защищать Россию от фашистской идеологии.

Какой не было в России никогда – и совсем не она России угрожает.

Клеймо «фашизма», как в своё время «классовый враг», «враг народа», – действует как успешный приём, чтобы сбить, заткнуть оппонента, навлечь на него репрессии. А припечатывать – по обстановке. Так и простая наша попытка защитить своё национальное существование от наплыва нетрудовой стаи из азиатских стран СНГ (какая европейская страна не озабочена подобным?) – фашизм! По многим нашим

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsyna@alexander.ru газетам так.

А казалось бы: если речь идёт об одичалой, фанатичной жестокости, готовой к насилию (определение, полностью применимое и к ранним большевикам), так и выговаривайте с точностью или придумайте новое слово, – но не оскорбляйте тавром «фашизм» тот народ, который разгромил Гитлера.

Если сопоставить, что в эти же годы, при махровом расцвете самых жёстких, непримиримых национализмов в Средней Азии, в Закавказьи, на Украине (со штурмовыми отрядами УНСО и даже легальном слёте во Львове ветеранов гитлеровской дивизии СС «Галиция»), к ним не было применено клеймо «фашизма», – нельзя не увидеть во всей кампании безоглядного рефлекса: под усиленными заляпами «русским фашизмом» не дать ни в малой степени возродиться русскому сознанию.

Да, непримиримые формы всякого, без исключения всякого на Земле национализма есть болезнь. И больной национализм опасен, вреден прежде всего для своего же народа. Но не закрайней гневливой бранью, а совестью вразумлением можно и нужно обращать его в национализм строительный, созидательный. Без которого ни один народ в истории не выстроил своего бытия.

Быть ли нам, русским?

26. Патриотизм

Существует, вероятно, немало определений патриотизма. Я всё же предложу здесь своё, при моём возврате в Россию неоднократно повторенное на общественных встречах по многим областям и везде всегда принятое с пониманием: «Патриотизм – это цельное и настойчивое чувство любви к своей родине, с готовностью жертвовать ей, делить невзгоды, но со служением не угодливым, не поддержкою несправедливых притязаний, а откровенным в оценке её пороков, грехов и в раскаянии за них».

Патриотизм – чувство органическое, естественное, оно не требует никаких оправданий, обоснований, а всякие к нему приставки («социал-патриотизм», левая и ленинская брань; «национал-патриотизм», нынешняя брань) суть либо непонимание, либо намеренная издёвка. Когда-то П. Вяземский приставил эпитет квасной патриотизм, очень полюбившийся российским либеральным кругам. А сказалося-то здесь его аристократическое высокомерие к бесхитростной, пропитанной бытом любви простонародья к своей стране.

Это – у нас модно: травить патриотизм едва ли не рядом с «фашизмом». А вот в Соединённых Штатах патриотизм стоит высоко. Не только никто его не стыдится, но Америка дышит своим патриотизмом, гордится им – и разные народные группы сливаются в нём едино. В каждом американском школьном классе висит национальный флаг, и во многих школах произносят слова верности ему.

Патриотизм – достояние многих стран, в том числе всех европейских, патриотизм – начало, объединяющее народ и никак не отделяющее от человечества. Другое дело, что, как всякое человеческое чувство, он может подвергаться отклонениям, искажениям.

Да подобно же тому, как и сегодняшнее в мире понятие «свободы» – и даже особенно в сотрясённой всеми «шоками» России – внесено до полного забвения обязанностей человека и до свободы от всякой ответственности. А между тем мы только до той грани человеческие существа, пока постоянно чувствуем на себе, над собою – наш долг.

И как не может сохраниться общество, где не усвоена ответственность гражданская, так не существовать и стране – особенно многонациональной, – где потеряна ответственность общегосударственная.

Страна многонациональная в трудные моменты своей истории должна иметь опору в поддержке и одушевлении всех своих граждан. Каждая нация должна иметь убеждённость, что единая защита общих интересов государства – жизненно нужна также и ей.

Такого государственного патриотизма в сегодняшней России нет и в помине. Помимо усиленного поощрения патриотизмов отдельных автономий – здесь и общее влияние хаоса, и совершенно недостойное поведение государственных властей, которые морально низко уронили себя в глазах всего населения страны. Один офицер на встрече в Ярославле сказал: «Новая Россия не поставила себя как родину».

27. Национальный обморок

Однако, и приняв понятие гражданского патриотизма, нельзя упустить патриотизма национального. В странах однонациональных тот и другой – едины суть. В странах многонациональных, как наша, национальный патриотизм есть составная и подкрепляющая часть общегражданского – и горе тому государству, где эти патриотизмы разошлись. К национальному патриотизму применимы те же характеристики, что приведены выше: готовность делить невзгоды, жертвовать, неугодность служения. И так же естественно и неукоримо – сознание единства со своим народом.

Любовь к своему народу так же природна, как и любовь к своей семье. В этой любви никто не может быть укорён, но лишь уважен. Как бы ни был круговертен и разбросчив современный мир – но ведь свою семью мы силится сохранить и мерим особою меркой, пронизанной внутренним пониманием. А нация – это тоже семья, только следующего уровня и объёма; и её тоже скрепляют неповторимые внутренние связи – общий язык, общая культурная традиция, воспоминание об общей истории и задачи её на будущее. И почему же самосохранение нации греховно?

Тут многие меньшие и малые нации нашей страны – ныне патриотизмом своим несомненно, явно превосходят русских. Их национальное чувство – стойкое.

А наше? А наше – истоптано, изорвано в клочья. Короткое время войны с Германией русский патриотизм был разрешён, возвышен, прославлен – а затем, по использовании, задвинут и снова превращен в пугало.

Я говорю тут – о русском патриотизме чистом, любовном, строительном; не о крайнем националистическом переделе («только наша порода!», «только наша вера!»), не о взнесении своей национальности выше мыслимых духовных вершин, выше нашего смирения перед Небом. И разумеется, не назовём «русским патриотизмом» тот, который заключает малодушный союз со своими уничтожителями-коммунистами.

Не напрямую, не Указом запрещён русский патриотизм – но близко около этого, почти. Немалые силы – и внутри страны, и вне её – направлены к тому, чтобы нас, русских, обезличить.

А мы? А мы – и поддались. Под лавиной нашего поражения в XX веке – опала наша воля защитить свой облик, свою особость, духовную органичность. Мы в упадке нашем много-много виноваты сами.

Вспомним Гоголя: «Велико незнание России посреди России». И вспомним Ивана Аксакова (речь о Пушкине): «Не в том ли вся сумма наших бед и зол, что так слабо в нас во всех, и в аристократах, и в демократах, русское историческое сознание, так мертвенно историческое чувство!»

Тяжче всего – отсутствие у нынешних русских людей слабого и отроду сознания своего единства. Сегодня, когда и большинство народов России в бедствии, – многие из них крепятся своею объединённостью и усилиями местного устройства. А русский народ – в наихудшем положении, ибо в цепи наших потерь мы утратили связующую, спасительную сцепку друг с другом, а с ней – и сознание своего места в стране.

Наше национальное сознание впало в летаргию. Мы еле-еле живы: между глухим беспамятством позади и грозно маячащим исчезновением впереди.

Мы – в национальном обмороке.

Когда во всём мире растут настойчивые национализмы – обморок нашего национального сознания отнимает у нас и жизненную силу, и даже инстинкт самосохранения.

С горькой горечью опасаясь, что после всего пережитого и при ныне переживаемом – участь уклona, упадка, слабения всё более угрожает народу русскому.

Причины или силовые поля, направляющие нас к этому упадку, – они сплетаются в удавку на наших глазах, вчера и сегодня, но и тянутся из нашего далёкого прошлого.

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru
28. Право на корни

У русских – своя выстрадавшая культура. Не будем отмерять ей всю тысячу лет – но уж верных шестьсот, от расцвета православной культуры в Московской Руси. Затем она испытала жестокую ломку с Петра I, её насильственно втискивали в чужие формы и заставляли развиваться в них. (То, что в геологии называется псевдоморфоз – кристаллизация в несвойственных формах.) Но в фольклорном слое, а от пушкинского времени и в слоях высших – мы многое своё отстояли. И православие сквозь века питало наше духовное своеобразие.

В советское время разрушительно действовал не только коммунистический пресс, но искусственное вытворение советской культуры – взамен и в эрзац русской. (А более всего пострадал, грубо упростился наш язык. Сегодня в русском народе и даже в оставшемся тонком культурном слое его до поразительного предела утеряно ощущение и понимание собственного языка. За употребление сочных и объёмных русских слов из живого словарного запаса XIX века я получал упрёки в «новаторстве», в «экспериментаторстве» не просто от рядовых читателей, но от русских критиков, и даже деревенского происхождения: они уже не узнают народных слов! Недавно опубликовал я в массовой газете сотню нерасхожих русских пословиц – потекли письма с жалобами, что пословиц этих не понимают, например, «Выше ветру голову не носи» – к а к это понять? да самым поучительным для нас образом: не заносись, не гордись не по силам, – урок и нашим неистовым националистам.)

А в последнее десятилетие русская культура ещё по-новому искажена тлетворным облучением её – через общественные образцы, через каналы информации и через образование, застигнутое в самый момент очищения от идеологии коммунизма, в момент пересоздания. Разложение школьного образования особо губительно: для русских подростков, да и юности постарше, – перестаёт существовать Россия как духовная сущность и как историческое явление. Но без объединяющего национального чувства мы, русские, – особенно при разбросанности наших пространств – рассосёмся, как безликий этнический материал, как аморфная масса.

Нам возразят, что это опасно – преувеличивать значение наций, национальной принадлежности. Преувеличивать – мы никак не намерены, ибо твёрдо ощущаем выше неё – мерку Неба. Мало того: мы полагаем, что и преувеличивать значение личности до выросшего ныне культа «прав человека» – не менее губительно для исторического развития: и над личностью тоже высятся инстанции духовные. Однако этот культ, доходящий уже до назойливости, не вызывает ничего упрёка.

Или выразимся так: «Будем как все народы!., и в том отношении, чтобы мы, подобно им, не стыдились нашего происхождения, и будем, как они, дорожить нашим языком и нашим достоинством». Фыркнут: «каким это ещё "нашим достоинством"?» – Напрасно, это – разумнейшие слова предшественника российского сионизма Переца Смоленскина[77], мы солидарны с ними. Или, несколько позже, сказал другой предшественник, Ахад Гаам: прежде всего «надо позаботиться о „возрождении сердец“, об умственном и нравственном усовершенствовании народа»[78]. Истинно так.

А ныне Россия преломлена не только духовно, она подорвана и телесно. Ещё в начале XX века мы были в мире вторым по численности государством. Но весь XX век шло множественное уничтожение русских: в японскую и в Первую Мировую войну; и от коммунистического геноцида; и от непосильных жертв в советско-германской; и от нынешнего голодного вымаривания по миллиону в год. А в ходе этого вымаривания, становясь всё разреженнее и в упадке духа, мы тем меньше имеем шансов возродиться.

Мы стряхнули с себя коммунизм, но это позднее освобождение обошлось нам ещё новыми утратами – так что заколебалось и наше будущее. Не закроем глаз на глубину нашего национального крушения, которое не остановилось и сегодня. Мы – в предпоследней потере духовных традиций, корней и органичности нашего бытия. Наши духовные силы подорваны ниже всех ожиданий.

29. Характер русского народа в прошлом
Допустимы ли какие бы то ни было суждения о нации в целом? Да ведь мы с лёгкостью высказываем суждения о человечестве в целом, о «женщинах вообще», о «молодёжи вообще», о крестьянах, о горожанах, – и хотя всякий раз нам справедливо возразят, что есть разные, – но мы же и понимаем, что всюду разнообразие, и всякое обобщающее суждение не полноохватно, его надо высказывать с осторожностью, – однако оно имеет весомый смысл. Никак не сплошь по каждой

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru личности, но народные характеры существуют несомненно. Они создаются наслоением опыта народной истории, традиций, обычаев, мировосприятия.

В современном этнологическом словаре прочтём, что национальный характер – это совокупность специфических психологических черт, которые проявляются в способе поведения, в образе мыслей, в складе ума. (Разумеется, среди них есть и общечеловеческие черты, а иные особенные черты встречаются и у других наций.)

И как судьба человека во многом определяется его характером, его личностью – так и судьба народа.

Явное отличие всей атмосферы жизни в России и русского характера от западного неоднократно отмечено в наблюдениях приезжавших иностранцев, участвовавших в XVII–XIX веках. Россия оказалась – и Западу долго «этого допустить было невозможно» – «целый мир, единый по своему началу», «живущий своей собственной органической самобытной жизнью» (Ф. Тютчев).

Откуда же возникла столь резкая разница? Только ли от более восточных меридианов? от соседства с агрессивно кочевыми народами? от обширности наших просторов, от наших лесов и степей? В объяснение особенностей русского характера выдвинуто и такое. Что в отличие от многих этносов, живших замкнутой кровнородственной общиной, – у наших славянских предков (кроме полян) община была территориальной. (Славянские племена и назывались по местам обитания, а не по имени предка, как, например, у германцев.) В ней всякий посторонний, кто поселялся, и даже бывший раб, не считался чужим, мог включиться в общину и жениться тут. Не было закрытости рода-племени, лишь единство «родной земли». Отсюда – всеоткрытость русского характера, лёгкая ассимиляция других народов. (Для дальнейшего отметим ещё важное отличие: главный признак славянской системы был препоручение власти снизу вверх, «славянские племенные союзы IX в. ... были государства, построенные снизу вверх».) [79]

Позже очень, очень многие черты русского характера определились православием. «Все народные начала, которыми мы восхищаемся, почти сплошь выросли из православия» (Достоевский). Не меридианы, нет: ведь это же самое православие отделило нас от мусульманского и буддийского Востока. (Сказалось, конечно, и обратное влияние: восточнославянского характера на формы усвоенного православия; тут – отличие от греков.)

Говоря о прошлых веках, мы, разумеется, имеем в виду более всего характер крестьянский, то есть подавляющей тогда части народа. Да вот, наглядное:

– доверчивое смирение с судьбой; любимые русские святые – смиренно-кроткие молитвенники (не спутаем смирение по убеждению – и безволие); русские всегда одобряли смирных, смиренных, юродивых;

– сострадательность; готовность помогать другим, делаясь своим насущным;

– «способность к самоотвержению и самопожертвованию» Тютчев тоже объяснял православными истоками;

– готовность к самоосуждению, раскаянию – и публичному; даже преувеличение своих слабостей и ошибок;

– вообще вера как главная опора характера; роль молитвы; «Русский человек не способен обходиться без сердечного общения с Богом» (Л. Тихомиров);

Отсюда и пословицы (жизненные правила! законы поведения), подобные таким:

Бедность – не порок.

Покорись беде – и беда покорится.

Больше горя – ближе к Богу.

Терпение лучше спасения.

И немало подобных, можно выписывать страницами. (Западному уму трудно принять такую линию поведения.) А ступая в продолжение этого мироощущения:

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru

– лёгкость умирания; эпическое спокойствие в приятии смерти (Л. Толстой, да у многих русских авторов);

– наконец: непогоня за внешним жизненным успехом; непогоня за богатством, довольство умеренным достатком. Пословицы вроде:

Кто малым не доволен, тот большого не достоин.

Шире себя жить – не добра нажить.

Но если цель жизни – не материальный успех, то – в чём она? В сегодняшнем заблудшем человечестве мы не слышим вразумительного ответа на этот неуклонимый вопрос, цель – затуманилась, люди всё более живут лишь бы жить, а где и: лишь бы существовать.

Не случайно у нас родилось, кроме «истины», ещё отдельное (и почти непере译имое) слово «правда»: тут – и истина, тут – и личная нравственность, тут – и общественная справедливость. Нет, далеко не праведность жизни, но широко разлитая жажда праведности.

А само собою, и не в связи с христианской верой, не раз выпукло проявлялись в русском характере и черты природжённые, отродные (не охватить и не процитировать всего, кем-либо наблюдённого, отмеченного):

– открытость, прямотушие;

– естественная непринуждённость, простота в поведении (и вплоть до изрядной простоватости);

– несуетность;

– юмор, в большой доле; многогранно и выразительно сверкают им русские пословицы;

– великодушие; «русские – люди непрочной ненависти, не умеют долго ненавидеть» (Достоевский);

– уживчивость; лёгкость человеческих отношений; «чужие в минутную встречу могут почувствовать себя близкими» (Г. Федотов);

– отзывчивость, способность всё «понять»;

– размах способностей, в самом широком диапазоне; «широкий, всеоткрытый ум» (Достоевский);

– широта характера, размах решений:

Чем с плачем жить, так с песнями умереть.

Не согласен я со множественным утверждением, что русскому характеру отличительно свойственен максимализм и экстремизм. Как раз напротив: подавляющее большинство хочет только малого, скромного.

Однако – всякий характер на Земле противоречив, даже может совмещать полные противоположности, тем более – у разных лиц; так не удивимся в дальнейшем перечне свойств как бы противоречию сказанному.

Известный наш педагог С.А. Рачинский указывал, что один и тот же носимый в душе нравственный идеал – «в натурах сильных выражается безграничной простотой и скромностью в совершении всякого подвига», а «в натурах слабых влечёт за собой преувеличенное сознание собственного бессилия». А Чехов отметил так («На пути»): «Природа вложила в русского человека необыкновенную способность верить, испытующий ум и дар мыслительства, но всё это разбивается в прах о беспечность, лень и мечтательное легкомыслие». Какие знакомые нам, сколько раз виденные черты... Нечёткие, нетвёрдые контуры характера – да, это у нас есть.

Последний французский посол в дореволюционной России, долго в ней живший Морис

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsyna@alexander.ru Палеолог, оставил нам тоже немало метких наблюдений. Воображение русских не рисует отчётливых очертаний, вместо понимания реальности – грёзы. Русские много думают, но не умеют предвидеть, бывают застигнуты врасплох последствиями своих поступков. Утешение «ничего» как черта национального характера, способ умалить цель, признать тщету всякого начинания – самооправдание, извиняющее отказ от стойкого проведения своих намерений. Быстрая покорность судьбе, готовность склониться перед неудачей.

В. Ключевский: «Мы работаем не тяжем, а рывом», – хотя рыв часто могучий. «Труд русского человека лишён упругого равномерного напряжения; нет методичности и размеренности» (С.С. Маслов, общественный деятель, XX век). Равномерной методичности, настойчивости, внутренней дисциплины – болезненнее всего не хватает русскому характеру, это, может быть, главный наш порок. (Уж не опускаемся здесь до расчеловечения – безоглядного распущенного пьянства.) Мы часто не собраны всей нашей волей к действенному стержню. Да и самой-то воли порой не хватает.

Из названных качеств проистекло, однако, и

– всеизвестное (худо знаменитое) русское долготерпение, поддержанное телесной и духовной выносливостью. (Отметим: терпение это веками держалось даже больше на смирении, чем на страхе перед властвующими.)

Веками у русских не развивалось правосознание, столь свойственное западному человеку. К законам было всегда отношение недоверчивое, ироническое: де разве возможно установить заранее закон, предусматривающий все частные случаи? ведь они все непохожи друг на друга. Тут – и явная подкупность многих, кто вершит закон. Но вместо правосознания в нашем народе всегда жила и ещё сегодня не умерла – тяга к живой справедливости, выраженная, например, пословицей: Хоть бы все законы пропали, лишь бы люди правдой жили.

Сюда примыкает и вековое отчуждение нашего народа от политики и от общественной деятельности. Как отметил Чаадаев, по русским летописям прослеживается «глубокое воздействие власти... и почти никогда не встретишь проявлений общественной воли». Как трава нагибается от сильного ветра, а потом распрямляется без вреда для себя – так народ, если удавалось, переживал, переживал эти «глубокие воздействия власти», не меняя веры и убеждений. «Русский дух больше вдохновлялся идеей правды Божьей на Земле, нежели – получить внешнюю свободу» (С. Левицкий, философ, XX век). Тем более – не стремился к власти: русский человек сторонился власти и презирал её как источник неизбежной нечистоты, соблазнов и грехов. В противоречие тому – жаждал сильных и праведных действий правителя, ждал чуда. (В наш удельный период многократно видим, как масса зависит от князя, вся направляется им, куда он повернёт, на войну так на войну.)

Отсюда проистекла наша нынешняя губительно малая способность к объединению сил, к самоорганизации, что более всего вредит нам сегодня. «Русские не способны делать дела через самозарождённую организованность. Мы из тех народов, которым нужен непременно вожак. При удачном вожаке русские могут быть очень сильны... Трудно служить России в одиночку, а скопом мы не умеем» (В.В. Шульгин).

И на то есть пословица: Сноп без перевясла – солома.

Так создаётся беспомощность и покорность судьбе, превосходящая все границы, – вызывающая изумление и презрение всего мира. Не разобравшись в сложной духовной структуре, – из чего это проистекло, как жило, живёт и к чему ещё нас выведет, – бранят нас извечными рабами, это сегодня модно, повсемодно.

30. Эволюция нашего характера

Разумеется, национальный характер не остаётся вечно постоянным. С течением веков, а когда и десятилетий, он меняется в зависимости от окружающей среды и питающего душу ландшафта, от происходящих с народом событий, от духа эпохи, особенно резкой в изломах. Менялся и русский характер.

Наша Смута XVII века хотя и рассвободила к разбойным и жестоким действиям какую-то динамичную прослойку народа, особенно казачество, но не раскачала народных нравственных основ, сохранивших себя здоровыми.

Много глубже и неотвратимей сказался религиозный Раскол XVII века. Расколом была

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsyna@alexander.ru произведена та роковая трещина, куда стала потом садить дубина Петра, измалачивая наши нравы и уставы без разбору. С тех пор долго, устойчиво исконный русский характер сохранялся в обособленной среде старообрядцев – и их вы не упрекнёте ни в распущенности, ни в разврате, ни в лени, ни в неумении вести промышленное, земледельческое или купеческое дело, ни в неграмотности, ни, тем более, в равнодушии к духовным вопросам. А то, что третий век мы наблюдаем как «русский характер», – это уже результат искажения его жестоко бездумным Расколом, от Никона и Алексея Михайловича, затем от жестоко предприимчивого Петра и костеневших его наследников.

Как эти наследники, петербургская династия, во многом бесцельно изматывали народные силы – я уже разбираю в другой статье («"Русский вопрос" к концу XX века», 1994). И горько общеизвестно, как династия и дворянство по меньшей мере на столетие эгоистически затаили крепостное состояние большей доли русского крестьянства, вот тем самым смирением его и пользуясь.

А когда, после этой вековой затяжки, освободительную реформу возвестили – она была робка, не дала крестьянам довольно земли, да и ту с оплатой, хоть и растянута, была недальновидна и незаботлива в том, как облегчить крестьянству и экономически, и общественно, и нравственно это огромное переходное сотрясение. Оно и не замедлило сказаться на метаниях народного характера, не могшего легко вжиться в новую систему отношений, тот ошеломительный «удар рублём» (Глеб Успенский). Какие-то слои народа – о, ещё далеко не все – были затронуты разломом быта, нравственной порчей, вспышками озорства и растущим размахом пьянства. Этот развал отражён у многих наших писателей и кроме Успенского. В 1891 г. Леонтьев писал: «Народ наш пьян, лжив, нечестен и успел уже привыкнуть, в течение 30 лет, к ненужному своеволию и вредным претензиям». И предсказывал: если так пойдёт и дальше – русский народ «через какие-нибудь полвека... из "народа-богоносца" станет мало-помалу, и сам того не замечая, "народом-богоборцем"». Предсказание его исполнилось опередительно...

Картину народного пьянства начала XX века мы находим в «Нашем преступлении» Ивана Родионова. Читаешь – кажется: бескрайней и мрачней не может быть падения нравов – а ведь ещё главный разлив впереди весь... Там же встречаем (1910) и: «Господь бы всех передуть, а землю и добро разделить», «бить всех господ!». (Там же – и расслабленность суда, последствие ещё одной александровской реформы.)

Генерал Деникин, имевший долголетний опыт с русскими солдатами, свидетельствовал: «Религиозность пошатнулась к началу XX века. Народ терял облик христианский, попадал под утробные материальные интересы и в них начинал видеть смысл жизни». (Это отмечают многие.) И он же: «Тёмный народ не понимал задачу национальной, государственной самозащиты», – то, что при отступлении 1915 года звучало: «до нас, саратовских, немец не дойдёт».

В 1905 новонаросшая озлобленность сказалась в поджогах и разгромах помещичьих имений, но сама попытка революции 1905 и её революционно-уголовный слив 1906, твёрдо пресечённый Столыпиным, не задела глубины народных масс и не добавили крутой ломки народного характера.

Даже и в 1917 американский Сенат («Овермэнская комиссия») слышит от протестантского пастора Саймонса, пожившего среди русских несколько последних лет: «Я нигде не встречал лучшего типа женщин или мужчин, чем в русских деревнях и даже в среде рабочих. И я всегда чувствовал себя среди них в полной безопасности до тех пор, пока не пришли к власти эти большевики» [80].

Внезапные опасные переходы русского характера отмечались многими. Ещё елизаветинский канцлер А.П. Бестужев-Рюмин писал: «Русский народ по первому толчку в состоянии что-нибудь предпринять, но потом, когда эта минута пройдёт, переходит к совершенному послушанию». Тот же М. Палеолог, перед самой революцией, заключал: «Слишком легко инстинкт со вспышками берёт у них верх над ровным светом разума, они с лёгкостью отдаются стихии. Эти толчки во внезапное разнуздание инстинктов меняют русский характер до неузнаваемости». Весьма утвердилось, – и в русской письменности, тут и усечённая, затасканная фраза из Пушкина, – представление о бескрайности и несравнимой ярости русских бунтовских взрывов. Может быть, это – и по резкому контрасту перехода от беспредельного русского терпения. Однако действия вообще всяких революционных толп, так тонко и разносторонне проанализированные известным психологом Густавом Ле Боном, дают

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru общие характеристики, вовсе не зависящие от национальности толпы, от расы, от темперамента. И разрушительность, и ярость проявлений – в Российскую революцию нисколько не ярей и не жесточе, чем во французскую революцию или в испанскую гражданскую войну (1936–39). Иван Солоневич довольно справедливо возражает, что русские бунтарские выступления, в Смуту или в пугачёвщину, – были отнюдь не анархичны, не «бессмысленны», – «они шли под знаменем легитимной монархии», веря или обманывая себя, что идут устанавливать власть хорошего монарха.

Неприглядный разлив нашей стихии, необузданность народного своеволия сказались больше с февраля 1917. Напротив, Октябрьский переворот – и в Петрограде, и при московских боях, прошёл при народном безучастии, с обеих сторон действовали лишь малые группы. Апатия эта не намного лучше необузданного взрыва.

А большевики-то быстро взяли русский характер в железо и направили работать на себя. В советские годы иронически сбылось пожелание Леонтьева, что русский народ «не надо лишать тех внешних ограничений и уз, которые так долго утверждали и воспитывали в нём смирение и покорность... Он должен быть сызнова и мудро стеснён в своей свободе; удержан свыше на скользком пути эгалитарного своеволия». Сбылось – и с превышением многократным.

Селективным противоотбором, избирательным уничтожением всего яркого, отметного, что выше уровнем, – большевики планомерно меняли русский характер, издёргали его, искрутили. Об истаянии народной нравственности под большевицким гнётом я достаточно написал и в «Архипелаге» (Часть IV, гл. 3), и во многих статьях. Повторю здесь кратко-перечислительно. Под разлитым по стране парализующим страхом (и отнюдь не только перед арестом, но перед любым действием начальства при всеобщем бесправном ничтожестве, до невозможности уйти от произвола сменой местожительства), при густой пронизанности населения стукаческой сетью, – в народ внедрялась, вживалась скрытность, недоверчивость – до той степени, что всякое открытое поведение выглядело как провокация. Сколько отречений от ближайших родственников! от попавших под секиру друзей! глухое, круговое равнодушие к людским гибелям рядом, – всеугнётное поле предательства. Неизбежность лгать, лгать и притворяться, если хочешь существовать. А взамен всего отмирающего доброго – утверждалась неблагодарность, жестокость, всепробивность до крайнего нахальства. Как сказал Борис Лавренёв (ещё в 20-е годы, после гражданской войны): «Большевики перекипятили русскую кровь на огне». Было, было – и это ли не изменение, не полный пережог народного характера?!

Советский режим способствовал подъёму и успеху худших личностей. Удивляться другому: что добрая основа ещё во стольких людях сохранилась. И удивиться, что наш народ ещё не был необратимо подорван, иначе откуда взялись бы титанические силы на советско-германскую войну?

Вот советско-германская война и наши небережённые в ней, неслучайные потери, – они, вослед внутренним уничтожениям, надолго подорвали богатейшее русское народное – может быть, на столетие вперёд. Отгоним от себя мысль, что – и навсегда.

Прозабание народа под Хрущёвым и Брежневым не отмечено гигантскими изломами, которые бы меняли народный характер. Наступила та, пророченная Леонтьевым, дремливая и как будто даже уютная покорность. Соками увядающего русского гиганта усиленно подпитывались окраины, всё созревая к рывку отделения, – а мы уж рады были, что не гонят нас толпами на уничтожение.

А затем дёрнули нас двумя безразумными, никак не рассчитанными Большими Скачками – Горбачёва и Ельцина. Не успев оглядеться, встроиться в перемены, ни подготовить себя и детей, ни сберечь последнего утлого имущества, мы прыгнули – нас бросили – не в «Рынок», нет! но – в Рыночную Идеологию (без рынка): «человек человеку волк» и «умри ты сегодня, а я завтра». Этот рублёво-долларовый удар – и по самой жизни, и ещё больше по психологии – оказался куда многопоследственной того «рублёвого» удара александровского времени. (И при всей нашей «перекипяченной на огне» крови – мы явили ещё новый всемирный рекорд терпения: жить покорнейше и без зарплат. Вот, можем рубить подземный военный кабель, чтобы торгануть куском цветного металла.)

Страшнее массовой нищеты – от гай-чубайской «реформы» настигло наш народ ещё новое духовное разложение. А самые смиренные, трудолюбивые, доверчивые – оказались самыми не подготовленными к этому мощному дыханию Распада. И остаточному, ещё не

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsyna@alexander.ru
вовсе погубленному народному характеру – чем загородиться от этого Распада?
Какими остатками великодушия? живого сочувствия к чужой беде (когда и сам там)?
готовности идти на помощь (когда и самому худо за край)? А главное, главное –
как от этого разлагающего, наглого, всепобедительного тлетворства защитить
детей?

Давние черты русского характера – какие добрые потеряны, а какие уязвимые
развились – они и сделали нас беззащитными в испытаниях XX века.

И наша когдатошняя всеоткрытость – не она ли обернулась и лёгкой сдачей под
чужое влияние, духовной бесхребетностью? Не она ли обнажилась и во внутренней
неслитности, расчуждённости среди нас самих? так горько сказала недавно на
отталкивании наших беженцев из республик. Поражает это бесчувствие русских к
русским! Редко в каком народе настолько отсутствует национальная спайка и
взаимовыручка, как отсутствует у нас. Может быть – это только нынешний распад?
или свойство, врезанное в нас советскими десятилетиями? Ведь были ж у нас веками
дружнейшие братские артели, была живая общинная жизнь, может быть, это
восстановимо?

Между тем нам мало только лишь восстановить народное здоровье. По высокой
требовательности наступающего электронно-информационного века нам – чтобы что-то
значить среди других народов – надо суметь перестроить характер свой к ожидаемой
высокой интенсивности XXI столетия. А мы за всю свою историю – ой не привыкли к
интенсивности.

Русский характер сегодня – весь закачался, на перевесе. И куда склонится?

31. Да быть ли нам русскими?

Кажется, изложение уже давно требует уточнить: кого мы понимаем под словом
«русские». До революции слово это употреблялось как соединённое название трёх
восточно-славянских народов (великороссов, малороссов и белорусов). После
революции – взамен упрощённых великороссов. (Отупение в собственном языке уже
давно увело нас от выразительных слов «руссы», «русичи», а именование
«великороссы» нам теперь и не по шапке.) По содержанию же мы понимаем под этим
словом не непременно этнически русских, но тех, кто искренно и цельно привержен
по духу, направлению своей привязанности, преданности – к русскому народу, его
истории, культуре, традициям.

В конце 1919, в предгибельном отступлении Добровольческой Армии, генерал Пётр
Врангель воззвал к ней: «С нами тот, кто сердцем русский». Точнее не скажешь.
Национальность не непременно в крови, а в сердечных привязанностях и духовном
направлении личности. Это особенно внятно сказалось на составе народа
русского: веками быв в государстве народом объемлющим, он становился также и
творимой нацией: многие из тех иноплеменников, кто состоял на российской
государственной службе или жизненно, надолго окунался в русскую культуру и быт,
– становились подлинно русскими по душе.

Впрочем: ещё отпустят ли нам право называться «русскими». В сегодняшних
эфирно-газетных средствах – никогда не встретим истолкование событий, понимание
перспектив – с собственно русской точки зрения. Мы дожили до того, что
словоупотребление «русский» как бы – под моральным запретом, оно уже кажется
дерзким вызовом: а что мы хотим этим «выразить»? от кого «отгородиться»? а как
же, мол, остальные нации? Но остальные нации держатся за свои наименования
увереннее нас. Сегодня – и особенно официально – пытаются внедрять термин
«россияне». Смысловая клетка для такого слова есть, да, как соответствующая
необходимому прилагательному «российский». Однако слова этого не услышишь ни в
каком простом, естественном разговоре, оно оказалось безжизненно. Ни один
нерусский гражданин России на вопрос «кто ты?» не назовёт себя «россиянином», а
с определённостью: я – татарин, я – калмык, я – чуваш, либо «я – русский», если
душой верно чувствует себя таковым. И в остатке – расплывчатое «россияне»
достаётся нам в удел разве что для официальных холодных обращений да взамен
полного наименования гражданства. Но никогда нам не определиться и не понять
самих себя, если примем негласный запрет называть себя «русскими».

Помимо общечеловеческих ценностей существуют – как их составная часть – ценности
национально-культурные, и в них нельзя отказать ни одной нации.

Этот раздел начат вопросом: «Быть ли нам, русским?» Такой вопрос подавляется уже

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsyna@alexander.ru 80 лет: то он «мешает интернациональному воспитанию», то «препятствует проведению демократических реформ». А вопрос грозно высится: существовать ли русским и далее на Земле? Близкая новая перепись, 1999, уже несомненно покажет резкое падение нашей численности. Главное – от прямого вымирания и упадка рождений. И разве возьмётся российское государство поддержать русскую демографию? на это нужно и заботливое сердце, и большие средства, – да уж теперь на десятилетия. (Статистическое падение численности усилится и тем, что нерусские, кто прежде записывались «русскими», теперь возвратятся в свою национальность; да немало и русских, владеющих местными языками, выбудут из русских.)

Однако, беспощадный указатель, вопрос поворачивается стрелкой и так: Быть ли нам русскими? Если и выживем телесно, то сохраним ли нашу русскость, всю совокупность нашей веры, души, характера, – наш континент во всемирной культурной структуре? Сохранимся ли мы в духе, в языке, в сознании своей исторической традиции?

* * *

Перед сохранением русских как единого народа ныне выросло много препятственных условий. И первое среди них: судьба нашего юношества. Будет ли наша школа – средоточием русской культуры? Обеспечит ли она её преемственность, живость исторической памяти и самоуважение народа?

Едва отделились республики СНГ – они тотчас перестроили школы свои на сугубо национальный лад. Теперь и российские автономии деятельно устраивают свои национальные школы. Также – и некоторые нации в России, не имеющие своей автономной территории. (В одной Москве уже много таких школ: есть еврейские, армянские, грузинские, татарские, литовская и др.) Однако к русским уже наперёд раздаются осадительные окрики: не шовинизмом ли диктуются «задачи „глубокого освоения ребёнком неискажённого русского языка, русской истории и русской гуманитарно-философской культуры“»? [81]

Между тем Ушинский ещё в 1857 детально разработал концепцию национального образования («народного», говорил он вослед Пушкину): единая система воспитания для всех народов не возможна ни теоретически, ни практически; у каждого народа своя система.

Культура не может плодотворно развиваться вне национальных форм – разумеется, не в отгораживающих стенах, но во взаимодействии с другими мировыми культурами. Притом: органическая связь с корнями и традицией никак не должна отрывать учащихся от ориентации на интенсивную современность. (Не слишком уводить к хороводам и гусярам.)

Требовательная современность (от которой мы всё отстаём и отстаём) диктует нам не просто задачу возрождения растерянных ценностей, но куда более сложную задачу построения новой России, ещё никогда не бывавшей. А значит, прежде всего через школьное воспитание, без которого не вырастет и новая интеллигенция.

Такую новизну являет собой, например, задача школьного преподавания отечественной истории. Дореволюционные гимназические учебники тоже ведь сильно лакировали века предшествующие, а на подступе к современным затаивались, не дойдя двух последних царствований. Что ж говорить о грубом корёжении истории в учебниках советских. И теперь сумеем ли – и успеем ли через новый вихрь проектов безответственных и с искажениями модификаций – открыть юношеству нашу отечественную историю в полноте объёма и непредвзятой правды? Возможны хрестоматии не только по русской литературе, но и с отрывками исторических документов, но, для старших классов, и с обильными выдержками из русских мыслителей, и XX века также. Конечно, в программах такой школы не может не найти последовательного отражения роль православия в нашей истории и культуре. (Побывал я и в школах, где делаются подобные усилия, не имеющие никакой государственной поддержки, а лишь – инициативой учительского состава. В них поражает общая светлая атмосфера, исключительная взаимодоброжелательность учеников к ученикам и преподавателям – как если б эти островки не были обомкнуты нашей озлобленной эпохой.)

При нынешнем упадке нашем – никак не дать сейчас уверенного прогноза, что у нас хватит настояния создать столь необходимую школу. Однако если не создадим, если не выведем наших детей из опасностей бессвязного, тёмного сознания, пронизанного

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru жгучими искрами языческой жестокости и наживной страсти любой ценой, – это и будет конец русского народа и русской истории.

А по пакту ООН родители имеют право дать своим детям и религиозное воспитание. И даже в сегодняшних зачатках в России мы уже наблюдаем возникшие там или здесь, очень редкие, через большие трудности, православные гимназии – с попытками построить и православный внутришкольный быт. По условиям нынешнего века, может быть, не столь действительно прямое преподавание вероучительных предметов, сколь общая охватывающая атмосфера преподавания всех предметов гуманитарного, эстетического и даже естественного циклов. (Да ведь едва ли не в каждом изучаемом в школе предмете может сквозить если не религиозный, то нравственный смысл изучаемого.)

Реально идущий сегодня в российском школьном образовании процесс направлен как раз обратно нашему спасению. Тут – и критический переходный излом по изживанию коммунистических учебников: они выходят как будто освежённые от прошлой идеологии, а нет: в разной мере – всё с тем же балластом её. Тут – при катастрофическом материальном упадке всей системы российского просвещения, при разрушенности сети распространения и недоступной дороговизне изданий – и беспомощная зависимость школы, учителей от дарителей любого рода, от любых бесплатных учебников. И вот – сомнительные богатейшие зарубежные фонды и международные псевдорелигиозные организации насылают в Россию свои новации – и этим Полем влияния наше образование застигнуто врасплох, как раз на труднейшем переходе. Многие российские (порой и зарубежные) авторы, часто и не педагоги, без личного опыта школьного преподавания, поспешно и даже опрометчиво включились в эти «культурные инициативы» – и уже написано немало новых учебников и пособий, которые с поразительной лёгкостью получают одобрительные визы от министерства образования, затем и тиражируются. В таких учебных «пособиях» внушается ученикам, например, что литература не должна восприниматься в воспитательном смысле, но лишь как развлечение вкуса, – прямо против русской традиции. Или отсекается в юных умах всякое уважение к отечественной истории и ценностям.

Это сбивающее влияние сказывается также и на методике самого преподавания, и на оценке приобретенных познаний. Вместо строгой системы знаний в традиции российского образования – предлагается поверхностная, клочья пестрота сведений, иногда головокружные обрывки информации – под лозунгом развития самостоятельного мышления ученика, где он призывается быть арбитром предложенного материала. Такой методикой юные неразвитые умы нередко побуждаются к невежеству самоуверенных оценок, капризной субъективности – ещё до знания систематических основ предмета. Соответственно и при проверке знаний не требуется связного, цельного изложения их, выявления процесса мысли, но – лишь результат: подчеркнуть «да? – нет?» или поставить галочку у одного из предлагаемых вариантов ответов.

В такой разломной и засоренной обстановке – каково же рождаться новой русской школе?

Своим чередом и российское министерство образования практикует невзвешенные, скороспелые изменения в учебных программах. Уже прежде были сокращены часы по русскому языку, теперь существует проект и полной ликвидации отдельного курса русского языка, а влить его в курс литературы. Но это – окончательное добитие языкового курса?

В этом потоке «реформ» и «новаций» – каково приходится множеству ошеломлённых, угнетённых учителей? Вот записанные мною назидательные фразы учителей, заменяющие мерку нравственных целей или чистой жажды знаний. В районной школе на уроке «Истории Отечества»: «Надо хорошо учиться, чтобы стать богатым». В запущенной сельской, этим несчастным детям, обречённым на скудный потолок знаний да и скудную жизнь, на уроке истории: «Может быть, и кто-нибудь из вас станет владельцем завода». «А ты, Ваня, хочешь быть президентом?..»

32. Православная церковь в это смутное время
Такой повязанной пленницей была Церковь при большевиках, что освобождение могло нести, казалось, лишь одну радость. Первые шаги – так и виделось, неомрачённо светлыми. Но и для освобождённой Церкви – переход не мог оказаться прост, как и для всей России.

При том что семи десятилетиям неволи у безбожников предшествовало не лучшее для

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru русской Церкви столетие. Весь XIX век, за малыми исключениями, длился процесс окаменения форм её жизнедеятельности. Он сопровождался отпадением от веры и Церкви большой части образованного класса (по причинам также и своего развития). А с XIX на XX стала охладевать и отпадать уже и заметная часть простонародья – что и было одной из решающих подоснов революционного взрыва в 1917. Наряду с подвигами святости в недрах Церкви – в приходской обыденности настаивалась духота, это ясно видели многие иерархи и преданные Церкви миряне («Соборяне» Лескова). Неизбежно зрела реформа церковной жизни, и в начале XX века готовился для того Собор – но все эти начинания были остановлены волею монарха.

И как же встретила русская Церковь великую российскую Катастрофу февраля 1917 – безумный государственный переворот, да во время великой войны? Синод обратился к народу с призывом признать ту хаотическую революционную власть «властью от Бога», проявился к ней даже не отрешённо-формально, но угодливо-приветственно, призвал на неё благословение Божье, и подписи поставили – да, и Сергей Страгородский, но и будущий Патриарх Тихон, но и епископ Антоний Храповицкий, – все три будущих церковных направления приложились к этому греховному источнику наших последующих бед. (И православной Церкви Зарубежья, гордящейся своею чистотой от большевизма, когда она посылала и посылает Церкви на родине гневные обвинения в непростимом «сергианстве», но ещё непростимее пошла на прямой подрыв Церкви в сегодняшних приходах, – следует этот тяжкий момент помнить.)

Затем наступило как будто самое обнадёжившее развитие – успешный, многомысленный церковный Собор 1917, но он был оборван обстрелом Кремля из большевических пушек. А дальше – и настигло нашу Церковь лютое гонение полувековой долготы, с уничтожением десятков тысяч священнослужителей (утопление целых семей в проруби, иссечение шашками на части, это всё теперь позабыто), предпримером чего было только античное гонение на христиан. И тысячи погибших проявили беззаветную преданность вере, сознательно выбирали гибель за Христа – но, увы, их жертвы, их личный героизм не могли ошутить остальной православный народ, ни ту Церковь, которая начала еле дозволенное, робкое существование в шаткой и урезанной легальности от 1943 года, да и ещё раз попала под сумасбродные хрущёвские гонения.

И сегодня следует сочувственно помнить и понимать, из какого краха, из каких унижений, из какого повального разорения и ограбления встаёт наша Церковь, поныне без материальной опоры.

Да, конечно, многие хотели бы, и ждут, и справедливо, чтобы Православная Церковь укреплялась бы совершенно самостоятельной, авторитетною силою в стране – ибо всякие государственные подпорки только ослабляют дух Церкви. Чтобы не участвовала она в демонстративно-телевизионном «воцерковлении» власти – столь недостойной и запутавшейся; но самоустановленным, уверенным голосом обличала бы слепость или поощрительность властных лиц к разбойным силам. Чтобы голос Церкви когда-то же твёрдо зазвучал в помощь нам и в защиту, в повседневном нашем барахтании.

Но и помня же, и помня безмерную физическую слабость сегодняшней нашей Церкви, прореженность, неукреплённость состава её служителей (на исправление чего потребуются годы и годы), уместно нам не упрёки слать сегодняшней Церкви, а – ужаснуться нашей собственной слабости и ничтожности, как мы допускаем всё происходящее, мы, сами верующие? Те, кто равнодушны к судьбе Отечества, – они ведь и бесполезны для вызволения его.

Сегодняшние трудности нашей Церкви – далеко не только материальные.

Один ряд сложностей – роль Церкви в обществе и в повседневной жизни людей. Законно отделяясь бы от государственной власти, Церковь не может разрешить себе отделиться от общества и его вопиющих нужд. Вот эта многовековая традиция внесоциальности православия – как горька при сегодняшнем гибельном состоянии русского народа и страны. Именно в такое разорённое время, как наше, люди нуждаются в чьей-то сильной духовной поддержке (и – чьей же?) во всех сложностях общественного их бытия. Сегодня уже есть отдельные священники, отдельные приходы, которые много делают вне стен своего храма, – но передастся ли это всей Церкви как сознательное стремление? Католичество ли, протестантство, ислам, – все они социально активны, и в этом естественно проявляется связь народа со своей религией. Православная Церковь должна занять достойное место в общественной жизни России (найти место и в армии), однако в достойной же мере не

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru опускаясь до профанации обрядов (как освящение суетных угодий). И не входя в конфликт с другими традиционными в России религиями: значением своей роли и силой влияния не переходя ту грань, за которой могли бы возникнуть трещины в целостности многоверной и многонациональной страны.

Другой ряд – внутренние проблемы Церкви. Неокрепость восстанавливаемых духовных училищ, неспособных насытить по всей стране потребность в высоко образованных священниках. После опустошающих большевических десятилетий и при нынешнем буйстве новоязыческого сознания – трудность поиска верного языка для проповеди и убеждения. Как именно строить обучение детей? и как просвещать пришедших в Церковь взрослых? Споры внутри Церкви о допустимости частичного перехода с церковнославянского языка богослужения на русский. Противоречия крыльев: настойчиво (иногда и резко) реформаторского – и окаменело-ортодоксального: не только ничего не менять в развитии, но вообще, по возможности, восстановить дореволюционный дух и строй Церкви. (Однако: как ничто в России не может вернуться к дореволюционному бытию – так не может вернуться и Церковь. Поиск и движение неизбежны и при глубокой верности традиции.) Ежегодные архиерейские соборы усердно работают над этими проблемами; но много надо мужества – осознать их открыто и со всеми выводами. (И когда же дойдёт до истинного примирения с нашей кореннейшей ветвью, со старообрядцами? не до «прощения» их, а принесения им раскаяния за жестокие гонения в прошлом. Неужели и сегодня, когда вся разорённая Россия не ведаёт, быть ли ей, в эту великую русскую Беду, – мы и тут всё не можем из гордыни признать ту древнюю тяжбу надуманной?)

В наше новоязыческое время звучат и раздражённые голоса против «расслабляющего» христианства, якобы губящего нашу национальную историю. И голоса, возвышающие патриотизм в ущерб православию и выше его. Разумеется, мы вступаем в веру как с нашими личными, так и национальными особенностями и мироощущением. Но дальше, в ходе религиозного развития, если оно нам удаётся, мы возвышаемся до больших высот, до охвата значительно более широкого, чем национальный. Наше национальное распыление, произошедшее в XX веке, как раз и истекает из утери нами православной веры, из самоотпления в новом свирепом язычестве. При отказе от православия и патриотизм наш приобретает черты языческие.

Ныне на территории России ведётся активная «миссионерская» или даже пропагандистская деятельность инославных, иноверных и сектантских проповедников, изобилующих денежными средствами, подавительными в сравнении с нищетой нашей Церкви. Все эти проповедники (и даже организаторы образования и воспитания нашего юношества!) настаивают на своём юридическом праве на то. Допустим. Но юридическая ступень суждений – весьма невысокая ступень: юридизм изобретен как тот минимальный порог нравственных обязательств, без которого и ниже которого человечество может опуститься в животное состояние.

Однако ни исторически, ни мироощущенно, ни культурно, ни в душевном строе, ни бытийно – эти проповедуемые варианты не могут заменить нам православия. Уже сложилось так, что 1000 лет наш народ рос и жил именно в православии. И не пристало нам теперь от него отшатываться, но прилагать его в благоразумии, в чистоте, при грядущих и новых соблазнах ещё и XXI века.

Сегодня, пусть несовершенно, но всё же весьма скромные государственные меры к защите традиционных в России религий вызвали гневную газетную волну (разумеется, радостно подхваченную радиостанцией «Свобода») – но не против этих всех религий, нет, тут не атеизм, а именно и только против православия: нам грозит «православизация всей страны», «казарменное православие». «Патриарх систематически срывает патриархию с МВД». И даже такое: эта Церковь «тоталитаризм впитала как материнское молоко», она – «один из рычагов отката общественного сознания», предсказываются ей «скандальные разоблачения», «не исключая сотрудничества Церкви с криминальными структурами». Да что там! да в духе той запредельной развязности, какая числится высшим стилем нынешней российской прессы: даровано «Патриархии право первой ночи», «сегодня нами правит не Ельцин, а Алексей II» [82].

Из тех, кого в безгласное время миновало красное копыто, – теперь, в гласной России, глумятся над православием, над всяким несовершенным проявлением веры, и у них не встречают уважения десятки тысяч мучеников, потоптанных теми копытами. Смутен же обрыв Тысячелетия христианства на Руси.

Но тем сложнее положение думающих, ищущих епископов, священников: церковные

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsyna@alexander.ru формы не могут костенеть вторую Тысячу лет, они сами просятся к развитию, к утончению в подвижной, бурной эпохе. А круги, пребывающие в застылой неподвижности, то и дело «смирняют» их, осаживают. И – что делать? Открытый спор, распрямление встречают оценку «духовного бунта», а главное – вносят в Церковь дух раскола? десятижды нежеланный при этой внешней яростной атаке. Но как тревожно, как угнетает опасная возможность, что ответом станет – самозакрытие, цепенение Церкви.

А в сегодняшней разгромленной, раздавленной, ошеломлённой и развращаемой России – тем видней: вне духовной укрепы от православия нам на ноги не встать. Если мы не бессмысленное стадо – нужна же нам достойная основа нашего единства.

Преданно и настойчиво нам, русским, следует держаться за духовный дар православия – уж видно, что из наших последних, теряемых даров.

Именно православность, а не имперская державность создала русский культурный тип. Православие, сохраняемое в наших сердцах, обычаях и поступках, укрепит тот духовный смысл, который объединяет русских выше соображений племенных. Если в предстоящие десятилетия мы будем ещё, ещё терять и объём населения, и территории, и даже государственность – то одно нетленное и останется у нас: православная вера и источаемое из неё высокое мирочувствие.

33. Местное самоуправление

Повседневная реальная жизнь людей зависит – на четыре пятых или больше – не от общегосударственных событий, а от событий местных, и потому – от местного самоуправления, направляющего ход жизни в округе. Именно так и регулируется жизнь в странах Запада: через эффективное местное самоуправление, где каждый имеет возможность участвовать в решениях, определяющих его существование. И только такой порядок есть демократия.

А что такое были у нас советы депутатов? Отначала же, в 1917, советы (искажённая копия дореволюционного земства) были созданы не как представительства ото всего населения, а для политической цели: как орган диктатуры одних слоев (рабочие, солдаты) над другими слоями. В дальнейшем ходе революции советы потеряли и эту роль и стали лишь декорацией власти компартии. И подчинялись они не только местным партийным органам, но и центральным «советским», сверху вниз по своей «советской вертикали», что лишало их и последнего облика местной самостоятельности.

При перевороте августа 1991 возникла наивысшая возможность создать в России демократическое народное самоуправление – «демократию малых пространств». Ещё не потеряна она была и в октябре 1993, при роспуске советов. Но наши центральные власти не сделали и движения к тому, головы их были заняты расчётами другими. Первые попытки местного самоуправления душились, из соперничества, и политическими партиями, их совместным фронтом (как это было в Красноярске с 1991: коммунисты и демократы из «Выбора России», заодно; да не в одном Красноярске).

И обе наши Государственные Думы, одна за другой, равнодушно тормозили выработку дееспособного закона о местном самоуправлении, который открыл бы ему законные пути и финансовые возможности. Принятые ими законы-выкидыши не открыли этих возможностей. А ведь по Конституции 1993 года, статья 12, «признаётся и гарантируется местное самоуправление», его «самостоятельность» и что оно «не входит в систему государственной власти», – так дайте же такое наконец! Нет: где и остроено подобие самоуправления, оно есть подчинённый придаток управления государственного. (С другой стороны, опрометчиво имитируя несозданное самоуправление – государственная власть пошла на рискованное разрушение собственной вертикали, допустивши выборность губернаторов, затем, местами, и районных администраторов. При сегодняшнем параличе центральной власти это может, да, оживить и облегчить жизнь в областях – но временно. А во сколько-нибудь дальновидном обзоре это ведёт к утере единого управления государством, к возможностям сепаратизма и даже распада. Такая цена неразумно уплачивается всего лишь из боязни вырастить подлинное народное самоуправление, из боязни объединительных – помимо власти – движений в народе.)

Ещё бы! Очень нужно законодательное открытие пути к народному самоуправлению. Но если, вот, за пять лет, от разгона советов, не дождались – сколько ждать? Нам, видно, не скоро его дадут, а если дадут, то урезанное и без местных финансов. В

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru
отдельных областях более разумные, отзывчивые губернаторы, кому слышней и видней
народное горе, быть может, пойдут на помощь пошире.

Но даже если не откроют нам путей местного самоуправления – в жизненных интересах народа: тем, кто не потерял ещё активности, надо действовать, самим! – не дожидаясь разрешительных законов от закостеневшего Центра: он может ещё нескоро, нескоро очнуться. В сегодняшней России – и многое пребывает в отказном состоянии: нельзя – и всё.

Начинать с терпеливого решения местных частных проблем. Объединяться для этого по каждому возникающему поводу – бытовому, профессиональному, культурному, в круге житейского интереса. Объединяться в активные общественные, профессиональные, культурные группы. В любом месте и в любом малом числе работать над каждым краткосрочным или долгосрочным делом. Всякое такое объединение – это форма и способ перешагнуть нынешнее лихое бесчувственное безвременье.

Стать главной движущей и работающей силой местного самоуправления – самое зовущее место для нашей провинциальной интеллигенции, ныне, мало сказать, невостребованной, но брошенной в нищете и отмененной в сторону метлою всех «шоковых» реформ. А ведь интеллигенция эта – честная, высокограмотная, трудовая, самоотверженно идеалистичная, многоотзывчивая, прямая наследница своих дореволюционных предшественников, – уникальное богатство России.

Каждые возникающие на месте очажки, звено, самодвижность – культурная, образовательная, воспитательная, профессиональная, краеведческая, экологическая, землеустроительная, хоть садовоогородная, – они все и есть деятельные зачатки местного самоуправления, даже будущие составные части его структуры. Им – и соединяться в общих усилиях, и начинать направлять местную жизнь, разумно, спасительно, а не в тупик, как загоняет нас многое начальство и столько Указов. Может быть, для начала придётся спланировать и прежде, чем станут возможны законные полноценные выборы местного управления.

Возражают: но ведь мы – не умеем] Ведь у нашего народа слабое правосознание! Однако беды, в которые теперь народ попал, динамично обостряют его правосознание. В самом процессе борьбы за народное самоуправление – оно и будет крепнуть. Да не сразу же всё создать в законченном виде! нет, последовательными приближениями, на пробу.

И так возражат: да где набраться способных людей? А что – на верхах мы видим способных больше?

Но ещё уничтожительней возражение: как создавать без денежной основы? как обеспечить новорожденному самоуправлению финансовую независимость? Повсюду слышал: «Налоги платим, а с них ничего не остаётся нам самим, для нашей местности». Да, налоги, собираемые с местного имущества, местных предприятий, промыслов, местной торговли, развлекательных заведений, туризма, – должны все оставаться для использования местного (но не по местному произволу, а по предусмотрению закона). И ещё: налоги с залежей местного значения – камни, глины, водяные источники, – однако не недра! Недра и леса общегосударственного значения не принадлежат ни тому счастливчику-селу, ни тому счастливчику-району, области, автономной республике, – нет! Они принадлежат только всему государству в целом! И ещё: успеть бы каким-то испоследним законом остановить «приватизационное» раздаривание местной собственности.

И наконец: не все же новобогаты – с обезумелым волчьим сердцем. Есть же среди них и открытые к благотворению, как это всегда велось на Руси. Среди нововыросших предпринимателей, утвердившихся денежно, есть же и порядочные люди – и они своим благотворением уже помогают добрым начинаниям. А другие – помогут завтра. У тех из них, кто сознаёт ответственность перед судьбой России, есть большие возможности повлиять на качество нашего образования, культуры – а даже и шире того. Да весь народ никогда и не действует как целое; не ото всего сразу народа и ждать начала осмысления и движения. Река начинается с ручейков. Разные частные проблемы пересекаются, сочетаются – так и сольются в одно общее движение.

В нынешние тяжкие годы, когда центральная государственная власть России открыто для всех потеряла благонаправленное управление страной, – Россию нельзя спасти

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsyna@alexander.ru без энергичного, деятельного народного участия.

Если мы сами не готовы к самоорганизации – не на кого нам жаловаться.

Проверка нас самих, чего мы стоим и какой же достойны судьбы.

34. Земская вертикаль

Безотложно созданное местное самоуправление – в дальнейшем может стать основанием для постепенного построения земской вертикали.

В огромной и разнообразной России одна лишь центральная правительственная власть, изливаемая сверху вниз, не может обеспечить благоденствия народа. Необходимо встречное, снизу вверх, влияние.

Ещё в Московской Руси, четыре века назад, существовала система договорных грамот между местом (посёлком, местностью) и вышестоящей властью: что обязано место выполнить и отдать государству, а что обязывается встречно власть. Эти грамоты опубликованы, можно читать их, дивиться и учиться: насколько же мы были 400 лет назад предусмотрительней, обязательней, взаимодоверительней. (Хотя сегодняшняя власть и подписавши бы – станет ли выполнять?)

Так уже в XVI веке в России действовало местное самоуправление – земство. Оно прекращалось при петербургской династии, снова возродилось при Александре II – и живоительно действовало до самой революции. Большевикам эта народная самодеятельность стояла поперёк горла, и они тотчас разогнали земства повсюду. (Но историческая память нашего народа так затемнена, а испуг от прожитых десятилетий так велик, что слышал я: «Что это – земство? А не будут в него загонять, как в колхозы?»)

Земство – это объединение всех людей, живущих в данной местности и имеющих занятие в ней. Объединение вне политическое, вне партийное и вне национальное, оно не может зависеть ни от партийного признака, ни от национального, – иначе оно теряет свой смысл и назначение.

Земская система есть форма народного самоуправления, во всех ступенях своих живо связанная с народными интересами и потребностями. Она сущностно отличается от стандартного парламентаризма и от ныне действующей у нас политизированной избирательной системы – тем, что открывает путь для истинных, достойных представителей народа, постоянно ответственных перед населением избравшей их местности.

Принципиально отличается земство и тем, что принятие в нём решений основывается не на количественном механическом подсчёте голосов, но на качественном сопоставлении мнений и учёте интересов всех представленных социальных групп, сообразно их вкладу в жизненное существование данной местности. Это отличается от современной практики, но соответствует издавней русской традиции обсуждений и решений: от сельской общины и до всероссийского представительства – должна взвешиваться правота доводов, а не число голосов; особые мнения не должны быть просто подавлены голосованием, надо искать формы не простого большинства. Конечно, первое условие тут – благоприятствие взаимных отношений, способность выслушать и понять другого. А без этого – и не начинать, без этого – и никогда ничего доброго у нас не вырастет.

Земская власть полномочна распределять местные средства и – разветвляясь на местную образовательную систему, медицину, сохранение природы, противопожарную службу, аварийную, агрономическую, мелиоративную, дорожное и бытовое строительство, помощь нуждающимся, краеведение, статистическое изучение происходящего и ещё десятки плодоносных направлений – становится, собственно, не властью, как администратор из правительственной вертикали, а органом целящим, восстановительным, воспитательным, убеждающим, открывающим простор для разумных и действенных сил населения.

Поскольку в нынешних условиях земство мыслится для всех видов поселения, встаёт вопрос: как именно может строиться народное самоуправление в крупных городах? Мы не берёмся предлагать, сознаём, что тут недочёт, это требует отдельной основательной разработки. (Начиная с выборности главы ЖЭКа? дворовых, квартальных, уличных комитетов?)

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru
Но в общем виде, для страны, органичны были бы четыре ступени самоуправления: местное – уездное – областное – всероссийское. (Уезд – это устоявшееся русское, очень понятное слово. Сегодня удобно понимать под ним обычный административный район – в отличие от внутригородских «районов» и «микрорайонов».)

При выборе в местное земство (это «сельсоветская» группа деревень или некрупный посёлок) по однородности населения, очевидно, без нарушения справедливости может быть применено обычное количественное голосование. Однако уже в уезде население разнообразно по занятиям и социальным интересам – и следует все главные из них представить в уездном земстве. Это может быть достигнуто издревле известной системой «курий», сословно-корпоративного устройства: однородная группа избирателей шлёт

в выборный орган своего представителя. В низшем земстве, очевидно, достаточно старшины (на оплате) и ещё двух членов правления (без оплаты) при нём. В уезде сама местность, по своим особенностям, устанавливает число членов уездного земского собрания (они – не получают зарплаты за своё участие, они – не чиновники, но радители местного блага, на том и действуют, и лишь исполнительный орган, земская управа, состоит из минимального числа платных служащих). Соответственно то же – и в областном земском собрании (не так, как в нынешних областных законодательных: депутаты состоят на содержании у исполнительной власти, а значит и зависят от неё), и в областной земской управе. Сам земский аппарат не должен заметно обременять земского бюджета.

Та же оговорка и тут: а найдётся ли столько бескорыстных людей, способных отдавать силы и время спасению своей местности? Ну, а если не найдётся – мы не стоим ничего как народ, тогда, в ослаблении, оставим все заботы.

Также в каждой местности, по её традициям и разумению, устанавливается для участия в земстве свой возрастной ценз и ценз оседлости: как для права голосовать, так и для права быть избранным – свой минимальный возраст, обеспечивающий ответственность избирателя, и минимальный срок проживания, обеспечивающий соучастность в делах местности. (При нынешней усиленной миграции – срок проживания в этой местности, вживанья в неё – важное условие. А ещё, мне сейчас толково предлагают на встречах и в письмах: пусть на случай проявленной непригодности будет сильно упрощена процедура отзыва депутата. И этот порядок сам по себе уже есть эффективнейший народный контроль.)

Такая земская система коренным образом решает и национальные осложнения: реальная вненациональность её устраняет подбор управляющих лиц по национальному признаку, как это имеет место сегодня во многих автономиях, даже при меньшинстве «титულიной» нации; напротив, в местах сплочённого множественного проживания какой-либо нации – местное самоуправление естественно формируется главным образом из неё. Так истинная, а не голословная, демократия сама собою снимает межнациональные напряжения. Любые привилегии или стеснения по национальному признаку разрушают самый принцип земства. Национальное же творчество повсюду сохраняет свою особость в отношении религии, культуры, образования, школы. (Может быть, лишь особый уклад жизни пространственно рассеянных малых северных народов Сибири диктует для них – отдельную форму самоуправления.)

В последние годы земское движение уже и начиналось самопроизвольно в разных концах России – да опало, где без поддержки, где от противодействия властей и безденежья.

По мере того как – и если – земство начнёт реально создаваться, его и на местах, и целоохватно (как уже существующие Российское Земское Движение, несколько локальных Земских Союзов) подстерегают новые опасности: и которых ещё нельзя сегодня предвидеть, и уже предвидимые, уже явные. Одна опасность – корыстное использование земского движения политическими партиями и отдельными политиками – как возможного избирательного резерва (такие признаки уже есть). Вторая – создание псевдоземских движений: использование лозунга земства в каких-либо иных целях. Третья: местные воздействия на земский процесс насилиями и угрозами. (Когда я в сибирской поездке призывал слушателей не промахиваться хоть в местных выборах, – ибо в центральных, не зная кандидатов, скорее ошибутся, – мне отвечали: так в местных-то и страшно высказываться, тут мы все на виду, вот и прижмут меня.) Ещё опасность: при нынешней распухлости нравов самоуправление в каких-то местах может стать формой самоуправства.

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru
Введение земской системы не может быть иным, как медленно постепенным, как дерево растёт, не задаваясь никакими искусственными сроками. Лишь после успеха в осуществлении земства местного, допустимо расширять и развивать опробованные методы – для создания земства уездного, позже – и областного. (Ступенчатую систему введения земства в России я и предложил в «Обустройстве».) Развитие ступенчатой системы отнимет немало лет: чтобы каждая ступень имела время освоиться с задачами – и выделить представителей в ступень вышестоящую. (Конечно, и об этой, как и любой другой предлагаемой системе так же возразят: «да всё равно пролезут карьеристы и воры!» Но это – философия отчаяния: тогда вообще не надо ни искать, ни предпринимать ничего, а сразу опустить руки: мы погибли.)

Однако, глядя вперёд в отдалённое время, если и когда Россия приобретёт успехи и навыки в земском самоуправлении, будем надеяться на создание и вершинной системы земства – Общероссийского Земского Собрания (в нашей истории – Земские Соборы). Выросшее из многоместного сознательного, бескорыстного и жертвенного опыта самоуправления, оно с большей вероятностью представит собой действительную волю народа, не ту показную, которую изображают ныне политизированные парламенты. Оно увенчало бы собой всю земскую вертикаль власти – по реальным полномочиям и родам деятельности самую широкую внизу, аверху – с ограничением компетенции, но высоким моральным весом. (По старорусской формуле: «Царю власть – народу мнение». И если это мнение весомо высказано – то им не пренебрежешь. Ключевский отмечает, что в Московской Руси Земские Соборы не противостояли царю, а сотрудничали с ним.)

Такая земская вертикаль, независимо выросши рядом с вертикалью правительственной (у которой наибольшая компетенция наверху, но сильное сужение её книзу), создала бы в России сочетанную власть – государственно-земский строй, – при котором одновременно и сохраняется централизованное государственное управление – и жизнь народа реально направляется им самим. На каждом уровне – местном, уездном, областном и вышем – правительственная вертикаль проверяет земскую на строгое выполнение законов, а земская правительственную – на честность и открытость ведения дел. И президентская власть так же оказалась бы под свестным просвечиванием земской вершины (чего ныне так не хватает нам).

Государство должно строиться одновременно и сверху, и снизу.

35. А сопротивление?

Нынешняя власть упоена своею собственной обогатительной жизнью, и интересы народа для неё – в полном пренебрежении, она их не чувствует, и мало надежды, что почувствует в следующих накатах. Нравственные требования – выше тех, какие можно вставить в любую Конституцию, и конституционная ответственность Правителя не возвышается до публичного признания своих ошибок и провалов.

Олигархия – сплочённая хунта, захватившая и деньги, и национальные богатства, теперь уже и власть, добровольно не допустит никакой смены себе, а понадобится – без колебаний применит для того и выращенные, укрепленные многочисленные внутренние войска.

И напрасны надежды, что нынешняя власть или те, что сменят их через «выборы», заплавленные денежными миллиардами, – позаботятся о судьбе вымирающего народа. Этого – не будет. Нет вредней, как цепляться за иллюзии, они отнимают у нас ещё возможные верные шаги.

И в этом круговом замкнутии – как же нам? Сколько раз я слышал этот настойчивый вопрос в разных углах России. Как стряхнуть с себя обречённую отданность? Как нам преодолеть в себе страх? Во всемирной истории не раз звучал клич отважных: «Свобода или смерть!» Неужели наш удел – лишь стон: «Покорность или смерть...»?

Но чего нельзя, нет, – решать дело оружием. Это значило бы – допоследне развалить нашу жизнь и погубить народ. Оружейные песни не знают доброго конца.

Однако же, кто не видит? – какие-то клоки свободы всё же брошены нам сейчас, допущены – и как же можно не использовать их? Вон, шахтёры как-то пытались создавать «комитеты спасения», независимые от властей. Может быть, и так. Может быть, это и лучшая форма, когда народ доведен уже до крайности. Наше спасение – только в нашем самодействии, возрождаемом снизу вверх.

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsyna@alexander.ru
Ах, если бы, если бы мы были способны к истинному всеобъединению: мирными средствами, но воистину всенародно выразить наш гнев – так, чтобы власти в своём мраморном корыте задрожали и очнулись. В других странах такими массовыми выходами и поворачивают ход своей истории.

А пока не способны, то вот и правило: действуй там, где живёшь, где работаешь! Терпеливо, трудолюбиво, в пределах, где ещё движутся твои руки.

36. Строительное

Множественное большинство русского народа ныне пригнетено своей беспомощностью, ограбленностью, нищетой. Но не уклонимся осознать и страшней: русский народ в целом потерпел в долготе XX века – историческое поражение, и духовное, и материальное. Десятилетиями мы платили за национальную катастрофу 1917 года, теперь платим за выход из неё – и тоже катастрофический. Мы сломали не только коммунистическую систему, но доламываем и остаток нашего жизненного фундамента.

Осознать – не значит принять и покориться. Но значит: опомниться, пока ещё не истекли все сроки. Успеть найти направление выхода и напрячь силы к нему.

А раньше всего – к нашему внутреннему выздоровлению.

Ибо больней и опасней нашего хозяйственного хаоса – наш кризис духовный. Если дать подорвать и душу народа – это уже его уничтожение. «Нечего и братья за восстановление России без совести и без веры» (Ив. А. Ильин).

Если мы действительно способны высвободиться из того примитивного материалистического мироучения, в котором воспитывали нас десятилетиями, что бытие, бытие, бытие определяет сознание, то нам неизбежно понять и принять: будущее наше, и наших детей, и нашего народа – зависит первой и глубинней именно от нашего сознания, от нашего духа, а не от экономики.

Страшней того, как успели разграбить и распродать Россию, – откуда выросло из нас это жестокое, зверское племя, эти алчные грязнохваты, захватившие и звание «новых русских»? с таким смаком и шиком разжиревшие на народной беде? Ведь ещё губительнее нашей нужды – это повальное бесчестие, торжествующая развратная пошлость, просочившая новые верхи общества и изрыгаемая на нас изо всех телевизионных ящиков.

И ещё – эти легкопокупные «киллеры»? (Бог миловал, русского слова для них не нашлось.)

И – где последний рубеж этого скатывания?

И – с кого бы нашей молодёжи брать пример? кем – гордиться?..

Да разве это – мы, какими знаем себя по вековой цепочке? Разве девиз «как можно богаче!» – наша отечественная традиция? Разве напряжённая гонка, так властно охватившая души, – «личный успех!», «лишь бы я преуспел, во что бы то ни стало!» – это наша извечная черта? Да нас веками и высмеивали за то, что нет у нас такой черты.

Так неужели ж этой новой изломной порче – молча отдадим души наших детей? Ведь – уведут их прочь, уведут! Мы уже, уже теряем возраст за возрастом!

Что потеряли мы в землях – это для России ещё не потеря. И после всего отрезанного от нас – населена Россия ещё так прорежено, как не допустит XXI век. «Великими» коммунистическими стройками мы разрушили то, что демографы называют живая ткань расселения. Прежде чем от нас отошли государства с миллионами русских – мы внутри России потеряли саму Россию, «бесперспективную» нашу колыбель.

Нет, не в земельных просторах наш главный понесенный ущерб. Духовная жизнь народа важнее обширности его территории и даже уровня экономического процветания. Величие народа – в высоте внутреннего развития, а не внешнего.

И последнее, что у нас ещё осталось отнять, – и отнимают, и воруют, и ломают ежедневно – сам Дух народа. Вот этой разбойной, грязнящей атмосферой, обволакивающей нас со всех сторон.

За эти четыре года поездив, поездив по России, поглядев, послушав, – заявлю хоть под клятвой: нет, наш Дух – ещё жив! и – в стержне своём – ещё чист! Там, там, на встречах, – не я сказал, мне говорили, меня убеждали: «Только бы спасти душу народа! – и спасётся всё!»

Да. Дух – способен изменить направление любого, наигибельного процесса. Откатить и от самого края бездны. Кому – не поверится. Но кто за жизнь свою уже убеждался в правоте и могуществе Высшей Силы над нами – тот поверит, что и после прокатанного по нам столетия – есть у русских надежда. Не отнята.

Ощутить каждому, что ты – не щепка, что ты можешь повлиять на идущее: когда – через бесстрашие, когда – через выдержку. А иначе – кому же вытягивать? детям? внукам? Да разве им будет легче?

Никогда мы ничего не дождемся от властных благодетелей, прежде чем поверим, что мы сами – исполнители своей судьбы. Только мы сами, если имеем волю не сгинуть с планеты вовсе (а это – грозит), должны своими силами подняться из нынешнего гибельного прозябания. Изменить – само поведение наше: усталое безразличие к своей судьбе.

Как преодолеть нам всегдашний наш порок – косность, вялость в общественной жизни?

Впрочем, всякий порок – оборотная сторона добродетели. Строгий судья русской судьбы Чаадаев писал [письмо Тютчеву]: «Почему же мы до сих пор не осознали нашего назначения в мире? Уж не заключается ли причина этого в том самом духе самоотречения, который Вы справедливо отмечаете как отличительную черту нашего национального характера?» – Может быть, и наше самоотречение, и ещё какие-то ростки душевные кому-то в мире тоже пригодятся?..

* * *

Мой дух, моя семья да мой труд – добросовестный, неусыпный, без оглядки на захлебчивую жадность воровскую, – а как иначе вытягивать? Хоть бы и секира опустилась на воров (нет, не опустится), а без труда всё равно ничего не создастся. Без труда – нет добра. Без труда – и нет независимой личности.

Долог путь, долог. Но если мы опускались едва не целое столетие – то сколько же на подъём? Даже только для осознания всех утрат и всех болезней – нам нужны годы и годы.

Сохранимся ли мы физически-государственно или нет, но в системе дюжины мировых культур русская культура – явление своеобычное, лицом и душой неповторимое. И не пристало нам обречённо отдаваться потере своего лица, ронять дух своей долгой истории: мы больше можем потерять дорогого своего, чем приобрести чужого взамен.

Не нынешнему государству служить, а – Отечеству. Отечество – это то, что произвело всех нас. Оно – повыше, повыше всяческих преходящих конституций. В каком бы надломе ни пребывала сейчас многообразная жизнь России – у нас ещё есть время остаяться и быть достойным нашего нестираемого 1100-летнего прошлого. Оно – достояние десятков поколений, прежде нас и после нас.

И – не станем же тем поколением, которое всех их предаст.

Краткие пояснения

Письмо вождям Советского Союза (сентябрь 1973). – Написано в августе 1973 в Рождестве-на-Истье (под Наро-Фоминском). Письмо было попыткой автора обратить внимание властей на неизбежность народной катастрофы при существующих методах управления. Послано в ЦК КПСС 5 сентября. Никакой реакции властей не последовало. В январе 1974 отправлено для публикации за границу. Напечатано на многих языках, в газетах, журналах и отдельных изданиями. Первое издание по-русски – Париж, YMCA-press, 1974. Первая иностранная публикация – Лондон, Sunday Times, 3.3.1974. В России «Письмо» впервые напечатано в журнале «Диалог», 1990, № 4.

Как нам обустроить Россию? (июль 1990) – Статья написана весной-летом 1990. Напечатана впервые в «Комсомольской правде» и «Литературной газете» 18.9.1990 (общий тираж 27 млн. экз.). Вызвала резкий отклик М.С. Горбачёва и украинских

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsyna@alexander.ru делегатов в Верховном Совете СССР, после чего дискуссии в печати, предполагавшейся издателями, практически не было. Статью в виде брошюры напечатали парижская YMCA-press и несколько издательств в России (Сов. писатель, 1990; Правда, 1990; Патриот, 1991); во Франции (Fayard, 1990); в Германии (Piper, 1990); в Италии (Rizzali, 1990), в США (Farrar, Straus and Giroux, 1991); в Англии (Harper-Collins, 1991); в Дании (Spectrum, 1991); в Польше (Arka, 1991), в Голландии (Dubio Boeken, 1992).

«Русский вопрос» к концу XX века (март 1994). – Статья написана незадолго до возвращения в Россию. Опубликована впервые в «Новом мире», 1994, № 7, затем в «Вестнике РХД», 1994, № 169. Отдельные книжные издания – во Франции (Fayard, 1994); в Германии (Piper, 1994); в Испании (Tusquets, 1994), в США (Pantheon Books, 1994; Farrar, Straus and Giroux, 1995); в Англии (Harvill, 1995); в России (Голос, 1995). В 1994–95 фрагменты статьи печатали периодические издания – Труд, Новое время, Крестьянские ведомости, Русская провинция и др.

Россия в обвале (май 1998). – «Эту книгу я пишу лишь как один из свидетелей и страдателей бесконечно жестокого века России – запечатлеть, что мы видели, видим и переживаем», говорит автор. Он прослеживает государственные, общественные, национальные, нравственные и бытовые процессы, происходившие в России за десятилетие с начала перестройки, и предлагает доступные оценки на будущее. Книга опубликована в изд-ве Русский путь (1998), выдержала 2-е (2002) и 3-е (2009) издания. Издана во Франции (Fayard, 1998); в Корее (Dijain Hausü, 1998); в Испании (Espasa, 1999); а также в Польше, Сербии, Эстонии, Мексике, Японии, Аргентине. Отдельные главы книги перепечатали более тридцати российских периодических изданий.

Примечания

1

Конечно, такое перенесение рано или поздно должно привести к тому, чтобы мы сняли свою опеку с Восточной Европы. Также не может быть и речи о насильственном удержании в пределах нашей страны какой-либо окраинной нации.

2

Сергей Булгаков показал («Карл Маркс как религиозный тип», 1906), что атеизм есть главный вдохновляющий и эмоциональный центр марксизма, всё остальное учение уже наворачивалось вокруг него. Яростная вражда к религии – самое настойчивое в марксизме.

3

С.Ф. Платонов. Смутное время. Прага: Пламя, 1924.

4

Л.А. Тихомиров. Монархическая государственность. Буэнос-Айрес: Русское Слово, 1968.

5

С.Ф. Платонов. Москва и Запад. Берлин: Обелиск, 1926, с. 111–114.

6

С. Зеньковский. Русское старообрядчество. München: Wilhelm Fink Verlag, 1970, с. 290–339.

7

Иван Солоневич. Народная монархия. Буэнос-Айрес: Наша страна, 1973.

8

СМ. Соловьёв. История России с древнейших времен: в 15 кн. М.: Соцэкгиз, 1962–1966. Кн. XI (1963), с. 153.

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru

9

В.О. Ключевский. Сочинения: в 8 т. М.: Госполитиздат, 1956–1959. Т. 4, с. 190, 198.

10

Там же, с. 304.

11

СМ. Соловьёв. Указ. соч. Кн. X, с. 282.

12

СМ. Соловьёв. Указ. соч. Кн. X, с. 547.

13

СМ. Соловьёв. Указ. соч. Кн. XIII, с. 58.

14

Там же, с. 66.

15

В.О. Ключевский. Указ. соч. Т. 4, с. 319.

16

СМ. Соловьёв. Указ. соч. Кн. XIV, с. 54–56.

17

Г.Р. Державин. Сочинения: в 9-ти т. / с объяснительными примечаниями Я. Грота. – 2-е Академическое изд. СПб., 1864–1883. Т. VII (1878), с. 627–632.

18

Иван Солоневич. Народная монархия. Буэнос-Айрес: Наша страна, 1973.

19

В.О. Ключевский. Указ. соч. Т. 5, с. 60.

20

Г.Р. Державин. Указ. соч. Т. VII, с. 718.

21

СМ. Соловьёв. Указ. соч. Кн. XIII, с. 438.

22

Г.Р. Державин. Указ. соч. Т. VII, с. 723–753.

23

История XIX века: в 8-ми т. / Под ред. проф. Лависса и Рамбо. М.: ОГИЗ, 1938–1939. Т. 1, с. 125–140.

24

Лависс, Рамбо. Указ. соч. Т. 2, с. 269.

25

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru
В.О. Ключевский. Указ. соч. Т. 5, с. 454–455.

26

Лависс, Рамбо. Указ. соч. Т. 2, с. 351–352.

27

Лависс, Рамбо. Указ. соч. Т. 3, с. 163.

28

В.О. Ключевский. Указ. соч. Т. 5, с. 272, 275, 460–461.

29

Там же. С. 273, 278–279.

30

Лависс, Рамбо. Указ. соч. Т. 4, с. 373–376.

31

Лависс, Рамбо. Указ. соч. Т. 5, с. 212.

32

Там же. С. 212, 220.

33

Русский вестник. Москва, май 1896.

34

Лависс, Рамбо. Указ. соч. Т. 5, с. 227, примеч. Е. Тарле.

35

В.О. Ключевский. Указ. соч. Т. 5, с. 283–290, 390.

36

Лависс, Рамбо. Указ. соч. Т. 6, с. 73.

37

Лависс, Рамбо. Указ. соч. Т. 6, с. 81.

38

Лависс, Рамбо. Указ. соч. Т. 8, с. 297.

39

Из дневника Л. Тихомирова // Красный архив. Москва, Т. 74 (1936), с. 175.

40

Лависс, Рамбо. Указ. соч. Т. 7, с. 417–418.

41

История Сибири с древнейших времён до наших дней: в 5 т. Л.: Наука. Т. 2, 1968, с. 99.

- Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru
42
Там же, с. 55.
- 43
История Сибири с древнейших времён до наших дней: В 5 т. Л.: Наука. Т. 2, с. 181–282.
- 44
Там же, с. 323–331, 343–353.
- 45
Э.Б. Криггер–Войновский. Записки инженера. [Всероссийская Мемуарная Библиотека. Вып. 4. М.: Русский путь, 1999. – Ред.]
- 46
Из дневника Л. Тихомирова // Красный архив. Москва, Т. 74 (1936), с. 165–177.
- 47
Красный архив. Т. 38 (1930).
- 48
Слово. СПб, 1909, 9 (22) марта.
- 49
Переписка В.В. Розанова и М.О. Гершензона // Новый мир. 1991, № 3, с. 227.
- 50
Н.А. Бердяев. Философия неравенства. Париж: ИМКА-пресс, 1923, с. 20.
- 51
Время и мы. Нью-Йорк, № 116, с. 216.
- 52
Документы внешней политики СССР. М.: Госполитиздат. Т. III (1959), с. 675.
- 53
Документы внешней политики СССР. М.: Госполитиздат. Т. III, с. 664–665, 676–681.
- 54
Там же. Т. IV, с. 774.
- 55
В.П. Полеванов. Технология великого обмана. М., 1995, с. 8–17
- 56
«Общая газета», 19.9.1996, с. 4.
- 57
«Известия», 30.8.1997, с. 1.
- 58
Financial Times, 1.11.1996.

59

«Независимая газета», 11.3.1998, с. 3.

60

В.И. Котов. – В сб.: Русский народ: Историческая судьба в XX веке. М., АНКО, 1993, с. 79.

61

«Аргументы и факты», 26.6.1994.

62

«Экспресс-хроника», 28.7.1992.

63

«Общая газета», 13.11.1997, с. 3.

64

«Общая газета», 27. 2.1997.

65

В.И. Козлов. – В сб.: Русский народ.. с. 66.

66

«Иностранец», 16.4.1997; Е. Ихлов, раздел «Идеологемы».

67

Можно дополнить особым договором с Украиной, что русские на Украине, как и украинцы в России, – полноправны и не подлежат никаким ограничениям. А с Белоруссией как будто намечается единый союз?

68

«Слово», 10.3.1909.

69

В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 457–460.

70

А.В. Луначарский. О преподавании истории в коммунистической школе. Пг., 1918, с. 6.

71

Он же. – В сб.: Проблемы народного образования. М., 1923, с. 103.

72

А.Н. Яковлев. – «Литературная газета», 15.11.1972.

73

А. Янов. Русская идея и 2000-й год. N.Y., Liberty Publishing House, 1988, с. 216.

74

Русский вопрос на рубеже веков. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru
А. Каценелинбойген. – «Время и мы», 1987, № 99, с. 108, 118, 124.

75
«Знамя», 1990, № 1, с. 212–215.

76
«Советская Россия», 10.1.1998, с. 2.

77
Еврейская Энциклопедия. Т. 14. СПб., Издание Общества для Научных Еврейских Изданий и Издательства Брокгауз-Ефрон, с. 404.

78
Там же. Т. 3, с. 480.

79
А.Г. Кузьмин. – В сб.: Русский народ... с. 28–30, 35.

80
Октябрьская революция перед судом американских сенаторов. М. – Л., ГИЗ, 1927, с. 18.

81
«Общая газета», 22.1.1998, с. 15.

82 «Общая газета», 31.12.1997, с. 10.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://solzhenitsynalexander.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!